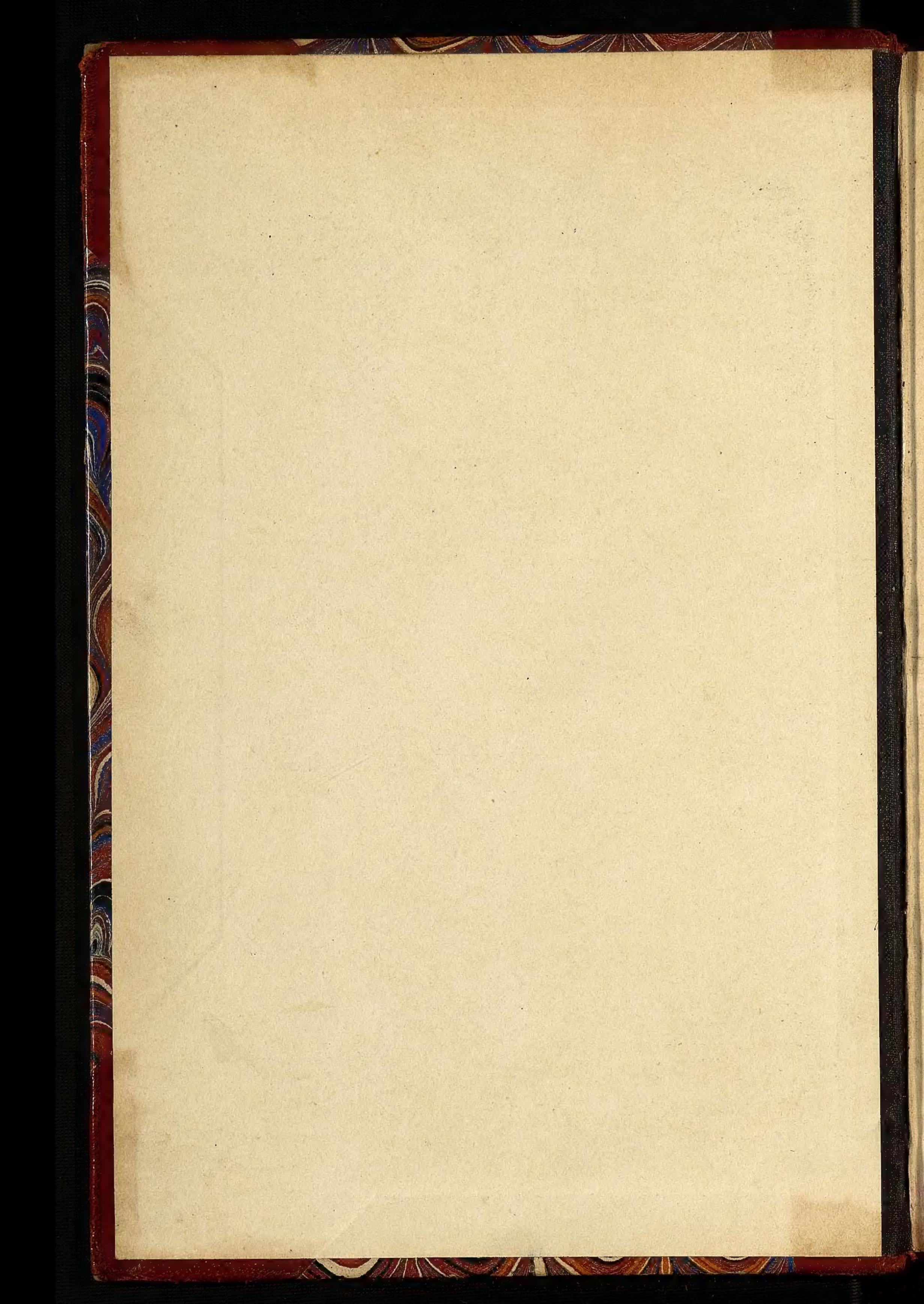
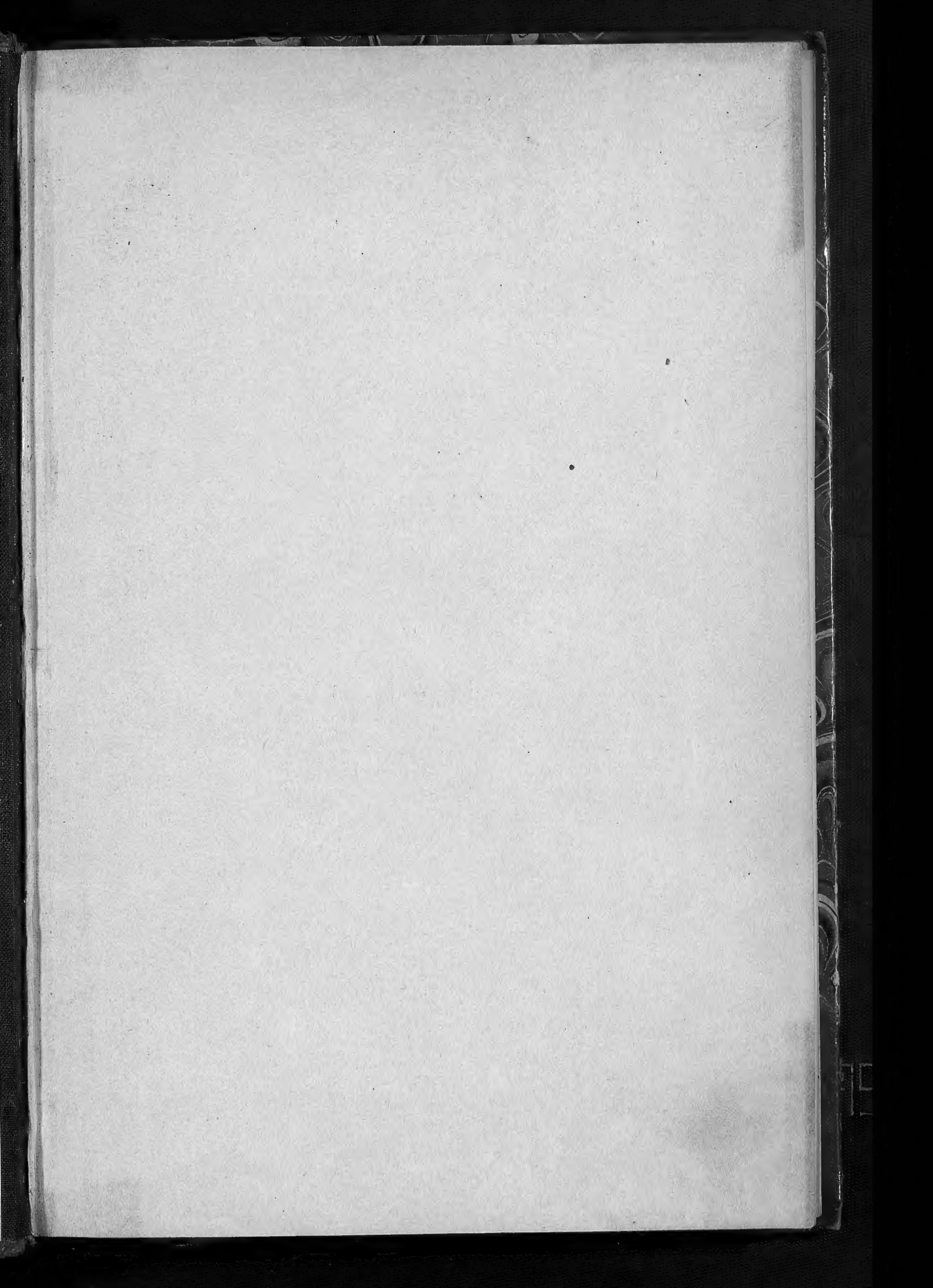
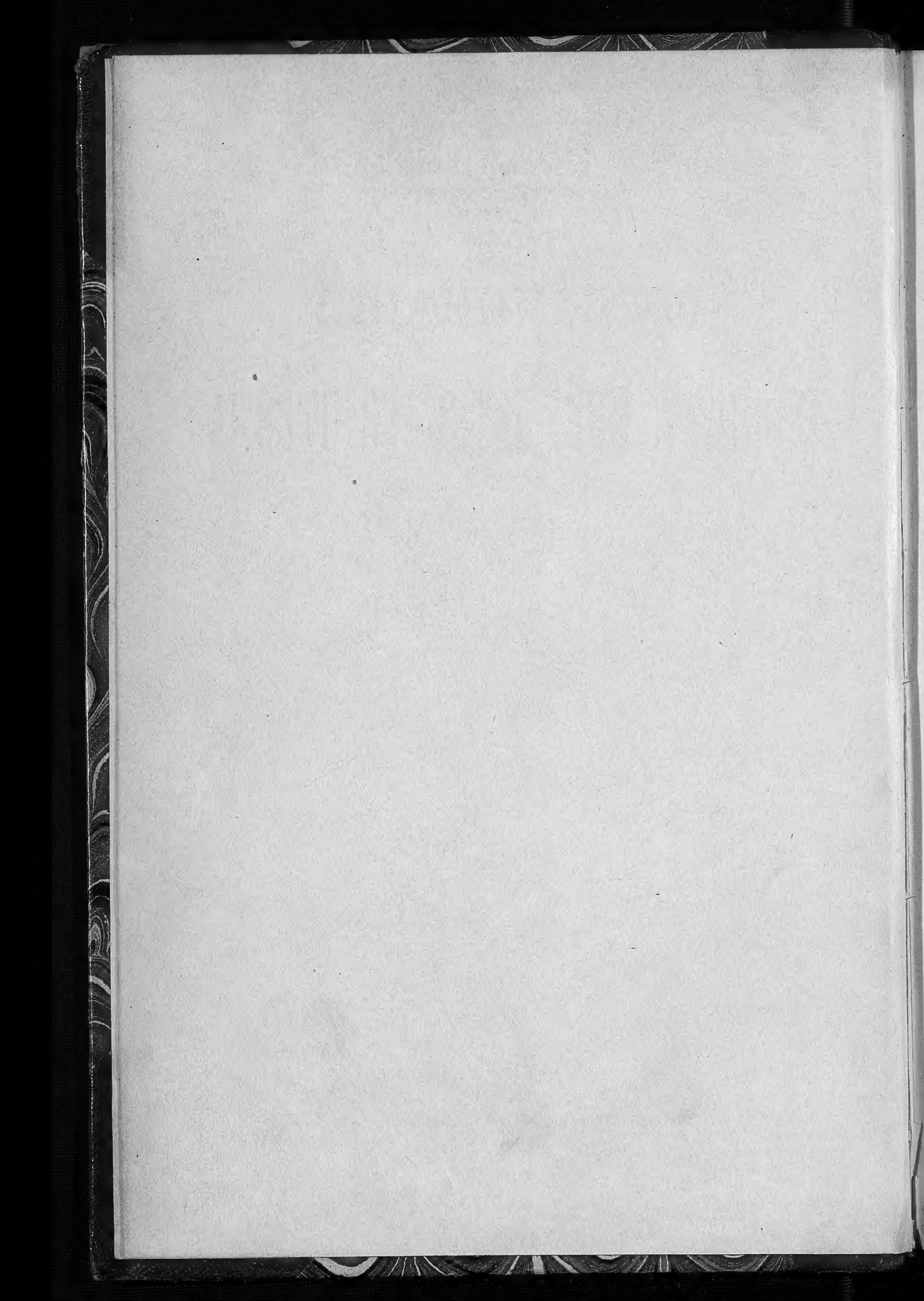

Многоуважаемому Александру Ивановичу Медведеву
на добрую память
от автора
6 Янв. 1904 г.
г. Петербург

Б. Колюбакинъ

ВОСПОМИНАНІЯ ОФИЦЕРА КОБУЛЕТСКАГО ОТРЯДА

въ кампанію 1877—78 гг.

НОВОЕ ИЗДАНІЕ,

дополненное обзоромъ театра войны, новыми картами и планами и иллюстрированное портретами, сценами, видами и типами.

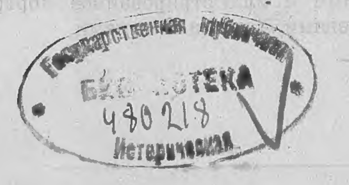
Издалъ В. Березовскій

С.-Петербургъ, Колокольная улица, собств. домъ № 14.

1897.

672

Дозволено цензурою. Спб., 11 декабря 1896 г.

Спб.—Типографія Э. Арнгольда, Литейный пр. № 59.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

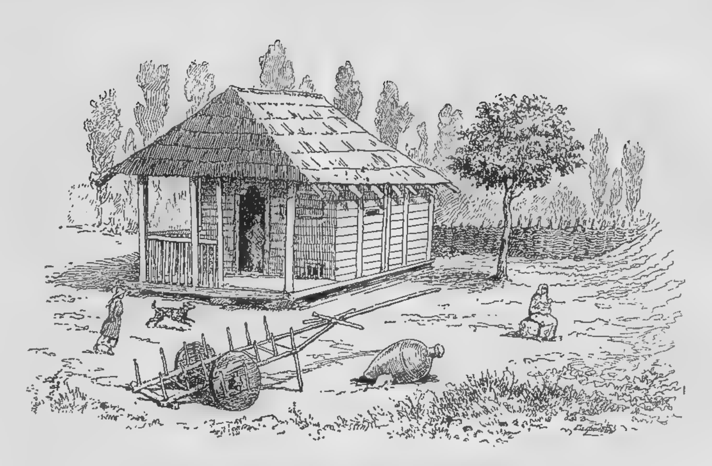
Предлагаемыя воспоминанія печатались въ „Военномъ Сборникѣ“ въ 1883 — 84 и 85 гг. подъ именемъ „Кобулетскій отрядъ въ кампанію 1877—78 гг.“ и тогда же выпущены въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляровъ, отдѣльнымъ изданіемъ, быстро разошедшимся.

Въ томъ-же 1885 г. авторъ доставилъ намъ цѣлый рядъ не бывшихъ прежде приложенныхъ прекрасныхъ плановъ и картъ и новую цѣлую главу, заключающую описаніе театра дѣйствія Кобулетскаго отряда. Это обстоятельство, а также и частыя требованія войскъ и отдѣльныхъ лицъ разошедшагося изданія, побудили насъ предпринять второе изданіе въ томъ же 1885 г., но, отпечатавъ планы, мы, по независящимъ обстоятельствамъ, остановили изданіе и предприняли его вновь только въ настоящее время, когда авторъ, дополнивъ его указаннымъ и вновь исправивъ его, предложилъ еще и иллюстрировать подлинными портретами, а также типами и бытовыми сценами, рисованными съ натуры художникомъ Артуромъ Ванюра, бывшимъ при отрядѣ специальнымъ корреспондентомъ нѣмецкаго журнала „Über Land und Meer“. Такъ какъ планы и карты были напечатаны еще въ 1885 году, то они сравнительно съ книгою естественно не отличаются свѣжестью, но перепечатаніе ихъ увеличило бы стоимость изданія, что было нежелательно.

Такимъ образомъ въ новомъ изданіи воспоминанія эти являются значительно дополненными, исправленными и снабженными взятыми прямо съ натуры многими иллюстраціями, способствующими, вмѣстѣ съ описаніемъ, возможно близкому къ истинѣ представленію всѣхъ условій и обстоятельствъ веденія войны въ этой интересной по своей природѣ полосѣ Черноморскаго прибрежья, гдѣ своеобразнымъ условіямъ устройства поверхности, флорѣ и климату—отвѣчаетъ и столь особенное,—оригинальное населеніе.

В. Березовскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Крестьянскій Гурійскій домъ.

I.

Четыре мѣсяца въ Гуріи наканунѣ войны.

Слухи о предстоящей войнѣ съ Турціей къ осени 1876 года превратились въ приготовленія. Кавказская армія на всемъ протяженіи границъ нашихъ съ Анатоліей сосредоточивалась въ трехъ главныхъ пунктахъ, различныхъ по своей природѣ, жителямъ, климату и характеру предстоящихъ военныхъ дѣйствій, а именно: въ Эривани, въ Александрополѣ и наконецъ въ бассейнѣ Ріона, въ Древней Колхидѣ.

Судьба назначила мнѣ послѣдній пунктъ, и я получилъ назначеніе вести орудія на вооруженіе города Озургетъ, этого отдаленнаго пункта нашихъ владѣній на Западномъ Кавказѣ, и на время войны мнѣ предстояло завѣдывать вооруженіемъ этого города, для чего я и долженъ былъ доставить восемь орудій.

Простившись со всѣми близкими сердцу и кончивъ несложное свое снаряженіе, состоявшее главнымъ образомъ во вьючныхъ сундукахъ, исправномъ сѣдлѣ и тепломъ сюртукѣ, я, въ концѣ декабря, выѣхалъ изъ Тифлиса и въ началѣ января былъ уже на мѣстѣ, проѣхавъ до ст. Самтреди по желѣзной дорогѣ, а далѣе по шоссе до самыхъ Озургетъ.

Дорога отъ Самтреди до Озургетъ весьма интересна; здѣсь уже господствуетъ природа при-Ріонскаго края. Эта природа поражаетъ и очаровываетъ путника даже зимой: чувствуешь какую то необычайную мягкость воздуха, которая нѣжитъ въ то время, какъ взоръ наслаждается видомъ равнины, которая недаромъ называется «вѣчно-зеленѣющей».

Этотъ вѣчно зеленый характеръ пейзажа даютъ Ріонской долинѣ неувядающія растенія, которыя по склонамъ окрестныхъ горъ образуютъ иногда цѣлыя заросли: рододендры, мирты, лавры, плющи, кипарисы и хвои соперничаютъ другъ передъ другомъ свѣжестью красокъ; другія же лиственныя деревья, хотя и оголены отъ листвы, но за то перевиты темными прядями плюща.

Направо и налѣво отъ дороги большіе участки полей и садовъ. Навстрѣчу то и дѣло показываются стройныя фигуры туземныхъ жителей въ ихъ живописныхъ костюмахъ. Жители края по благородному типу лица невольно наводятъ на мысль, что въ этой картвельской расѣ находится большая примѣсь италіанской и греческой крови; недаромъ все прибрежье древности было усѣяно греческими и италіанскими колоніями.

На восьмой верстѣ отъ Самтреди находится мѣстечко Орпири, раскинувшееся у самаго берега Ріона, населенное скопцами и знаменитое классическими лихорадками: разсказываютъ, что лихорадки трясутъ здѣсь даже куръ.

У Орпиръ я переправился по новому, только что открытому мосту на каюкахъ. Вотъ и древній Фазисъ, на которомъ когда то существовало пароходство. Широкой, свѣтлой лентой бѣжитъ онъ въ зеленыхъ берегахъ, замыкаясь по ту сторону красивой панорамой Чахатаурскихъ горъ, а за ними рисуются снѣжные хребты Аджаріи. За Ріономъ дорога подымается въ гору на Чахатаурскій перевалъ и спускается къ мѣстечку Нагомари.

Въ Нагомари я навѣстилъ офицеровъ батареи, тамъ стоявшей.

Чины батареи стояли въ палаткахъ и, въ ожиданіи обѣщанныхъ бараковъ, проклинали край съ его сыростью и лихорадками и далеко не раздѣляли моихъ восторговъ: «поживете и во всемъ этомъ разочаруетесь», увѣряли они меня.

Въ Озургеты въѣхалъ я почти незамѣтно; задолго до города начались поля и сады, изъ которыхъ мѣстами выглядывали домики; дальше домики стали показываться чаще, еще дальше они начали превращаться въ лавки и магазины и обратились наконецъ въ сплошную улицу: это былъ городской базаръ. Направо и налѣво отъ базара, мѣсто значительно выше, какъ бы берега рѣки, русло которой образуетъ базарная улица *).

Направо на возвышеніи чернѣется четырехъ-этажная казарма мѣстнаго баталіона, Ермоловской еще постройки, пережившая и временное турецкое пребываніе въ Озургетахъ въ прошлую войну. Направо же находится и главная городская площадь, застроенная домами мѣстной интелигенціи и вліятельныхъ особъ города, преимущественно князей Гуріелей. На той же площади находятся двѣ церкви: русская военная и гурійская, обѣ православныя, но въ гурійской богослуженіе отправляется на туземномъ языкѣ.

Облачившись въ форму, я пустился на поиски начальника отряда генералъ-маіора Цытовича, командира 2-й бригады 41-й пѣхотной дивизіи. Мнѣ сказали, что онъ обѣдаетъ у кордоннаго начальника, полковника князя Григорія Давидовича Гуріеля. Домъ князя Гуріеля находился на горѣ и былъ видѣнъ отовсюду; дорога къ нему идетъ между садами; видъ съ горы, на которой находился домъ, чудесный. Прямо передъ домомъ група высотъ Экадіо, гдѣ устраивался барачный лагерь отряда; лѣвѣе г. Экадіо долина р. Бзуджи, отдѣляющая городъ отъ высотъ.

Долина Бзуджи замыкается горами, и эти горы уже Турція... Взойдя на балконъ, я увидалъ черезъ окна длинный обѣденный столъ и большое общество.

Я приказалъ о себѣ доложить, дождался генерала, представился ему и представилъ свѣдѣніе объ артилеріи, мною доставленной и назначенной на вооруженіе города. По уходѣ генерала Цытовича, я уже думалъ идти назадъ и началъ было спускаться внизъ, когда ко мнѣ на балконъ вышелъ полковникъ, съ сѣдой бородой, съ необычайно пріятными и симпатичными чертами лица и, открывъ двери, пригласилъ меня войти: «прошу войти и закусить», прибавилъ онъ радушно. Я догадался, что это долженъ былъ быть хозяинъ дома, мѣстный гурійскій князь, начальникъ кордонной линіи нашей, князь Григорій Давидовичъ Гуріель, о которомъ еще въ Тифлисѣ слышалъ много хорошаго.

---

*) Мѣсто, занятое базаромъ, и было прежде русломъ рѣки Бзуджи, отведенное недавно самими жителями по новому направленію.

Отличный обѣдъ, состоявшій на половину изъ блюдъ мѣстной кухни, съ прекраснымъ мѣстнымъ блѣднорозовымъ виномъ, былъ мнѣ совсѣмъ кстати.

Обѣдающее общество состояло изъ начальника отряда генералъ-маіора Цытовича, роднаго брата хозяина, князя Левана Гуріеля (также генералъ-маіора русской службы), командира 1-го пластунскаго баталіона полковника Козелкова, князя Цулукидзе, гурійскаго помѣщика, многихъ другихъ родственниковъ князя, мѣстныхъ князей и двухъ военныхъ инженеровъ штабсъ-капитановъ Каргера и Герасимова, жившихъ въ домѣ князя и занятыхъ устройствомъ барачнаго лагеря, сообщеніями въ краѣ и укрѣпленіями, воздвигаемыми на г. Экадіо и въ самыхъ Озургетахъ.

По окончаніи обѣда хозяинъ дома пригласилъ меня къ нему переселиться и жить у него, пока моя служба меня удерживаетъ въ Озургетахъ: «комнатъ много, выбирайте любую!» Я охотно переселился изъ духана, а къ вечеру окончательно устроился въ предложенной комнатѣ.

На третій день моего пріѣзда, погода измѣнилась къ худшему и пошелъ дождь, лившій потомъ почти два мѣсяца безпрерывно. Какъ Озургеты, такъ и окрестности приняли некрасивый видъ: вездѣ грязь, вода, сырость. Съ перемѣной погоды начались и мои разочарованія въ прелести жизни въ Гуріи; эти непрерывные дожди, казалось, могутъ свести человѣка съ ума. Дѣло дошло разъ до наводненія и вся нижняя часть города была затоплена хлынувшей водой; по шоссе вода шла на 1 ½ аршина высоты; всѣ рѣченки вышли изъ своихъ береговъ и шумѣли. Причина наводненія нижней части города была очень простая; отъ непрерывныхъ сильныхъ дождей въ Бзуджѣ была такая прибыль воды, что часть ея направилась по своему старому руслу, размывъ прегражденія. Вечера я проводилъ въ обществѣ князя Григорія Давидовича.

Если у кого лицо есть зеркало души, такъ это безспорно у князя Григорія: глубоко симпатичная, почтенная и благородная наружность его отражала на себѣ его гуманную и рыцарскую душу. Любовь къ ближнему, широкое гостепріимство, снисходительность къ людямъ и ихъ недостаткамъ, уваженіе къ наукамъ, страсть къ чтенію, не смотря на свои преклонные годы, отсутствіе всякаго честолюбія, ничтожныя заботы о своемъ собственномъ благоустройствѣ и благополучіи,—вотъ отличительныя черты этого «не нашего времени» человѣка. Въ своемъ огромномъ домѣ онъ занималъ одну комнату, ничѣмъ не убранную, ничего—кромѣ самаго необходимаго, всего того, что помѣстится въ палаткѣ походнаго человѣка.

въ краѣ между гурійцами и турками онъ пользовался огромнымъ уваженіемъ и особенно любимъ былъ простымъ народомъ. Полъ жизни провелъ онъ въ походахъ и разъѣздѣ по кордону. Князь любилъ также вспомнить старину, разсказывать о прошлой кампаніи, въ которой игралъ видную роль и за которую, между прочими наградами, получилъ Владиміра 4-й ст. съ мечами и бантомъ. Этотъ орденъ покойный Государь самъ повѣсилъ ему на грудь.

Князь Григорій Гуріель.

Вотъ какъ было это дѣло, которое онъ мнѣ разсказывалъ съ особымъ благоговѣніемъ къ покойному Государю: «я вѣрю въ сны», говорилъ князь; «это было наканунѣ Нигоитскаго дѣла: я вздремнулъ и во снѣ увидѣлъ Государя, который со мной говорилъ». «Слѣдующій день былъ славный для русскаго оружія; мы разбили турокъ на голову, и я, вмѣстѣ съ другими, былъ посланъ въ С.-Петербургъ представиться Государю Императору».

«Сонъ сбылся на яву: я увидѣлъ Государя, который ласково со мной говорилъ, благодарилъ меня за то, что я хорошо говорилъ по русски, и, снявъ съ военнаго министра орденъ св. Владиміра 4-й ст. съ мечами и бантомъ, самъ повѣсилъ его мнѣ на грудь».

При князѣ состояло въ услуженіи нѣсколько преданныхъ ему гурійцевъ, украшенныхъ знаками отличія военнаго ордена, завѣдывавшихъ различными отраслями его хозяйства и бывшихъ неизмѣнными спутниками его странствованія: то по кордону напрямки черезъ горы, то по турецкой Гуріи, куда онъ сопровождалъ лицъ, назначаемыхъ отъ нашего правительства. Лица эти переодѣвались, а онъ безнаказанно совершалъ эти походы (поѣздки) въ мундирѣ русскаго полковника и вездѣ, въ самыхъ антирусскихъ мѣстностяхъ бывшаго Лазистанскаго санджака, его встрѣчали съ почетомъ и довѣріемъ.

Январь мѣсяцъ всецѣло былъ поглощенъ дѣятельными приго-

товленіями, которыя для ріонскаго отряда заключались частью въ сосредоточеніи отряда въ Озургетахъ и его окрестностяхъ, какъ исходной базы будущихъ операцій нашихъ въ Лазистанскомъ санджакѣ, частью въ укрѣпленіи высотъ, окружающихъ городъ, и другихъ пунктовъ, лежащихъ на пути наступленія изъ Турціи на Озургеты и въ устройствѣ на высотахъ Экадіо укрѣпленнаго барачнаго лагеря.

Не смотря на проливные дожди и соединенныя съ ними послѣдствія, фортификаціонныя и инженерныя работы, руководимыя двумя инженерными офицерами, моими сожителями въ домѣ князя Григорія, шли своимъ чередомъ: укрѣпленія росли и одѣвались, частные дома приспособлялись къ госпиталямъ и складамъ боевыхъ и жизненныхъ припасовъ; черезъ рѣчку Бзуджу, отдѣляющую Озургеты отъ высотъ Экадіо, перекинутъ солидный на устояхъ мостъ и отъ него проводились грунтовыя дороги до барачнаго лагеря.

Въ описываемую эпоху отрядъ былъ сосредоточенъ на границѣ Гуріи и главнымъ образомъ въ Озургетахъ, а именно: баталіонъ александропольцевъ, 2-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ, 1-й пѣшій пластунскій баталіонъ, Гурійская пѣшая дружина, восемь орудій 1-й батареи 41-й артиллерійской бригады и восемь позиціонныхъ орудій, мною доставленныхъ и въ моемъ вѣдѣніи находившихся, въ Озургетахъ. Остальные три баталіона александропольцевъ и понтонный паркъ были расположены въ Николаевскѣ; Ленкоранскій пѣхотный полкъ при восьми орудіяхъ 2-й батареи 19-й артилерійской бригады—въ мѣстечкѣ Нагомари; Кутаисскій конно-иррегулярный полкъ и 2-й кавказскій саперный баталіонъ—въ мѣстечкѣ Орпири.

Части отряда, стоявшія въ самыхъ Озургетахъ, въ срединѣ января были переведены въ общій укрѣпленный и барачный лагерь на высотахъ Экадіо, командующихъ Озургетами и ихъ окрестностями и находившихся на узлѣ путей въ Турцію. Такое положеніе высотъ ясно указывало на ихъ стратегическое значеніе, вотъ почему уже въ январѣ 1877 года на высотахъ находился родъ укрѣпленнаго барачнаго лагеря *).

Укрѣпленія лагеря и города состояли въ слѣдующемъ: впереди барачнаго лагеря люнетъ на четыре орудія и для пѣхоты; на самой

*) Высоты Экадіо отъ Чолока всего въ трехъ верстахъ, но это только по направленію на ближайшій пограничный постъ Чолокскій; по направленію же на другіе пограничные посты разстояніе это больше, а именно: до Богильскаго поста 19 верстъ и до Лельскаго 22; но, во всякомъ случаѣ, дороги къ этимъ постамъ пролегали по гребню Экадіо, отходящему къ юго-западу.

возвышенной точкѣ высотъ Экадіо укрѣпленіе на четыре орудія; внизу въ долинѣ рѣчки Бзуджи, у такъ называемаго казачьяго поста, гдѣ отходила ближайшая къ пограничному Чолоку дорога, редутъ на четыре орудія и для пѣхоты. Редутъ этотъ, расположенный на низменности, въ одной верстѣ разстоянія отъ подошвы Экадіо, составлялъ крайній лѣвый флангъ укрѣпленной позиціи. У провіантскаго магазина, расположеннаго на возвышенной площадкѣ на краю дороги, что на правомъ флангѣ укрѣпленной позиціи, укрѣпленіе на два орудія и, кромѣ того, непосредственно въ самомъ городѣ, на краю его, обращенномъ къ дорогамъ, ведущимъ

Гурійская дружина, возвращающаяся съ ученья.

изъ Турціи, на высотѣ, въ саду дома князя Григорія Гуріеля, было насыпано укрѣпленіе на два орудія. Укрѣпленіе это обстрѣливало доступы къ мосту черезъ рѣчку Бзуджу, самый мостъ, а также фланкировало подступы къ редуту на казачьемъ посту. Фруктовый и виноградный садъ князя Гуріеля, примыкавшій непосредственно къ дому, съ батареею на одномъ концѣ и обрамленной траншеею, имѣлъ видъ чрезвычайно оригинальный.

На описанныхъ батареяхъ, орудій, назначенныхъ на ихъ вооруженіе, нигдѣ не стояло; батареи эти могли быть заняты только по тревогѣ, смотря по обстоятельствамъ и согласно направленію наступ-

ленія турокъ. Пока же всѣ восемь стальныхъ 4-хъ-фунтовыхъ круповскихъ пушекъ, названныхъ въ приказахъ по гурійскому (или ріонскому) отряду—позиціонными орудіями, стояли общимъ паркомъ въ Озургетахъ. Къ нимъ назначены восемь наводчиковъ и четыре фейерверкера отъ батарей 41-й бригады; прислуга же отъ 161-го Александропольскаго пѣхотнаго полка.

Зима въ Гуріи въ описываемое время была болѣе, чѣмъ непривлекательна. Хотя нѣжный климатъ страны и избавлялъ ее на все зимнее время отъ сильныхъ холодовъ, но зато непрерывные дожди, смѣнявшіеся изрѣдка снѣгомъ, отсутствіе солнца по цѣлымъ мѣсяцамъ, сырость и послѣдствія всего этого, лихорадки, — все это составляло всегда особенность стоянки войскъ въ Гуріи. Барачный лагерь на г. Экадіо, въ 2—3 верстахъ всего отъ Озургетъ и въ стольких же отъ турецкой границы, представлялъ зимой мѣсто почти недоступное по грязнымъ и топкимъ къ нему дорогамъ. Орудія и лошади батарей располагались въ невылазной грязи; лошади стояли, кромѣ того, на открытомъ воздухѣ и были подвержены всѣмъ перемѣнамъ погоды. Коновязи, безпрестанно мѣнявшія свои мѣста, утопали въ грязи; все это способствовало развитію мокрецовъ. Немыслимо было производство какого либо ученія или проѣздокъ; путешествіе лошадей на водопой представляло сложную операцію.

Не лучше было и положеніе пѣхоты на Экадійскихъ высотахъ (одинъ баталіонъ 161-го Александропольскаго, 2-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ, пластунскій баталіонъ и Гурійская пѣшая дружина). Тѣ же причины мѣшали ученьямъ и нагоняли страшную тоску.

Фуражное довольствіе въ Гуріи имѣетъ также свои особенности: отсутствіе сѣна, ячменя и овса. Казалось бы, чѣмъ же тогда довольствовать лошадей? Сѣно замѣняетъ «чала», стебли проса и болѣе грубая чала — стебли кукурузы. Чала — пища безспорно хорошая, здоровая и лошади ѣдятъ ее охотно. Зерновой фуражъ состоитъ изъ кукурузы, которую какъ русскія лошади, такъ черноморы, донцы, кабардинцы и карабахи, за немногими исключеніями, ѣдятъ неохотно; въ молотомъ видѣ она идетъ лучше *).

Такимъ образомъ, зимняя стоянка отряда, сосредоточеннаго въ Озургетахъ, представляла цѣлый рядъ лишеній.

Хорошіе дни были очень рѣдки, но если они выпадали, то ими уже пользовались вполнѣ. Въ одинъ изъ такихъ рѣдкихъ дней мнѣ

*) Впослѣдствіи, по переходѣ границы, интендантство доставляло ячмень, овесъ и сѣно; доставка производилась изъ Одессы, Керчи и Таганрога.

удалось побывать за границей и познакомиться съ Али-пашей Тавдгеридзе, при помощи нѣкоего «Пирана Беридзе».

Пиранъ Беридзе былъ въ числѣ лицъ, окружавшихъ князя Григорія Гуріеля; гуріецъ по происхожденію, имѣвшій многочисленную родню въ Чурукъ-Су (Нижніе Кобулеты, на берегу моря), самъ онъ былъ православный и служилъ русскому правительству. Онъ изъѣздилъ вдоль и поперекъ весь бывшій Лазистанскій санджакъ и турецкую Гурію, побывалъ и въ Аджаріи, и въ дикой, неизвѣстной Мачакель, а потому прекрасно зналъ територію басейна Чороха. Онъ носилъ форму прапорщика милиціи и имѣлъ всѣ четыре знака отличія Военнаго ордена. Невзрачный на видъ, съ какимъ-то скрипучимъ голосомъ, въ неизмѣнной бѣлой черкескѣ, это былъ человѣкъ драгоцѣнный въ дорогѣ и въ походѣ. Онъ былъ уже очень не молодъ, но въ походѣ и на лошади, не уступалъ и 20-ти-лѣтнему юношѣ. Словомъ это былъ одинъ изъ тѣхъ типовъ, которые образуются на порубежной границѣ нашихъ владѣній съ Азіей.

И вотъ въ одинъ изъ февральскихъ дней, когда сѣрое небо временно не проливало на землю обычныхъ дождей, я увидѣлъ Пирана, съ которымъ уже успѣлъ познакомиться, куда-то собиравшагося и хлопотавшаго около своей маленькой бѣленькой лошадки.

— «Куда это, Пиранъ?

— «Къ Али-пашѣ, на Чолокскій постъ; не хочешь-ли со мной?

Онъ всѣмъ говорилъ «ты».

— «Мы скоро вернемся, съѣздимъ на полчаса и сейчасъ же назадъ».

Предложеніе Пирана было болѣе чѣмъ заманчиво.

Мысль ступить на турецкую землю, увидѣть пашу, типы турецкихъ солдатъ и ихъ бытъ, и видѣть все это наканунѣ военныхъ дѣйствій, до того подстрекнула меня, что я рѣшился поѣхать съ нимъ, тѣмъ болѣе, что отъ Озургетъ до Чолокскаго поста было всего около семи верстъ.

Черезъ 10 минутъ, вдвоемъ съ Пираномъ, мы уже подвигались рысью по дорогѣ на Чолокскій постъ. Мы подъѣхали незамѣтно къ берегу мутнаго, покрытаго зарослями Чолока и, свернувъ налѣво, очутились у небольшаго досчатаго домика, бывшаго нашимъ русскимъ Чолокскимъ постомъ; подбѣжавшій пластунъ взялъ нашихъ лошадей и мы вошли въ домикъ.

Комнаты этого домика имѣли плачевный видъ, да и весь домикъ былъ похожъ на балаганчикъ, только что сколоченный предпріимчивымъ отряднымъ маркитантомъ: отовсюду дуло, сквозило и

лило. Мѣсто кругомъ было гнилое и сырое и очевидно провести зиму на кордонѣ было далеко не весело.

Пластуны занимали кордонъ только съ зимы 1876 года и установили нѣкоторый на немъ порядокъ; по словамъ жителей и особенно гурійскихъ помѣщиковъ, прекратились разбои и конокрадство.

Съ Чолокскаго поста къ намъ присоединился офицеръ пластуновъ, пославшій казака предупредить начальника турецкаго поста о прибытіи гостей.

Турецкій офицеръ, начальникъ поста, по словамъ офицера-пластуна, былъ простой, добродушный турокъ, съ которымъ онъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ.

Теперь уже втроемъ, въ сопровожденіи пластунскаго урядника и трехъ казаковъ, мы перебрались въ бродъ черезъ жалкій, но историческій ручей Чолокъ. Вода едва доходила лошадямъ до колѣнъ; казаки-же перешли его пѣшими.

Начинавшій моросить дождь и туманъ мѣшали различать окрестности, хотя прямо передъ нами и нѣсколько влѣво вырисовывалась зеленая и высокая масса горы Джиханджири. Между тѣмъ на возвышеніи показался и турецкій домикъ съ красной черепичной крышей; у дома стоялъ часовой въ синемъ мундирѣ и фескѣ и сдѣлалъ на караулъ. У входа-же стояла толпа любопытныхъ солдатъ и баши-бузуковъ, изъ которыхъ большинство приложило правую руку къ головѣ. Лошадь мою принялъ урядникъ; пластуны всѣ были съ ружьями.

На крыльцо, или вѣрнѣе галерею, вышелъ къ намъ на встрѣчу офицеръ, начальникъ поста, и, подавъ мнѣ дружелюбно руку, ввелъ черезъ коридоръ въ комнату, гдѣ возсѣдалъ именитый Али-паша Тавгеридзе. Обстановка комнаты состояла изъ двухъ тахтъ (дивановъ), покрытыхъ коврами и примыкавшихъ къ двумъ противоположнымъ стѣнамъ; въ стѣнѣ противъ входа, между двумя тахтами, помѣщался каминъ, и яркое пламя большаго горѣвшаго огня согрѣвало комнату. У входа въ комнаты стояли двое часовыхъ: одинъ низамъ, другой баши-бузукъ—кобулетецъ, т. е. ирегулярный воинъ, соотвѣтствовавшій нашему гурійскому милиціонеру.

Когда я вошелъ въ комнату, съ тахты всталъ ко мнѣ на встрѣчу Али-паша и Пиранъ насъ взаимно другъ другу представилъ; меня онъ представилъ, какъ офицера, завѣдывавшаго вооруженіемъ г. Озургетъ.

Въ своемъ длинномъ сюртукѣ и фуражкѣ съ большимъ козырькомъ, я произвелъ, вѣроятно, впечатлѣніе «не простаго поручика». Али-паша Тавдгеридзе, по происхожденію грузинъ-гуріецъ, но ма-

гометанинъ и пашой сдѣланъ какъ мѣстный бекъ, какъ человѣкъ въ краѣ вліятельный и какъ крупный собственникъ. Онъ средняго роста, коренасто сложенъ, съ загорѣлымъ, грубымъ, разбойничьимъ лицомъ; когда онъ смѣется, то обнаруживаетъ верхніе передніе зубы, что придаетъ ему окончательно хищное выраженіе. Одѣтъ онъ былъ въ темно-голубую венгерку, подбитую и оторочённую мѣхомъ, синій жилетъ, большіе сапоги, нашей формы и нашего фасона, вѣроятно произведеніе нашего солдата сапожника въ Ахалцихѣ или въ Озургетахъ, и въ темно-малиновую феску.

Еще дорогой, Пиранъ мнѣ разсказывалъ, что въ краѣ онъ пользуется славой крупнаго разбойника и конокрада; впрочемъ разбой и конокрадство—самый основной и популярный промыселъ въ краѣ. Относительно вина, какъ говоритъ Пиранъ, онъ не былъ точнымъ исполнителемъ велѣній Магомета, но зато его гаремъ отвѣчалъ всѣмъ требованіямъ корана. Между тѣмъ начался разговоръ, Пиранъ служилъ переводчикомъ. Разговоръ вертѣлся главнымъ образомъ на томъ: быть или не быть войнѣ?.. Я отвѣчалъ загадками и говорилъ, что можетъ и не будетъ; паша-же увѣрялъ, что будетъ непремѣнно, причемъ старался мнѣ выяснить свое важное служебное положеніе. Я-же зналъ, что на самомъ дѣлѣ Али-паша командовалъ всей милиціей, какъ чурукъ-суйскій мѣстный бекъ; эту милицію онъ-же и собиралъ по приказанію турецкаго правительства. Затѣмъ разговоръ перешелъ на дальнострѣльность нашихъ орудій.

Кобулетецъ, Нукеръ Али-Паши.

— «Далеко-ли бьютъ ваши орудія»? переспрашивалъ меня Пиранъ.

— «Бьютъ и на 7, и на 8 верстъ», отвѣчалъ я.

— «А у насъ на 9 и на 10», передавалъ Пиранъ, причемъ самъ паша и окружающіе самодовольно улыбались.

Узнавъ отъ Пирана, что я живу у князя Григорія Гуріеля, онъ обратился ко мнѣ съ похвалами князю: «О хорошій человѣкъ! правдивый, честный, мудрый!!.. Такого другаго нѣтъ ни

у васъ, ни у насъ!..» и онъ просилъ меня засвидѣтельствовать ему свое глубокое уваженіе и преданность.

Между разговорами намъ принесли винтовку Снайдера, которой вооружены баши-бузуки — кобулетцы (они вооружены были отчасти и Мартини-Пибоди и магазинками, но ни тѣхъ, ни другихъ мнѣ не показали). Винтовка была хорошо содержана, смазана и въ исправномъ видѣ. Я взялъ у пластуна берданку и хвалился нашей. Между тѣмъ, въ дальнѣйшемъ разговорѣ, Али-паша началъ меня увѣрять, «что если война будетъ, то онъ скоро появится въ Кутаисѣ». Я засмѣялся, засмѣялись всѣ присутствующіе и самъ паша чувствовалъ, что онъ добродушно шутитъ. «Впрочемъ на все воля Аллаха», прибавилъ онъ. Во все время нашей бесѣды, въ двери высовывались головы любопытныхъ солдатъ и баши-бузуковъ, которые заполнили коридоръ и жались въ дверяхъ.

Видя, что дождь временно пересталъ, я сталъ собираться въ обратный путь; паша-же убѣдительно просилъ меня поѣхать съ нимъ сейчасъ-же въ Кобулеты, гдѣ у него свой домъ, и погостить у него. Какъ ни заманчиво было предложеніе, но я, боясь отвѣтственности, отказался. Мы простились очень дружелюбно и на обратномъ пути къ намъ долженъ былъ присоединиться посланный паши; паша, желая порисоваться передо мной своимъ богатствомъ, отсыпалъ ему двѣ пригоршни серебряной монеты. Этотъ «посланный» паши былъ также грузинъ-магометанинъ съ типичнымъ кобулетскимъ профилемъ и съ гордой осанкой. Костюмъ его былъ таковъ-же, какъ и нашихъ гурійцевъ, только цвѣта преобладали голубые или синіе, тогда какъ наши гурійцы носятъ все черное; но тотъ-же поясъ, тѣ же безчисленные подвѣски на поясѣ различныхъ походныхъ принадлежностей, до кожанаго, вышитаго серебромъ походнаго стакана включительно, тотъ-же башлыкъ, только ярко-желтаго цвѣта, и то-же умѣнье завязать его живописно вокругъ своей головы.

Оказалось, что посланный имѣлъ большую родню въ нашей Гуріи; ѣхалъ онъ на добромъ конѣ съ красивымъ турецкимъ сѣдломъ. Мы садились на лошадей, толпа любопытныхъ насъ окружала; на галерею вышелъ и самъ паша и началъ хвалить мою лошадь, но я, избѣжавъ восточнаго обычая поднести ее ему въ даръ, поѣхалъ обратно *). Когда я вернулся, то за обѣдомъ князь Гри-

---

*) Во время минувшей кампаніи Али-паша командовалъ правымъ флангомъ на укрѣпленной позиціи Квирике, Дегва и Цихисдзири, которую мы неудачно штурмовали 11-го іюня 1877 года. Съ высотъ Самеба я не разъ въ трубу смотрѣлъ на его палатку, которую онъ разбивалъ на видномъ и открытомъ мѣстѣ, и

горій Давидовичъ сообщилъ мнѣ массу подробностей о бытѣ турецкихъ гурійцевъ. На всѣ мои сожалѣнія, что такой молодецъ народъ, чисто грузинскаго происхожденія, могъ оторваться отъ православія, князь сообщилъ, «что послѣднее время и языкъ грузинскій энергично вытѣсняется турецкимъ. И какъ странно, что въ Аджарѣ, Чурукъ-Су (Кобулеты) и Гуріи, населенныхъ сплошь чистымъ грузинскимъ (Картули) племенемъ, не имѣется буквально ни одного турка, а между тѣмъ турецкій языкъ, случайно занесенный сюда какъ-бы повѣтріемъ, угрожаетъ существованію грузинскаго языка».

Фактъ этотъ, конечно, объясняется вліяніемъ религіи. Здѣшніе муллы, особенно эффендіи, подготовляемые въ главныхъ городахъ Турціи, ревниво слѣдятъ, чтобы обряды, омовенія и молитвы совершались со всей строгостью, чтобы по пятницамъ всѣ были въ джаммахъ и мечетяхъ. При каждой мечети имѣется школа, наполненная мальчиками; они учатся по турецки, заучиваютъ коранъ. Вотъ какимъ путемъ, по мнѣнію князя, турецкій языкъ прививается такъ легко. При всемъ томъ, мѣстные жители, по словамъ князя, относятся со страхомъ къ развалинамъ храмовъ, обращаются къ старымъ своимъ образамъ съ молитвой за своихъ больныхъ, приносятъ въ жертву барановъ, куръ, ставятъ восковыя свѣчи и т. д. Они разсказываютъ, гдѣ и въ честь какого святаго была церковь, кто и изъ какого рода былъ послѣдній священникъ, куда перевезены ихъ образа и т. п.

Что касается Али-паши, то князь сообщилъ, что турки ему не вполнѣ довѣряютъ и за нимъ слѣдятъ, вотъ почему мое путешествіе могло показаться подозрительнымъ. По мнѣнію князя, Али-паша носитъ въ себѣ всѣ привычки жителя этой въ сущности дикой и независимой страны, не любитъ, не боится турецкаго правительства и, въ случаѣ нашего успѣха, онъ тоже и къ намъ перейдетъ.

Между тѣмъ лишеніямъ отряда долженъ былъ наступить конецъ; приближалась весна, которую съ нетерпѣніемъ ожидали и турки, условія стоянки которыхъ были тѣ же самыя. Становилось теплѣе, дождей выпадало менѣе, солнце стало показываться чаще и Гурія предстала мало-по-малу въ своемъ лучшемъ нарядѣ—весеннемъ.

Весна въ Гуріи безспорно восхитительна!.. Воздухъ напоенъ запахомъ фіалокъ, растущихъ въ колоссальномъ изобиліи повсюду. Высоты Экадіо одѣлись роскошной, тропической зеленью... Въ са-

---

хотя было ясно, по размѣрамъ шатра, что онъ принадлежитъ пашѣ, но дальность и значительное командованіе дѣлали этотъ отчетливо видный шатеръ недосягаемымъ для нашихъ орудій.

дахъ зацвѣли миндаль и персикъ. Забыты тяжелые дни и безконечные дожди. Русскій человѣкъ не злопамятенъ и барачный лагерь огласился хорами пѣсенниковъ. Гурійцы также затянули свои оригинальныя пѣсни. Начались занятія, ученія и проѣздки. Теперь можно было заняться «позиціонной артилеріею», съ которой весной произошелъ цѣлый рядъ метаморфозъ, пока она не явилась въ готовомъ видѣ, съ обученной прислугой, съ обученными ѣздовыми и т. д.

Еще въ февралѣ мѣсяцѣ состоялось распоряженіе о придачѣ этимъ «позиціоннымъ орудіямъ» конскаго состава, а именно: для запряжки орудій ящиковъ и фургоновъ въ распоряженіе завѣдывающаго ими были переданы обозныя лошади 163-го Ленкоранскаго пѣхотнаго полка при обозныхъ нестроевыхъ того-же полка, которые должны были находиться къ лошадямъ въ тѣхъ-же условіяхъ, какъ и ѣздовые артилеріи. Конскій составъ былъ весьма доброкачественный. Къ этому времени эти восемь позиціонныхъ орудій стали называться въ приказахъ войскъ при-Ріонскаго края «Озургетской мѣстной батареею».

Къ началу военныхъ дѣйствій озургетская мѣстная батарея, послѣ непрерывныхъ занятій и обученій, была совершено подготовлена къ дѣйствію; кромѣ восьми спеціальныхъ наводчиковъ, назначенныхъ изъ батарей 41-й бригады, выбрано еще восемъ человѣкъ изъ назначенныхъ изъ пѣхоты (съ лучшимъ зрѣніемъ), которые были основательно ознакомлены съ обязанностями наводчиковъ.

Весь успѣхъ былъ основанъ главнымъ образомъ на общей любви къ дѣлу, и обстоятельство это въ связи съ исключительностью положенія, хорошими весенними днями, незаполненными ни караульной службой, ни хозяйственными заботами, ни канцеляріей, ни цейхгаузами, ни смотрами и т. п., дало возможность достичь прекраснаго результата. Нижніе чины пѣхоты, а именно: александропольцы—какъ строевые (прислуга), ленкоранцы—какъ ѣздовые, съ большой охотой занимались всякими упражненіями при орудіяхъ и вообще артилерійскими занятіями и чрезвычайно гордились своимъ новымъ «артилерійскимъ положеніемъ». Конныя ученія съ пальбой холостыми зарядами были для нихъ просто наслажденіемъ. Командующій войсками, всегда любовавшійся щеголеватымъ видомъ парка, здоровался съ ними не иначе, какъ «здорово, артилеристы».

Уже ранней весной было рѣшено, на случай внезапнаго объявленія войны, не занимать укрѣпленія этими орудіями сейчасъ-же, а смотря по обстоятельствамъ и по ходу дѣйствій, для чего

необходимо было выбрать заранѣе кратчайшiе пути до различныхъ укрѣпленiй и привести въ полную готовность фургоны для подъема 96-ти ящиковъ, въ которыхъ хранилась сверхкомплектная часть снарядовъ.

Нельзя не остановиться на фактѣ образованiя такой батареи, такъ какъ онъ во всякомъ случаѣ весьма интересенъ, полезенъ и поучителенъ, показывая, какъ въ военное время, утилизируя имѣющiяся средства и примѣняясь къ обстоятельствамъ, увеличиваются боевыя средства. Конечно, не слѣдуетъ упускать изъ вида, что въ данномъ случаѣ перевязочныя средства явились элементомъ постояннымъ, хотя и случайнымъ, только потому, что полки имѣли вьючный обозъ, состоявшiй изъ опредѣленнаго количества червадарскихъ лошадей *), но во всякомъ случаѣ, какъ мы это увидимъ далѣе, при оборонительномъ характерѣ дѣйствiя и при ничтожныхъ передвиженiяхъ, совершаемыхъ частями въ раiонѣ театра войны, въ отрядѣ пребывало огромное число лошадей, совершенно даромъ ѣвшихъ казенное сѣно, и широкая утилизацiя ихъ являлась дѣломъ совершенно справедливымъ.

Къ этому времени войска при-Рiонскаго края посѣтилъ Его Императорское Высочество Августѣйшiй главнокомандующiй, выѣхавшiй изъ Поти верхомъ по береговой дорогѣ на Николаевскъ. Здѣсь Его Высочество изволилъ смотрѣть александропольцевъ, которые встрѣтили Великаго Князя на позицiяхъ, занятыхъ какъ-бы по тревогѣ, на случай внезапнаго нападенiя турокъ со всѣхъ сторонъ, и главнымъ образомъ съ моря, со стороны потiйской дороги. Отсюда Августѣйшiй главнокомандующiй верхомъ-же изволилъ прослѣдовать по убiйственной дорогѣ въ Озургеты. Его Высочество сопровождали: начальникъ артилерiи армiи генералъ-лейтенантъ Софiано, начальникъ штаба армiи генералъ-маiоръ Павловъ, начальникъ инженеровъ генералъ Рербергъ и свита.

Въ Озургетахъ Его Высочество изволилъ посѣтить барачный лагерь, гдѣ, обойдя всѣ барачныя помѣщенiя, Великiй Князь ознакомился съ лагернымъ бытомъ войскъ на высотахъ Экадiо, причемъ въ лагерь и изъ лагеря Его Высочество слѣдовалъ по различнымъ дорогамъ, проложеннымъ военными инженерами.

На другой день Его Высочество изволилъ произвести смотръ

*) Александропольцы передали своихъ обозныхъ лошадей подъ понтонный полупаркъ (каучуковые понтоны), а ленкоранцы подъ озургетскую мѣстную батарею.

войскамъ, какъ экадійскаго лагеря, такъ и расположеннымъ въ Озургетахъ, а именно: 1-му баталіону Александропольскаго полка, Озургетскому мѣстному баталіону, 2-му Кавказскому стрѣлковому баталіону, 1-му пѣшему Пластунскому баталіону, 1-й Гурійской пѣшей дружинѣ и 1-й батареѣ 41-й артилерійской бригады, итого 5-ти баталіонамъ и 8-ми орудіямъ. Войска были выстроены за Озургетами у шоссе на Орпири, на большой ровной полянѣ. Его Высочество остался доволенъ видомъ войскъ. Пѣхота была пяти видовъ: линейная, мѣстныя войска, стрѣлки, пластуны и милиція, всѣхъ по баталіону.

Его Императорское Высочество Великій Князь
МИХАИЛЪ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Отсюда, прямо послѣ смотра, Великій Князь прослѣдовалъ въ мѣст. Нагомари, гдѣ Его Высочествомъ были осмотрѣны Ленкоранскій полкъ и 2-я батарея 19-й артил. бриг.; также были осмотрѣны и барачныя ихъ помѣщенія.

Погода установилась окончательно; тепло увеличивалось и съ необычайной силой развивалась богатая флора при-Ріонскаго края, которая заслуживаетъ, чтобы о ней сказать два слова.

Чего только нѣтъ въ этихъ роскошныхъ лѣсахъ, рощахъ и са-

дахъ?.. Рядомъ съ орѣхомъ торчитъ павлонія, тутъ-же рай-тополь, липа, кипарисъ, фиговое дерево съ своими красивыми листьями, и душистая бѣлая акація, и широколиственная бигнонія, и замѣчательная шелковая акація съ розовыми кистевидными цвѣтами. Виноградъ ростетъ съ удивительной силой, особенно по лѣсамъ, и стволъ лозы, толщиной до $^1/_2$ аршина въ отрубѣ, явленіе не рѣдкое. Въ самыхъ-же Озургетахъ лоза стелется гдѣ хочетъ: съ подпорокъ по деревьямъ, по забору, по крышѣ. Но истинную красу при-Ріонскихъ садовъ составляетъ широколиственная бигнонія и павлонія, которыя растутъ здѣсь съ такой силой, что въ одно лѣто выгоняютъ саженныя вѣтви и даютъ тѣнь рѣшительно непроницаемую для солнца, благодаря величинѣ своихъ листьевъ (необычайно широкихъ), изъ которыхъ самый крупный не уложится ни въ какой гербарій.

Въ нѣкоторыхъ садахъ есть два вида магноліи, дерева съ большими бѣлыми душистыми цвѣтами, грецкій орѣшникъ, шелковица (тутовое дерево) и чинаръ. Между зелеными шатрами этихъ лиственныхъ деревьевъ чаще всего встрѣчается острый конусъ мрачнаго кипариса, весьма здѣсь распространеннаго, или нѣсколько видовъ туйи, не исключая и италіанскихъ пиній. Изъ всего этого видно, что въ краѣ нѣтъ большой разницы между садомъ и лѣсомъ, между тѣмъ въ лѣсахъ при-Ріонскихъ есть и рѣдкости, напр. дзельква, которая ростетъ только здѣсь и даетъ драгоцѣнный матеріалъ, красноватаго цвѣта, для столярныхъ работъ; солдаты мастеровые называютъ его—негной дерево. Кавказская пихта въ верховьяхъ Ріона представляетъ цѣлый лѣсъ въ 13 верстъ ширины, а въ Гуріи есть множество италіанскаго кедра, чрезвычайно смолистаго.

Въ садахъ есть растенія и болѣе рѣдкія, очевидно удачно акклиматизировавшіяся; такъ, напримѣръ, здѣсь ростетъ и масличное дерево, и камфарное, и пробковое, которое акклиматизировалось какъ нельзя лучше. Затѣмъ въ Гуріи ростетъ, цвѣтетъ и даетъ сѣмена настоящее китайское чайное дерево, подлинность котораго засвидѣтельствована академикомъ Рупрехтомъ *).

Полное право на названіе «вѣчно-зеленѣющей» даютъ Ріонской равнинѣ тѣ неувядающія растенія, которыя по склонамъ окрестныхъ горъ и по низу надъ Ріономъ образуютъ иногда цѣлыя заросли: здѣшніе рододендры, мирты, лавры обыкновенные и лавровишни, различные плющи, даже благовонные, потомъ кусты колю-

*) Бакрадзе. «Очерки природы Гуріи», Записки Кавказскаго отдѣла Императорскаго географическаго общества.

чаго падуба, затѣмъ самшить, или такъ называемое пальмовое дерево и другія. Не говоря уже о хвойныхъ, кипарисахъ и туйи.

Особенности здѣшнихъ подлѣсьевъ состоятъ въ томъ, что они состоятъ изъ цѣлыхъ, непролазныхъ зарослей, изъ рододендровъ, азалей и дикаго жасмина, что болѣе всего очаровываетъ проѣзжаго, не привыкшаго къ такой пышной растительности. Въ такой природѣ и въ чудное весеннее время, когда выдается свободный отъ службы денекъ, а того лучше и праздникъ, пріѣзжему не сидится дома. Въ такіе дни офицеры отряда предпринимали пикнички въ чудныя окрестности и въ монастыри, а иногда устраивались увеселенія и въ барачномъ лагерѣ.

Получивъ приглашеніе одного помѣщика, князя Іосифа Накашидзе, пріѣхать къ нему въ деревню—по-обѣдать, я, воспользовавшись теплымъ весеннимъ апрѣльскимъ днемъ и взявъ съ собой проводника, двинулся напрямки черезъ горы въ деревню князя Накашидзе, находившуюся всего въ 5-ти верстахъ отъ берега моря.

Дорога была изъ живописныхъ и интересныхъ, но не изъ удобныхъ; съ горы на гору, съ холма на холмъ, мѣстами то лѣсомъ, то безконечными садами и полями, пробирались мы впередъ. Воздухъ былъ напоенъ весеннимъ ароматомъ. Нѣсколько разъ съ высотъ любовался я необозримымъ видомъ зеленѣющей Гуріи, замыкавшейся на дальнемъ горизонтѣ синей полоской моря. День былъ праздничный; проѣзжая около деревень или даже отдѣльныхъ хуторовъ, мы заставали непремѣнно толпу народа въ пестрыхъ костюмахъ, собравшуюся для «томаши». Изъ садовъ и деревень неслись звуки бубна и мѣрное хлопанье въ ладоши, отбивавшихъ тактъ или лезгинки, или воинственнаго гурійскаго танца. Меня поразила дорогой масса церквей, то каменныхъ, то деревянныхъ, то просто часовень или развалинъ какой-нибудь башенки, украшенной крестомъ и видимо не покинутой благочестивымъ народомъ. Проѣзжая эту сторону поперекъ—къ морю, я невольно вспомнилъ разсказъ князя Григорія Давидовича о нашествіи турокъ въ прошлую кампанію на Гурію (они дошли до Орпиръ) и о той страшной расправѣ, которую производили гурійцы надъ попадавшимися имъ турками; характеръ мѣстности, отвага жителей сдѣлали скоро дальнѣйшее пребываніе турокъ въ Гуріи невыносимымъ. Гурійцы буквально на нихъ охотились какъ на звѣря, устраивая засады, стрѣляя съ деревьевъ и пр. Турки не выходили изъ лагерей и самые лагери устраивались съ соблюденіемъ всѣхъ предосторожностей. Во многихъ гурійскихъ пѣсняхъ, воспѣвающихъ подвиги нашихъ войскъ, совмѣстно съ ихъ дружинами, въ восточную войну 1853—1856

годовъ, сюжетами служатъ, кромѣ двухъ большихъ сраженій при Чолокѣ и Нигоити, масса отдѣльныхъ подвиговъ.

Дорога наша начала между тѣмъ больше спускаться, чѣмъ подыматься, изъ чего я заключилъ, что мы перевалили черезъ горы; наконецъ на протяженіи версты пошла совсѣмъ ровно, имѣя по обѣ стороны поля и сады. Передъ выглянувшимъ домомъ хозяина былъ широкій дворъ, или вѣрнѣе зеленая лужайка, ковромъ доходившая до самаго дома; посреди этой лужайки сидѣли развѣсистыя купы гигантскаго орѣха и чинара.

Общество приглашенныхъ княземъ Накашиде офицеровъ, расположеннаго въ Николаевскѣ Александропольскаго полка, было уже давно въ сборѣ и сидѣло на галереѣ, выходившей въ садъ и на дворъ. Черезъ $^1/_2$ часа мы сѣли обѣдать.

Послѣ обѣда князь пригласилъ насъ полюбоваться «томашей», а если кому желательно, то и принять въ ней участіе.

Большинство его поселянъ было собрано на лужайкѣ, въ полуверстѣ отъ дома, и вотъ тамъ то начались характерные танцы: была и неизмѣнная лезгинка, былъ и воинственный гурійскій танецъ, въ самой Гуріи называемый турецкимъ, такъ какъ онъ занесенъ изъ Турецкой Гуріи.

Танецъ этотъ, въ которомъ принимаютъ участіе одни мужчины, сопровождается пѣніемъ. Изъ пѣсенъ, которыя всѣ гурійцы поютъ на особый манеръ, имъ свойственный, одна отличается особой воинственностью и содержитъ въ себѣ описаніе Нигоитскаго дѣла, гдѣ былъ убитъ Гасанъ-паша и голова его, отрубленная гурійцами, выставлена на шестъ; и теперь, когда пѣлась эта пѣсня, одинъ изъ пѣсенниковъ держалъ надъ головами хора высокій шестъ, что означало выставленную голову паши.

Вся томаша заключалась больше въ танцахъ мужскихъ, воинственныхъ; къ сожалѣнію незнаніе языка не дало возможности ознакомиться съ припѣвами, которыми сопровождаются танцы. Гурійцы, какъ мнѣ казалось изъ долгаго знакомства съ ними, народъ столь же воинственный, какъ и военный.

Праздникъ закончился ужиномъ, бывшимъ повтореніемъ обѣда.

На другой день солнце стояло высоко, когда гости начали собираться въ обратный путь; я же, пользуясь случаемъ, рѣшился проѣхать вмѣстѣ съ ними въ Николаевскъ, о которомъ такъ много слышалъ и такъ мало имѣлъ понятія.

Мы выѣхали всѣ вмѣстѣ большой компаніей и, черезъ нѣсколько времени ѣзды мелкимъ и густо заросшимъ лѣсомъ, предъ нами сразу, какъ бы подъ вліяніемъ волшебнаго жезла царевны Цирцеи,

раскинулась безбрежная гладь Чернаго моря. Почти у самаго берега торчали обнаженные стебли кукурузы и, какъ избушки на курьихъ ножкахъ, стояли бревенчатые домики для кукурузнаго зерна, главной пищи гурійца и главнаго богатства гурійца-собственника.

Дорога шла все время берегомъ моря по полотну прекраснаго, отливавшаго разными цвѣтами, мелкаго песку и ракушекъ, служившихъ естественнымъ шоссе. Направо шумѣло море, налѣво болотистый вязкій берегъ, густо заросшій, непроходимый. Море тихо плескалось и обдавало насъ своими брызгами.

Между тѣмъ вдали показался Николаевскъ, а черезъ 10 минутъ послѣ того весь кортежъ нашъ остановился у одного домика, по приглашенію одного изъ офицеровъ полка, передохнуть у него. Постъ св. Николая или, какъ его называютъ, просто Николаевскъ, а по турецки Шекветили, что значитъ соединеніе (т. е. соединеніе, устье двухъ рѣкъ Чолока и Натанеби), игралъ грустную роль въ послѣдней кампаніи, когда въ немъ были вѣроломно истреблены двѣ нашихъ роты. Теперь онъ такой же, какимъ былъ и въ прошлую войну: група духановъ и кукурузныхъ домиковъ, расположенныхъ на берегу моря у соединеннаго устья рѣкъ Натанеба и Чолока.

Эта група духановъ и кукурузныхъ домиковъ, или, какъ думаютъ въ Европѣ, этотъ сильный береговой фортъ св. Николая расположенъ на слегка возвышенномъ, въ этомъ мѣстѣ, берегу, заключенномъ между устьями и моремъ.

Единственную оборону Николаевска составляетъ такимъ образомъ съ одной стороны рѣка Натанеби, а съ другой небольшая часть берега между Николаевскомъ и моремъ, болотистая и густо заросшая, гдѣ сквозь болото, массы колючки и перегнившаго лѣса не проползетъ и чакалка. Но за то сколько міазмовъ гнилыхъ; какую заразу, развивающую упорную лихорадку, даетъ Николаевску эта полоса берега!...

Вѣроломное нападеніе турокъ въ прошлую войну произошло съ тыла, какъ разъ по направленію той дороги, по которой мы пріѣхали въ Николаевскъ. Разсказываютъ, что турки, пользуясь туманомъ, посадили на кочермы свои массы и сдѣлали десантъ, выше Николаевска, на нашемъ берегу и оттуда уже ударили въ тылъ несчастному, ничего не подозрѣвавшему гарнизону, никакъ не ожидавшему нападенія съ этой стороны; туманъ способствовалъ вѣроломному предпріятію.

Но наши двѣ роты и гурійская милиція защищались отчаянно и дорого продали свою жизнь.

Въ описываемую эпоху, въ Николаевскѣ были расположены

три баталіона Александропольскаго пѣхотнаго полка 41-й дивизіи, сотня казаковъ и понтонный паркъ.

Опытъ прошлой войны указалъ на слабыя мѣста этого пункта, и поэтому въ настоящее время береговая дорога изъ Поти въ Николаевскъ, у входа въ послѣдній, преграждена цѣлой системой ложементовъ, въ которые, по тревогѣ, собирается стрѣлковый баталіонъ полка.

Вообще въ данную минуту я нашелъ оборону Николаевска достаточно сильной. Кромѣ ложементовъ, преграждавшихъ наступленія со стороны дороги береговой, были и другія, глубокой профили, возведенные къ сторонѣ устья рѣкъ и моря, такъ что, въ случаѣ нападенія большихъ массъ непріятеля на Николаевскъ, баталіоны александропольцевъ могли бы съ успѣхомъ держаться до тѣхъ поръ, пока къ нимъ не прибыли бы подкрѣпленія изъ отряда, сосредоточеннаго у Озургетъ *).

Всѣ оборонительныя и саперныя работы были сдѣланы средствами полка и его силами.

Пообѣдавъ въ Николаевскѣ, въ обществѣ гостепріимныхъ кавказцевъ, подъ вечеръ мы поѣхали кататься по Натанеби, Чолоку и морю на катерѣ полка. Покатавшись вдоволь по морю и по Натанеби, мы свернули въ Чолокъ и пристали къ нашему посту, стоявшему на берегу Чолока, какъ разъ vis-à-vis турецкаго поста, расположеннаго на противоположномъ берегу, въ разстояніи всего 30 саженъ черезъ рѣку. Турецкій постъ былъ расположенъ на песчаной косѣ наноснаго происхожденія, образовавшейся между Чолокомъ и моремъ.

Нашъ же постъ, занятый пластунами (это былъ крайній правофланговый постъ всего нашего кордоннаго расположенія) сидѣлъ въ болотистыхъ камышахъ и густомъ кустарникѣ, такъ что весь былъ окруженъ зеленью, еле-еле видна была крыша. Сырость въ этомъ домикѣ была неимовѣрная. Лихорадки и ревматизмы свирѣпствовали и рѣдкій пластунъ выглядывалъ здоровымъ, а главное, что ужасно; отъ этой лихорадки онъ не избавится во всю свою жизнь. Съ тяжелымъ чувствомъ смотрѣли мы на эти блѣдныя, изнуренныя лица..

*) Во время недавно минувшей кампаніи турки бомбардировали Николаевскъ орудіями большаго калибра со своихъ броненосцевъ, разбили полковую церковь, нѣсколько духановъ и разнесли повсюду извѣстіе и славу о разрушеніи сильнаго форта св. Николая. Другой разъ, въ срединѣ кампаніи, они, послѣ предварительнаго долгаго бомбардированія, высадились со стороны Натанеби; бывшія въ Николаевскѣ двѣ роты, согласно приказанію, отступили; турки сожгли оставшіеся духаны и сейчасъ же ушли во свояси, послѣ чего двѣ роты вновь ихъ заняли.

Бѣднымъ пластунамъ досталось изрядно задолго до открытія кампаніи, а въ послѣдній бой (вторая атака Цихисдзири) весь батальонъ легъ костьми, прикрывая неудачу и отступленіе. Турецкій же постъ, хотя и былъ расположенъ столь близко, но уже по одному тому былъ здоровѣе, что былъ расположенъ на песчаномъ грунтѣ.

Переѣхавъ Чолокъ, мы пристали къ турецкому посту, чтобы навѣстить офицера, начальника поста, а затѣмъ вернулись обратно.

На другой день рано утромъ я выѣхалъ уже одинъ въ Озургеты по прямой дорогѣ, во всѣхъ отношеніяхъ убійственной. Дорога тянется на протяженіи 22 верстъ по болотистой и вязкой почвѣ; полотно дороги то и дѣло проваливалось, а изъ грязи всю дорогу торчали пучки хвороста, употребленнаго на загрузку полотна.

Немного не доѣзжая до Озургетъ, увидѣлъ я влѣво сел. Вашнари, принадлежащее князю Димитрію Накашидзе, но не заѣхалъ, боясь заночевать въ лѣсу. Я зналъ изъ бесѣдъ князя Григорія Гуріеля, что Вашнари по всей Гуріи замѣчательно древними развалинами. Вообще при объѣздѣ Гуріи невольно останавливаешь свое вниманіе на памятникахъ старой архитектуры, башняхъ, замкахъ, храмахъ и кладбищахъ. Башни и замки расположены на малодоступныхъ мѣстахъ и нынѣ всѣ покинуты.

Къ полудню прибылъ я въ Озургеты, полный новыхъ впечатлѣній.

Съ конца марта мѣсяца въ Озургеты начали прибывать войска; штабъ войскъ края перешелъ въ Озургеты и городокъ окончательно оживился.

Съ первыхъ же чиселъ апрѣля началось масированіе значительныхъ войскъ въ Озургеты: стягивались части 41-й дивизіи и 41-й артилерійской бригады, прибывали части 19-й дивизіи и стрѣлки. Къ этому времени въ Озургеты прибыли слѣдующія части артилеріи: 2-я, 3-я, 5-я и 6-я горная батареи 41-й бригады, 2-я батарея 19-й бригады передвинулась изъ Нагомари туда же (совмѣстно съ Ленкоранскимъ полкомъ); прибыли: 1-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ, два баталіона севастопольцевъ, два кубанцевъ; изъ Орпиръ пришли: 2-й кавказскій саперный баталіонъ и Кутаискій конно-ирегулярный полкъ.

Во всѣ эти дни стояла превосходная погода, и жители Гуріи толпами приходили смотрѣть на проходящія войска. Офицеры и солдаты также съ удовольствіемъ смотрѣли на эту свѣжую, зеленую природу, на эти деревянные хорошенькіе домики, сидѣвшіе въ виноградныхъ садахъ и кукурузныхъ поляхъ.

Турки, у которыхъ были даже свои лавки на базарѣ, исчезли неизвѣстно куда и лавки ихъ были заперты.

Къ 11-му апрѣля артилерія отряда состояла изъ: 32 девятифунтовыхъ орудій (трехъ батарей 41-й и одной 19-й бригады), 24 *) четырехъ-фунтовыхъ орудій (двухъ батарей 41-й и восьми позиціонныхъ), 8-мъ горныхъ 3-хъ-фунтоваго калибра (6-я батарея 41-й бригады). Итого 64 орудія.

Кромѣ того, въ Озургеты прибыли два и три-четверти отдѣленія 41-го дивизіоннаго артилерійскаго парка и стрѣлковое отдѣленіе кавказскаго конно-артилерійскаго полупарка.

Вновь прибывшія части пѣхоты, пройдя городъ, двигались на Экадіо и располагались бивакомъ: однѣ на высотахъ лѣвѣе барачнаго лагеря, другія внизу у подошвы.

Части артилеріи располагались, не доходя двухъ верстъ до Озургетъ, вправо отъ шоссе на полянѣ, гдѣ когда-то Его Высочество смотрѣлъ войска экадійскаго лагеря, кромѣ 5-й и 6-й батарей 41-й бригады, которыя стояли бивакомъ у подошвы Экадіо, впереди редута у казачьяго поста, гдѣ сосредоточивалась лѣвая колонна генералъ-маіора Денибекова.

Такое сосредоточеніе войскъ ясно указывало, что характеръ дѣйствій переходитъ изъ оборонительнаго въ наступательный, что не казалось основательнымъ «людямъ опытнымъ», но большинство, особенно молодежь, жаждала движенія впередъ на «давно желанный Батумъ» и «таинственно сильное Цихисдзири», воспѣтое еще въ грузинскомъ эпосѣ временъ царицы Тамары, въ классической пѣснѣ «Барсова кожа».

11-го апрѣля пріѣхалъ въ Озургеты помощникъ главнокомандующаго князь Святополкъ-Мирскій и привезъ послѣднія и положительныя инструкціи для дѣйствія отряда, но намъ онѣ извѣстны не были.

Въ тотъ же день вечеромъ въ домѣ, занимаемомъ княземъ Святополкъ-Мирскимъ, подъ его предсѣдательствомъ, происходилъ военный совѣтъ, на которомъ командиры частей узнали о предстоящемъ наступленіи отряда, 12-го апрѣля, по дорогѣ на Цихисдзири.

Ночь съ 11-го на 12-е всѣ были заняты послѣдними приготовленіями, и въ одной большой лавкѣ города толкались офицеры съ послѣдними закупками; счастливъ былъ тотъ, кто успѣлъ запастись закусками, чаемъ, сахаромъ, хлѣбомъ и табакомъ, ибо первые дни похода рѣшительно ничего нельзя было достать. Также важно было

*) Четырехъ-фунтоваго калибра было въ сущности 16 орудій, но ожидалось въ самомъ непродолжительнонъ времени прибытіе 4-й батареи 41-й бригады; она прибыла 14-го апрѣля въ Озургеты и того же 14-го числа присоединилась къ отряду на Муха-Эстате.

сдѣлать запасъ зерноваго фуража для своей лошади; въ первые дни операціи трудно было получить его.

Настало раннее утро 12-го апрѣля; вьючные сундуки уложены и ждутъ только спины черводарской лошади. Всѣ мы, молодежь, еще не нюхавшая пороха, испытывали въ эти минуты послѣднихъ приготовленій къ первому походу какое-то нервное возбужденіе, прогонявшее сонъ и придававшее необычайную бодрость всему организму. Въ эти минуты не думаешь вовсе ни о предстоящей опасности, ни о лишеніяхъ. Болѣе всего работаетъ мысль не опоздать, не упустить чѣмъ нибудь запастись, не пропустить чего либо въ приготовленіяхъ; все поглощено при этомъ чувствомъ любознательности или страстнаго интереса къ предстоящему, желаніе испытать необычайное, составляющее всю суть нашей службы и нашего воспитанія мирнаго времени. Если и есть чувство страха, такъ и это опасеніе не попасть въ дѣло, не быть очевидцемъ событій непредвидѣнныхъ и неизвѣстныхъ, къ которымъ опытные люди, бывавшіе (а такихъ было много въ частяхъ кавказской арміи) готовились серьезно и спокойно.

Если мы, молодежь, въ нашемъ походномъ снаряженіи въ первые дни нашей военной жизни имѣли то, что нужно, а непрактичнаго, лишняго никто съ собой не бралъ, то этимъ мы были обязаны старикамъ. Вотъ въ этихъ-то старикахъ, бывалыхъ и видавшихъ виды, не только генералахъ, полковыхъ и баталіонныхъ командирахъ, но и ротныхъ, и просто субалтернъ-офицерахъ, которые въ кавказской арміи являются большинствомъ и величиной постоянной, кавказская армія имѣетъ весьма серьезное преимущество.

Боевой кадръ офицеровъ особенно важенъ въ первыхъ дѣлахъ, а первыя дѣла важны на всю кампанію. Молодые офицеры съ самаго начала имѣли дядекъ, руководителей, сообщающихъ частямъ ту прочность боевыхъ организмовъ, которою по справедливости обладаютъ части кавказской арміи.

Утро было пасмурное, и мелкій моросившій дождичекъ не предвѣщалъ ничего хорошаго. Хозяева дома вышли также на дворъ съ послѣдними пожеланіями успѣха и побѣдъ. Когда я пріѣхалъ на городскую площадь, то увидалъ стоявшую въ ожиданіи, со значкомъ впереди, сборную сотню—конвой командующаго войсками. Сотня эта имѣла очень красивый, пестрый, оригинальный видъ и состояла на половину изъ казаковъ Ейскаго полка и на половину изъ всадниковъ Кутаискаго конно-ирегулярнаго полка.

У самаго дома, занимаемаго командующимъ войсками, стоялъ пестрый кружокъ чиновъ штаба. Ровно въ 6 часовъ утра вышелъ

командующій войсками и сѣлъ на лошадь; раздалась протяжная команда начальника конвоя, значекъ заколебался въ воздухѣ и вся масса всадниковъ тронулась впередъ. Мы выѣхали изъ спящаго города, проѣхали мостъ черезъ рѣчку Бзуджу и подвигались лѣсомъ, имѣя высоту Экадіо съ правой стороны. Проѣхавъ версты двѣ этимъ лѣсомъ, мы, повернувъ направо, выѣхали на ровную чистую поляну.

Дорога расходилась здѣсь на двѣ: одна шла къ казачьему посту, у котораго былъ возведенъ редутъ, и далѣе на «чолокскій постъ»; другая шла вправо на г. Экадіо и барачный лагерь къ люнету, назначенному сборнымъ пунктомъ средней колонны, и далѣе, къ лельскому посту—цѣли движенія средней же колонны *).

Выѣхавъ на поляну, мы увидали прямо передъ собой, по дорогѣ на чолокскій постъ, за нашимъ казачьимъ постомъ темныя массы баталіоновъ и батарей лѣвой колонны; по дорогѣ же на люнетъ, въ полуоборотъ направо отъ нашего мѣстонахожденія, расположенные уже на Экадіо, около люнета, баталіоны и батареи средней колонны; нѣкоторые изъ нихъ только еще тянулись въ гору.

Мы направились напрямикъ въ разрѣзъ между двумя дорогами и тутъ по пути встрѣтили батарею, которая почему-то тянулась по дорогѣ изъ люнета обратно въ Озургеты; я (исполняя должность адъютанта начальника артилеріи) поскакалъ къ батареѣ—узнать въ чемъ дѣло и сейчасъ же отыскалъ командующаго батареею капитана Дмитріева. На вопросъ мой, что означаетъ это обратное движеніе, командующій предложилъ свой вопросъ: «куда идти? Въ диспозиціи сказано—по дорогѣ на лельскій постъ; я тутъ первый разъ въ этихъ мѣстахъ, не знаю ни самъ, и никто изъ чиновъ батареи не знаетъ, что это за люнетъ, у котораго указано собраться». Показавъ дорогу на люнетъ, самъ я бросился догонять начальство. Обстоятельство это заслуживаетъ того, чтобы посвятить ему два слова, и показываетъ, насколько важно, въ виду такой серьезной операціи, какъ переходъ границы, дать части возможность осмотрѣться.

Части обоихъ родовъ оружія, прибывшія за день, за два, или расположенныя на бивакахъ, не доходя до Озургетъ, выйдя на поляну, терялись; батареи долго бродили по полянѣ.

Было бы крайне полезно расположить ихъ на узлахъ движенія впередъ заблаговременно, тѣмъ болѣе, что мѣстъ для биваковъ было болѣе чѣмъ достаточно и самыя части конечно окончили свое приведеніе на военное положеніе не за недѣлю или три дня до перехода границы

*) Ниже въ слѣдующей главѣ помѣщена диспозиція для движенія.

Обстоятельство заблаговременнаго расположенія частей отряда по близости къ операціонной базѣ или на самой базѣ пріобрѣтаетъ въ кобулетскомъ отрядѣ особую важность въ виду свойства природы края; офицерамъ (командирамъ въ особенности) и нижнимъ чинамъ было весьма важно приспособиться къ этимъ свойствамъ и условіямъ.

Мѣстность такова, что затрудняетъ оріентированіе до нельзя: закрытая, пересѣченная, заросшая; ничего не можетъ быть легче потерять общее направленіе.

Первое же движеніе, также какъ и первый ударъ, въ виду незначительности пространства театра военныхъ дѣйствій и короткихъ операціонныхъ линій, пріобрѣтаетъ здѣсь особую важность.

Между тѣмъ начался объѣздъ войскъ лѣвой колонны генераломъ Оклобжіо; генералъ-маіоръ Денибековъ, начальникъ колонны, на великолѣпномъ рыжемъ кабардинцѣ съ азіатскимъ сѣдломъ, провожалъ его по фронту колонны.

Генералъ-Лейтенантъ Оклобжіо.

Вся масса лѣвой колонны *) стояла въ резервномъ порядкѣ фронтомъ къ Турціи, имѣя прямо передъ собой возвышенный, лѣсистый турецкій берегъ Чолока.

Самаго Чолока видно не было; онъ сливался съ плоскимъ нашимъ берегомъ, доходившимъ низменной поляной до расположенія колонны.

Объѣхавъ лѣвую колонну, генералъ Оклобжіо направился къ правой (средней), стоявшей далеко вправо, также въ резервномъ

---

*) Составъ лѣвой колонны былъ слѣдующій: 1) стрѣлковый баталіонъ Ленкоранскаго полка—подполковникъ Пригора; 2) 1-й кавказскій стрѣлковый Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича баталіонъ—подполковникъ князь Барятинскій; 3) 2-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ—подполковникъ Макѣевъ; 4) 1-й пластунскій пѣшій баталіонъ—полковникъ Козелковъ; 5) Гурійская пѣшая дружина (четыре сотни)—капитанъ князь Яссе Гуріель; 6) 5-я и 6-я батареи 41-й бригады—подполковники Ивановъ и Мусхеловъ; рота саперъ, сотня казаковъ. Итого пять баталіоновъ и одна рота, двѣ батари и сотня кавалеріи.

порядкѣ, на высотѣ у люнета передъ самымъ барачнымъ лагеремъ на г. Экадіо.

Между этимъ люнетомъ и барачнымъ лагеремъ пролегала дорога на лельскій постъ—цѣль движенія средней колонны. Кончился объѣздъ и средней колонны; началось молебствіе.

Мелкій дождичекъ не только не переставалъ моросить, но, напротивъ, усиливался и лилъ потомъ весь день 12-го апрѣля. Дождь этотъ превращалъ понемногу грунтовыя дороги въ какое-то мѣсиво—обстоятельство, которое, въ соединеніи съ вышеприведенными причинами, разстроило, какъ увидимъ далѣе, единовременность нашихъ операцій.

Вотъ первая случайность, въ виду свойствъ почвы и продолжительности дождя, долженствовавшая измѣнить и предположенія наши; но первоначальная диспозиція измѣнена не была и привела къ послѣдствіямъ, которыя мы разсмотримъ ниже.

Молебствіе между тѣмъ кончилось; генералъ Оклобжіо отдалъ приказъ о движеніи впередъ; баталіоны и батареи зашевелились и пришли въ движеніе; солдаты, снимая шапки, набожно крестились..

Типы жителей Аджаріи и Кобулета.

II.

Краткій военный обзоръ театра дѣйствій Кобулетскаго отряда *).

Театръ предстоящихъ дѣйствій Кобулетскаго отряда представлялъ узкую полосу земли, протянувшуюся по меридіану на 55 верстъ въ длину, ограниченную съ сѣвера теченіемъ р. Чолока, гдѣ непрерывная полоса лѣса придавала границѣ рѣзкое очертаніе, съ запада—моремъ, съ востока—отрогами высокихъ лѣсистыхъ и трудно доступныхъ горъ Аджаро-Гурійскаго хребта и Аджара Перанга и съ юга—теченіемъ р. Чороха до Батумской бухты. Средняя ширина этой полосы 10 верстъ; мѣстами она суживается до 5-ти верстъ **).

---

*) Матеріаломъ для составленія настоящаго очерка послужило личное знакомство и личныя наблюденія автора до объявленія войны, въ теченіи самой кампаніи и по ея окончаніи, а также труды участниковъ Г. Н. Казбека и П. Д. Краевича (Стратег. очеркъ Лазистанскаго Санджака и воен. обозр. при-Ріонскаго края) и прекрасное описаніе участка, составленное Ө. Л. фонъ-Климаномъ въ его трудѣ—«Исторія 41-й артил. бригады». *Авторъ.*

**) Смотри приложенныя карты и планы.

Чахатская вершина (3,310 ф.) имѣетъ господствующее значеніе въ краѣ; отсюда берутъ начало три рѣки:—пограничный Чолокъ, Ачхамури и Ачкуа; отсюда же бывшая граница переходила на Талахъ, перевалъ котораго открываетъ путь изъ Нижняго Кобулета въ нагорный, и гдѣ по радіусомъ расходятся горные отроги, наполняющіе всю мѣстность между Чолокомъ и Кинтришемъ, отъ горы Чахата до Богильскаго поста съ одной стороны и до выхода Кинтриша на равнину съ другой. Въ с.-в. углу Чолока Чахатскія горы отдѣляютъ оригинальную, высокую и коническую группу Джихандджири; южнѣе и нѣсколько западнѣе, между р.р. Ачкуа и Ачхамури, онѣ образуютъ группу невысокихъ холмовъ Муха-Эстате; еще южнѣе, между р.р. Ачкуа и Кинтришъ, отбрасываютъ отъ себя гребни Зенитскихъ, Осетурскихъ, Кандидскихъ и Худъ-Убанскихъ горъ.

Всѣ эти горы, разбѣгаясь на западъ отъ вершины Чахата, дробятся въ свою очередь на множество второстепенныхъ развѣтвленій и, постепенно понижаясь къ морю, теряются въ лѣсной и болотистой низменности черноморскаго прибрежья. Въ 35-ти верстахъ отъ моря Аджаро-Гурійскій хребетъ отдѣляетъ отъ себя на юго-западъ Аджаро-Перангскую вѣтвь. Достигая въ наивысшихъ своихъ точкахъ высоты 8½ тысячъ футъ (вершина Хино 8,522 ф.), эта горная цѣпь тянется непрерывной стѣной отъ горы Хино, гдѣ она имѣетъ видъ скалистыхъ горъ, вдоль по теченію р. Кинтришъ, вплоть до берега моря, въ 10-ти верстахъ отъ котораго, у горы Харисъ-мта, раздѣляется на двѣ вѣтви, сѣверную и южную, и сливаясь съ окрестными холмами, выдвигается немного въ море, образуя скалистый Цихисдзирскій уступъ, а южнѣе—Чаквинскій мысъ.

Отъ Чахатскихъ горъ Перанга отдѣляется р. Кинтришемъ. Сѣверный, обращенный къ Кинтришу, склонъ Перанги чрезвычайно крутъ, почти лишенъ поперечныхъ ущелій и покрытъ сплошнымъ вѣковымъ лѣсомъ. Рядъ крутыхъ и короткихъ контръ-форсовъ упирается въ него, касаясь Кинтриша только въ его верховьяхъ и отбрасывая отъ своихъ подножій на среднемъ и нижнемъ теченіи этой рѣки то групы возвышенностей, то острые и лѣсистые гребни горъ.

Изъ этихъ послѣднихъ гребней получили особенно важное значеніе въ минувшую войну—Самеба и Квирике. Первый изъ нихъ, отдѣляясь отъ одного изъ контръ-форсовъ Перанги, въ 8 верстахъ отъ моря, проходитъ узкимъ и прямолинейнымъ хребтомъ между р.р. Кинтришъ и его западнымъ притокомъ Кинтышъ. Направленіе Самеба почти соотвѣтствуетъ паралели; высота постепенно понижается къ морю; южный склонъ, обращенный къ Кинтышу, крутъ и имѣетъ немного развѣтленій; сѣверный, болѣе отлогій, отдѣляетъ

отъ себя нѣсколько отроговъ, сбѣгающихъ къ Кинтришу. Весь хребетъ покрытъ лѣсомъ и садами, въ которыхъ прячутся дома мѣстныхъ жителей. Квирикскій гребень, между рѣками Кинтышъ и зап. ручьемъ, берущимъ начало у горы Тинатисъ-Кетъ, рѣзко отдѣляясь отъ главнаго хребта Перанги въ сѣверо-западномъ направленіи, образуетъ сначала рядъ рельефно очерченныхъ террасъ, понижающихся къ морю, а потомъ идетъ такимъ же острымъ и постепенно теряющимъ свою высоту гребнемъ, какъ и Самеба. Въ длину онъ нѣсколько короче Самеба и былъ покрытъ, до появленія на немъ турокъ, сплошнымъ лѣсомъ. Склоны его почти ничѣмъ не отличаются отъ южныхъ Самебскихъ. Между Квирикскимъ хребтомъ и р. Дегва нагроможденъ рядъ высокихъ холмовъ, названныхъ нами по имени рѣки и деревни, раскинутой на нижней части этихъ холмовъ—Дегвой. Средняя высота ихъ меньше не только Квирике, но и ближайшихъ за ними къ морю Ципнарскихъ высотъ. За р. Дегва начинаются послѣдніе уступы Аджаро-Перанги. Здѣсь она значительно понижается и отбрасываетъ на сѣверъ групу возвышенностей, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ Ципнарскихъ высотъ. На морскомъ берегу они обрываются скалами, на одной изъ которыхъ расположена старинная и извѣстная въ Грузинской исторіи крѣпостца Цихисдзири. Послѣдняя въ данное время имѣла ничтожное значеніе, но нагроможденныя надъ нею Ципнарскія, Квирикскія и Самебскія высоты, упираясь одной своей стороной въ море, а другой примыкая къ Аджаро-Перангѣ, не имѣющей отъ истоковъ Кинтриша до истоковъ Дегва ни одного хоть сколько нибудь сноснаго перевала, образуютъ сильную естественную оборонительную линію, запирающую доступъ къ Батуму со стороны Гуріи.

Въ общихъ чертахъ, Перанга представляетъ высокую горно-лѣсную стѣну, падающую у Цихисдзири, вертикально и подъ прямымъ угломъ къ берегу, въ море. Возведеніемъ турками укрѣпленій на высотахъ Квирике и Ципнара образуется преграда недоступная для тактическаго обхода ни со стороны моря, ни со стороны горъ; а свойства горной страны не допускаютъ и стратегическаго ея обхода для выхода къ Батуму или въ тылъ этой Цихисдзирской укрѣпленной системѣ.

Все прибрежное пространство отъ Цихисдзири до Батума, на разстояніи 19-ти верстъ заполнено горами.

Единственная дорога между этими двумя приморскими пунктами шла тотчасъ же за Цихисдзири лѣсистыми возвышенностями, а потомъ, снова спустившись къ морю, по узкой, стѣсненной съ востока горами, низменной полосѣ Чернаго моря.

На половинномъ разстояніи между Цихисдзири и Батумомъ дорога встрѣчаетъ южный отрогъ Перанги, который въ видѣ остраго, сильно падающаго къ морю хребта, заканчивается мысомъ и сразу обрывается въ море.

Эта вторая естественная оборонительная линія Турокъ со стороны Гуріи—Каялыкъ, чаквинскій мысъ. Удаляясь въ этомъ мѣстѣ отъ берега моря въ горы, дорога опять выходитъ на низменную полосу, которая, то суживаясь, то расширяясь, тянется морскимъ берегомъ вплоть до Батума *).

Равнинная часть нижняго Кобулета невелика. Начинаясь у морскаго берега, она граничитъ съ сѣвера Чолокомъ, съ востока подножіемъ Муха-Эстатскихъ, Джиханджирскихъ и Хуцъ-Убанскихъ холмовъ и съ юга подошвами Самебскихъ, Квирикскихъ и Ципнарскихъ высотъ. Въ длину, по берегу моря, она имѣетъ не болѣе 17-ти верстъ, а въ ширину, въ глубь материка, отъ 6-ти до 8-ми верстъ. Сѣверная полоса этой равнины наполнена сплошными дремучими лѣсами: Осендальскимъ, Берсенальскимъ, Богильскимъ и другими, которые, распространяясь къ югу, мельчаютъ, дробятся и наконецъ обращаются почти въ кустарникъ, подходя къ приморскому городу Чурукъ-Су. Прерываемые здѣсь большимъ болотнымъ пространствомъ,—Испани, они опять начинаются, отступя нѣсколько отъ берега, и, съ небольшими перерывами, наполняютъ всю восточную часть равнины отъ подножія Хуцъ-Убанскихъ высотъ до хут. Ачхамури (Сакатмійскій и пр. лѣса).

Къ югу отъ городка Чурукъ-Су до подножія Ципнарскихъ и Самебскихъ высотъ простирается извѣстная по военнымъ событіямъ 1829 и 1854 годовъ Кинтришская поляна, прорѣзываемая рѣками: Ачкуа, Кинтришемъ, Кинтышемъ и Дегвой.

Почти квадратная по очертанію, она имѣетъ вдоль берега моря около 6-ти верстъ. Лѣсъ на ней встрѣчается небольшими группами, отступя отъ моря, и тянется исключительно по берегамъ рѣкъ.

Равнина нижняго Кобулета, богатая лѣсами и болотами, крайне бѣдна пастбищами. Она могла служить, да и то въ рѣдкихъ случаяхъ, только ничтожнымъ подспорьемъ для значительнаго отряда.

Что касается до расположенія лѣсовъ, то замѣтимъ, что въ сущности весь Кобулетъ есть ничто иное, какъ непрерывный и мѣстами

*) Здѣсь пришлось нарушить изложеніе, и говорить о дорогѣ, что сдѣлано въ виду связи свойства дороги съ описываемымъ топографическимъ характеромъ мѣстности.

непроницаемый лѣсъ. Въ лѣсу живутъ люди, въ лѣсу кормится скотъ, въ лѣсу на маленькихъ прогалинахъ сѣется кукуруза, въ лѣсу же, вблизи жилищъ, разсаживаются и ростутъ, подобно лѣсу, фруктовыя деревья.

Но лѣса имѣютъ здѣсь особенный, свойственный только Кавказскому побережью Чернаго моря, характеръ.

Они перепутаны густой зарослью тропическихъ растеній. Грунта не видно, онъ исчезаетъ среди этой массы плотной и колючей зелени. Эта то именно мелкая, но необыкновенно частая растительность, которою переполнены всѣ Кобулетскіе лѣса, и дѣлаетъ ихъ непроницаемыми.

Немногія прогалины, встрѣчающіяся въ этихъ лѣсахъ, покрыты высокимъ папоротникомъ, который появляется здѣсь всюду, гдѣ только не встрѣчаетъ противодѣйствія въ сильнѣе его растущихъ колючкѣ, азаліи и рододендронѣ.

Вотъ что говоритъ путешественникъ Бокрадзе о впечатлѣніи, произведенномъ на него Кобулетскими лѣсами, при спускѣ своемъ съ Хино въ ущелье Кинтриша: «отъ самаго перевала лѣса были такъ густы, растительность имѣла такіе подавляющіе размѣры, что признаюсь, что ничего подобнаго понынѣ на Кавказѣ я еще не видѣлъ. Буковыя, дубовыя, сосновыя и другія породы, то смѣшавшіяся вмѣстѣ, то перемежавшіяся, покрывали безъ всякаго перерыва какъ ущелье, такъ и всѣ скаты и горныя выси, поднимаясь стройно и нерѣдко имѣя въ окружности у основанія 4—5 человѣческихъ обхватовъ. Многія изъ нихъ съ низу до верху опутаны были сѣтью разнороднаго плюща и многихъ другихъ чужеядныхъ растеній, и съ ихъ вѣтвей свѣшивались длинныя, въ 2—3 аршина, нити сѣрыхъ лишаевъ, а подъ тѣнью ихъ росъ не менѣе густой подлѣсокъ изъ вѣчно зеленѣющихъ толсто-листыхъ лавро-вишенъ, понтійскихъ рододендроновъ и имъ подобныхъ породъ. Кругомъ царствовала невѣроятная сырость и мертвая тишина, нарушавшаяся лишь шумомъ горныхъ потоковъ.»

На склонахъ Перанги и Чахатскихъ горъ по среднему теченію Кобулетскихъ рѣкъ сосна уже исчезаетъ, но характеръ лѣсовъ и размѣры растительности остаются все тѣ же.

Нижній Кобулетъ обильно снабженъ рѣчной водою. Кромѣ рѣки Кинтриша, главной артеріи страны, и Чолока, здѣсь протекаютъ: Ачхамури, Ачкуа, Кинтышъ и Дегва, съ своими многочисленными ручейками. Такъ какъ теченіе р. Чолока составляло пограничную черту, то описывая эту рѣку, мы вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлаемъ бѣглый обзоръ нашей границы

Наша бывшая пограничная Турецко-Гурійская линія, растянутая отъ устья Чолока до границы Ахалцихскаго уѣзда на 113 верстъ (отъ моря до Музаратскаго поста 35 в., отъ Музаратскаго до Ротскаго, у границы Ахалцихскаго уѣзда, 77½ в.), опредѣлялась на югѣ и западѣ всѣмъ теченіемъ р. Чолока, отъ впаденія его въ Черное море до истоковъ, находящихся у вершины горы Чахатъ; далѣе на востокъ, она проходила черезъ вершину Талаха и, направляясь по сѣверному рубежу альпійскаго плато аджаро-гурійскаго хребта, заканчивалась у горы Шавнабада. По топографическимъ свойствамъ, описанную линію можно подраздѣлить на двѣ части, рѣзко отличающіяся другъ отъ друга: низменную, простирающуюся на 23 версты отъ моря до поста Музаратскаго, и гористую, отъ Музаратскаго поста до Шавнабада, на разстояніи почти 50-ти верстъ.

Низменная часть Гурійской границы начинается въ томъ мѣстѣ, гдѣ р. Чолокъ, выходя изъ узкаго ущелья близь деревни Какути, течетъ по равнинѣ, едва наклоненной къ Черному морю. У Музаратскаго поста вода принимаетъ медленное теченіе по глинистому ложу съ крутыми подмытыми берегами; кругомъ густая ползучая растительность, которая иногда совершенно заплетаетъ поверхность воды. Этотъ характеръ Чолока особенно рѣзко обозначается близъ Н. Богильскаго поста, гдѣ рѣка обращается въ темную, почти неподвижную массу воды, которая замѣтно ростетъ въ ширину и глубину.

Къ этому надо прибавить, что чѣмъ ниже по рѣкѣ, тѣмъ болотистѣе берега ея, причемъ правый берегъ ниже и болотистѣе лѣваго—турецкаго. Съ приближеніемъ къ морю усиливается растительность: лѣсъ дѣлается гуще и крупнѣе, растительность разнообразнѣе, а мѣстность менѣе доступною. Не доходя 2-хъ верстъ до моря, Чолокъ дѣлаетъ колѣно, которое круто поворачиваетъ на сѣверъ и протекаетъ на пространствѣ до 5-ти верстъ паралельно берегу моря, образуя сухую, голую и песчаную полосу наноснаго происхожденія. У самаго моря Чолокъ соединяется съ Натанеби и такимъ сліяніемъ образуется довольно глубокая и широкая пристань «Шекветили» (по турецки—«соединеніе»), прикрытая съ моря песчаною косою. Ширина воды у Шекветили доходитъ до 50-ти саженей; глубина же едва достаточна для входа плоскодонныхъ рѣчныхъ лодокъ и фелюгъ, на которыхъ производится значительная вывозная торговля Шекветили, иначе называемаго постомъ Св. Николая.

Населенныхъ мѣстъ по берегамъ Чолока отъ устья его до селенія Какути не имѣется ни съ нашей, ни съ Турецкой стороны. До шестидесятыхъ годовъ сюда проникали только охотники за кабанами и

люди, имѣвшіе въ виду контрабанду и столь извѣстное воровство гурійскихъ женщинъ и дѣтей. Самая мѣстность съ ея болотами и непроницаемыми лѣсами дѣлала невозможнымъ развитіе культуры.

Начиная съ 60-хъ годовъ порядокъ вещей нѣсколько измѣнился: чрезвычайный спросъ на кавказскую кукурузу заставилъ жителей спуститься къ Чолоку, продѣлать «канаши» (расщищенныя подъ кукурузу мѣста, огороженныя плетнемъ) и, хотя для временнаго поселенія, построить караулки. Весной и въ началѣ лѣта, особенно при уборкѣ кукурузы, берега Чолока кипятъ жизнью; за то съ конца августа, когда здѣсь начинаются злыя лихорадки, вновь прекращается всякое ея проявленіе. Зимою на берегахъ Чолока пасется весь скотъ западной Гуріи. Что касается до другихъ рѣкъ Кобулетіи, то замѣтимъ, что длина Кобулетскихъ рѣкъ вообще не велика: Кинтришъ имѣетъ 35 верстъ протяженія, остальныя не болѣе 20-ти. Ачкуа и Ачхамури берутъ свое начало изъ Чахата; Кинтришъ у горъ Хино; Кинтришъ, вырываясь изъ узкаго и мрачнаго ущелья, образуемаго двумя контрофорсами Перанги, немного западнѣе Самебы, начинается у горы Кинтышъ. Ширина всѣхъ названныхъ рѣкъ въ верхнихъ и среднихъ теченіяхъ ничтожна; но приближаясь къ морю, онѣ сильно расширяются. Глубина находится въ постоянной зависимости отъ времени года и состоянія погоды. Берега средняго теченія Ачкуа и Ачхамури глинисты и обрывисты. Кинтришъ же, имѣющій на большомъ протяженіи каменное ложе, только въ самомъ нижнемъ своемъ теченіи врывается въ глинистый грунтъ и такъ же обрывистъ, какъ и всѣ прочія рѣки. Изъ всѣкъ рѣкъ Кобулета только двѣ впадаютъ непосредственно въ Черное море: это Чолокъ и Кинтришъ. Остальныя служатъ притоками: Ачхамури впадаетъ въ Чолокъ въ 4-хъ верстахъ отъ его устья; Ачкуа, подойдя почти къ самому берегу моря у Чурукъ-Су, неожиданно поворачиваетъ круто на югъ, идетъ версты двѣ паралельно берегу моря и сливается съ Кинтришемъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ эта рѣка, приблизившись къ морю, дѣлаетъ такое же колѣно и, подобно Ачкуа, проходитъ еще версты полторы до впаденія своего въ море; Кинтышъ съ лѣвымъ протокомъ своимъ Квирике, вливается съ южной стороны въ Кинтришъ, въ одной верстѣ отъ моря; Дегва впадаетъ въ Кинтришъ у самаго моря.

За исключеніемъ Кинтриша, эти рѣки на среднихъ своихъ теченіяхъ въ сухое время не представляютъ никакого затрудненія для переправы всѣхъ родовъ войскъ; но для полевой артиллеріи необходимы въ обрывистыхъ мѣстахъ раздѣланные спуски и подъемы. Въ дождливую погоду, по среднимъ теченіямъ каждой изъ нихъ можно найти множество бродовъ.

Въ военномъ отношеніи имѣетъ важное значеніе одинъ только Кинтришъ. Отъ дер. Верх. Кобулеты до выхода своего въ море, онъ довольно глубокъ и не вездѣ проходимъ. Въ горахъ онъ быстро бѣжитъ, волнуясь и пѣнясь о валуны, которыми усѣяно его дно; на равнинѣ его теченіе умѣренное, но здѣсь онъ глубокъ, значительно расширяется и имѣетъ мало бродовъ. Ущелье, по которому онъ идетъ около В. Кобулеты, образуетъ у зап. оконечности этой деревни довольно обширную котловину; далѣе внизъ, между высотами Самеба и Хуць-Убани, ущелье его расширяется, а у с. Чанети онъ бѣжитъ двумя рукавами и образуетъ значительный, заросшій мелкимъ лѣсомъ и кустарникомъ островокъ, за которымъ опять соединяется и однимъ уже русломъ идетъ вплоть до впаденія своего въ море.

Всѣ значительныя Кобулетскія рѣки направляются къ западу и не имѣютъ почти никакого экономическаго значенія.

Черезъ низменную часть нашей границы, или—какъ говорятъ—чолокскую линію, къ предѣламъ Турціи ведутъ три дороги: одна отъ поста св. Николая, вдоль берега моря, другая отъ Чолокскаго поста и Кобулетскаго селенія Легва и третья отъ Нижне-Богильскаго поста на хуторъ Ачхамури (къ которому выходила еще соединительная дорога отъ Лельскаго поста). Лучшая изъ перечисленныхъ дорогъ та, которая идетъ отъ поста св. Николая, пролегающая по песчаному, естественному вдоль берега моря полотну, что дѣлаетъ ее колесной и непосредственно за Чолокомъ выводящую на извѣстную въ военной исторіи кинтришскую поляну (Лимона). Самый большой недостатокъ этой дороги, кромѣ того, что она подвержена обстрѣлу флота, заключается въ отсутствіи переправы черезъ Чолокъ и Натанеби, которыя имѣютъ при сліяніи значительную ширину. Другія двѣ дороги, особенно Ачхамурская, менѣе удобны, чѣмъ первая.

На основаніи разспросныхъ свѣдѣній, собранныхъ въ Озургетахъ, можно было предполагать, что Легвская дорога годна для движенія даже полевой артилеріи; но она проходитъ по такимъ лѣсамъ, которые дѣлаютъ небезопаснымъ положеніе оперирующаго по ней отряда. Примѣръ движенія по этой дорогѣ колонны генерала князя Багратіона Мухранскаго въ 1854 году еще разъ доказалъ, что движеніе войскъ въ Лазистанскій санджакъ вообще опасно, если туземное населеніе враждебно движущемуся отряду. Всѣ эти дороги были грунтовыя, аробныя, дурно разработанныя; степень ихъ проходимости находилась въ полной зависимости отъ состоянія погоды. Въ сухое время онѣ, хотя и съ большимъ трудомъ, были доступны для всѣхъ родовъ оружія и транспортовъ, но во время продолжительныхъ дождей, представляющихъ здѣсь самое обычное явленіе, двѣ изъ нихъ, нижне-

богильская и усть-чолокская, ведущая собственно черезъ дер. Пичнару на Муха-Эстате, обращались въ болото и допускали, въ томъ видѣ, въ которомъ онѣ находились до войны, движенiе только пѣхоты, кавалерiи и вьючнаго обоза.

Лучшая изъ дорогъ была легвская. Она проложена была отъ Чолокскаго поста по южному склону Джиханджири и выходила на Муха-Эстате, къ пункту, исторически намѣченному для соединенiя нашихъ отрядовъ. Но и эта дорога, при отсутствiи на ней болотъ и непроницаемаго лѣса, характеризующаго всю низменную полосу, пролегала по лѣснымъ ущельямъ, стѣсненнымъ съ одной стороны Джиханджирскими высотами, съ другой—отрогами Чахатскихъ горъ, имѣла чрезвычайно крутые спуски и подъемы, прерывалась множествомъ рѣчекъ и ручейковъ, мосты на которыхъ или истлѣли, или были полуразвалены, и проходила по мѣстности, населенной наиболѣе отважнымъ и разбойничьимъ населенiемъ Кобулета. Войска, конечно не безъ боя и не безъ затрудненiй, могли ею слѣдовать, но она не годилась для установленiя на ней сообщенiя съ базой, т. е. не отвѣчала требованiямъ комуникацiоннаго пути.

Ачхамурская дорога была несравненно хуже легвинской. Это была скорѣе просѣка, чѣмъ дорога; сгнившiе пни, обвалившiяся деревья, болотистыя пространства, наполненныя мелкой, но чрезвычайно густой непролазной чащей, и невысокiе, но обрывистые берега топкихъ рѣчекъ сопровождали протяженiе этой дороги. Громадные лѣса, со всѣхъ сторонъ загромождая и облегая эту дорогу вплоть до хутора Ачхамури, не пропускали въ чащу солнечныхъ лучей, и какъ нижне-богильская, такъ отъ Лельскаго поста на Ачхамури, обѣ дороги находились въ состоянiи болотистыхъ и вязкихъ трясинъ.

О наступленiи по береговой дорогѣ, отъ св. Николая до Кинтришской поляны, намъ нечего было и думать: она была слишкомъ удалена отъ нашего главнаго продовольственнаго и складочнаго пункта,—Озургетъ, подвержена была десантамъ съ моря и мелкимъ нападенiямъ съ суши и обстрѣливалась съ моря же броненосцами, борьба съ которыми могла входить въ разсчеты кобулетскаго отряда только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ.

Другихъ дорогъ изъ Гурiи въ Кобулетъ на всемъ протяженiи нашихъ границъ не существовало. Сплошная, непроходимая лѣсная стѣна отдѣляла пограничную черту отъ населенныхъ мѣстъ Кобулетiи, и мы волей-неволей, принуждены были воспользоваться тѣмъ, что имѣлось и что было наиболѣе доступно.

Гористая часть гурiйской границы, за которую иногда перехо-

дили дѣйствія Кобулетскаго отряда, начиналась у «Музаратскаго поста», шла непрерывно по узкому и лѣсистому ущелью Чолока вплоть до истоковъ его и, переваливая черезъ коническую вершину Чахата, оканчивалась у горнаго узла Талаха. Длина этой линіи не превышаетъ 10 верстъ. Единственная аробная дорога, продѣланная отъ Озургетъ до д. Какути, обращалась въ предѣлахъ Турціи въ горную тропу, доступную только пѣшеходамъ и войскамъ.

Выше было сказано о талахскомъ перевалѣ изъ нижняго Кобулета въ верхній, изъ бассейна р. Ачкуа къ среднему теченію рѣки Кинтриша. Такъ какъ этотъ перевалъ послужилъ цѣлью одной изъ горныхъ экспедицій части войскъ Кобулетскаго отряда, то необходимо нѣсколько на немъ остановиться.

На перевалъ Талаха, который лежитъ близъ горы Чахатъ, изъ Гуріи двѣ дороги: одна черезъ с. Какути вверхъ по Чолоку; другая изъ селеній Лихаури и Ачи, близъ развалинъ бывшей деревни Нацхватеви. Какутская дорога отъ Озургетъ до деревни Какути удобна для движенія аробъ. Затѣмъ начинается узкая, лѣсистая и довольно крутая тропинка, идущая вверхъ по Чолоку до самаго перевала Талаха, который имѣетъ видъ лѣсистыхъ воротъ, прорубленныхъ у подошвы конуса Ильясъ-Килисе (Чахатъ). Все разстояніе отъ Какути черезъ постъ Нацхватеви до Талаха не болѣе 6 верстъ. Паралельно Какутской дорогѣ, по лѣвому берегу Чолока, т. е. по турецкой територіи, идетъ другая дорога, которая начинается у турецкаго чолокскаго поста и соединяется съ первою дорогою у Талахскаго перевала, гдѣ стоитъ турецкій постъ и пограничная пирамида № 1.

Ачинская дорога проходитъ по ущелью рѣки Ачи, мимо развалинъ Лихаурской крѣпости, которая служила когда-то для обороны спуска съ горы Талаха въ равнинную часть Гуріи. Пройдя изъ Озургетъ деревню Лихаури, дорога входитъ въ весьма узкое ущелье рѣки Ачи, перебрасывается по довольно прочному и широкому деревянному мосту на правый берегъ рѣки и идетъ по весьма живописной мѣстности до самой деревни Ачи, которая раскинута между горами Санислобо и Талаха. Отъ Озургетъ до Ачинскаго поста ее можно считать удобной до слѣдованія даже легкихъ орудій; затѣмъ начинается крутой подъемъ къ перевалу Талаха, который отстоитъ отсюда не болѣе 8-ми верстъ; дорога узка, крута и въ настоящемъ своемъ видѣ годна только для движенія легкихъ вьюковъ.

Разстояніе отъ перевала Талаха до ближайшаго пункта на гурійскомъ шоссе, т. е. до города Озургетъ, равняется, какъ черезъ Какути, такъ и черезъ Ачи, почти 15-ти верстамъ; но изъ этихъ

двухъ дорогъ, по удободоступности слѣдуетъ предпочесть ту, которая идетъ черезъ нашъ чолокскій постъ и д. Какути.

Талахскій перевалъ важенъ въ военномъ отношеніи, какъ ближайшій къ намъ пунктъ, съ котораго можно грозить деревнямъ, расположеннымъ по среднему теченію рѣки Кинтриша и, слѣдовательно, отвлекать кобулетцевъ отъ прибрежной дороги, которая, конечно, будетъ главнымъ операціоннымъ путемъ, въ случаѣ движенія нашихъ войскъ въ Лазистанскій санджакъ. Экономическаго значенія дороги на Талахъ не имѣютъ: онѣ идутъ на всемъ пространствѣ по некультурной полосѣ, по густому лѣсу и не касаются луговъ аджаро-гурійскаго хребта.

За исключеніемъ незначительнаго черкесскаго поселка у Цихисдзири, всѣ поголовно жители Кобулета грузинскаго происхожденія. Еще не такъ давно они были ревностными христіанами, но политическія замѣшательства въ началѣ прошлаго вѣка, вліяніе сильной тогда Турціи и въ особенности отпаденіе отъ христіанства, изъ за политическихъ расчетовъ, вліятельной здѣсь изстари фамиліи Тавдгеридзе, были причинами быстраго и кореннаго поворота населенія отъ христіанства къ магометанству. Въ настоящее время кобулетцы такіе же искренніе и фанатичные мусульмане, какими были когда-то усердными христіанами. О степени ихъ религіозной ревности можно судить помимо нашего собственнаго опыта, со словъ того же Бакрадзе: все, что не относится до религіи, пренебрегается, презирается. Жизнь по Корану—вотъ что занимаетъ мусульманина, что считаетъ онъ единственною потребностью души и тѣла. О чемъ бы вы не заговорили съ нимъ, по крайней мѣрѣ въ Аджаріи и Чурукъ-су, онъ непремѣнно свернетъ разговоръ на религіозный предметъ. Туземные муллы и особенно эффендіи, подготовляемые въ главныхъ городахъ Турціи, ревниво слѣдятъ, чтобы обряды омовенія и молитвъ исполнялись со всею строгостью, чтобы по пятницамъ всѣ бывали въ джамахъ.

Но, утративши вѣру своихъ предковъ, кобулетцы удержали во всемъ свою національность; «здѣсь встрѣчается тотъ-же типъ лица, языкъ, костюмъ и способъ разселенія разбросанными одинокими усадьбами въ деревянныхъ домахъ среди лѣсовъ; вся разница заключается въ вѣрѣ, которая безъ сомнѣнія положила рѣзкую печать на домашнюю жизнь турецкаго гурійца-магометанина.—Поселенія турецкой Грузіи сосредоточены вдоль по ущельямъ отдѣльными

группами домовъ. Такимъ образомъ, здѣсь нѣтъ деревни въ томъ смыслѣ, какъ это понимаютъ въ Россіи, а существуетъ община, связанная одной администраціей (сельскій судъ, меджлисъ) и главное—джамой (мечетью). Дома исключительно деревянные, весьма часто сложенные изъ каштановыхъ досокъ и при томъ въ два этажа.

Населеніе Кобулета, доходившее до войны почти до 9,000 душъ, группировалось главнымъ образомъ по обѣимъ сторонамъ Кинтриша и Ачкуа. Нижняя лѣсная полоса и высокіе, крутые бока Перанги были совершенно не населены. Поселки тянулись здѣсь иногда на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, такъ что только естественные и при томъ рѣзкіе рубежи отдѣляли ихъ другъ отъ друга. На среднемъ теченіи Ачхамури расположено с. Легва; на нижнемъ теченіи этой рѣки раскинутъ небольшой хуторъ Ачхамури; еще ближе къ морю, немного отступя отъ рѣки, пряталась въ лѣсахъ деревня Пичнара. Это были самые близкіе къ нашей границѣ населенные пункты; далѣе къ Чолоку шла уже необитаетая болотно-лѣсная полоса. Къ югу отъ ручья Муха-Эстате, впадающаго въ Ачхамури, находилась д. «верхняя Гвара», на среднемъ—«Аламбара» и на верхнемъ—«Зенити и Ачквистави». По берегамъ Кинтриша разбросаны были: внизу, на равнинѣ, д. Ченети (правый берегъ), въ ущельяхъ и горахъ нижняго теченія рѣки — д. Самеба (лѣвый берегъ), Хуцъ-Убани (правый берегъ) и верхніе Кобулеты (правый берегъ); послѣдняя деревня составляла самый многолюдный пунктъ всего Кобулета. За Кинтышемъ находилась д. Квирике; за нею, на Дегвинскихъ холмахъ—с. с. Дегва и Бобеквати; на Ципнарскихъ высотахъ—с. с. Перисъ-оглы и Цихисдзири. На берегу моря, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Ачкуа поворачиваетъ на югъ, разбросанъ небольшой городокъ Чурукъ-су, бывшее мѣстопребываніе каймакама и мѣсто жительства кобулетскихъ Тавдгеридзе; къ югу отъ устья Кинтриша расположенъ небольшой черкесскій поселокъ Пантуранъ.

Хотя привычки населенія и повсемѣстное обиліе воды и позволяютъ жителямъ забираться на высокія горы, но склоны главнаго гребня Аджаро-Перанги до того круты, что не пускаютъ этого населенія выше второстепенныхъ возвышенностей; болота-же и лѣса отгоняютъ его отъ берега моря. По этому центръ жизни Кобулета находится внутри страны и сосредоточивается около д. верхніе Кобулеты.

Средній Кинтришъ, съ своими деревнями — Кохи, Кокчіети, Колобаури и Цхемлована — уступалъ численностью группировавшагося на его берегахъ населенія нижнему Кинтришу. Въ

Кохи имѣлся трудно проходимый перевалъ черезъ Перангу въ Аджарію.

Слѣдуетъ замѣтить, что мѣстности по среднему теченію Кинтриша не входили въ районъ военныхъ дѣйствій кобулетскаго отряда.

Жизнь кобулетцевъ сложилась не подъ цивилизующимъ вліяніемъ государственнаго строя, а на основаніи произвола и вкоренившихся старинныхъ обычаевъ. Долгое время здѣсь хозяйничали беки, вся обязанность которыхъ по отношенію къ Турціи заключалась въ взиманіи натуральнаго налога съ жителей и въ сборѣ на общественный счетъ во время войны вольныхъ дружинъ, которыми они обыкновенно и предводительствовали. Это былъ въ полномъ смыслѣ слова — феодализмъ, но только возросшій на азіатской почвѣ. Само собою разумѣется, что хищническая система бековъ не могла развить въ населеніи понятій о государствѣ и правѣ. Турецкое правительство долго не нарушало такого порядка вещей, но въ первой половинѣ настоящаго столѣтія, оно уничтожило власть бековъ, ввело свою администрацію въ Кобулетъ, обложило жителей натуральною податью, и наконецъ обязало его рекрутскою повинностью. Но все это не разрушило строгаго строя жизни и не смягчило нравовъ туземнаго населенія. Рѣзкими примѣрами дикости этихъ нравовъ могутъ служить варварскій обычай кровомщенія и военный обычай обезображиванія трупа убитаго врага.

Но не одно вліяніе обычаевъ и полудикаго государственнаго строя удерживало страну въ дикомъ и бѣдномъ состояніи. Сама природа и топографическія свойства Кобулета не давали большого простора культурѣ. Трущобы, въ которыхъ жили кобулетцы, развивали скорѣе страсть къ дешевой наживѣ, къ легкой добычѣ, чѣмъ привычку къ болѣе или менѣе постоянному труду. При царившей здѣсь дикости нравовъ, онѣ сдѣлали изъ кобулетцевъ отличныхъ охотниковъ и еще лучше грабителей; близость же моря и границы образовала изъ нихъ самыхъ отчаянныхъ контрабандистовъ. Въ былое, но не очень отдаленное время, они занимались плѣннопродавствомъ, покупкой и продажей гурійскихъ женщинъ и дѣтей. Такого рода занятія, разумѣется, не могли пріучить дикаго и воинственнаго кобулетца къ привычкамъ и дѣятельности мирнаго гражданина. Какъ два столѣтія тому назадъ, онъ остался хищенъ, суровъ и крайне не жалуетъ иноземцевъ. Даже на турокъ онъ смотритъ съ едва скрываемымъ отвращеніемъ. Онъ уступаетъ имъ, и то не всегда, только въ силу одинаковой съ ними религіи. Обычай, любимые промыслы, сопряженные съ постоянною опасностью, и

мѣстныя трущобы, никогда не позволяютъ ему разставаться съ его оружіемъ.

Во всѣхъ нашихъ войнахъ съ Турціею кобулетцы принимали самое дѣятельное участіе. Отъ нихъ главнымъ образомъ зависѣла неудача нашихъ вторженій въ Кобулетъ. По этому для успѣха операцій нужно было принять за необходимое правило, что бы населеніе турецкой Грузіи или было-бы вполнѣ за насъ, или же, по крайней мѣрѣ, оставалось-бы нейтральнымъ, что видно изъ приведеннаго обзора, равно какъ и изъ опыта походовъ генераловъ Гессе и Остенъ-Сакена въ 1829 году. Послѣдняя восточная война подтвердила выводы событій 1829 года; едва только выяснилась неминуемость войны 1853 года и турецкія войска стали собираться на кинтришскую поляну, кобулетцы уже вырѣзали гарнизонъ укрѣпленія св. Николая и принудили начальника Гурійскаго отряда очистить Озургеты. Душою наступательныхъ дѣйствій былъ кобулетскій Хасанъ-бекъ-Тавдгеридзе, убитый въ сраженіи при Нигоити. На сколько было дѣйствительно вліяніе аджарцевъ и кобулетцевъ, или вѣрнѣе сказать ихъ бековъ, на успѣхи турокъ въ 1853—54 годахъ, видно изъ того, что, по мнѣнію турокъ, они потеряли Чолокское сраженіе, между прочимъ потому, что мѣстные беки не симпатизировали Селиму-пашѣ, навлекшему неудовольствіе за свое корыстолюбіе. Другой эпизодъ изъ войны 1854 года еще болѣе подтверждаетъ нашу мысль; часть гурійскаго отряда была двинута по легвской дорогѣ, чтобы привлечь вниманіе турокъ въ эту сторону; русскій отрядъ безпрепятственно дошелъ до д. Легва, не встрѣтивъ ни одного регулярнаго солдата, но здѣсь начальникъ отряда узналъ, что кобулетцы отрѣзали ему путь отступленія и, не рѣшаясь возвратиться по старому пути, онъ долженъ былъ просѣкать новую дорогу по лѣсу, ведущему къ богильскому посту на Чолокъ.

Всѣ эти примѣры, въ связи съ характеристикой населенія, давали намъ поводъ думать, что лучшимъ средствомъ для парализованія значенія Батума для турокъ и для облегченія его занятія нашими войсками, было-бы привлеченіе мѣстнаго населенія на нашу сторону.

Единственный способъ для достиженія этой цѣли заключался въ продолжительныхъ сношеніяхъ и переговорахъ съ вліятельнѣйшими изъ кобулетскихъ бековъ, съ братьями Али и Османомъ Тавдгеридзе. По многимъ отчасти не выясненнымъ причинамъ мы не могли добиться благопріятныхъ для насъ результатовъ въ начатыхъ передъ самою войною переговорахъ, но полагаемъ, что глав-

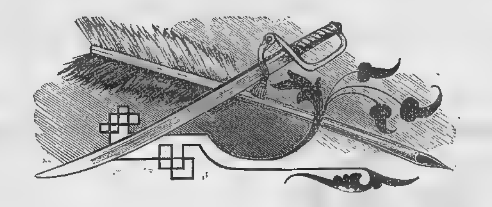
нымъ тому препятствіемъ было укоренившееся, на основаніи прошлаго, убѣжденіе, что русскіе не въ состояніи долго держаться въ Кобулетѣ.

Климатъ Кобулета ничѣмъ не отличается отъ климата сосѣднихъ ему прибрежныхъ странъ Гуріи, Мингреліи и Абхазіи. Огромное количество выпадающаго здѣсь дождя способствуетъ распространенію сильной растительности и болотъ, поддерживаетъ вѣчную сырость въ почвѣ и постоянную влажность въ воздухѣ. Зима здѣсь непродолжительна и часто ограничивается одними дождями. Жаркое лѣто начинается въ апрѣлѣ и оканчивается сентябремъ. Атмосфера этого времени года переполнена гнилыми, крайне вредными испареніями. Осень мягкая, но необыкновенно дождливая. Лучшее время года—весна, но она, къ сожалѣнію, очень коротка. Чрезвычайное обиліе влаги, въ связи съ жаркимъ климатомъ, развиваетъ здѣсь извѣстную малярію, отъ которой нѣтъ спасенія даже на высокихъ горахъ. Къ зимѣ она притихаетъ, но въ остальное время года, въ особенности лѣтомъ, свирѣпствуетъ со всей своей силою. Въ іюлѣ и въ августѣ, когда начинается увяданіе папоротниковъ, рѣдко можно было здѣсь встрѣтить ни разу не переболѣвшаго лихорадкою человѣка.

Описаніе страны и жителей, взявъ въ расчетъ тогдашнія наши условія, приводило къ слѣдующимъ общимъ выводамъ: 1) Черное море, на которомъ мы не имѣемъ военнаго флота, принадлежитъ не намъ, а туркамъ, слѣдовательно мы обречены держаться вдали отъ его береговъ. 2) Первое серьезное сопротивленіе на пути своего слѣдованія въ Батумъ мы неизбѣжно встрѣтимъ у Цихисдзири; если эта позиція будетъ взята нами, непріятель постарается остановить насъ на чаквинскомъ мысѣ; послѣднее столкновеніе произойдетъ у самаго Батума. 3) При враждебномъ отношеніи къ намъ жителей Кобулета, насъ ожидаетъ партизанская война, въ которой всѣ выгоды будутъ на сторонѣ противника: имѣя съ фронта турокъ, мы вѣчно будемъ окружены съ фланговъ и съ тыла смѣлыми, упорными и неутомимыми партизанами; нашъ операціонный путь потребуетъ сильной охраны, слѣдовательно — раздробленія войскъ. 4) Наилучшій залогъ успѣха, при самыхъ даже невыгод-

ныхъ остальныхъ условіяхъ, это—быстрота движенія на слабыя силы турокъ, сосредоточенныя до войны на Цихисдзири, но быстрое движеніе, по топографическимъ условіямъ, съ 9-ти фунтовою артиллеріею и съ большимъ колёснымъ транспортомъ до крайности затруднительно. 5) При отсутствіи сколько нибудь значительныхъ пастбищъ, при бѣдной производительности страны и враждебности къ намъ кобулетцевъ, которые, сражаясь съ нами, безъ сомнѣнія, уведутъ свои семейства и угонятъ весь свой скотъ къ Батуму или въ недоступныя намъ горы, всѣ жизненные припасы, провіантъ и фуражъ мы должны будемъ вести за собою, слѣдовательно имѣть при себѣ огромный вьючный транспортъ.

Изъ всего вышесказаннаго видно, какая трудная и многосложная задача возлагалась на войска Кобулетскаго отряда.

Гурiйская дружина.

III.

Движенiе на Чолокъ и вступленiе на турецкую територiю.

редварительныя распоряженiя относительно движенiя отряда въ турецкiе предѣлы 12-го апрѣля по диспозицiи состояли въ слѣдующемъ:

«Кобулетскiй отрядъ съ ранняго утра 12-го апрѣля наступаетъ тремя колоннами: правая изъ Николаевска, оставивъ въ послѣднемъ два баталiона александропольцевъ, съ остальными двумя *) и двумя сотнями казаковъ Эйскаго казачьяго, подъ общей командой командира Александропольскаго полка, полковника князя Абашидзе, двигается

*) Одинъ баталiонъ александропольцевъ, бывшiй въ Экадiйскомъ лагерѣ еще въ началѣ апрѣля, передвинулся изъ Озургетъ въ Николаевскъ на присоединенiе къ тремъ остальнымъ баталiонамъ того же полка.

кратчайшимъ путемъ на турецкій Лельскій постъ и, достигнувъ его, составляетъ авангардъ отряда (главныхъ силъ его, т. е. бывшей средней колонны, которая обращается въ правую):

Средняя колонна,—подъ начальствомъ командира 1-ой бригады, 41-й пѣхотной дивизіи генералъ-маіора Шелеметьева (начальникъ штаба капитанъ Левашевъ),—изъ Ленкоранскаго пѣхотнаго (полковникъ Воротынцевъ), Грузинской пѣшей дружины (полковникъ князь Чавчавадзе), 2-хъ сотенъ Кутаисскаго конно-иррегулярнаго (полковникъ Принцъ), сотни Эйскаго казачьяго, 2-хъ ротъ 2-го Кавк. сап. баталіона, 2-й батареи 19-й, 1-й, 2-й и 3-й батарей 41-й бригадъ, собравшись въ Озургетахъ на г. Экадіо у люнета, двигается въ турецкіе предѣлы по направленію на Лельскій постъ; лѣвая,—подъ начальствомъ командира 2-й бригады 41-й пѣхотной дивизіи генералъ-маіора Денибекова [въ которую поступили также легкія и лучше вооруженныя части] *), — изъ 164 пѣх. Закатальскаго полка, изъ 1-го пластунскаго и др. вышеупомянутыхъ частей, собирается внизу у подошвы г. Экадіо и вступаетъ въ турецкіе предѣлы у Чолокскаго поста.

Командующій войсками со штабомъ находится въ средней колоннѣ.

Въ Озургетахъ были оставлены: озургетскій мѣстный баталіонъ и озургетская мѣстная батарея (капитанъ Ленартовичъ); кромѣ того въ Озургетахъ оставались парки и должны были туда постепенно подтянуться войска, не подоспѣвшія къ 12-му апрѣля **).

Войска, оставшіяся въ Озургетахъ, составили гурійскій отрядъ подъ командой генералъ-маіора князя Левана Гуріеля, подъ начальство котораго поступали баталіоны Николаевска, а также всѣ временно прибывшія въ Озургеты по пути въ Турцію части ***).

---

*) Винтовками Бердана были вооружены только стрѣлки и пластуны; всѣ остальныя войска имѣли винтовки Карля.

**) Два баталіона Севастопольскаго полка (маіоръ Бараганскій) оставались въ Озургетахъ.

***) Впослѣдствіи начальникомъ гурійскаго отряда (тылъ нашъ) былъ командиръ Кавказской стрѣлковой бригады флигель-адъютантъ полковникъ Гурчинъ. Детальное расположеніе войскъ при-Ріонскаго края къ 12-му апрѣля было слѣдующее:

1) Въ Поти—1-й и 4-й баталіоны 162-го пѣх. Ахалцихскаго полка, 4-я рота 2-го Кавк. саперн. бат., 3-я, 5-я и 6-я сотни 2-го Эйскаго казачьяго полка Кубанскаго войска; итого $2^1/_4$ баталіона и 3 сотни.

2) Въ Николаевскѣ—Александропольскій пѣхотный полкъ, 4-я сотня Эйскаго казачьяго полка, понтонный полупаркъ; итого 4 баталіона, 1 сотня.

3) Въ Озургетахъ—163-й Ленкоранскій, 164-й Закатальскій пѣхотные полки;

Обязанность гурійскаго отряда состояла въ охраненіи Гуріи и г. Озургетъ и поддержаніи связи съ Николаевскомъ.

Наиболѣе чувствительныя мѣста въ оборонительной линіи гурійскаго отряда были: Какутскій постъ, крайній лѣвый флангъ кордона, Николаевскъ и все побережье къ сѣверу отъ него до Поти. Возвращаясь къ диспозиціи для движенія колоннъ, мы видимъ, что всѣ девятифунтовыя батареи шли въ правой колоннѣ, легкая (4 фунтовая) и горная — въ лѣвой, которой продстоялъ путь по гористой дорогѣ, обходной.

Впослѣдствіи невольно приходило въ голову, отчего, при совершеніи перваго движенія, немедленно по полученіи извѣстія объ объявленіи войны не было принято мѣръ къ плѣненію и обезоруженію турокъ на постахъ, на подобіе того, какъ это было сдѣлано въ александропольскомъ и ахалцихскомъ отрядѣ. На другой день обѣ колонны разсчитывали соединиться на Муха-Эстатѣ, на которой у турокъ находился родъ укрѣпленнаго барачнаго лагеря.

Такъ какъ намъ лично пришлось быть при штабѣ командующаго войсками, а командующій войсками находился при средней колоннѣ, то мы будемъ слѣдить за движеніями и дѣйствіями средней колонны, до ея соединенія съ лѣвой.

Озургетскій мѣстный баталіонъ; 1-й и 2-й Кавказ. стр. баталіоны, 1-я и 3-я роты 2-го Кавказ. саперн. баталіона; 1-й Пластунскій баталіонъ; 1-я Гурійская дружина; 2-я Кутаисская дружина; 1-я Грузинская дружина; 1-я и 2-я сотни Эйскаго казачьяго, Кутаисскій конно-ирегулярный полкъ; 1-я, 2-я, 3-я, 5-я и 6-я батареи 41-й и 2-я батар. 19-й артил. бригадъ и Озургетская мѣстная батарея; итого въ Озургетахъ: 17½ баталіоновъ, 8 сотенъ, 56 орудій.

4) Въ Зугдидахъ—1-я Кутаисская дружина.

5) Въ Чахатаурахъ—2-я Грузинская дружина.

Составъ колоннъ былъ слѣдующій:

Правая (средняя)—управленіе 1-й бригады 41-й пѣхотной дивизіи, 1-й, 2-й и 3-й баталіоны, 163-го Ленкоранскаго полка, 1-я Грузинская дружина, 1-я рота 2-го Кавк. саперн. бат. 1-я, 2-я, 4-я и 5-я сотни Кутаисскаго конно-ирегулярнаго полка; 2-я батарея 19-й, 1-я, 2-я и 3-я батареи 41-й артил. бригадъ; итого 4¼ баталіона, 32 орудія и 4 сотни.

Лѣвая,—управленіе 2-й бригады 41-й пѣх. дивизіи, 1-й и 2-й Кавказскіе стрѣлковые баталіоны, 1-й пластунскій, всѣ четыре баталіона 164-й пѣх. Закатальскаго полка, 1-я Гурійская пѣшая дружина, 4-й баталіонъ Ленкоранскаго, 3-я рота Кавк. саперн. батал., 3-я и 6-я сотни Кутаисскаго конно-ирегулярнаго полка, 5-я и 6-я батареи 41-й артилерійской бригады; итого 9¼ баталіоновъ, 16 орудій и 2 сотни.

Крайняя правая авангардная,—1-й и 4-й баталіоны Александропольскаго полка, 2-я сотня Эйскаго полка.

Всего же въ наступавшихъ колоннахъ было—15½ баталіоновъ, 48 орудій и 7 сотенъ.

До Лельскаго поста отъ г. Экадіо было не болѣе 20-ти верстъ, но дождь не переставалъ, и разбухшая и продолжавшая разбухать узкая, глинистая дорога черезъ часъ движенія стала представлять для артиллеріи большія затрудненія, и обстоятельство это не предвѣщало ничего хорошаго. Тѣмъ не менѣе, батареи, сопровождаемыя всей пѣхотой средней колонны и саперами, хотя съ большимъ трудомъ и медленно, но продолжали движеніе. На пятой верстѣ движенія командующій войсками со штабомъ обогналъ колонну и, подъ прикрытіемъ одного конвоя изъ сборной сотни, двинулся рысью на Лельскій постъ, и мы скоро подъѣхали къ такъ называемой «Богильской топи».

Эта «Богильская топь», столь памятная средней колоннѣ 12-го апрѣля, ничто иное, какъ широкая болотистая котловина, пересѣкающая дорогу поперекъ, немного не доходя до Чолока. Пройдя топь, дорога выходитъ на противоположный ея берегъ, возвышенный, съ котораго начинается спускъ въ долину р. Чолока, выйдя къ которому дорога круто поворачиваетъ направо, какъ разъ передъ турецкимъ постомъ Богили и идетъ затѣмъ все время до самаго Лельскаго поста правымъ берегомъ Чолока.

Турецкій постъ «Богили», расположенный на лѣвомъ возвышенномъ берегу Чолока, значительно командуетъ выходомъ изъ Богильской топи и самой дорогой, идущей внизъ по теченію правымъ берегомъ вплоть до русскаго «Богильскаго» и далѣе на турецкій Лельскій, гдѣ дорога переходитъ черезъ Чолокъ на его лѣвый берегъ; дорогой возвышенность поста командуетъ не на всемъ ея протяженіи, а участкомъ до русскаго «Богильскаго» поста, но берегъ сохраняетъ свое командованіе и далѣе.

Мы ѣхали теперь этой дорогой, и нѣкоторымъ изъ насъ невольно приходило на мысль: «а что если турки не бросили поста, да откроютъ съ возвышеннаго лѣваго берега ружейный огонь, противъ котораго мы въ данную минуту беззащитны»! Но постъ былъ молчаливъ, и на противоположномъ берегу ничто не обнаруживало присутствія непріятеля.

Проѣхавъ берегомъ около двухъ верстъ, мы прибыли на нашъ русскій «Богильскій постъ», расположенный по сю сторону Чолока на низменномъ правомъ берегу. Небольшой не то домикъ, не то сарай въ двѣ комнаты составлялъ все жилье этого поста. Далѣе дорога шла на Лельскій постъ. Первою на Лельскій постъ должна была прибыть правая колонна, которая, съ минуты занятія поста, должна была составить авангардъ отряда, а средняя—правую колонну.

Для прикрытія-же вообще праваго фланга и тыла съ этой стороны нашего движенія, въ Николаевскѣ были оставлены два баталіона Александропольскаго полка; сообщеніе-же наступавшихъ колоннъ съ Николаевскомъ поддерживалось разъѣздами Эйской казачьей сотни. Въ минуту прибытія на «Богильскій постъ» командующій войсками и начальникъ артилеріи получили первыя извѣстія о затруднительномъ движеніи артилеріи средней колонны, а также о томъ, что артилерія задерживаетъ всю колонну; что пѣхота батарей оставить не можетъ, и что саперы совмѣстно съ пѣхотой способствуютъ насколько возможно движенію орудій и ящиковъ и разработываютъ дорогу. При этихъ условіяхъ трудно было разсчитывать на прибытіе средней колонны къ Лельскому посту въ тотъ-же день 12-го апрѣля.

Одновременно съ донесеніемъ о трудностяхъ движенія артилеріи и о пріостановкѣ вслѣдствіе этого движенія всей средней колонны, командующимъ войсками было получено донесеніе о прибытіи колонны полковника князя Абашидзе изъ Николаевска на Лельскій постъ и о занятіи этого поста безъ выстрѣла.

Штабъ только что расположился въ долинѣ, чтобы, хотя временно, укрыться отъ неперестававшаго лить ни минуты дождя и хотя немного обсушиться, какъ генералъ Оклобжіо рѣшилъ навѣстить на Лельскомъ посту прибывшіе туда изъ Николаевска баталіоны Александропольскаго полка. Отъ русскаго Богильскаго до Лельскаго поста было не болѣе двухъ верстъ, и черезъ 20 минутъ ѣзды рысью мы увидѣли два баталіона александропольцевъ и сотню Эйскаго казачьяго полка, уже стоявшихъ бивакомъ на полянѣ у поста.

Оказалось, что постъ этотъ турки оставили только тогда, когда баталіоны александропольцевъ перешли Чолокъ и направились къ постовому домику; они съ недоумѣніемъ смотрѣли на это движеніе и медленно, понемногу, очищали постъ, забирая поспѣшно свои пожитки; да и очистили они его крайне неохотно, только въ силу переданныхъ имъ крикомъ на турецкомъ языкѣ извѣстій объ объявленіи войны и совѣтовъ убраться скорѣй во свояси.

Черезъ часъ командующій войсками вернулся въ занятый имъ и его штабомъ постъ-домикъ, причемъ генералъ расположился въ одной комнатѣ, назначавшейся для офицеровъ поста, а въ другой, предназначавшейся для нижнихъ чиновъ, довольно большой, обставленной кругомъ нарами, помѣстились чины штаба. На нарахъ еще остались соломенные тюфяки пластуновъ, рано утромъ того-же дня снятыхъ съ поста и соединенныхъ по снятіи со всей кордонной

линіи въ общій баталіонный строй и снятыхъ, къ сожалѣнію, именно въ то время, когда они могли-бы быть чрезвычайно полезны.

Домикъ, сосредоточившій въ себѣ все начальство отряда, мгновенно превратился въ канцелярію начальника штаба и артилеріи; писались донесенія, приказанія, переписывался въ нѣсколькихъ экземплярахъ приказъ главнокомандующаго по арміи о переходѣ границы и объявленіи войны, для разсылки его по всѣмъ частямъ отряда и т. д.

Лошадей размѣстили подъ кукурузные домики, которые въ Гуріи ставятся не иначе, какъ на сваяхъ 6-ти, 7-ми-футовой высоты, отчего подъ поломъ домика остается какъ-бы навѣсъ. Такіе домики, разбросанные вокругъ поста и по берегу Чолока, послужили также крышей отъ дождя промокшимъ казакамъ конвоя и ихъ лошадямъ.

Къ семи часамъ вечера получено новое донесеніе, что батареи средней колонны послѣ утомительнаго движенія достигли Богильской топи, но перебраться черезъ нее оказалось безусловно невозможнымъ въ виду наступающей ночи и крайняго утомленія людей и лошадей, и что средняя колонна остановилась въ лѣсу бивакомъ, причемъ артилерія стала не переходя топи, а нѣкоторыя части пѣхоты стали перейдя ее. Этотъ бивакъ въ сыромъ болотистомъ лѣсу, безъ палатокъ, безъ горячей пищи, подъ проливнымъ дождемъ, былъ достаточно солиднымъ испытаніемъ для отряда въ его первомъ движеніи.

Изъ лѣвой колонны послѣднія извѣстія сообщали, что колонна съ артилеріею черезъ Чолокъ переправилась безъ выстрѣла, и совершенно благополучно; что турки Чолокскаго поста бѣжали, но что трудное движеніе по испорченнымъ, почти горнымъ дорогамъ грозитъ задержать и лѣвую колонну и что войска колонны стали бивакомъ частью по сю, частью по ту сторону Чолока, причемъ артилерія расположилась по ту сторону рѣчки бивакомъ у турецкаго Чолокскаго поста.

Такимъ образомъ конечное расположеніе отряда въ ночь съ 12-го на 13-е апрѣля было слѣдующее: авангардъ (начальникъ князь Абашидзе) у Лельскаго поста; правая колонна—у Богильской топи; лѣвая—у Чолокскаго поста; командующій войсками со штабомъ—у русскаго Богильскаго поста, на полпути между авангардомъ и правой колонной.

Всю ночь саперы и пѣхота правой колонны заняты были устройствомъ гати черезъ топь: заваливали ее хворостомъ, фашинами и бревнами—и, благо лѣсу было вдоволь, работа кипѣла.

Еще при началѣ движенія, по распоряженію начальника артилеріи, были сброшены батареями фашины, которыя онѣ везли, и замѣнены возможно большимъ количествомъ чалы. Распоряженіе это оправдалось теперь какъ нельзя лучше, ибо то количество фашинъ, которое полагается возить батареямъ, для заполненія топи было-бы каплей въ морѣ, а чала въ ночь съ 12-го по 13-е очень и очень пригодилась.

Для скорости движенія было запрещено брать съ собой фургоны и батареямъ, хотя батареи не имѣли вьючнаго обоза, какъ пѣхота. Распоряженіе это было неосновательно уже по одному тому, что тамъ, гдѣ пройдетъ девятифунтовая пушка и четырехколесный зарядный ящикъ, тамъ всегда пройдетъ и любая повозка. Обозы могли-бы отстать, но къ ночевкѣ всегда-бы поспѣли.

Поздно вечеромъ, когда уже всѣ установились на бивакахъ, въ сторонѣ авангарда раздалось нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ; это были первые выстрѣлы, и они скоро затихли.

Всѣ мы *) легли не раздѣваясь, въ полномъ походномъ снаряженіи.

Закуски и стаканъ чая оказались только у начальника артилеріи, фургончикъ котораго, везомый парой сильныхъ коней, несмотря на всѣ затрудненія и сопротивленія начальника штаба колонны капитана Левашева пропустить его, добрался поздно вечеромъ до самаго Богильскаго поста и здѣсь облагодѣтельствовалъ его временныхъ обитателей.

Домикъ нашъ очень скоро успокоился, и его новыми жильцами былъ сдѣланъ цѣлый рядъ попытокъ вздремнуть и отдохнуть послѣ ѣзды и первыхъ походныхъ хлопотъ,—попытокъ, увѣнчавшихся было успѣхомъ, какъ вдругъ, среди глубокой и тихой ночи, прерываемой лишь шумомъ падающаго дождя, мы были разбужены рѣзкими звуками ружейныхъ выстрѣловъ и криками: «тревога». Всѣ вскочили, засуетились, выскочили на воздухъ и начались хлопоты около лошадей. Ночь была темная; дождь лилъ, какъ изъ ведра; грязь неимовѣрная, вправо и впереди, въ сторонѣ аван-

---

*) Начальникъ штаба полковникъ Казбекъ, начальникъ артилеріи полковникъ Филимоновъ; состоящіе для порученій при штабѣ: гвардіи капитанъ баронъ Зальца и штабъ-ротмистръ Карцевъ, капитанъ メписовъ (отрядный комендантъ), кавказскаго линейнаго баталіона князь Цамбаевъ, адъютантъ генерала Оклобжіо, шт.-кап. Александропольскаго полка Казбекъ; адъютанты полковника Филимонова: бригадный поручикъ Разумовскій и, по званію начальника артилеріи войскъ края и отряда, авторъ описываемыхъ событій.

гарда и совсѣмъ близко къ нашему расположенію трещали неумолкаемые ружейные выстрѣлы. Начальникъ штаба полковникъ Казбекъ поѣхалъ въ сопровожденіи лишь трехъ казаковъ къ авангарду. Выстрѣлы становились все чаще и чаще. Никто не зналъ въ чемъ дѣло. Можетъ быть это было дѣло нѣсколькихъ смѣльчаковъ-жителей, подобравшихся къ нашимъ аванпостамъ, но тревогу они надѣлали изрядную. Полный мракъ, неумолкаемый дождь, отсутствіе извѣстій въ чемъ дѣло и особый эфектъ при этой обстановкѣ ружейныхъ выстрѣловъ помогали непріятному впечатлѣнію.

Черезъ полчаса вернулся изъ авангарда начальникъ штаба; за нимъ въ полномъ мракѣ шлепала по грязи рота Александропольскаго полка, приведенная изъ авангарда, которая немедленно расположилась впереди насъ, такъ какъ до сихъ поръ прямо передъ нашимъ домикомъ, къ сторонѣ неизслѣдованнаго лѣсистаго, непріятельскаго берега, никого не было, и весь штабъ могъ стать легко добычей отважнаго набѣга. Вернувшійся начальникъ штаба сообщилъ, что нападеніе было произведено небольшими частями непріятеля, подкравшимися къ авангарду густымъ, непроницаемымъ лѣсомъ, окружавшимъ съ трехъ сторонъ поляну, на которой бивакировалъ авангардъ, и что у насъ уже есть первыя потери.

Выстрѣлы между тѣмъ становились рѣже и понемногу совершенно затихли. Остальная часть ночи прошла покойно. Операціи, боевыя и походныя, за 12-е апрѣля кончились; подводя итоги всему случившемуся за день, мы придемъ къ слѣдующимъ выводамъ и заключеніямъ:

1) По физическимъ свойствамъ края, дождь не былъ явленіемъ случайнымъ; весна всегда обильна дождями, которые идутъ иногда цѣлыми днями и больше, безъ перерыва; дороги быстро дѣлаются непроходимы для полевой артилеріи и т. п.

Въ день 12-го апрѣля артилерія средней колонны задержала ея движеніе и овладѣніе муха-эстатской позиціей откладывалось по крайней мѣрѣ на цѣлыя сутки.

Если-бы при средней колоннѣ была горная артилерія, а масса девятифунтовыхъ орудій, въ виду трудностей движенія, двигалась-бы сзади, не въ составѣ колонны (отнюдь не впередъ ея), а какъ резервная или позиціонная, то задержки этой не было-бы, и правая колонна овладѣла-бы названными высотами въ тотъ-же день 12-го апрѣля, облегчая своимъ движеніемъ наступленіе лѣвой колонны, которой двигаться на Муха-Эстате предстояло теперь одной и одной овладѣвать высотами.

Резюмируя все сказанное въ пользу горной артилеріи, мы позволимъ себѣ высказать слѣдующее заключеніе: что при движеніи и дѣйствіи на подобнаго рода театрѣ войны, первенствующая роль количественная принадлежитъ горной артилеріи. Въ данномъ случаѣ, для быстраго, внезапнаго захвата Муха-Эстате, въ тотъ-же день 12-го апрѣля необходимо было организовать колонны легкой пѣхоты съ горными батареями, а между тѣмъ горная батарея была одна на весь отрядъ и пришлось ее цѣликомъ назначить въ лѣвую колонну. При посѣщеніи авангарда, состоявшаго изъ двухъ баталіоновъ и сотни казаковъ, многіе сожалѣли, что при немъ не было вовсе артилеріи; теперь авангардъ нашъ, составлявшій единственную живую силу главной массы отряда, разобщенный отъ лѣвой колонны, не имѣлъ своей артилеріи и потому именно, что колонна, двигавшаяся изъ Николаевска, могла имѣть при себѣ только горную артилерію, а горная артилерія изъ восьми пушекъ была только въ лѣвой колоннѣ.

Если пѣхота имѣла обозъ вьючный, то это указываетъ и на необходимость вьючной артилеріи.

2) Въ виду трудности и серьезности операціи перехода границы при данныхъ свойствахъ мѣстности необходимо было болѣе или менѣе заблаговременное размѣщеніе (сосредоточеніе) частей отряда на границѣ, по близости къ операціонной базѣ или на самой базѣ, чтобы дать возможность войскамъ осмотрѣться; части, только что прибывшія, были какъ въ потемкахъ. Наконецъ такое заблаговременное размѣщеніе было-бы полезно и въ другомъ еще отношеніи, а именно въ хозяйственномъ: ознакомиться частямъ съ средствами довольствія въ краѣ, тутъ-же на границѣ заручиться хорошими подрядчиками и т. п. Операціонныя линіи были такъ коротки, что во время кампаніи можно было довольствоваться и чалой, и зерновымъ фуражемъ изъ самой Гуріи, по предварительномъ соглашеніи съ жителями; надо было только знать, куда посылать хозяйственныхъ чиновъ для закупокъ.

3) Первое движеніе, первый успѣхъ пріобрѣтаетъ въ виду ограниченности театра военныхъ дѣйствій особо важное значеніе. Для обезпеченія этого успѣха надо было захватить всѣ посты непріятеля, тѣмъ болѣе, что турки не знали объ объявленіи войны, на что указываетъ случай съ колонной князя Абашидзе. Для обезпеченія быстроты движенія (въ чемъ и заключалась одна сторона успѣха) необходимо было у себя, на своей територіи, сдѣлать дороги проходимыми (главная дорога на Лельскій постъ); между

тѣмъ ничего не было сдѣлано для устраненія непроходимости Богильской топи, задержавшей всю правую колонну.

2-й кавказскій саперный баталіонъ все это время стоянки отряда въ Озургетскомъ уѣздѣ, вмѣсто того, чтобы заняться устройствомъ лѣсистыхъ и непроходимыхъ дорогъ въ Турцію, стоялъ въ Орпири и въ дѣлѣ устраненія случайностей на намѣченныхъ операціонныхъ путяхъ, до 12-го апрѣля, составлялъ мертвый капиталъ. Совокупность вышеприведенныхъ обстоятельствъ помѣшала соединенію колоннъ на Муха-Эстате въ назначенный срокъ и одновременному съ двухъ сторонъ захвату этихъ высотъ. Теперь брать эти высоты предоставлялось одной лѣвой колоннѣ, движеніе и дѣйствія которой не были обезпечены на правомъ флангѣ движеніемъ правой колонны.

На другой день раннимъ утромъ 13-го апрѣля бивакирующій отрядъ былъ пріятно удивленъ видомъ яснаго голубаго неба и почувствовалъ теплое весеннее солнышко. Всѣмъ стало какъ-то веселѣе. Тѣмъ не менѣе, грязь была неимовѣрная; отъ насыщенной почвы, подъ вліяніемъ солнца, поднимался легкій паръ. Въ воздухѣ чувствовалась какая-то прѣлость. Какъ будто находишься въ оранжереѣ, цвѣты и растенія которой только что обильно полили и началось испареніе подъ вліяніемъ теплаго оранжерейнаго воздуха. Мутный Чолокъ съ своими топкими берегами имѣлъ непривлекательный видъ, и я невольно вспомнилъ, что во всей этой безъ того нездоровой полосѣ берега Чолока считаются особенно нездоровыми. Каково-же было тутъ стоять пластунамъ?!..

Домикъ, занятый штабомъ, съ ранняго утра осаждался донесеніями. Начальникъ штаба съ первымъ свѣтомъ поскакалъ къ правой колоннѣ—узнать результаты переправы артилеріи черезъ топь, такъ какъ отъ успѣха переправы зависѣлъ успѣхъ операціи 13-го числа.

Командующій войсками присѣлъ на скамью въ ожиданіи, когда мимо него будутъ дефилировать, по дорогѣ на Лельскій постъ, войска правой колонны, откуда начальникъ штаба далъ знать, что началась осторожная переправа артилеріи черезъ топь. Было семь часовъ 15 минутъ, когда въ сторонѣ правой колонны, долженствовавшей быть занятой, согласно послѣднимъ донесеніямъ, переправой орудій и ящиковъ, неожиданно грянулъ ружейный выстрѣлъ, за нимъ другой, а затѣмъ затрещала частая ружейная пальба. На всѣхъ лицахъ изобразилось удивленіе, такъ какъ выстрѣлы слышались въ томъ направленіи, откуда ихъ никакъ нельзя было ожидать. Слѣдовательно, турки или не думали вовсе бросать своего Богиль-

скаго поста и не боялись лѣвой колонны, которая была у нихъ въ тылу, или же они перешли въ этомъ пунктѣ въ наступленіе. Но каково же было общее удивленіе, когда всю эту ружейную трескотню покрылъ громкій выстрѣлъ девяти-фунтоваго орудія.

Ровно въ 7 ч. 20 м. раздался первый орудійный выстрѣлъ артилеріи кобулетскаго отряда. Ружейная трескотня между тѣмъ продолжалась; послѣдовалъ и другой, и третій орудійные выстрѣлы, затѣмъ ружейный огонь сталъ ослабѣвать и, послѣ еще двухъ послѣдовавшихъ орудійныхъ выстрѣловъ, затихъ совершенно.

Послѣ втораго орудійнаго выстрѣла прискакалъ состоявшій въ распоряженіи командующаго войсками полковникъ Микеладзе и доложилъ генералу Оклобжіо отъ имени полковника Казбека, что «турки изъ Богильскаго поста открыли было ружейный огонь по двумъ, только-что переправившимся орудіямъ, но что огнемъ этихъ двухъ орудій и атакой грузинъ пѣшей дружины высоты и постъ очищены отъ непріятеля и находятся теперь въ нашихъ рукахъ».

Командующій войсками послалъ меня тотчасъ же принять командованіе орудіями, такъ какъ, согласно донесенія полковника Микеладзе, офицера при орудіяхъ не было, онъ руководилъ переправой ящиковъ въ минуту никѣмъ неожиданнаго нападенія. Переправлявшаяся артилерія была глубоко убѣждена, что находится въ резервѣ, и что далеко впереди ея и по сторонамъ расположены авангардъ и колонны.

Вотъ подробности дѣла, добытыя отъ очевидцевъ: первыми переправились черезъ топь два орудія 1-й батареи 41-й бригады; они спустились къ Чолоку, повернули направо и подвигались понемногу, въ ожиданіи ящиковъ и орудій 2-го взвода, по дорогѣ на Лельскій постъ.

Дорога, по которой двигались атакованныя орудія, была единственнымъ путемъ движенія для войскъ бывшей средней, теперь правой колонны и шла почти все время по правому берегу Чолока.

Противоположный берегъ рѣки, на которомъ были расположены по всей его длинѣ, вплоть до устья, турецкіе посты, былъ возвышенный и превосходно командовалъ низменнымъ нашимъ берегомъ. По странной и непостижимой случайности, расположенный на этомъ берегу «Богильскій постъ», представлявшій самъ по себѣ высокое и командующее мѣсто и, вслѣдствіе командованія дорогой, имѣвшій такимъ образомъ отчасти и стратегическое значеніе, не только не былъ нами прочно занятъ, но даже и не былъ вовсе изслѣдованъ.

Было извѣстіе, что турки бросили всѣ посты на берегу Чолока,

что было весьма правдоподобно, тѣмъ болѣе, что наканунѣ нападенія по этой дорогѣ совершенно благополучно проѣхалъ командующій войсками съ своимъ штабомъ и конвоемъ и также вполнѣ благополучно совершалось движеніе одиночныхъ людей и небольшихъ пѣшихъ и конныхъ партій весь день 12-го, всю ночь съ 12-го на 13-е и раннимъ утромъ 13-го. Все это время съ высоты Богильскаго поста не только не было произведено ни одного выстрѣла, но вообще ничто не обнаруживало присутствія турокъ. Тѣмъ не менѣе, «незанятіе Богили» было достаточно серьезнымъ упущеніемъ и ничѣмъ не могло быть оправдано.

Нападеніе произошло слѣдующимъ образомъ. Когда орудія повернули направо и стали во фланговомъ порядкѣ къ противоположному берегу, на его высотахъ затрещали ружейные выстрѣлы и первыя пули просвистали надъ головами орудійной прислуги. Одновременно съ этимъ на высотахъ показались мѣстами групы турокъ и огонь участился. Первой жертвой былъ денщикъ офицера батареи и милиціонеръ Грузинской дружины.

Это нападеніе и эта стрѣльба были до такой степени неожиданны для артилеріи, что передки оказались запертыми на замочки, и ихъ пришлось взломать. Офицеръ былъ занятъ переправой ящиковъ; случившійся здѣсь начальникъ штаба полковникъ Казбекъ распорядился открыть огонь и первый выстрѣлъ былъ произведенъ картечью. Второй былъ произведенъ шрапнелью. Послѣ четвертой прекрасно разорвавшейся шрапнели, турки разбѣжались и бросили гору, на которую между тѣмъ стремительно бросилась на ура подоспѣвшая Грузинская пѣшая дружина подъ звуки «зурны»; огонь былъ остановленъ.

Взявъ въ передки, я повелъ орудія на Лельскій постъ, причемъ дальнѣйшее слѣдованіе не обошлось безъ приключеній: такъ, при прохожденіи, одинъ изъ мостиковъ обрушился подъ тяжестью орудія, и оно повисло между устоями, но подоспѣвшей ротой и прислугой было вытянуто. Пришлось создавать новый мостъ изъ бревенъ и балокъ ближайшаго, немедленно разобраннаго кукурузника.

Всѣ мосты были узки и не вмѣщали троечной запряжки. Послѣ довольно частыхъ задержекъ, 1-я батарея прибыла наконецъ на Лельскій постъ, переправившись передъ самымъ мостомъ черезъ пограничный Чолокъ, и стала бивакомъ, на этотъ разъ уже на турецкой почвѣ, на той самой полянѣ, на которой наканунѣ стоялъ авангардъ отряда, выдвинутый впередъ раннимъ утромъ 13-го числа.

За 1-й батареей 41-й бригады подтянулись одна за другой небольшими частями и остальныя батареи.

Пока правая колонна сосредоточивалась на Лельскомъ посту, гдѣ по предварительнымъ предположеніямъ она должна была стать еще 12-го апрѣля, цѣлый день 13-го, въ сторонѣ движенія лѣвой колонны, слышались орудійные выстрѣлы. Колонна генерала Денибекова, предоставленная себѣ, очевидно не безъ сопротивленія подвигалась впередъ къ высотамъ Муха-Эстате.

До сихъ поръ мы не имѣли никакихъ извѣстій отъ генерала Денибекова и нельзя сказать, чтобы это насъ не безпокоило. Штабъ командующаго войсками перенесся теперь также на Лельскій постъ.

Между тѣмъ къ нашей общей радости подтянулись и наши вьюки, и предъ наши очи предстали давно желанные и два дня невиданные деньщики. Вечерѣло. Орудійные выстрѣлы лѣвой колонны не прекращались. Окрестности Лельскаго поста, заполненныя биваками войскъ правой колонны, приняли воинственный и оживленный видъ. Войска заняли всю поляну, ставъ фронтомъ къ лѣсу, который назывался Богильскимъ и который намъ предстояло дефилировать на другой день.

Авангардъ еще утромъ перешелъ впередъ и стоялъ у выхода изъ лѣса. Начальникъ штаба еще до сумерекъ во главѣ летучей колонны поѣхалъ въ лѣвую, къ генералу Денибекову. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждали его возвращенія, которое послѣдовало только поздно вечеромъ и совершено было безъ всякихъ приключеній. Онъ привезъ извѣстіе, что «генералъ Денибековъ блистательно шелъ по узкой горной дорогѣ; вооруженные жители, подкрѣпленные регулярными войсками, на каждомъ шагу представляли упорное сопротивленіе; потери значительны, все движеніе сопровождалось штурмомъ заваловъ, сакель, высотъ, ущелій и форсированіемъ проходовъ; гурійцы дрались прекрасно и были героями дня; дѣйствія горной батареи были полны самоотверженія и она понесла солидныя потери: лишилась тяжело раненаго пулей въ чашку лѣвой ноги своего браваго командира подполковника Александра Мусхелова, и кромѣ того вся прислуга 1-го взвода выбыла изъ строя, такъ что первые выстрѣлы произведены одними офицерами, ибо прислуга была выбита тотчасъ по выѣздѣ взвода на позицію».

Канцелярскія работы наши, состоявшія между прочимъ въ донесеніи о вступленіи батарей отряда на турецкую територію, уже оканчивались, когда къ намъ заглянулъ начальникъ штаба правой

колонны капитанъ Левашевъ и просилъ дать ему написать диспозицію движенія колонны на слѣдующій день. Мы предложили свои услуги, и подъ его диктовку писаря наши въ ¼ часа доставили ему нужное количество экземпляровъ; одинъ изъ нихъ я удержалъ себѣ и успѣлъ такимъ образомъ заблаговременно сообщить во всѣ батареи подробности предстоящаго движенія.

Къ 12-ти часамъ ночи все успокоилось, и эта первая ночь на турецкой землѣ и подъ крышей турецкаго домика была покойная и освѣжающая.

Гурійскіе милиціонеры.

IV.

День 14-го апрѣля.

а другой день, 14-го апрѣля, солнце еще далеко не поднялось изъ-за верхушекъ Богильскаго лѣса, какъ бивакировавшія войска колонны проснулись, зашумѣли и задвигались... Утро было прекрасное, и чистое безоблачное небо предвѣщало столь нужный для движенія, болѣе или менѣе теплый и сухой день. Переходъ предстоялъ небольшой; цѣль движенія заылючалась въ соединеніи на высотахъ Муха-Эстате съ колонной генералъ-маіора Денибекова и въ способствованіи, если то окажется нужнымъ, окончательному утвержденію

нашему на означенныхъ высотахъ, для чего наша колонна должна была выдти правѣе колонны генералъ-маіора Денибекова и на самыхъ высотахъ стать правѣе его, слѣдовательно ближе къ морю.

Въ авангардѣ (начальникъ, гвардіи полковникъ князь Микеладзе) двигалась, между баталіонами Ленкоранскаго полка и сотнями грузинской пѣшей дружины, 2-я батарея 19-й артилерійской бригады, остальныя батареи находились въ главныхъ силахъ.

Колонна втягивалась по узкой и топкой дорогѣ въ «Богильскій лѣсъ», носившій всѣ признаки лѣсовъ, свойственной этой, въ избыткѣ орошенной и богато растительной полосѣ Черноморскаго прибрежья. Никакое чириканіе и никакое пѣніе, столь обычныхъ нашимъ лѣсамъ, птицъ не нарушало его молчанія и мрачнаго великолѣпія. Непроницаемый густой лѣсъ съ обѣихъ сторонъ дороги, густой до такой степени, что, казалось, чакалкѣ негдѣ проскочить и змѣѣ негдѣ проползти, съ роскошной ярко зеленой листвой, съ многочисленными вьющимися растеніями (ліанами), переплетавшими всѣ деревья и кусты красивыми фестонами, ниспадавшими до земли,—производилъ впечатлѣніе мрачнаго и таинственнаго лѣса. Всѣ эти вьющіяся и ползучія растенія, которыя пластуны окрестили названіемъ «держи-травы», совершенно окутывали стволы и нижнія части деревъ. Подлѣсье этого, безъ преувеличенія, тропическаго лѣса составляли, по истинѣ, непролазныя заросли рѣдкихъ и изящныхъ кустовъ. Великолѣпные рододендры въ полномъ цвѣту тамъ и сямъ подымались цѣлыми деревьями, рядомъ съ ними азаліи, лавры, дикіе каприфоліи съ душистыми желтыми цвѣтами, многіе разнообразные сорты хвойныхъ и гигантскій папоротникъ съ ярко-зелеными листьями. Какой-то теплой, но гнилой сыростью несло отъ этого лѣса. Вмѣстѣ съ тѣмъ лѣсъ этотъ таилъ въ себѣ гнѣздилище лихорадокъ, къ счастью нашему въ весеннее время не имѣющихъ ни настоящаго развитія, ни настоящей силы. Это былъ тотъ самый лѣсъ, изъ котораго насъ безпокоили турки, или вѣрнѣе кобулеты, въ ночь съ 12-го на 13-е, знавшіе тропинки его и дорожки.

Дорога была изъ трудныхъ; будь въ этотъ день малѣйшій дождь—и артилерію ожидала плачевная участь. Уже и теперь она съ трудомъ подвигалась по узкой дорогѣ; колеса орудій и ящиковъ дѣлали глубокія колеи въ глинистой почвѣ, а низко спускавшіяся и съ боковъ торчащія вѣтви хлестали ѣздовыхъ, и имъ то и дѣло приходилось нагибаться и отстранять рукой вѣтви то рододендры, то азаліи. Мѣстами надъ головами колонны образовывался цѣлый зеленый сводъ зарослей, подчасъ на столько низкій, что приходи-

лось пускать въ дѣло шашки и даже топоры для его расчистки. Трудность движенія лѣсомъ состояла еще и въ томъ, что нельзя было свернуть ни вправо, ни влѣво, рискуя попасть въ болото, изорвать въ клочки одежду, благодаря необычной цѣпкости «держитравы».

Таковъ былъ дѣвственный Богильскій лѣсъ, когда отрядъ впервые прошелъ его; впослѣдствіи онъ сильно измѣнился: узкія топкія дороги превратились въ широкія просѣки, полотно дороги, больше подверженное дѣйствію солнца и заваливаемое все время хворостомъ, пескомъ, камнями, крѣпло и устанавливалось, самый лѣсъ рѣдѣлъ съ боковъ, ибо солдатики брали и на костры, и на шалаши вѣтви рѣдкихъ растеній, и вообще подъ вліяніемъ разрушительной силы солдата онъ къ слѣдующей веснѣ совершенно потерялъ, по крайней мѣрѣ далеко въ обѣ стороны отъ дороги, свой тропическій характеръ и свою непроходимость; уже въ октябрѣ черезъ Богильскій лѣсъ отъ турецкаго Богильскаго поста почти до самыхъ высотъ Муха-Эстате пролегало шоссе, по которому совершенно безпрепятственно совершалось движеніе и громоздкихъ фургоновъ, и даже 24-хъ-фунтовыхъ орудій.

Во все время движенія колонны въ сторонѣ высотъ Муха-Эстате, находившихся теперь уже прямо впереди насъ, слышалась ружейная трескотня, которой вторили орудійные выстрѣлы. Очевидно, генералъ Денибековъ атаковалъ высоты Муха-Эстате. Къ нашему счастью лѣсъ этотъ тянулся недолго, и мы скоро вышли на относительно ровное пространство.

Командующій войсками со штабомъ ѣхалъ теперь впереди авангарда и раньше колонны выѣхалъ на поляну, здѣсь мы встрѣтили офицера съ донесеніемъ отъ генерала Денибекова, что высоты Муха-Эстате находятся въ нашихъ рукахъ. Командующій войсками рѣшилъ донести о томъ помощнику главнокомандующаго арміею князю Святополкъ-Мирскому, находившемуся въ Озургетахъ, для чего весь нашъ кортежъ остановился, а самое донесеніе было написано на барабанѣ.

Начальникъ артилеріи рѣшилъ воспользоваться оказіей и приказалъ мнѣ донести въ общихъ чертахъ начальнику артилеріи арміи и въ окружное артилерійское управленіе о движеніи и дѣйствіи батарей кобулетскаго отряда за дни 12-го, 13-го и 14-го апрѣля.

По отправленіи донесеній весь кортежъ тронулся дальше. Пока мы подвигались впередъ на выстрѣлы, намъ на встрѣчу ѣхалъ какой то молодой человѣкъ, одѣтый въ черное статское платье. Онъ

ѣхалъ совершенно одинъ, съ самымъ безпечнымъ видомъ, оказался гурійцемъ-прикащикомъ съѣстной лавки въ Озургетахъ; онъ все время былъ при дружинѣ, а теперь возвращался обратно. Его невоинственное ремесло не удержало его дома,—такъ сильна страсть къ военнымъ предпріятіямъ и къ войнѣ у благороднаго гурійскаго народа. Надо только видѣть поголовное желаніе жителей служить дѣлу войны въ рядахъ дружинъ, чтобы проникнуться уваженіемъ къ племени и удивляться, отчего не было сформировано такихъ дружинъ по крайней мѣрѣ 10, предводимыхъ нашими офицерами, а не одна, предводимая хотя и ихъ князьями, но людьми, не получившими спеціальнаго военнаго образованія и не прошедшими, за небольшими исключеніями, никакихъ военныхъ училищъ. Баталіоны такихъ гурійцевъ, снабженные современнымъ малокалибернымъ оружіемъ и предводимые регулярными офицерами, воспитанными въ училищахъ, были бы превосходною пѣхотою, безцѣнною въ прибрежной полосѣ Чернаго моря. Такому пѣхотинцу не нужно акклиматизовываться и приспособлять свое походное снабженіе къ особымъ климатическимъ и мѣстнымъ условіямъ и приноравливать къ этимъ же условіямъ свою походную жизнь.

— Какже это ты такъ ѣдешь, безъ оружія? Вѣдь тебя турки здѣсь убьютъ!... остановилъ его генералъ.

— А у меня есть револьверъ, отвѣчалъ гуріецъ, и вытащилъ его изъ-за голенищъ сапога.

— Ну, братъ! спрячь его скорѣй, а то еще убьешь русскаго генерала, шутилъ съ нимъ генералъ Оклобжіо.

Мы продолжали свой путь; за поворотомъ дороги вправо виднѣлась група зеленыхъ холмовъ, окутанныхъ прозрачной полосой пороховаго дыма. Трещали неумолкаемо ружейные выстрѣлы, прерываемые изрѣдка громкимъ гуломъ орудійныхъ. По гребню холмовъ черными, безпорядочными точками виднѣлись наши войска. Турецкихъ позицій и войскъ не было видно; они были скрыты отъ насъ групой муха-эстатскихъ холмовъ, центръ и лѣвый флангъ которыхъ были заняты войсками лѣвой колонны.

Мы повернули вправо отъ дороги, переѣхали рѣчку у цѣлаго ряда турецкихъ бараковъ, которые только что перешли во владѣніе сотенъ Кутаисскаго конно-ирегулярнаго полка, и рысью, безъ дороги, пустили лошадей въ гору на одинъ изъ ближайшихъ холмовъ, оказавшійся самымъ возвышеннымъ пунктомъ всей муха-эстатской позиціи.

Выѣхавъ на холмъ, мы остановились, не слѣзая съ лошадей, пораженные величественной картиной, передъ нами раскрывшейся:

налѣво и частью впереди громоздились терасами уступы Кобулетскихъ горъ, замыкавшихся снѣжнымъ хребтомъ Аджаріи; прямо передъ нами, у подножія Муха-Эстатскихъ холмовъ, мѣстность постепенно понижалась до зеленой гряды горъ впереди и до моря вправо; эта зеленая гряда высоты Хуцусъ-Убани, Самеба и Столовыя горы закрывала отъ нашихъ взоровъ высоты Цихисдзири; по всему гребню и ниже его выглядывали крыши хуторовъ и домовъ селеній Верхней-Кобулеты, Гвари и Аламбари; по всему протяженію этой же длинной зеленой гряды, въ особенности въ нижней ея части, вспыхивали безпрестанно дымки ружейныхъ выстрѣловъ,—то былъ непріятель, выбитый изъ Муха-Эстате и утвердившійся въ этой лѣсистой грядѣ, которою намъ также предстояло овладѣть въ ближайшемъ будущемъ. Почти въ концѣ этой гряды, у самаго берега моря, чуть-чуть сверкала серебряной полосой рѣчка Кинтриши; направо безбрежный горизонтъ Чернаго моря, на гладкой и свѣтлой поверхности котораго крейсировали два броненосца и два парохода; одинъ изъ нихъ несся на всѣхъ парахъ къ Николаевску; берегъ моря, рѣзко оттѣнявшійся до Николаевска и выше густой и непрерывной зеленой полосой лѣса, былъ видѣнъ вообще на далекое разстояніе; Батумской бухты видно не было. По полосѣ дыма на отдаленномъ горизонтѣ можно было предугадать пароходы, идущіе изъ Батума въ Трапезондъ и обратно; Николаевскъ былъ видѣнъ совершенно отчетливо; дальше за нимъ виднѣлась дуга зеленѣющаго берега, углублявшагося въ материкъ и оканчивающагося также довольно отчетливо виднѣвшимся Потійскимъ маякомъ, за которымъ уже слабо, но все же очерчивалось продолженіе берега къ сѣверу.

Повернувшись кругомъ, мы увидѣли въ тылу у насъ необозримое море зеленой неровной поверхности: это наша православная Гурія; горизонтъ ея замыкался синеватой дымкой Чахатаурскихъ горъ.

Мы стояли теперь на площадкѣ того холма, который былъ самымъ возвышеннымъ и отчасти центральнымъ. Площадка эта была также застроена цѣлой системой турецкихъ бараковъ, въ которыхъ уже размѣщались два баталіона александропольцевъ: солдаты составили ружья въ козлы и, безъ долгихъ разговоровъ, устраивались по своему въ бывшемъ турецкомъ лагерѣ. Кромѣ того, здѣсь уже стоялъ взводъ горной артилеріи изъ лѣвой колонны; здѣсь же были временно размѣщены раненый командиръ батареи и выбывшая изъ строя прислуга 1-го взвода.

Впереди этого центральнаго холма находилась група другихъ

холмовъ, тянувшихся перпендикулярно къ берегу моря съ легкой покатостью къ сторонѣ турецкой позиціи.

Центръ и лѣвый флангъ этихъ впередилежащихъ холмовъ составляли непосредственно нашу боевую линію, занятую пока еще только войсками колонны генерала Денибекова.

Воспользовавшись тѣмъ, что въ этомъ же центральномъ барачномъ лагерѣ въ одномъ изъ домиковъ лежалъ раненый подполковникъ Мусхеловъ, мы пошли его навѣстить. Солдатики горной батареи проводили насъ къ нему, и мы, вошедъ въ маленькій, темный домикъ, увидали лежащаго на носилкахъ командира горной батареи.

Рана его была изъ тяжелыхъ: пуля ударила въ чашку ноги, раздробила ее, и мелкія частицы раздробленной кости остались въ ранѣ. Онъ намъ очень обрадовался и слабымъ голосомъ, съ видимымъ усиліемъ разсказывалъ происшедшее, причемъ прибавилъ, что по истребленіи прислуги 1-го взвода, которой турки не дали сдѣлать ни одного выстрѣла, первый выстрѣлъ произвели офицеры.

Оставалось только удивляться, какимъ образомъ горная батарея была такъ безпощадно выставлена на разстрѣлъ; потомъ самъ генералъ Денибековъ сожалѣлъ о случившемся, но говорилъ, что только шрапнелью можно было заставить турокъ очистить то узкое мѣсто ущелья, гдѣ они упорно засѣли за естественнымъ закрытіемъ, посылая массы свинцу бросавшейся на нихъ пѣхотѣ. Самоотверженіе горнаго взвода рѣшило дѣло въ нашу пользу, и ущелье было занято.

Во всякомъ случаѣ подполковникъ Мусхеловъ не заслуживаетъ упрека въ томъ, «что онъ, самъ командиръ батареи, велъ взводъ на позицію»; дѣло было первое, горячее, и онъ не только велъ взводъ на позицію, но и лично распоряжался какъ выборомъ позиціи, такъ и установкой орудій и ящиковъ. Будучи уже раненъ и лежа на землѣ, онъ продолжалъ принимать участіе въ веденіи огня. Въ минуту вызова батарей всѣ офицеры ея были на позиціи горнаго взвода. На дорогѣ на центральный холмъ раненаго Мусхелова вывалили изъ фургона, и онъ упалъ по счастью еще на кусты, но во всякомъ случаѣ переживалъ тогда мучительныя минуты.

Стрѣльба, бывшая уже далеко не столь частой, однако еще продолжалась; очевидно въ этихъ первыхъ дѣлахъ, находясь подъ впечатлѣніемъ первой встрѣчи съ непріятелемъ, войска вносили въ стрѣльбу, какъ въ средство пораженія, извѣстную долю увлеченія, раздѣляемаго и ихъ непосредственными начальниками; этого увлече-

нія не могли раздѣлять старшіе начальники, особенно въ виду цѣли ея—занятія Муха-Эстате. Командующій войсками и начальникъ артилеріи нашли дальнѣйшую стрѣльбу артилеріи безполезной, что было основано главнымъ образомъ на необходимости беречь снаряды, на трудности ихъ доставки и большаго количества израсходованныхъ 5-ю и 6-ю батареями и наконецъ на томъ соображеніи, что высоты фактически уже находились въ нашихъ рукахъ. Въ силу этихъ соображеній мнѣ было приказано поѣхать на позиціи и сообщить приказаніе начальства; касательно же расходованія снарядовъ, начальникъ артилеріи прибавилъ: «беречь шрапнель».

Черезъ 1/4 часа ѣзды рысью по прихотливымъ извилинамъ балки, я очутился на спускѣ къ гребню, гдѣ и увидалъ лежащія роты стрѣлковыхъ баталіоновъ (2-го и 1-го). Самый же гребень, поросшій крупнымъ папоротникомъ, былъ занятъ орудіями горной батареи: прислуга орудій лежала и вставала только для дѣйствія. Впереди гребня, а мѣстами и по гребню, лежали цѣпи стрѣлковъ и пластуновъ.

Я передалъ приказанія начальства: «стрѣлять какъ можно рѣже».

Что касается до частой стрѣльбы по занятіи уже Муха-Эстате, то нельзя не согласиться, что стрѣльбой (я говорю въ данномъ случаѣ объ артилеріи) войска излишне увлекались. Стрѣльба эта была слишкомъ часта для дѣйствія по небольшимъ цѣлямъ и при условіи, что не предполагается дальнѣйшаго движенія впередъ.

Пѣхотное начальство особенно настаивало на стрѣльбѣ артилеріи, видя въ этомъ средство заставить непріятеля прекратить ружейный огонь и ободрить имъ пѣхоту.

Дальнѣйшая же стрѣльба артилеріи была тѣмъ болѣе безполезной, что турки сидѣли въ густомъ лѣсу, гдѣ каждый стрѣлокъ, а иногда и по два, по три стрѣлка, могли прекрасно укрываться отъ снарядовъ. Обстрѣливаніе при такихъ условіяхъ могло только ободрять ихъ, пріучая не бояться артилерійскаго огня.

Съ лѣваго фланга я проѣхалъ вдоль позиціи до праваго; правый флангъ боевой линіи составляли гурійцы и 5-я батарея; здѣсь цѣпи лежали лишь немного впереди орудій и ниже гребня. Пули еще посвистывали довольно часто, но, по словамъ участниковъ боя, это уже былъ сравнительно «отдыхъ»—послѣ пережитаго. Офицеры Гурійской дружины и 5-й батареи спѣшили дѣлиться впечатлѣніями, разсказывая, что не воображали остаться живыми, испытавъ такой страшный огонь.

На всѣхъ лицахъ было написано оживленіе и нервное возбужденіе.

Всѣ чины лѣвой колонны отдавали дань беззавѣтному мужеству Гурійской дружины, которая, въ эти дни, какъ наша легкая пѣхота и какъ знакомая болѣе или менѣе съ мѣстностью, была все время впереди и вынесла на своихъ плечахъ всю тяжесть боя *).

За то и полегло ихъ много въ этотъ день! «У меня перебиты всѣ урядники, и какіе всѣ молодцы!» говорилъ мнѣ одинъ сотенный командиръ, причемъ подалъ нѣсколько образцовъ патроновъ, пачки которыхъ въ большомъ количествѣ были захвачены гурійцами при выбитіи турокъ изъ Муха-Эстате изъ тѣхъ самыхъ домиковъ, которые они теперь сами занимали. Такихъ пачекъ было отбито большое количество и съ ними магазинное ружье.

Непріятеля по всей линіи нигдѣ не было видно, но изъ-за впереди-лежащихъ, въ 1,000 и болѣе шагахъ, кустовъ на протяженіи длинной линіи турки выдавали свое присутствіе дымками ружейныхъ выстрѣловъ. Всѣ домики и сакли этой длинной зеленой гряды были очевидно густо ими заняты; дымки ружейныхъ выстрѣловъ показывались и съ балконовъ, и съ крышъ. Хотя, повидимому, до сихъ поръ мы дрались только съ одними жителями, но эти природные воины, вооруженные скорострѣльнымъ оружіемъ, были серьезными, упорными и искусными противниками.

Передавъ и здѣсь приказаніе начальства, я вернулся обратно на центральный холмъ, удивляясь дорогой, что такая позиція досталась намъ относительно дешево.

Муха-Эстатская позиція, да и вообще вся мѣстность по пути движенія лѣвой колонны, изобиловала всѣми данными для упорной обороны ея частями, но у турокъ не было артилеріи, а наша шрапнель какъ нельзя болѣе покровительствовала и нравственно, и матеріально гурійцамъ, при овладѣваніи ими ущельями, высотами, балками и саклями.

Когда я очутился опять на центральной площадкѣ, съ которой, какъ я говорилъ выше, открывается видъ во всѣ стороны, то увидѣлъ двигавшихся изъ Батума къ Николаевску на всѣхъ парахъ нѣсколько броненосцевъ; общее любопытство было устремлено на море и на эволюціи этихъ броненосцевъ. Вотъ они стали у Николаевска, выстроились, на одномъ изъ нихъ показался огонь и клубъ густаго бѣлаго дыма, затѣмъ, по прошествіи долгаго промежутка

---

*) Приноровленная къ походной жизни, обувь дозволяетъ гурійцамъ легко взбираться на крутыя и скалистыя возвышенности. Голова повязана башлыкомъ, на широкомъ поясѣ висятъ всѣ необходимыя для боя и похода принадлежности, до кожанаго складного стаканчика включительно.

времени раздался гулъ орудійнаго выстрѣла, и на нашихъ глазахъ началось бомбардированіе групы духановъ. Картина была очень красивая, и гулъ или вѣрнѣе трескъ выстрѣловъ орудій большаго калибра громко разносился на далекое разстояніе. Пострѣлявъ съ $^1/_2$ часа и выпустивъ не малое число дорого стоющихъ бомбъ по ничего нестоющему Николаевску, турецкіе броненосцы, не отваживаясь произвести десантъ, торжественно удалились обратно въ Батумъ.

Какъ я узналъ въ тотъ же день вечеромъ, этимъ бомбардированіемъ разрушены: полковая церковь, нѣсколько духановъ и контуженъ одинъ унтеръ-офицеръ; всего въ Николаевскѣ сидѣло въ ложементахъ, о которыхъ я говорилъ выше, два баталіона александропольцевъ.

Между тѣмъ командующій войсками пожелалъ лично проѣхать вдоль взятой нами муха-эстатской позиціи и привѣтствовать расположенныя на ней войска; его сопровождали начальникъ штаба, князь Григорій Гуріель, небольшая свита при немъ состоящихъ и конвой; значокъ ѣхалъ впереди. Объѣздъ начался съ лѣваго фланга; войска, громкимъ крикомъ «ура», прокатившимся вдоль всей нами взятой позиціи, привѣтствовали генерала Оклобжіо, скакавшаго галопомъ и снявшаго фуражку, которую онъ держалъ высоко надъ своей головой.

Какъ только эта масса всадниковъ, сопровождаемая громкими и дружными криками «ура», предшествуемая краснымъ значкомъ, тронулась рысью вдоль позиціи, по всему гребню зеленыхъ холмовъ и домиковъ, занятыхъ турками, показалась непрерывная линія дымковъ ружейныхъ выстрѣловъ. Турки открыли неумолкаемый огонь и обнаружили всю длину занятой ими позиціи. Нѣсколько пуль просвистало надъ нами, другія падали у ногъ лошадей, но все кончилось благополучно, и черезъ часъ мы вернулись на центральный курганъ.

Пока войска лѣвой колонны перестрѣливались съ непріятелемъ и изрѣдка посылали свои шрапнели, 5-я и 6-я батареи и войска правой колонны подтягивались къ Муха-Эстате и останавливались у подножія центральнаго холма, который уже былъ занятъ авангардомъ—двумя баталіонами александропольцевъ.

Всѣ же 9-ти-фунтовыя батареи остановились бивакомъ у подъема на Муха-Эстате, не переходя рѣчки Очха-Мури у нижняго барачнаго лагеря; прежде другихъ стала тамъ 2-я батарея 19-й бригады, шедшая въ авангардѣ, но безъ дороги не могшая еще подняться на высоты; къ ней постепенно присоединялись 1-я,

2-я, 3-я батареи 41-й бригады, и такимъ образомъ къ вечеру 14-го апрѣля всѣ четыре девяти-фунтовыя батареи отряда стали общимъ бивакомъ у подножія Муха-Эстате.

На центральномъ курганѣ, куда прибыли фургоны и палатки, началъ устраиваться штабъ, разбивались палатки, коновязи и т. п.

При массѣ дѣлъ, которыя названныя управленія должны были возить при себѣ даже въ военное время, и при сложности и многосторонности текущей переписки, можно себѣ представить, какія удобства для канцелярской работы представляло бивачное расположеніе штаба.

Но каково-же было наше положеніе въ дождливые дни, которые упорно держались до мая мѣсяца, когда сквозь рѣдкое полотнище солдатской палатки, прямо на столъ, окруженный работающими писарями, начиналъ сѣять мелкій дождичекъ, когда на полу палатки начинала образовываться мало по малу невылазная грязь, заносимая ногами тѣхъ же писарей, ординарцевъ, вѣстовыхъ, всѣхъ обращавшихся за справками, свѣдѣніями, а также и по дѣламъ службы.

Наши деньщики, вѣстовые и ѣздовые начали себѣ устраивать низкіе шалаши изъ вѣтвей деревьевъ, обкладывая ихъ сверху густымъ слоемъ папоротника, росшимъ въ изобиліи кругомъ.

Гурійцы въ дорогѣ.

V.

Стоянка на Муха-Эстатской позиціи.

Дни 15-го и 16-го апрѣля, хотя хмурые, но не дождливые, всецѣло были поглощены изслѣдованіемъ и устройствомъ Муха-Эстатской позиціи, устройствомъ сообщеній съ Озургетами, Николаевскомъ, а также усиленіемъ части кордонной линіи, прилегавшей къ територіи непріятеля, нами не занятой: начиная отъ Богильскаго поста вверхъ по Чолоку и дальше въ горы. На самомъ Муха-Эстате, главной и труднѣйшей работой было устройство сообщеній вдоль позиціи и разработка дорогъ вверхъ на высоты; безъ этихъ дорогъ было невозможно расположеніе на позиціи

девяти-фунтовой артилеріи. Кромѣ того войска были заняты устройствомъ своего бивака-лагеря, очередной аванпостной службой, выполнявшейся одной пѣхотой и въ весьма недальнемъ разстояніи отъ занятой нами позиціи.

На этихъ аванпостахъ днемъ и ночью шла перестрѣлка. Девятифунтовая артилерія стала значительно правѣе тѣхъ мѣстъ позиціи, которыя занимались 14-го числа 5-й и 6-й батареями и выстроилась длиннымъ фронтомъ вдоль позиціи, имѣя передки, ящики, коновязи и офицерскія палатки, расположенными сзади, въ балкахъ и другихъ складкахъ мѣстности.

Въ эти дни 5-я и 6-я батареи пополнили свои передки и ящики, и всѣ батареи вообще устанавливали, болѣе или менѣе, правильное снабженіе фуражемъ, который появился въ трехъ видахъ: въ видѣ ячменя, овса и кукурузы. Интендантство доставляло сѣно, но лошади продолжали довольствоваться и чалой, пріобрѣтаемой уже собственнымъ попеченіемъ командировъ.

Съ 16-го апрѣля началось первое обстрѣливаніе хуцу-убанскихъ позицій девяти-фунтовой артилеріей. 17-го апрѣля погода оказалась совсѣмъ скверная; съ ранняго утра моросилъ дождикъ, палатка моя совершенно намокла и сквозь рѣдкое полотнище ея сѣялъ мелкій дождичекъ, успѣвшій смочить и постель, и столъ, и земляной полъ. Въ этотъ день на лельскій постъ прибыли наши парки; а именно 2³/₄ отдѣленія летучаго парка и ¹/₂ отдѣленія Кавказскаго конно-артилерійскаго полу-парка.

Не смотря на сырость, грязь, лишенія, безпокойныя ночи, каждый изъ насъ чувствовалъ себя бодрымъ. Внутренній міръ каждаго былъ полонъ энергіи, жажды дѣятельности, событій и новостей съ другихъ театровъ войны, ожиданій и увѣренности въ конечномъ успѣхѣ.

Послѣ обѣда происходила раздача нижнимъ чинамъ отряда крестовъ, привезенныхъ адъютантомъ Его Высочества полковникомъ Барановымъ; крестовъ было привезено по два на каждую роту, принимавшую непосредственное участіе въ бывшихъ бояхъ.

На площадкѣ передъ палатками штаба выстроились въ ожиданіи начальства первые кавалеры отряда. Командующій войсками самъ раздавалъ кресты; лица новыхъ кавалеровъ сіяли неописаннымъ удовольствіемъ. Полковникъ Барановъ привезъ первыя извѣстія о событіяхъ въ другихъ отрядахъ, и мы радовались быстрому и одновременному наступленію въ турецкіе предѣлы нашихъ колоннъ. Утро 18-го числа оказалось мало радостнымъ: моросилъ тотъ-же мелкій дождичекъ и сѣрое небо было обложенное тучами.

Вернувшись изъ штаба, куда ходилъ за приказаніями, я занялся составленіемъ вѣдомости выпущеннымъ снарядамъ съ 12-го апрѣля, и вотъ результаты:

	Обыкн. гранатъ.	Шрапнели.	Картечей.
13-го апрѣля.			
1-я бат. 41 бриг.	—	6	1
5-я » 41 »	—	20	—
6-я » 41 »	2	40	—
14-го апрѣля.			
5-я » 41 »	91	73	—
6-я » 41 »	8	80	—
15-го апрѣля.			
2-я » 19 »	54	—	—
2-я » 41 »	2	—	—
16-го апрѣля.			
2-я » 19 »	2	—	—
Итого . .	160	219	1

Дождь не унимался и обратилъ кругомъ все въ грязь и сырость. Часа въ три пополудни помощникъ главнокомандующаго князь Святополкъ-Мирскій, пріѣхавшій изъ Озургетъ, объѣзжалъ позиціи отряда.

Съ утра 19-го скверное безнадежное небо и непроницаемая завѣса моросившаго дождя; вода сверху, грязь снизу, сыро и холодно.

Князь Мирскій уѣхалъ обратно въ Озургеты черезъ лельскій постъ, а слѣдъ за княземъ двинулся обычный транспортъ или такъ называемая «оказія за провіантомъ и фуражемъ».

Регулярно каждый день, съ ранняго утра такой транспортъ составлялся на сборномъ пунктѣ; къ нему присоединялись всѣ, имѣющіе нужду ѣхать на Озургеты офицеры, нижніе чины и команды, а въ $6^1/_2$ часовъ утра транспортъ подъ солиднымъ конвоемъ выступалъ на Озургеты и двигался съ соблюденіемъ военныхъ предосторожностей не только до Чолока, но далеко и далѣе за Чолокомъ *).

---

*) Такой порядокъ движенія въ Озургеты и вообще сообщенія съ своей операціонной базой, рисуетъ характеръ войны, которую велъ кобулетскій отрядъ. По словамъ офицеровъ, ветерановъ кавказской войны, война въ Кобулетіи, а

Транспорты эти двигались очень медленно, ибо трудно себѣ составить даже понятіе, какую ужасную непролазную грязь изображала изъ себя эта единственная дорога на Озургеты. Особенное препятствіе въ это время года представляло движеніе громадныхъ фургоновъ, составлявшихъ, по выраженію транспортныхъ начальниковъ, сущее несчастіе.

Интендантство на черводарскихъ лошадяхъ (вьючныхъ) этими-же транспортами, по этой-же единственной дорогѣ поставляло отряду провіантъ и фуражъ, которые складывались въ бунты у подножія Муха-Эстате и немедленно раздавались войскамъ. Не смотря на громадное количество черводарскихъ лошадей, имѣвшихся для надобностой интендантства, оно едва-едва успѣвало удовлетворять насущныя потребности войскъ. Лучше всего это можно видѣть изъ отдаваемыхъ въ то время ежедневныхъ приказаній о полученіи сухарей только на одинъ день впередъ.

Отрядный штабъ отстоялъ отъ нашего артилерійскаго не далѣе 300 шаговъ, но и тутъ даже, по причинѣ грязи, сообщеніе было не легкое.

Сегодня въ штабъ явились нѣкоторые жители съ покорностью и съ изъявленіемъ желанія привозить на бивакъ продукты своихъ сельскихъ произведеній; они были очень хороши съ своей гордой осанкой, въ красивыхъ, воинственныхъ костюмахъ.

Недавняя стоянка въ ихъ селеніяхъ турецкихъ войскъ, безцеремонно забиравшихъ у нихъ все по части съѣстнаго, отсутствіе на полевыхъ работахъ рабочихъ рукъ, такъ какъ населеніе селъ и хуторовъ ранней весной было собрано въ лагери, вслѣдствіе чего они и не сѣяли на предстоящій годъ, наконецъ театръ военныхъ дѣйствій, въ который войдутъ и уже частью вошли ихъ поля и сады, все это въ недалекомъ будущемъ угрожало имъ голодомъ, какъ въ горахъ, такъ и въ прибрежной полосѣ. Напротивъ того, наши православные гурійцы, выставивъ, относительно, очень небольшой контингентъ милиціонеровъ, не прекращали вовсе своихъ сельскихъ работъ, сбывали по весьма высокимъ цѣнамъ свои сельскія произведенія и, вообще, пользуясь сосредоточеннымъ расположеніемъ войскъ, выгодно промышляли по различнымъ отраслямъ. Необычайно высоко поднялась въ цѣнѣ кукуруза; чрезвычайно выгодно сбывалась ими чала, даже самаго низкаго качества, такъ напр.

именно, движеніе, расположеніе биваками, сообщеніе съ операціонными линіями, сопровожденіе «оказій» и др. детали военныхъ дѣйствій сильно напоминали имъ войну съ горскими народами.

почти по всей Гуріи была продана чала, снятая съ крышъ домовъ, сараевъ и другихъ зданій. Вообще, паралельно съ разореніемъ турецкой Гуріи, благосостояніе нашей Гуріи должно было увеличиться; кромѣ того, между русскими и гурійцами устанавливалось извѣстное сближеніе, и мы имѣли случай убѣдиться въ превосходныхъ качествахъ и достоинствахъ гурійскаго милиціонера, представляющаго въ своемъ національномъ костюмѣ, который и есть въ то же время походный, идеальнаго пѣхотинца черноморскаго прибрежья, снаряженнаго сообразно долголѣтнему военному опыту.

Этотъ долголѣтній военный опытъ, кромѣ періодическихъ войнъ Россіи съ Турціей и покоренія западнаго Кавказа, заключался въ вѣковой враждѣ двухъ сосѣднихъ Гурій—православной и магометанской, враждѣ, проявлявшейся во взаимныхъ набѣгахъ, стычкахъ, нападеніяхъ и т. д., производившихся въ мирное время; здѣсь закалилось взаимное мужество и способность къ малой войнѣ на данной мѣстности.

Къ вечеру погода чуть-чуть разъяснилась и на душѣ каждаго стало веселѣе. Наступившій вечеръ былъ великолѣпенъ: направо море, позлащенное послѣдними лучами заходящаго солнца, столь намъ желаннаго; налѣво и впереди все болѣе и болѣе темнѣвшія окрестности, сосѣдніе холмы, съ расположенными на нихъ биваками, лѣсистыя высоты, дальнія горы и долины потонули въ синеватомъ туманѣ, сквозь дымку котораго мелькали огни костровъ, у которыхъ согрѣвались и просушивались солдаты. Наступившая темнота и молчаніе прерывались изрѣдка гуломъ орудійныхъ выстрѣловъ, которые подхватывало эхо горъ и далеко разносило по окрестностямъ.

Послѣ зари пластунская музыка сыграла «Коль славенъ»; это были первые звуки музыки, слышанные нами по переходѣ границы; какъ-то грустно и вмѣстѣ торжественно разносились по вечернему воздуху звуки гимна и въ эти минуты походной жизни казались намъ мелодичнѣе всего, когда-либо слышаннаго. Вечеромъ, къ нашему расположенію прибыла ракетная команда, назначавшаяся по очереди отъ всѣхъ батарей отряда и состоявшая изъ фейерверкера и двухъ рядовыхъ. Она снабжена была спусковымъ станкомъ и нѣсколькими сигнальными ракетами; цѣль ея назначенія состояла въ спускѣ ракетъ на случай тревоги.

Посланный мной на поиски деньщикъ разыскалъ какого-то піонера-маркитанта, у котораго цѣны были весьма высокія: коробка сардинокъ 75 коп., фунтъ соли 40 коп., фунтъ свѣчей 60 коп., фунтъ сахару 50 коп., но я и этимъ былъ доволенъ и сдѣлалъ нужные запасы.

20-го апрѣля, наконецъ, хорошая погода; теплое, живительное солнце ободряюще подѣйствовало на чиновъ отряда. Часовъ въ 10 утра начальникъ артилеріи поѣхалъ на передовыя позиціи для осмотра расположенія артилеріи, а также съ цѣлью убѣдиться, что офицеры батарей достаточно ознакомлены съ такими пунктами непріятельской позиціи, по которымъ артилеріи пришлось-бы дѣйствовать съ мѣста своего настоящаго расположенія.

Кромѣ того, полковникъ Филимоновъ хотѣлъ удостовѣриться, пристрѣлялись-ли батареи и удачно-ли дѣйствіе артилерійскаго огня по домамъ, хатамъ и саклямъ селеній Гвари и Аламбари, которыя заняты вооруженными жителями съ очевидной цѣлью упорной ихъ обороны и дѣйствіе по которымъ въ настоящее время, т. е. до движенія на Хуцу-Убани, было необходимо: 1) для устрашенія жителей; 2) для ихъ наказанія, за оказываемое до сихъ поръ упорное сопротивленіе и 3) вообще для давленія на населеніе съ цѣлью заставить его отдѣлиться отъ турецкихъ войскъ и быть только нейтральными свидѣтелями нашей борьбы съ Турціей *).

Таково было первоначальное предположеніе относительно нашихъ отношеній къ населенію при вторженіи въ турецкую Гурію, измѣнившееся съ теченіемъ времени, когда дальнѣйшая упорная борьба съ жителями, потери въ людяхъ, понесенныя ими въ этой борьбѣ (и какъ слѣдствіе потерь—чувство мщенія), разрушеніе ихъ селеній, необходимое для овладѣнія тѣмъ или другимъ пунктомъ, сдѣлало такія предположенія невозможными.

Артилерія, какъ сказано выше, была расположена на позиціи фронтомъ къ непріятелю и въ слѣдующемъ порядкѣ: съ праваго фланга на лѣвый 2-я батарея 19-й, 1-я, 2-я, 3-я, 4-я и 5-я батареи 41-й бригадъ; обѣ 4-хъ фунтовыя стояли на лѣвомъ флангѣ.

Батареи стояли какъ бы на бивакѣ, но дѣйствіе артилеріи продолжалось цѣлый день до наступленія темноты и зависѣло отъ разныхъ обстоятельствъ.

На батареяхъ было непрестанное наблюденіе, орудія были наведены на цѣли, обозначавшіяся по ходу боя. Малѣйшее столпленіе непріятеля въ домахъ, на крышахъ или балконахъ, замѣчен-

*) Прокламаціи намѣстника къ «благороднымъ сынамъ картвельскаго племени»—оставить непріязненныя къ намъ дѣйствія, распространенныя по краю въ день объявленія войны, видимо на нихъ не подѣйствовали. Впослѣдствіи, по взятіи Хуцу-Убани, селеній Гвари и Аламбари, мы находили во множествѣ эти прокламаціи, переведенныя на турецкій и грузинскій языки, прибитыми къ дверямъ домовъ и мечетей. Это означало, что омусульманившіеся грузины не вняли благоразумнымъ увѣщаніямъ, за что и понесли заслуженную кару.

ная жизнь въ какомъ либо изъ нихъ, сосредоточеніе ружейнаго огня изъ домовъ или заваловъ по нашей пѣхотѣ, смѣнявшейся на аванпостахъ,—вызывало немедленный и всегда вѣрный огонь изъ орудій. Это подстереганіе непріятеля не обходилось безъ хитрости съ нашей стороны и разныхъ сноровокъ, въ которыхъ проявлялась сметка и находчивость нашихъ наводчиковъ.

Въ нѣсколько дней такой боевой стоянки, орудія были прекрасно пристрѣляны, установилось внимательное, цѣлесообразное наблюденіе, и туркамъ не прощалось ни одной съ ихъ стороны оплошности.

Во всемъ этомъ начальникъ артилеріи убѣдился во время осмотра позиціи, который начался въ 10 часовъ и кончился въ 4 часа.

Кромѣ того, полковникъ Филимоновъ обратилъ вниманіе и на «фуражный вопросъ», который разрѣшался вовсе неудовлетворительно: интендантство, поставлявшее фуражъ и сѣно на позиціи путемъ черводарскихъ транспортовъ, по причинѣ невозможной распутицы было не въ силахъ удовлетворять потребностямъ батарей, въ особенности первое время, когда только что организовывалось правильное сообщеніе съ операціонной базой, средства и способы снабженія отряда. Сами же батарейные командиры, при всемъ своемъ желаніи, кромѣ травы, дубовыхъ листьевъ и въ ничтожномъ количествѣ чалы и кукурузы, ничѣмъ не могли раздобыться.

Также неудовлетворительно былъ поставленъ и другой, болѣе важный вопросъ—о снабженіи провіантомъ и сухарями; черводарскіе транспорты, въ первое время нашего пребываніи въ Турціи, едва-едва успѣвали привозить на Муха-Эстате количество, необходимое для прокормленія отряда на одни сутки, рѣдко-рѣдко на двое сутокъ.

Кромѣ весенней распутицы и неустановившагося правильнаго сообщенія, причиной тому было также неимѣніе въ Озургетахъ или по ихъ близости большаго склада провіанта.

При оборонительномъ характерѣ дѣйствій и при расположеніи въ Озургетахъ и ихъ окрестностяхъ главныхъ силъ ріонскаго отряда, запасовъ было бы достаточно. По всей вѣроятности (тутъ можно только высказать предположеніе) сосредоточеніе большихъ силъ и наступленіе было принято въ принципѣ не задолго до объявленія войны; только этимъ можно объяснить неготовность нашей базы въ смыслѣ: 1) неподготовки участковъ операціонной линіи въ своей територіи для движенія обозовъ и артилеріи и 2) недостаточности заготовленій продовольственныхъ запасовъ.

И тотъ, и другой видъ неподготовки базы отразился вредно на дальнѣйшихъ операціяхъ и отнялъ у александропольскаго отряда силы, съ которыми онъ могъ бы успѣшнѣе подвигаться въ своихъ первыхъ шагахъ. Мы же съ большими силами пребывали мѣсяцами въ полномъ бездѣйствіи, пока подготовили путемъ борьбы съ жителями и природой свои позиціи передъ верками Цихисдзири.

Даже это удерживаніе значительныхъ силъ въ Цихисдзири не было особенно намъ полезно. Турки владѣли моремъ и перебрасывали войска, куда того требовали обстоятельства: въ Батумъ, Сухумъ, Константинополь, Варну и т. д.

Возвращаясь къ событіямъ въ отрядѣ, замѣтимъ, что недостатокъ въ запасахъ продовольствія могъ служить поводомъ къ большимъ нареканіямъ на интендантство, не имѣвшее возможности снабдить войска разомъ провіантомъ на трое сутокъ впередъ, а безъ такого снабженія сухарями немыслимо было дальнѣйшее движеніе впередъ, даже на небольшое разстояніе, какъ напримѣръ, на высоты Хуцу-Убани.

Такимъ образомъ, стоя на Муха-Эстате, мы теряли дорогое время и давая туркамъ полную возможность укрѣплять какъ самыя Цихисдзирскія высоты, такъ и промежуточныя до Цихисдзири позиціи, сообразно съ направленіемъ нашего движенія, и, что было еще важнѣе, давали имъ время сосредоточить войска на цихисдзирскихъ укрѣпленіяхъ, усилить и организовать ихъ оборонительное вооруженіе.

21-го числа была опять хорошая погода и въ этотъ день къ намъ пришло извѣстіе о взятіи Баязета войсками эриванскаго отряда. Признаюсь, не безъ зависти къ успѣшному движенію лѣваго фланга кавказской арміи мы прочли донесеніе генерала Тергукасова. Весь день въ цѣпи шла перестрѣлка; батареи также изрѣдка, если подвернется удобный случай, посылали гранаты. Вечеромъ пошелъ проливной дождь и всѣ попрятались,—кто за мокрое полотнище палатки, а кто и въ сырой шалашикъ.

22-го апрѣля артилерія выслала своихъ лошадей конфиденціально на траву за правый флангъ нашъ, не испросивъ себѣ прикрытія и не увѣдомивъ, кого слѣдовало. Табунъ этотъ былъ принятъ у насъ за обходную непріятельскую кавалерію; въ обѣихъ колоннахъ не обошлось безъ приготовленій къ отраженію этой весьма странной попытки угрожать нашему расположенію; все кончилось смѣхомъ и замѣчаніемъ.

Въ полдень, весь 2-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ былъ на рекогносцировкѣ праваго фланга, и одинъ унтеръ-офицеръ,

вышедшій за цѣпь походить въ лѣсу, поплатился жизнью: одинъ лишь обезглавленный трупъ его достался нашедшимъ его товарищамъ.

Сегодня-же прибыли въ первый разъ письма и газеты, доставившія всѣмъ получившимъ ихъ безконечное наслажденіе. Изъ газетъ мы вычитали о нашихъ дѣлахъ и движеніи нашемъ, причемъ не мало смѣялись нелѣпымъ заграничнымъ извѣстіямъ о нашихъ операціяхъ. У Николаевска въ этотъ день былъ слышенъ грохотъ орудій и въ ту же сторону видно движеніе пароходовъ, буксирующихъ баржи. Вечеромъ пріѣхалъ отрядный интендантъ баронъ Дризенъ. Онъ привезъ непріятныя извѣстія о высадкѣ турокъ въ Николаевскѣ и объ отступленіи изъ Николаевска, послѣ небольшой перестрѣлки, нашихъ двухъ баталіоновъ.

Всю ночь съ 22-го на 23-е шелъ проливной дождь, превратившій все кругомъ опять въ невылазную грязь. На морѣ замѣтно было сильное движеніе броненосцевъ отъ Батума, а у Николаевска опять слышенъ былъ гулъ орудійныхъ выстрѣловъ; какъ послѣ оказалось, турки обстрѣливали Чолокъ вдоль; ружейная пальба слышна и у такъ называемаго Чахатскаго моста.

25-го я поѣхалъ по дѣламъ службы въ Озургеты по новому уже пути прямо на Богильскій постъ. Теперь постъ этотъ, имѣющій важное тактическое значеніе, укрѣпленъ, занятъ частью отряда и составляетъ солидный опорный пунктъ для прикрытія нашихъ путей сообщенія. Спускъ съ этого поста къ Чолоку продѣланъ въ видѣ углубленной дороги, прорѣзанной въ компактной, глинистой массѣ ярко-краснаго цвѣта.

Этотъ новый путь вообще значительно короче стараго.

На полпути между Чолокомъ и Озургетами, слѣдовательно уже на нашей територіи, находится еще промежуточный постъ, состоящій изъ деревяннаго зданія, слабо напоминающаго блокгаузъ; гарнизонъ его составляютъ гурійцы, запирающіеся въ немъ на ночь. Дворъ обставленъ лежащими вдоль цѣлыми обрубленными деревьями, съ наружной стороны осыпанными землей. Постъ этотъ безпрестанно безпокоятъ ночными нападеніями кобулетцы.

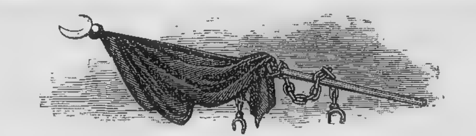
Съ какимъ удовольствіемъ въѣхалъ я опять въ Озургеты и увидалъ жизнь мирнаго времени!..

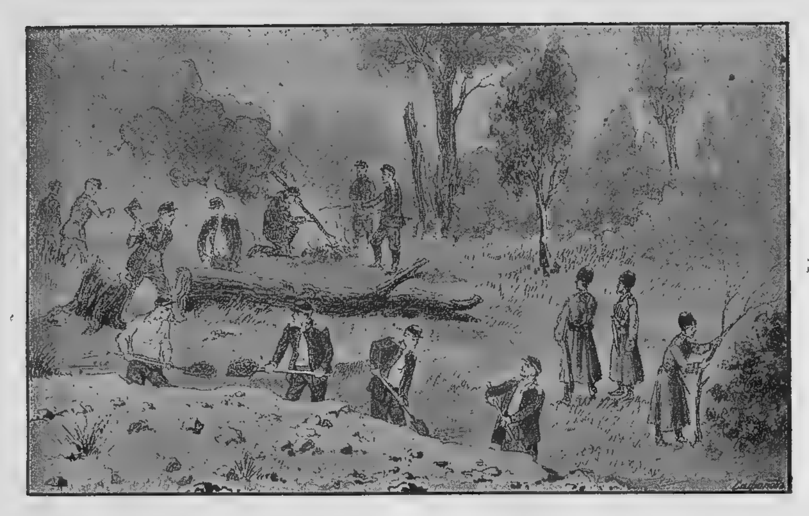
Какъ Озургеты, такъ и вся Гурія не прекращала своихъ обыденныхъ занятій; никакія переселенія не совершались и всѣ жили въ своихъ селеніяхъ съ вѣрой, что странѣ нечего ожидать вторженія турокъ, каковъ бы ни былъ исходъ кампаніи!..

Въ этомъ заключалась наибольшая заслуга кобулетскаго отряда,

не стяжавшаго громкихъ побѣдныхъ лавровъ и въ послѣдующее время, но крѣпко, упорно, грудью отстоявшаго вторженіе турокъ въ Гурію.

27-го возвратился я на Муха-Эстате, гдѣ узналъ, что 26-го и 27-го производилась послѣдняя повѣрочная пристрѣлка 9-ти фунтовыхъ ѳрудій до пунктовъ, намѣченныхъ начальникомъ штаба, который желалъ до предстоявшаго боя окончательно познакомить офицеровъ батарей съ тѣми пунктами позиціи непріятеля, которые были тактическими ключами и на которыхъ можно было ожидать наиболѣе упорнаго сопротивленія движенію нашихъ колоннъ.

Насыпка ложементовъ и очистка мѣстности на Хуцу-Убани.

VI.

Бой 29-го апрѣля и взятіе Хуцу-Убанскихъ высотъ и селеній.

Въ 6 часовъ вечера, 28-го апрѣля поднялся вѣтеръ, который скоро превратился въ бурю, вырывавшую палатки и длившуюся почти всю ночь.

Съ вечера шли приготовленія къ предстоящему бою или вѣрнѣе движенію впередъ, столь ожидаемому всѣми чинами отряда. Шести орудіямъ горной батареи, находившейся въ это время въ резервѣ и отдыхавшей внизу у подножія Муха-Эстате, около бивака Кутаискаго конно-ирегулярнаго полка, интендантскихъ складовъ и Озургетской дороги, приказано было еще вечеромъ подняться на передовыя позиціи и присоединиться къ войскамъ лѣвой колонны въ полное распоряженіе генералъ-маіора Денибекова.

Къ тому времени саперы разработали новую дорогу на Муха-Эстате,

конченную 28-го апрѣля; новая дорога сокращала значительно подъемъ для частей, расположенныхъ у подножія Муха-Эстате, особенно на случай движенія на лѣвый флангъ позиціи. Начальникъ артилеріи, не будучи вполнѣ увѣренъ въ знаніи командующимъ батареею капитаномъ Евдокимовымъ этой новой дороги, приказалъ мнѣ спуститься внизъ, передать капитану Евдокимову инструкціи для дѣйствія и вести горную батарею по новой дорогѣ.

У подножія въ полномъ мракѣ я наткнулся въ упоръ на всадника, оказавшагося капитаномъ Евдокимовымъ; за нимъ дефилировала батарея въ составѣ шести орудій; мы поднялись наверхъ по прекрасной, новой дорогѣ.

Не безъ чувства нѣкоторой тяжести полковникъ Филимоновъ слѣдилъ, какъ во мракѣ изчезалъ хвостъ вьючной артилеріи. Послѣ дѣла 14-го апрѣля, послѣ тяжкихъ потерь, понесенныхъ батареею, всегда можно было опасаться новыхъ жертвъ, и начальникъ артилеріи боялся, какъ бы не случилось опять какое нибудь обстоятельство, которое вызоветъ горную артилерію на новыя жертвы. Боязнь эта была весьма основательна: съ каждымъ новымъ шагомъ въ нашихъ операціяхъ мы убѣждались въ цѣнности горной артилеріи, а между тѣмъ эта единственная батарея разъ уже испытала тяжкія потери; предстояла впереди еще широкая боевая служба, а еще одна катастрофа—и мы будемъ безъ горной артилеріи вовсе.

Буря не унималась всю ночь; холодный и рѣзкій вѣтеръ часто мѣнялъ свое направленіе, то и дѣло укрѣпляли колья палатокъ. Никто не спалъ всю ночь: каждый былъ занятъ послѣдними приготовленіями. Къ раннему утру 24-го, когда чуть-чуть только начало свѣтать, вѣтеръ мгновенно стихъ и день видимо обѣщалъ быть хорошимъ. Просвѣтлѣвшее небо было совершенно чисто.

Часа въ 4 утра конвойная сотня командующаго войсками начинала уже сѣдлать коней. Мимо насъ прорысила сотня Кутаискаго конно-ирегулярнаго полка, назначеннаго въ составъ лѣвой колонны. Наконецъ мы сѣли на коней и направились на передовыя позиціи; тамъ все было на ногахъ.

Съ Муха Эстатскаго гребня было далеко видно все впереди, и слѣдить за общимъ ходомъ боя было какъ нельзя болѣе удобно, хотя отдѣльные эпизоды его закрывались густымъ лѣсомъ долины р. Ачкуастави.

Войскъ лѣвой колонны видно не было, — они уже спустились внизъ съ Муха-Эстатскихъ холмовъ и втянулись въ лѣса, окаймлявшіе подошвы Хуцу-Убанскаго гребня и наполнявшіе долину р. Ачкуастави.

На позиціяхъ непріятеля, а также въ лѣсныхъ чащахъ, ихъ окружающихъ, гдѣ двигалась лѣвая колонна,—все было тихо.

Также не было уже видно и войскъ правой колонны, еще ночью выступившихъ и двигавшихся теперь въ лѣсной полосѣ, огибавшей Хуцу-Убани съ лѣваго фланга турецкихъ позицій, и на столько отъ насъ вправо и далеко впереди, что боя правой колонны мы видѣть не могли, а развѣ только слышать

Въ полуоборотъ направо отъ нашего расположенія, въ центрѣ Муха-Эстате, вырисовывался на берегу моря, освѣщенный первыми лучами солнца, городокъ Нижніе-Кобулеты, иначе называвшійся Чурукъ-Су.

Задача начавшагося движенія и предстоящаго боя заключалась въ слѣдующемъ: войска, назначенныя для наступленія, дѣлятся на двѣ колонны: лѣвая колонна, подъ общимъ начальствомъ генерала Денибекова [нач. штаба кап. баронъ Зальца] *), состоявшая изъ 164-го Закатальскаго полка, 1-го Кавказскаго стрѣлковаго баталіона, 1-го Пластунскаго баталіона, роты саперовъ, сотни конно-иррегулярнаго полка, 6-ти орудій горной батареи, должна овладѣть близъ лежащими Хуцу-Убанскими высотами (съ ихъ домами, саклями и завалами), на правомъ флангѣ непріятельской позиціи.

Для прикрытія своего лѣваго фланга и вообще для прикрытія сообщеній съ Муха-Эстате отъ могущихъ явиться изъ лѣса покушеній непріятеля, лѣвая колонна должна была выдѣлить еще влѣво пластунскій баталіонъ съ 2-мя горными орудіями (шт.-капит. фонъ-Климанъ).

Колонна эта, состоявшая подъ начальствомъ командира пластуновъ полковника Козелкова **), должна была расположиться сообразно обстоятельствамъ боя, но во всякомъ случаѣ главная ея задача состояла въ прикрытіи лѣваго фланга колонны и сообщеній ея съ базой (Муха-Эстате).

Остальныя части колонны, подъ начальствомъ командира Закатальскаго полка полковника Солтана, назначались для выполненія главной задачи боя—занятія передовыхъ право-фланговыхъ непріятельскихъ Хуцу-Убанскихъ высотъ.

Для движенія лѣсомъ, по совершенно незнакомымъ мѣстамъ, въ колоннѣ имѣлись проводники.

Правая колонна, подъ общимъ начальствомъ генералъ-маіора

---

*) Нынѣ начальникъ Кавказской стрѣлковой бригады.

**) Командира одного изъ полковъ Кавказской арміи, впослѣдствіи и колоннаго начальника у генерала Скобелева въ геокъ-текинскомъ походѣ 1879 г.

Шелеметьева, въ составъ которой вошли: 2-й Кавказскій стрѣлковый баталіонъ, части Ленкоранскаго и Кутаискаго конно-ирегулярныхъ полковъ и 4 орудія 2-й батареи 19-й артилерійской бригады, должна была наступленіемъ на лѣвый флангъ непріятельской позиціи притянуть на себя часть его силъ и, по исполнеяіи этой операціи, дѣйствовать по обстоятельствамъ.

Общая центральная Муха-Эстатская батарея, состоявшая изъ 1-й, 2-й, 3-й, 4-й и 5-й батарей 41-й бригады и полубатареи 2-й батареи 19-й бригады, должна была, дѣйствуя съ мѣста расположенія своихъ орудій на бивакѣ, способствовать движенію и успѣху боя лѣвой колонны и, на случай упорнаго сопротивленія изъ домовъ, сакель и заваловъ, разрушать ихъ сосредоточеннымъ огнемъ и дѣйствовать по ихъ защитникамъ.

Этой артилеріи центра полагалось, по условію, открыть огонь, тогда, когда на вершинѣ ближайшаго Зеленаго холма покажется дымъ перваго выстрѣла горнаго орудія, что, опять таки по условію, означало бы, что лѣвая колонна овладѣла ближайшимъ лѣсистымъ холмомъ и что теперь надо ее поддерживать въ веденіи дальнѣйшаго боя и въ дальнѣйшемъ овладѣніи групой Хуцу-Убанскихъ холмовъ и высотъ артилерійской атакой съ Муха-Эстате. Выполненіе этого назначенія принадлежало главнымъ образомъ девяти-фунтовымъ орудіямъ въ числѣ 28-ми въ началѣ боя, а потомъ, когда 4 орудія 19-й бригады пошли на присоединеніе къ остальнымъ четыремъ правой колонны, — то 24-мъ орудіямъ центра и отчасти 16-ти орудіямъ четырехъ-фунтоваго калибра. 4-я батарея 41-й бригады была расположена на лѣвомъ флангѣ въ разстояніи около $^1/_2$ версты влѣво отъ центральной, частью по недостаточной дальнострѣльности своихъ 4-хъ-фунт. пушекъ, частью потому, что лѣсистая мѣстность, подверженная обстрѣливанію, была бы занята нашими войсками.

Правая колонна, направленная не по столь гористой мѣстности, имѣла четыре 9-ти-фунтовыхъ орудія и двигалась на столько вправо и впереди Муха-Эстате, что ни въ какомъ случаѣ не могла быть поддержана фронтальнымъ огнемъ главной батареи.

Въ минуту прибытія генерала Оклобжіо и полковника Филимонова на передовыя позиціи, занятыя длиннымъ фронтомъ 32-хъ орудій, все было готово и ожидало лишь результата движенія лѣвой колонны.

Туда-то, въ эту таинственную глушь, обращены были всѣ взоры, но до сихъ поръ тамъ царило полное безмолвіе.

Въ $4^1/_2$ часа утра, въ глубинѣ этихъ лѣсистыхъ трущобъ разда-

лось нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ: эхо горъ подхватило ихъ и разнесло по сосѣднимъ, многочисленнымъ ущельямъ. Понемногу ружейный огонь началъ усиливаться; на непріятельскихъ позиціяхъ, на холмахъ, ближайшихъ къ предполагаемому мѣсту нахожденія лѣвой колонны, показалось нѣсколько ружейныхъ дымковъ. Тогда было рѣшено, не ожидая условнаго выстрѣла горнаго орудія, бросить нѣсколько гранатъ по этимъ холмамъ, но, во избѣжаніе стрѣльбы по своимъ, рѣшено было направить огонь по домамъ, саклямъ и заваламъ, болѣе отдаленнымъ отъ непріятельскаго праваго фланга.

Огонь былъ открытъ; это было въ 5 часовъ утра, и сначала огонь былъ веденъ рѣдкій: первые выстрѣлы угодили прекрасно и не оставляли желать ничего лучшаго. Вслѣдъ за этимъ въ глубинѣ лѣсистой полосы, гдѣ предполагалась лѣвая колонна, раздался выстрѣлъ горнаго орудія, но совсѣмъ не тамъ, гдѣ ожидался по условію, а, опять таки, совсѣмъ внизу и въ нѣкоторомъ разстояніи отъ того лѣсистаго холма, съ котораго мы ожидали этого перваго выстрѣла. Вскорѣ можно было опредѣлить и относительное положеніе горнаго орудія, такъ какъ изъ лѣса послѣ выстрѣла потянулся клубъ бѣлаго дыма.

Ясно, что лѣсистымъ холмомъ овладѣть нечаянно не удалось и атаку его приходится подготовить огнемъ горной артилеріи. Вслѣдъ за орудійнымъ выстрѣломъ, въ той же сторонѣ мгновенно усилился ружейный огонь и слился уже съ этой минуты въ непрерывную трескотню.

Во всякомъ случаѣ, какъ находилась лѣвая колонна въ отношенія лѣсистаго холма—положительно извѣстно не было, и все сказанное было одно предположеніе.

На турецкихъ позиціяхъ, гдѣ сначала только кое-гдѣ обозначались дымки отдѣльныхъ ружейныхъ выстрѣловъ, теперь задымились всѣ сакли, домики и завалы, задымились преимущественно помѣщавшіеся на правомъ турецкомъ крылѣ, а это указывало, что турки усилились на пунктахъ, лежавшихъ прямо или косвенно на пути движенія лѣвой колонны; задымился отъ выстрѣловъ и лѣсистый курганъ, бывшій цѣлью нечаяннаго нападенія лѣвой колонны.

Эта минута была выбрана полковникомъ Филимоновымъ для сосредоточенія огня 32-хъ-орудійной батареи по вполнѣ обозначившимся цѣлямъ; огонь былъ веденъ возможно чаще.

Къ этому времени было получено донесеніе: «что войска лѣвой колонны дошли до р. Ачкуа-стави и остановились, не переходя ея и обстрѣливая ружейнымъ огнемъ стрѣлковъ 1-го баталіона и зака-

тальцевъ противоположныя высоты, густо занятыя непріятелемъ; что противоположныя высоты эти изобилуютъ мѣстными предметами для упорной обороны и что пути на высоты преграждены завалами».

Задачи боя выяснялись; артилеріи были даны опредѣленныя указанія, и центральныя батареи, руководимыя лично своимъ бригаднымъ командиромъ, повели блистательно дѣло разрушенія непріятельскихъ опорныхъ пунктовъ. Около этого времени я получилъ приказаніе съѣздить въ лѣвую колонну, узнать тамъ о положеніи дѣлъ и условіяхъ стрѣльбы горной артилеріи.

Пока я ѣхалъ, спускаясь съ Муха-Эстате по дорожкѣ прямо на выстрѣлы, ружейный огонь усилился до ужасающихъ размѣровъ, сливаясь въ какой то непрерывный трескъ; надъ моей головой и надъ лѣсистой котловиной, гдѣ теперь засѣла колонна, свистѣли одна за другой мѣтко направленныя гранаты и шарохи центральной батареи.

Предполагая четыре горныя орудія подъ командой капитана Евдокимова на правомъ флангѣ (согласно диспозиціи), я поѣхалъ на орудійные выстрѣлы, слышавшіеся по мою правую руку, и, послѣ многихъ препятствій, достигъ хутора, за которымъ пріютились горныя пушки, но не дивизіона капитана Евдокимова, а взвода шт.-кап. фонъ-Климана, котораго я предполагалъ находящимся на лѣвомъ флангѣ съ пластунами.

Оказалось, что, при первоначальныхъ движеніяхъ по лѣсу, колонны перепутались и колонна полковника Козелкова, назначавшаяся на лѣвый флангъ для прикрытія слѣва операціи колонны, очутилась на правомъ флангѣ; слѣдовательно, лѣвый флангъ остался неприкрытымъ, и спеціальная задача колонны полковника Козелкова оставалась нерѣшенной.

Казалось, ошибка легко была поправима: стоило бы только отъ колонны выдѣлить влѣво новую часть, поручивъ ей задачу, лежавшую на пластунахъ, а пластуновъ присоединить къ колоннѣ; но этого не было сдѣлано въ виду сложности и запутанности боя въ лѣсу.

Невыгоды этого перемѣшиванія сказались въ томъ, что теперь жители безнаказанно обстрѣливали котловину съ лѣвой ея стороны во всю глубину; въ котловину втянулись уже всѣ войска колонны и расположились въ ней въ ожиданіи дальнѣйшихъ разъясненій боя.

Жители, обстрѣливая слѣва котловину и стрѣляя наудачу, поражали шальными пулями и резервы, и перевязочный пунктъ, и пути сообщенія между Муха-Эстате и колонной и между частями

самой колонны. Горныя орудія шт.-кап. фонъ-Климана дѣйствовали и примѣнились къ мѣстности слѣдующимъ образомъ: одно изъ двухъ орудій было помѣщено буквально за угломъ деревяннаго домика, изъ-за котораго и дѣйствовало; другое же орудіе стояло нѣсколько отступя и чуть влѣво отъ перваго, гдѣ, укрываясь за складкой мѣстности, дѣйствовало черезъ голову перваго (что было вполнѣ удобно, ибо турки, находившіеся всего въ 300 саженяхъ разстоянія, были расположены саженъ на 12 выше позиціи взвода). Прислуга, лошади, орудіе и ящичные были отлично укрыты, частью за домикомъ, частью въ чащѣ лѣса въ балкѣ. Прикрытіе орудій—рота закатальцевъ укрывалась тѣми же способами.

Домикъ, хотя былъ и небольшой, но изъ крѣпкаго солиднаго матеріала и для прикрытія отъ ружейныхъ пуль его было болѣе, чѣмъ достаточно; за нимъ располагалась непосредственно прислуга 1-го орудія и офицеры взвода и роты, бывшей въ прикрытіи орудій.

Пули частымъ дождемъ свистали вверхъ, вправо и влѣво отъ этого случайнаго, но надежнаго укрытія.

Впереди этого домика, шагахъ въ ста отъ него, лежала, ловко пользуясь складками мѣстности, цѣпь пластуновъ, рѣдко пострѣливавшихъ, но за то уже не наудачу; частью за лѣвымъ флангомъ цѣпи, частью за серединой, въ глубинѣ водомоины или дороги, лежали резервы пластуновъ, саперная рота и др. части, составившія частный резервъ праваго фланга.

Почти за правымъ флангомъ цѣпи, близко отъ нея, на совершенно ровномъ мѣстѣ, за солиднымъ деревомъ, съ биноклемъ въ рукахъ и съ приподнятыми полами черкески, стоялъ и самъ начальникъ праваго фланга, командиръ пластуновъ полковникъ Козелковъ, старый кавказецъ, руководившій отсюда боемъ.

Мѣсто для наблюденія за непріятелемъ и для руководства боемъ было прекрасно выбрано полковникомъ Козелковымъ: здѣсь, на нашемъ правомъ флангѣ лѣсъ оканчивался, и ровная, чистая поляна тянулась до высотъ противоположнаго берега, занятыхъ непріятелемъ, но за то, вслѣдствіе той же открытости, мѣсто это было особенно опасно,—пули шлепались и свистали здѣсь ежеминутно, и надо было все умѣнье пластуновъ примѣняться къ мѣстности, весь ихъ здравый смыслъ, чтобы, занимая частью цѣпи эти невыгодныя мѣста, нести ничтожныя потери.

Мѣстность впереди цѣпи пластуновъ была довольно ровная и слегка склонялась до рѣчки Ачкуа-стави, которой впрочемъ видно не было и по ту сторону которой, сейчасъ-же послѣ небольшой

прогалинки, круто возвышались холмы самой причудливой конфигурацiи и имѣя густо заросшими всѣ скаты, а всѣ возвышенныя мѣста густо застроенными отдѣльными домиками и амбарами. Здѣсь-то и сидѣли турецкiе стрѣлки, будучи безопасны отъ нашего ружейнаго огня и имѣя превосходство какъ въ командованiи, такъ и въ возможности выслѣживать и высматривать мѣста, гдѣ копошились звенья нашей цѣпи. Но эти возвышенности все-же поражались, какъ только малѣйше обнаруживали себя турки, огнемъ стрѣлковъ 1-го баталiона, пластуновъ*) и главнымъ образомъ артилерiею центра и горныхъ орудiй.

Какъ сказано выше, прислуга горныхъ орудiй укрывалась отъ пораженiй за домикомъ, выбирая время для дѣйствiя тогда, когда стихалъ этотъ смертоносный дождь свинца; даже нумеръ съ крючкомъ дѣйствовалъ, прислонясь правымъ плечомъ въ уголъ хаты. Несмотря на принятыя мѣры и прекрасное пользованiе мѣстными предметами, во взводѣ были уже потери: фейерверкеръ, два наводчика и еще одинъ нумеръ ранеными.

Часть позицiи турокъ, обстрѣливаемая пластунами и горными орудiями, представлялась съ нашей стороны въ видѣ возвышенной прогалинки лѣсистаго холма, застроенной домиками, но откуда именно сыпали они свой свинецъ,—рѣшительно не было видно; можно было быть только увѣреннымъ, что часть ихъ, и въ особенности руководители боя, прячутся за этими домиками; вотъ почему и шрапнель горныхъ орудiй была такъ направлена, чтобы осыпать пространство за домиками, большею-же частью по направленiю дымковъ изъ-за гребня, находившагося впереди домиковъ.

Послѣ двухъ, трехъ шрапнелей, огонь сейчасъ-же ослабѣвалъ на нѣкоторое время (пристрѣлялся взводъ гораздо раньше), но потомъ, когда артилерiя умолкла, возобновлялся съ новой силой. Достичь рѣшительнаго результата при этихъ условiяхъ двумъ горнымъ орудiямъ было рѣшительно невозможно.

Ознакомившись со словъ фонъ-Климана съ дѣйствiями, предшествовавшими постановкѣ орудiй за домиками, а также съ настоящими условiями стрѣльбы, я поѣхалъ къ четыремъ горнымъ орудiямъ и, не попавъ сразу на ту дорожку, которая меня привела къ горнымъ орудiямъ фонъ-Климана, очутился въ цѣпи пластуновъ.

Здѣсь переговорилъ я съ полковникомъ Козелковымъ, который

*) Какъ мы узнали впослѣдствiи, огонь цѣпи нашей нанесъ непрiятелю значительныя пораженiя, хотя и львиная доля выпала артилерiи, которая разрушала и самыя закрытiя, поражая одновременно и сидѣвшихъ въ ней.

высказалъ, что ему «крайне не нравится положеніе лѣвой колонны въ этой лѣсистой котловинѣ р. Ачкуа-стави» и что открытый штурмъ противоположныхъ высотъ, съ переправой въ бродъ черезъ рѣку, сопряженъ, по его мнѣнію, съ большими потерями и не обезпеченъ успѣхомъ, если съ другихъ фланговъ и съ центра не послѣдуютъ или сильныя демонстраціи, или атаки той-же позиціи, длина которой не соотвѣтствуетъ оборонительнымъ силамъ турокъ.

Приближаясь при возвращеніи назадъ къ четыремъ горнымъ орудіямъ капитана Евдокимова, я встрѣтилъ на носилкахъ умиравшаго отъ тяжкой раны командира 3-й роты 1-го Кавказскаго стрѣлковаго баталіона поручика Мищенко-Анисимова. Этотъ бравый ротный командиръ, имѣя цѣпь своей роты на опушкѣ лѣса и прямо передъ ея фронтомъ чистую поляну, продолжавшуюся до рѣки и высотъ противоположнаго берега, вышелъ на поляну передъ цѣпь и началъ объяснять людямъ способъ стрѣльбы при данныхъ условіяхъ и наилучшую высоту прицѣла; другаго, болѣе быстраго способа, въ виду расположенія роты въ лѣсу, не представлялось. Мищенко-Анисимовъ успѣлъ объяснить цѣпи, какъ должна она стрѣлять, но турки, видя открыто стоящаго къ нимъ спиной офицера, поспѣшили дать по немъ не одинъ десятокъ выстрѣловъ, и одна изъ многочисленныхъ пуль поразила его въ бокъ на вылетъ; рана въ животъ была смертельная.

Пробраться далѣе къ четыремъ горнымъ орудіямъ было не легкой задачей: лѣсная глушь, отсутствіе дорогъ, крайне пересѣченный и заросшій характеръ лѣса, при отсутствіи какихъ-либо заслоновъ влѣво въ сторону вооруженныхъ кобулетцевъ (баши-бузуковъ),—все это представляло крайнее затрудненіе для сообщенія въ лѣсу отдѣльныхъ частей и проѣзда даже одиночныхъ всадниковъ. Единственная, болѣе или менѣе хорошая дорога къ лѣвому флангу шла у подножія возвышенностей, занятыхъ непріятелемъ, и почти весь путь, въ особенности тамъ, гдѣ онъ шелъ открытыми полянками, безнаказанно обстрѣливался непріятелемъ; эти открытые участки приходилось проскакивать въ карьеръ, вызывая поспѣшные залпы со стороны непріятеля.

По прибытіи къ дивизіону горныхъ орудій оказалось, что мѣсто расположенія ихъ находилось подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ съ непріятельскихъ высотъ, что разстояніе до непріятеля, полученное путемъ пристрѣлки, колебалось отъ 250 до 300 и до 400 саж. (самое дальнее), что огонь велся главнымъ образомъ по тому самому лѣсистому кургану, который предполагалось занять еще ночью, путемъ внезапнаго на немъ появленія; что потери въ людяхъ и въ ло-

шадяхъ велики и что командующій батареею капитанъ Евдокимовъ сильно контуженъ въ подошву ноги и выбылъ изъ строя; подъ нимъ, кромѣ того, убита лошадь. Особено чувствительны были потери въ наводчикахъ и ящичныхъ лошадяхъ, пораженныхъ съ фланга.

Цѣль дѣйствія дивизіона—лѣсистый курганъ былъ занятъ многочисленнымъ непріятелемъ; отъ позиціи батареи и стоявшихъ лѣвѣе стрѣлковъ 1-го Кавказскаго баталіона, этотъ лѣсистый курганъ отдѣлялся ровной поляной, шедшей до р. Ачкуа-стави; за рѣкой сейчасъ-же начинался и лѣсистый курганъ, составляя только наиболѣе возвышенный пунктъ гребня такихъ же лѣсистыхъ холмовъ, групировавшихся по ту сторону рѣки.

Въ свою очередь лѣсистый курганъ черезъ голову лѣвой колонны поражался сосредоточеннымъ огнемъ центральной батареи; огонь этотъ производилъ ужасающее дѣйствіе; на небольшую площадку кургана, застроенную тремя домиками, то и дѣло спускались гранаты и шарохи: дома разрушались, сыпались доски, трещали деревья, и каждую секунду на площадкѣ билъ видѣнъ дымокъ отъ разрыва нашихъ снарядовъ. Этому кургану больше всего досталось отъ артилерійскаго огня; надо еще добавить бросаемыя съ близкаго разстоянія шрапнели горныхъ орудій.

Стрѣлки 1-го баталіона, воочію все это паблюдавшіе, были особенно довольны этой подготовкой и не могли достаточно ею нахвалиться; это дѣлалось спеціально для нихъ и закатальцевъ, и въ это время они отдыхали отъ потерь.

Нельзя не отдать справедливости мужеству кобулетцевъ,—они стойко выдерживали этотъ огонь, и какъ только онъ, сосредоточившись на одномъ пунктѣ, переносился на другой, собирались снова на первый и, убравъ своихъ раненыхъ и убитыхъ, водворялись на разрушенномъ пунктѣ и снова начинали ружейный огонь противъ войскъ лѣвой колонны.

Штурмовать этотъ рядъ лѣсистыхъ кургановъ и холмовъ, для чего надо было пробѣжать открытое пространство, потомъ по поясъ пройти Ачкуа-стави, затѣмъ взбираться на крутизну холмовъ, по дорогамъ, заваленнымъ колоссальными деревьями, было не подъ силу и молодецкимъ войскамъ Кавказской арміи.

Огонь горныхъ орудій былъ временами направляемъ по заваламъ на дорогахъ, что заставляло турокъ бросать ихъ, но разъ шрапнели туда не летѣли, они вновь занимались.

Только въ исходѣ восьмаго часа энергія защитниковъ начинала ослабѣвать: мѣткій огонь артилеріи и стрѣлковъ давалъ себя знать.

Въ такомъ положеніи находился бой внизу въ лѣсистой котло-

винѣ; позднее-ли выступленіе колоннъ, трудность-ли движенія по лѣсу, оплошность и нерасторопность проводниковъ или бдительность и готовность турокъ,—только нечаянное овладѣніе войсками лѣвой колонны возвышеннымъ лѣвымъ берегомъ р. Ачкуа-стави, что составляло только передовую позицію Хуцу-Убанскаго гребня, должно было быть замѣнено атакой открытой силой, подготовленной огнемъ 32-хъ-орудійной батареи съ фронта, огнемъ горныхъ орудій съ близкаго разстоянія и ружейнымъ огнемъ спеціалистовъ своего дѣла—стрѣлковъ и пластуновъ.

Обороняющійся-же усиливался въ той точкѣ длинной своей позиціи, гдѣ выказывались изъ лѣса головныя части лѣвой колонны.

Обратный путь на Муха-Эстате по той-же дорогѣ, подверженный тому-же боковому огню, сопровождался тѣми-же пробѣжками въ карьеръ открытыхъ пространствъ и тѣми-же залпами съ криками «Алла»... Но на этотъ разъ вдоль дороги расположилась жидкая цѣпь закатальцевъ, которая впрочемъ оставалась на самой дорогѣ, не избавляя ее отъ огня непріятеля.

Съ высоты Муха-Эстате можно было еще лучше обнять всю картину боя (кромѣ операціи правой колонны) и еще лучше убѣдиться въ мѣткости и разрушительномъ дѣйствіи огня центральной батареи.

Около этого времени до мѣста расположенія центральной батареи доносился гулъ ожесточенной орудійной и особенно ружейной пальбы изъ правой колонны, но ограничилась-ли она одной демонстраціей или перешла въ наступленіе—никакихъ свѣдѣній не имѣлось; еще ранѣе генералъ Шелеметьевъ потребовалъ четыре орудія 2-й батареи 19-й бригады.

Между тѣмъ операціи лѣвой колонны въ день 29-го близились къ развязкѣ; подъ вліяніемъ-ли губительнаго огня или подъ опасеніемъ близкаго штурма, только обороняющійся уединялся все болѣе и болѣе на участокъ позиціи крайняго праваго фланга, сосредоточиваясь исключительно около лѣсистаго кургана и близлежащихъ высотъ, гдѣ онъ могъ лучше всего противостоять попыткѣ овладѣть штурмомъ путями на Хуцу-Убани.

Такимъ образомъ, въ концѣ-концевъ, оборонительныя силы турокъ наступленіемъ двухъ колоннъ нашихъ съ фланговъ и пассивнымъ расположеніемъ остальныхъ силъ, продолжавшихъ пребывать на Муха-Эстате, сосредоточились на оконечностяхъ ихъ длинной и сильной позиціи. Обстоятельство это не ускользнуло отъ генерала Оклобжіо и полковника Казбека, неоднократно побывавшаго въ лѣвой колоннѣ; ключъ къ рѣшенію боя обнаружился его ходомъ;

еще ранѣе полковникъ Филимоновъ приказалъ мнѣ осмотрѣть мѣстность впереди и выбрать позицію для одной изъ 9-ти-фунтовыхъ батарей. Впереди было возможно поставить и не одну батарею, если только удастся сняться съ передковъ въ виду высотъ, усѣянныхъ до сихъ поръ, до дня боя, многочисленнымъ непріятелемъ, но теперь безмолвствовавшихъ.

На основаніи моего доклада генералъ Оклобжіо приказалъ 1-й батареѣ 41-й бригады выдвинуться впередъ возможно ближе и обстрѣлять центральные холмы съ ихъ домами, а въ случаѣ, если оттуда не послѣдуетъ отвѣта и окажется, что они брошены, то перенести огонь лѣвѣе, въ участки позиціи крайняго праваго непріятельскаго фланга, откуда теперь доносился неумолкаемый гулъ ружейной пальбы, чѣмъ защитники праваго непріятельскаго фланга брались во флангъ и въ тылъ. Затѣмъ, начальникъ артилеріи отряда предполагалъ выдвинуть впередъ и всю артилерію.

1-я батарея, сопровождаемая двумя ротами ленкоранцевъ, снялась съ позиціи, въ колоннѣ въ одно орудіе прошла двѣ болотистыя лощинки и снялась съ передковъ всего въ 400-хъ саженяхъ отъ высотъ, унизанныхъ саклями и когда-то кишѣвшихъ защитниками, теперь-же, по всѣмъ признакамъ, совершенно опустѣвшихъ.

Немедленно въ одинъ изъ домовъ, окруженный большой галереею, съ которой обыкновенно непріятель производилъ дѣятельную стрѣльбу, пущена была шароха: посыпались балки и доски, но со стороны турокъ не послѣдовало ни одного отвѣтнаго выстрѣла.

Все это наблюдалось генераломъ Оклобжіо и полковникомъ Казбекомъ, стоявшимъ рядомъ съ командующимъ войсками на гребнѣ Муха-Эстате.

Убѣдившись изъ опыта 1-й батареи окончательно въ отсутствіи турокъ на фронтѣ, командующій войсками генералъ Оклобжіо лично направилъ 4-ю сотню (особенно отличившуюся въ день 13-го и 14-го апрѣля) Гурійской дружины, подъ командой поручика князя Макаева (Ивана), и приказалъ ей, не медля ни минуты, броситься съ фронта и овладѣть центральными высотами. Полчаса спустя послѣ отправленія сотни, которая спускалась въ долину р. Ачкуастави, по ея слѣдамъ и съ той-же цѣлью, генералъ Оклобжіо лично направилъ двѣ, только что прибывшія изъ Озургетъ на Муха-Эстате роты севастопольцевъ подъ командой стараго кавказца маіора Бараганскаго. Артилеріи приказано въ то же время усилить огонь противъ лѣсистаго кургана и прилежащихъ холмовъ.

Подъ прикрытіемъ этого огня гурійцы и севастопольцы быстро

проходили пространство, отдѣлявшее ихъ отъ р. Ачкуа-стави, и то скрывались, то показывались снова, перебираясь черезъ отдѣльные гребни и лощины, но наконецъ скрылись вовсе въ долинѣ рѣки; прошло нѣкоторое время, лихорадочно, нетерпѣливо пережитое очевидцами съ Муха-Эстате...

Но вотъ на крутыхъ скатахъ непріятельской позиціи показались черныя точки, и группы ползли наверхъ...

Значительно влѣво отъ нихъ и по отношенію къ нимъ уступомъ становились такимъ образомъ пластуны, которые ихъ могли уже теперь отчасти и поддержать.

Немного не дошли гурійцы и севастопольцы до вершины и никто пока еще не показывалъ сопротивленія, но въ ту минуту, когда высоты съ саклями оказались почти въ ихъ рукахъ, показался и спѣшившій ихъ отбросить непріятель: затрещали ружейные выстрѣлы и кое-гдѣ показались дымки выстрѣловъ. Но вотъ раздалось дружное ура нѣсколькихъ сотъ голосовъ и севастопольцы съ гурійцами ударомъ въ штыки отбросили турокъ и укрѣпили за собой захваченное.

Ура это, мгновенно подхваченное всей атакующей линіей, разливалось и перекатывалось въ лѣсистой долинѣ у Ачкуа-стави.

Войска лѣвой колонны двинулись теперь съ неудержимымъ пыломъ изъ лѣса, перебрались черезъ Ачкуа-стави и съ разныхъ сторонъ, перемѣшиваясь частями, бросились на лѣсистый курганъ и лежащія вправо отъ него холмы.

Ничто теперь не могло удержать ихъ натиска.

Турки, встревоженные успѣхами гурійцевъ и севастопольцевъ, пытались было ружейнымъ огнемъ остановить это всеобщее и внезапное, какъ электрическая искра, наступленіе, но не выдержали и, бросая недоступныя убѣжища, отступили въ глубину хуцу-убанскихъ дебрей.

На центральныхъ высотахъ показалось пламя горѣвшихъ хатъ,—очевидно дѣло рукъ гурійцевъ, не удержавшихся предать огню жилища вѣковыхъ враговъ своихъ—кобулетцевъ. Турки и кобулетцы бѣжали по всей линіи.

Получивъ въ это время порученіе передать приказаніе въ лѣвую колонну, я бросился снова по знакомой дорогѣ и, переправляясь въ бродъ черезъ быстрыя и холодныя воды р. Ачкуа-стави, вмѣстѣ съ остатками лѣвой колонны, взобрался на тотъ самый лѣсистый холмъ, который служилъ главнымъ опорнымъ пунктомъ непріятелю противъ войскъ лѣвой колонны.

На площадкѣ этого холма, застроеннаго тремя чрезвычайно

изящными, изъ прочнаго чинароваго, дубоваго и негнойнаго дерева домами, собралась пестрая и шумная толпа различныхъ частей колонны; здѣсь переводили духъ и дѣлились впечатлѣніями пережитаго боя стрѣлки 1-го баталіона, закатальцы, саперы и горные артилеристы.

Горныя пушки были здѣсь-же; одновременно со штурмующими, горныя орудія, взявъ «на вьюки», взобрались наверхъ на своихъ подвижныхъ лошадкахъ и успѣли здѣсь направить свои дула въ сторону бѣжавшаго непріятеля.

Толпа, занявшая курганъ, представляла въ сущности массу, утратившую всякій тактическій порядокъ, но не думаю, чтобы для устройства этой толпы въ роты и баталіоны надо было много времени:—тутъ было на лицо все начальство. Обстановка этого живописнаго кургана, прекраснаго мѣста для хутора-дачи, носила на себѣ всѣ признаки ожесточеннаго боя: крыши и стѣны домовъ были изрѣшечены снарядами, осколки которыхъ, а также и не разорвавшіяся гранаты и шарохи, усѣяли буквально всю площадь и скаты; тутъ-же въ кустахъ валялось нѣсколько труповъ кобулетцевъ, не захваченныхъ бѣжавшимъ непріятелемъ.

Пока войска лѣвой колонны переводили здѣсь духъ и устраивались, мимо кургана, въ стройномъ порядкѣ, въ походной колоннѣ, щеголевато дефилировалъ дальше на центральныя Хуцу-Убанскія высоты только что прибывшій изъ Озургетъ и поступившій въ составъ войскъ кобулетскаго отряда 4-й Кавказскій стрѣлковый баталіонъ.

— «Опоздали!» кричали съ лѣсистаго кургана.

— «Ничего, возьмемъ свое», отвѣчали новоприбывшіе.

Для овладѣнія дальнѣйшими высотами Хуцу-Убани, составлявшими въ общемъ сложную групу, былъ организованъ изъ новоприбывшихъ частей, а также изъ бывшихъ въ резервѣ, особый свѣжій отрядъ, который, подъ начальствомъ полковника Казбека, послѣ слабаго сопротивленія непріятеля, овладѣлъ всѣмъ лѣсистымъ и гористымъ пространствомъ между р. Ачкуа-стави и р. Кинтришемъ.

Высоты за Кинтришемъ составляли 3-ю оборонительную линію турокъ, если первою считать высоты Муха-Эстате, а второю высоты Хуцу-Убани.

Что касается до выводовъ и заключеній о дѣлѣ 29-го апрѣля, то уже описаніе боя даетъ тому достаточное поприще; мы позволимъ себѣ только указать на нѣкоторыя причины, которыя, по нашему крайнему разумѣнію, замедлили быстрое рѣшеніе боя и вызвали лишнія потери.

Хотя планъ овладѣнія Хуцу-Убани и былъ по существу построенъ сообразно обстановкѣ, но выполненіе его съ самаго начала предоставило затрудненія: позднее выступленіе колоннъ, незнаніе лѣса, его дорогъ и вообще мѣстности, перемѣшиваніе частей колонны, отсутствіе хорошихъ и вѣрныхъ проводниковъ, дальнія дистанціи главной батареи. Первый актъ боя вмѣсто внезапнаго захвата передовыхъ Хуцу-Убанскихъ высотъ представляетъ боевое расположеніе въ лѣсистой котловинѣ въ долинѣ р. Ачкуа-стави на виду непріятеля, занявшаго необычайно сильныя отъ природы и еще усиленныя искусственно, высоты противоположнаго берега. Обороняющіеся были жители селеній и хуторовъ, разбросанныхъ по Хуцу-Убани, жители-воины отъ рожденія и по ремеслу, бывшіе у себя дома, въ знакомыхъ съ малолѣтства лѣсистыхъ дебряхъ, фанатики, отстаивающіе свои семейства, имущество, свой государственный, экономическій и народный бытъ. Оборона должна была быть упорной.

Подводя итоги всему случившемуся съ 14-го апрѣля, со дня взятія Муха-Эстате до взятія Хуцу-Убани, невольно является вопросъ: отчего съ 14-го по 29-е апрѣля отрядъ бездѣйствовалъ? Отчего послѣ 14-го сейчасъ-же не продвинулись впередъ, не овладѣли подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ муха-эстатскаго дѣла и второй оборонительной линіей и почему вообще отрядъ такъ долго пребывалъ на Муха-Эстате, имѣя, безъ сомнѣнія, числительное превосходство? Но если внимательно всмотрѣться въ заботы отряднако штаба, въ непрестанную дѣятельность войскъ по устройству своего тыла, своихъ сообщеній, обезпеченія фланговъ и особенно по устройству своего второстепеннаго «базиса-позиціи», какимъ по справедливости назовемъ Муха-Эстате, то предъ нами раскроется картина дѣятельности отряда въ теченіе двухъ недѣль, дѣятельности необходимой и важной въ виду особаго характера природы края, которая, въ силу свойствъ своихъ, требуетъ много времени для подготовки операціи.

Занявъ 14-го Муха-Эстате, мы, для успѣха и даже просто возможности дальнѣйшихъ наступательныхъ операцій, обязаны были устроить свой тылъ и свои сообщенія, обезпечить цѣлымъ рядомъ мѣръ хотя короткую, но за то и крайне чувствительную операціонную линію. Это обезпеченіе операціонной линіи усложнялось: непріязнью воинственнаго населенія Лазистанскаго санджака и невладѣніемъ нами моремъ, вслѣдствіе чего тылъ и флангъ операціонной линіи были постоянно подъ угрозой могущаго появиться десанта.

Надлежало все захваченное укрѣпить, устроить и обезпечить сообщеніе съ Озургетами (основной базой операцій отряда) и съ Николаевскомъ, значеніе котораго, въ силу его географическаго положенія, увеличивалось по мѣрѣ удлиненія операціонной линіи. Также надлежало укрѣпить нѣкоторые посты по Чолоку и держать тамъ гарнизоны. Всѣ работы по устройству операціонной линіи, которая проходила по дорогамъ, бывшимъ до того вьючными, въ болотистомъ, полутропическомъ лѣсу, требовали массы времени и рабочихъ рукъ. Наконецъ занявъ Муха-Эстате и избравъ его какъ новый базисъ для наступленія и позицію на случай обороны, мы, первые дни 15-го и 16-го не могли даже втащить на нихъ свою артилерію: дорогъ не было, надо было ихъ еще провести до передовыхъ пунктовъ позиціи; далѣе надо было проводить дороги вдоль позиціи, иначе нельзя было имѣть постояннаго и хорошаго сообщенія между отдѣльными участками позиціи; опять требовалась масса времени и рабочихъ рукъ.

Все это время съ 14-го апрѣля саперный баталіонъ съ ранняго утра до поздняго вечера былъ весь въ расходѣ и нельзя было найти ни одного свободнаго сапера въ лагерѣ.

Итакъ первая причина медленности операцій заключалась въ природѣ края, считая тутъ же и воинственное населеніе. Затѣмъ еще причина, удерживавшая насъ на Муха-Эстате, могла существовать въ политическихъ соображеніяхъ; не будучи посвящены въ тайны отряднаго штаба по сношенію съ жителями, мы можемъ только подозрѣвать, на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, что были попытки прежде, чѣмъ съ боемъ штурмовать высоты Хуцу-Убани, густо населенныя и застроенныя селеніями *) и хуторами кобулетцевъ, склонить ихъ не оказывать намъ сопротивленія, за что мы щадили бы ихъ недвижимыя имущества, но, вѣроятно, эти попытки не привели ни къ чему вслѣдствіе давленія и страха передъ турецкимъ правительствомъ и фанатизма самихъ же жителей-мусульманъ.

Наконецъ къ числу причинъ, связывавшихъ наши операціи и не дозволившихъ ихъ развить надлежащимъ образомъ, можно отнести и несовершенство организаціи отряда по отношенію къ природѣ края и предстоящимъ военнымъ дѣйствіямъ—наступательнымъ; къ этому добавимъ, что наступательный характеръ операцій началъ опредѣляться въ первыхъ числахъ апрѣля; до этого же времени все (какъ-то: укрѣпленіе Озургетъ, устройство укрѣпленнаго барачнаго

*) Селенія эти: Гвари, Аламбари и Верхніе-Кобулеты.

лагеря на г. Экадіо, недостаточные запасы въ Озургетахъ, малая числительность отряда и т. д.) заставляло думать, что операціи будутъ чисто оборонительныя.

Характеръ природы театра войны былъ таковъ, что всѣ выгоды были на сторонѣ обороны. На каждомъ шагу ощущался недостатокъ горной артилеріи.

Какъ результатъ поздняго рѣшенія наступленія и не во всѣхъ отношеніяхъ соотвѣтственной организаціи отряда, явилось неустройство и неготовность основной базы, о чемъ сказано выше.

Неимѣніе въ Озургетахъ большихъ запасовъ провіанта повлекло къ тому, что интендантство не успѣвало удовлетворять насущной потребности войскъ и долгое время выдавало провіантъ на одни, много на двое сутокъ, а при такихъ условіяхъ невозможно было идти впередъ. Не надо забывать, что кромѣ этого правильному снабженію провіантомъ мѣшала опять таки въ большей степени и мѣстность: въ дни распутицы дороги становились буквально непроходимы и представляли море грязи, въ которомъ по брюхо двигались лошади черводарскаго транспорта.

Окончательное разъясненіе цѣлесообразности или ошибочности нашихъ операцій съ 12-го по 29-е апрѣля есть дѣло серьезнаго военно-историческаго изслѣдованія, отъ котораго мы такъ далеки; наше же желаніе было дать для подобнаго изслѣдованія тотъ сырой матеріалъ, который заключается въ воспоминаніяхъ очевидца-офицера.

Возвращаясь ко дню 29-го апрѣля, мы замѣтимъ, что взятіемъ Хуцу-Убани довершился второй актъ боевой дѣятельности отряда, заключавшійся въ захватѣ гористой и лѣсистой полосы между рѣками Ачкуа-стави и Кинтришемъ.

Результаты боя 29-го апрѣля были для отряда весьма серьезны: молодецкими войсками праваго фланга Кавказской арміи былъ нанесенъ рѣшительный ударъ воинственной гордости кобулетцевъ, вѣрѣ въ неприступность ихъ лѣсистыхъ и гористыхъ трущобъ; мы выдвинулись впередъ до р. Кинтриша, обезпечивъ за собой цѣлую гряду Хуцу-Убанскихъ горъ, представляющихъ сильную передовую позицію, достаточную для вмѣщенія отряда и огражденную съ фронта теченіемъ р. Кинтриша. Мы показали наглядно гурійцамъ, что не только не дадимъ хищнымъ кобулетцамъ вторгнуться въ ихъ владѣнія, но что сами расположимся на развалинахъ неприступныхъ ихъ убѣжищъ.

Операціи правой колонны въ день 29-го апрѣля.

Прежде, чѣмъ обратиться къ дѣйствіямъ отряда послѣ 29-го апрѣля, нахожу необходимымъ описать дѣйствія правой колонны 29-го числа *), въ томъ видѣ, какъ представились они намъ по разсказамъ многочисленныхъ участниковъ, донесенію генерала Шелеметьева и частному донесенію командара 2-й батареи 19-й артилерійской бригады полковника Шаврова.

Главной задачей для праваго авангарда генерала Шелеметьева являлся захватъ узла дорогъ, ведущихъ отъ Муха-Эстате, Бошлей и Лельскаго поста къ берегу моря, къ Чурукъ-Су, и, какъ слѣдствіе этого движенія, демонстрація на правомъ флангѣ противъ западной части Хуцу-Убани съ цѣлью отвлеченія части непріятельскихъ силъ. Но ничто не препятствовало генералу Шелеметьеву, если обстановка боя это дозволитъ, занять ближайшую къ дорогѣ высоту Хуцу-Убанскаго гребня.

Путь колонны лежалъ по дорогѣ, уже прекрасно обрекогносцированной не только капитаномъ Левашевымъ въ продолженіе муха-эстатской стоянки, но и цѣлымъ баталіономъ (2-мъ стрѣлк.) 24-го апрѣля, во время фальшивой тревоги.

По всему предстоявшему пути движенія и дѣйствій праваго авангарда раскинулся лѣсъ, густо покрывавшій берега Кинтриша, особенно лѣвый берегъ, возвышенный; по этому возвышенному берегу разсыпаны усадьбы и пролегаютъ дороги, ведущія къ Хуцу-Убани на правый флангъ непріятельской позиціи, а также далѣе на югъ къ Цихисдзири и къ поселеніямъ, разсыпаннымъ въ низовьяхъ р. Кинтриша.

Высоты этого лѣваго берега р. Кинтриша были усилены завалами, траншеями, засѣками и другими преградами, въ которыхъ главную роль играли гигантскія срубленныя деревья.

Въ два часа ночи войска праваго авангарда были уже на ногахъ, въ три часа тронулись впередъ.

Такъ какъ двинуться пришлось на западъ, паралельно фронту

*) Составъ правой колонны 29-го апрѣля: 2-й Кавказскій стрѣлковый баталіонъ, семь ротъ Александропольскаго полка, дивизіонъ 2-й батареи 19-й артилерійской бригады и двѣ сотни Кутаисскаго конно-ирегулярнаго полка. Впослѣдствіи авангардъ этотъ былъ усиленъ изъ главныхъ силъ отряда въ Муха Эстате первымъ баталіономъ Ленкоранскаго полка и другимъ дивизіономъ 2-й батареи 19-й артилерійской бригады.

противника, внизъ по теченію р. Ачкуа-стави, а слѣдовательно подставляя ему свой лѣвый флангъ, и такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ надлежало имѣть непріятеля и съ фронта по мѣрѣ движенія впередъ, то начальникъ отряда распорядился вести колонну въ слѣдующемъ боевомъ порядкѣ: въ авангардѣ всей колонны шла 1-я рота 2-го кавказскаго стрѣлковаго баталіона, освѣщая патрулями всю мѣстность впереди; для прикрытія слѣва былъ назначенъ лѣвый боковой авангардъ; въ составъ лѣваго боковаго авангарда вошли: 2-я и 4-я роты 2-го кавказскаго стрѣлковаго баталіона, причемъ въ цѣпи была вся 2-я рота и взводъ 4-й роты, въ резервѣ—три остальные взвода 4-й роты; весь этотъ боковой авангардъ двигался непосредственно внизъ по теченію р. Ачкуа-стави, подъ общимъ начальствомъ 2-го кавк. стр. баталіона маіора Лейстедта; главныя силы отряда, въ составѣ $1^3/_4$ баталіона Александропольскаго полка, дивизіона 2-й батареи 19-й артилерійской бригады и двухъ сотенъ Кутаисскаго конно-ирегулярнаго полка, двигались по большой кобулетской дорогѣ, имѣя въ головѣ и справа всю свою кавалерію, т. е. обѣ сотни конно-ирегулярнаго полка.

Колонна двигалась, сохраняя глубокую тишину; цѣпь боковаго авангарда двигалась вытянувшись гуськомъ, нарушая тишину неизбѣжнымъ трескомъ сухихъ прутьевъ и раздвигаемаго кустарника; всѣ же приказанія отдавались шепотомъ.

Прошло около часа. Начало свѣтать. Отдаленные предметы неясно вырисовывались на слабомъ свѣтѣ пробуждающагося дня. Уже колонна почти достигла назначеннаго мѣста, и лѣвая боковая цѣпь уже вытягивалась на лѣсную поляну, какъ была встрѣчена залпомъ непріятеля, засѣвшаго въ глубокой, заросшей лѣсомъ канавѣ. Цѣпь, какъ одинъ человѣкъ, быстро повернулась и, безъ выстрѣла, фронтомъ бросилась въ сторону раздавшагося залпа. Пробѣжавъ шаговъ 500 подъ огнемъ турокъ, засѣвшихъ на высотахъ противоположнаго берега р. Ачкуа-стави, цѣпь залегла въ канавѣ и открыла бѣглый огонь по высотамъ и по непріятелю, въ разсыпную, человѣкъ въ 30, перебѣгавшему черезъ рѣчку на свою сторону. Какъ видно, то былъ турецкій секретъ, который, предупредивъ выстрѣлами своихъ, уходилъ обратно.

Во время перебѣжки цѣпи къ канавѣ раненъ смертельно начальникъ цѣпи маіоръ Лейстедтъ, пулею въ бокъ на вылетъ, и контуженъ въ ногу командиръ баталіона подполковникъ Макѣевъ. Канава, гдѣ засѣли стрѣлки цѣпи, находилась отъ противника шагахъ въ 600; резервъ, не находя закрытій сзади канавы, на совершенно открытой полянѣ, куда градомъ сыпались пули, перешелъ

тоже въ канаву. Маіоръ Лейстедтъ, не смотря на тяжелую рану, продолжалъ распоряжаться и лишь тогда позволилъ отнести себя на перевязочный пунктъ, когда цѣпь заняла указанное ей мѣсто. Команду надъ цѣпью принялъ капитанъ Смолко (командиръ 3-й роты).

Подошла и 1-я рота, составлявшая авангардъ всей колонны, и, выбивъ непріятеля изъ занятой имъ сакли, заняла цѣпью пространство вправо отъ дороги, ведущей къ переправѣ черезъ р. Ачкуа.

Около пяти часовъ утра, когда стрѣлковый баталіонъ занялъ указанную позицію, къ мѣсту дѣйствія подошли и главныя силы колонны и выстроились: артилерія на высотѣ влѣво отъ дороги, пѣхота главныхъ силъ — вправо отъ дороги, поротно въ двѣ линіи.

Артилерія стояла на весьма выгодной позиціи и, по донесенію полковника Шаврова, единственно удобной для дѣйствія.

Непріятель открылъ сильный огонь и по артилеріи, но батарея, бывшая старшей въ отрядѣ (батареи 41-й бригады были сформированы за два всего года до войны), показала въ равной степени хладнокровіе и искусство. По словамъ того же донесенія, батарея въ теченіе всего боя дѣйствовала обыкновенными гранатами съ дистанціи отъ 1,000 до 425 саженъ, при высотѣ прицѣла отъ 13 до 38 линій и шрапнелью съ разстоянія 750 и 425 саженъ, при высотѣ прицѣла отъ 16 до 30 линій и времени горѣнія трубки отъ 6 до $3\frac{2^2/_8}{8}$.

Первыми выстрѣлами были уже зажжены пять сакель, изъ которыхъ непріятель обстрѣливалъ и цѣпь, и артилерію; затѣмъ огонь орудій постепенно переносился на другіе дома, кишѣвшіе защитниками, и много способствовалъ тому, что, при всѣхъ перемѣщеніяхъ и перестроеніяхъ и движеніяхъ цѣпи впередъ, части отряда не подвергались сосредоточенному огню дальнострѣльнаго оружія непріятеля, который самъ долженъ былъ укрываться отъ смертоноснаго огня артилеріи. Видя полезную дѣятельность дивизіона орудій, начальникъ отряда, генералъ Шелеметьевъ, потребовалъ и второй дивизіонъ батареи.

Одновременно съ этимъ сотни Кутаисскаго конно-ирегулярнаго полка производили въ сторонѣ праваго фланга поиски и развѣдки.

Непріятель видимо усиливался и приливалъ къ направленію фронта колонны, чѣмъ достигалось отвлеченіе его отъ праваго его фланга и очищало центръ.

Въ $5^1/_2$ часовъ утра прибылъ и второй дивизіонъ батареи и занялъ ту же позицію, расположившись влѣво отъ перваго дивизіона.

Около 6 часовъ непріятель еще усилился, и ружейный огонь его сдѣлался неумолкаемъ; были попытки со стороны непріятеля насѣсть на центръ цѣпи густой же цѣпью своихъ стрѣлковъ, но дѣйствіемъ восьми орудій противникъ былъ отброшенъ назадъ.

Около 7 часовъ утра новыя толпы, перейдя р. Ачкуа верстахъ въ трехъ ниже нашей позиціи, съ гиканьемъ бросились на дивизіонъ конно-иррегулярнаго полка, охранявшій нашъ правый флангъ. 5-я сотня князя Дибуадзе спѣшилась и разсыпалась, а для поддержки ея была направлена рота ленкоранцевъ; огонь этихъ частей отбросилъ толпы непріятеля обратно въ лѣсъ и заставилъ ихъ тамъ держаться все время боя.

Одновременно съ этими дѣйствіями *), турецкіе броненосцы, подойдя къ берегу, открыли огонь по нашимъ войскамъ (приблизительно, съ разстоянія около 5—6 верстъ. Снаряды огромныхъ калибровъ (до восьми и болѣе дюймовъ), которыхъ противникомъ было выпущено до 20, ложились большею частью впереди и около 1-й сотни, стоявшей въ резервѣ за 5-й. Одинъ изъ снарядовъ, ударившись шагахъ въ 60 передъ фронтомъ, рикошетировалъ черезъ головы всадниковъ и разорвался позади сотни; къ счастью, благодаря болотистой почвѣ, разрывъ былъ мало дѣйствитетенъ: контужено было всего четыре всадника. Тогда было приказано отодвинуть сотню назадъ. Этимъ закончились всѣ дѣйствія на правомъ флангѣ колонны.

Въ центрѣ же предпринято было наступленіе, и около 10 часовъ цѣпь подвинулась впередъ по скату, къ самой рѣчкѣ. Цѣпь 2-й роты составляла центръ; подойдя къ рѣчкѣ, она очутилась на совершенно открытой мѣстности, шаговъ на двѣсти отъ турокъ. Ни одного кустика, ни одной ямки, никакой складки мѣстности, гдѣ бы можно было залечь! Правѣе и лѣвѣе ея, правда, находились кустарники, но тамъ была цѣпь другихъ ротъ **).

Недолго думая, штабсъ-капитанъ Букинъ приказалъ цѣпи идти въ воду и засѣсть въ рѣчкѣ, подъ прикрытіемъ невысокаго противоположнаго, обрывистаго ея берега. 1-я рота, находясь на правомъ флангѣ, заняла пустую, брошенную деревушку, состоявшую изъ

---

*) Донесеніе генерала Шелеметьева о дѣлѣ 29-го апрѣля.

**) Походный журналъ 2-го Кавказскаго стрѣлковаго баталіона.

деревянной мечети и нѣсколькихъ домовъ, неглубокую канаву, вырытую вокругъ ея, и протянула цѣпь по рѣчкѣ Ачкуа влѣво, до соединенія съ цѣпью второй роты. Въ этомъ мѣстѣ рѣчка и высоты, занятыя противникомъ, дѣлаютъ изгибъ, какъ бы охватывая правый флангъ 1-й роты.

Непріятель воспользовался этимъ и перекрестнымъ огнемъ насквозь пронизывалъ мечеть и сакли. Командиръ роты капитанъ Дейбель, видя, что люди не находятъ въ нихъ закрытія, приказалъ выйти и построить изъ досокъ и бревенъ ложементы.

Одинъ взводъ 4-й роты, бывшей на лѣвомъ флангѣ, подойдя къ самой рѣчкѣ, залегъ въ находившіеся здѣсь кустарники, но такъ какъ пули противника, сыпавшіяся здѣсь градомъ, пронизывали всѣ кусты, которые только скрывали, но не защищали, то люди имѣвшимися у нихъ нѣсколькими лопатами вырыли стрѣлковые ложементы для стрѣльбы лежа.

Противъ цѣпи 4-й роты, р. Ачкуа и лежащія за нею высоты, занятыя прстивникомъ, дѣлаютъ изгибъ почти подъ прямымъ, исходящимъ къ намъ угломъ. Воспользовавшись этимъ, прапорщикъ Ивановъ загнулъ лѣвое плечо цѣпи по рѣчкѣ и продольнымъ огнемъ обстрѣливалъ скатъ и саклю, стоявшую на немъ, въ которой засѣли турки. Этотъ маневръ оказался весьма дѣйствительнымъ: турки очистили саклю. Резервъ (3-я рота и три взвода 4-й) оставался расположенъ въ канавѣ, позади цѣпи шаговъ на двѣсти.

Высоты, занятыя турками, на всемъ протяженіи командовали берегомъ р. Ачкуа, занятымъ нашей цѣпью, и представляли превосходныя закрытія за разбросанными по нимъ домами и за громадными фруктовыми деревьями на гребнѣ, соединенными между собою ложементами изъ бревенъ и досокъ.

Вся позиція ихъ была покрыта сплошнымъ дымомъ и гремѣла неумолкаемыми выстрѣлами, сливавшимися въ одинъ общій гулъ. Видно было, что противникъ стрѣлялъ суетливо, воодушевлялъ себя громкимъ, пронзительнымъ гикомъ и крикомъ «Алла». Нѣсколько разъ огонь турокъ почти совсѣмъ стихалъ, но чрезъ немного минутъ съ большею силою разражался по всей линіи, предшествуемый громкими криками.

Цѣпь неоднократно порывалась броситься въ атаку, но отданное приказаніе «оставаться на мѣстѣ и ждать» останавливало ее. Въ цѣпи, наконецъ, патроны начали истощаться; 2-я рота почти всѣ ихъ выпустила. Поднести ихъ не было возможности, такъ какъ сзади цѣпи покатость, поднимавшаяся къ канавѣ, гдѣ находился резервъ, была совершенно открыта, и люди, посылаемые за патро-

нами, бывали или убиты, или ранены. Удавались частныя попытки, гдѣ сказывалась удаль и молодечество нашего солдата, но это было недостаточно.

Чтобъ поддержать огонь 2-й роты, у которой онъ началъ ослабѣвать за неимѣніемъ патроновъ, изъ резерва былъ вызванъ взводъ 3-й роты въ небольшой лѣсокъ, сзади ея. Огнемъ изъ лѣска вниманіе турокъ было отвлечено отъ 2-й роты, а въ это время успѣли къ ней поднести патроны и вынести нѣкоторыхъ раненыхъ, которые, за неимѣніемъ болѣе безопаснаго мѣста, находились въ водѣ, защищенные невысокимъ обрывистымъ берегомъ.

Перевязочный пунктъ находился около лѣса, лѣвѣе батареи, за возвышенностью.

Около 11½ часовъ, когда огонь противника, видимо разстроеннаго огнемъ артилеріи и цѣпи, ослабѣлъ, цѣпь 4-й роты была отозвана въ резервъ и вся рота переведена на правый флангъ, за батарею, откуда вскорѣ была выдвинута по дорогѣ черезъ рѣчку Ачкуа на высоты, съ цѣпью одного изъ своихъ взводовъ.

Одновременно съ этимъ генералъ Шелеметьевъ приказалъ 1-й и 3-й ротамъ также двинуться на высоты и ударомъ въ штыки выбить непріятеля изъ занимаемой имъ позиціи; 2-й ротѣ приказано остаться на мѣстѣ и усиленнымъ огнемъ поддержать движеніе. Роты быстро пошли въ атаку, но противникъ не выждалъ ихъ и, послѣ короткой стрѣльбы, не причинявшей намъ (по безпорядочности своей) почти никакихъ потерь, быстро отступилъ, преслѣдуемый огнемъ ротъ, занявшихъ высоты. Преслѣдовать далѣе турокъ не было возможности, не зная мѣстности, изрѣзанной по всѣмъ направленіямъ громадными балками, заросшими трудно проходимымъ лѣсомъ. Поэтому баталіонъ былъ остановленъ, остановлена была и вся колонна.

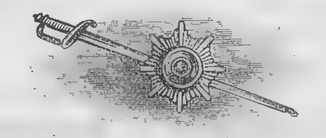
Отъ стрѣлковаго баталіона были выдвинуты лишь цѣпи для того, чтобы войти въ связь влѣво съ колонной генерала Денибекова. На высотахъ, занятыхъ баталіономъ, раскинуто было десятка два домовъ, тонувшихъ въ зелени. За закрытіями изъ досокъ и бревенъ, устроенными противникомъ, находились массы выстрѣлянныхъ гильзъ всевозможныхъ системъ.

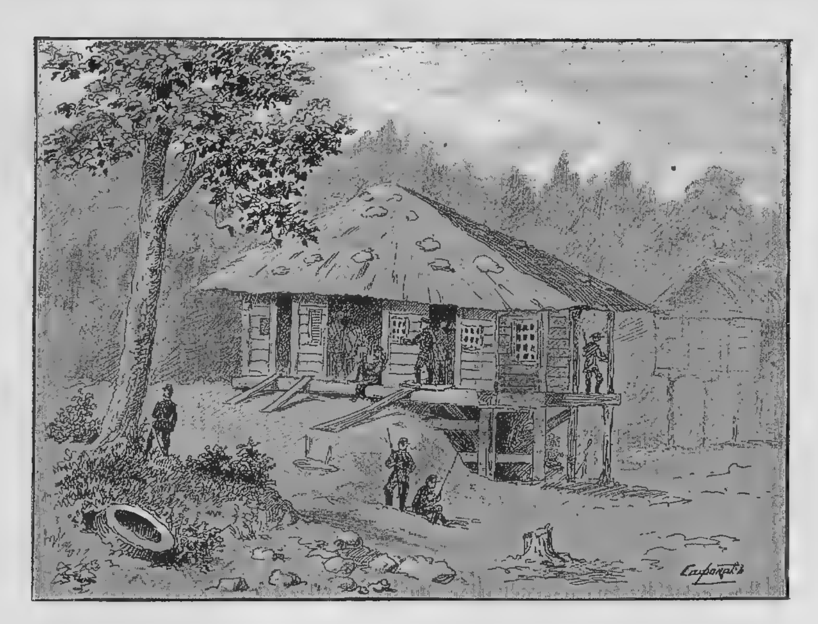
Лужи крови показывали, что огонь нашъ былъ весьма дѣйствителенъ. Нѣсколько труповъ было оставлено непріятелемъ, не успѣвшимъ захватить ихъ.

Такъ кончился день 29-го для правой колонны. Она понесла значительно меньшія потери и достигла тѣхъ же результатовъ. Весь бой въ колоннѣ велся осмысленно; части находились въ ру-

кахъ у начальниковъ, примѣненіе къ мѣстности походнаго и боеваго порядка было прекрасное, въ чемъ и заключалась главная причина ничтожныхъ потерь. Мѣстность у правой колонны больше способствовала порядку, и непріятель былъ малочисленнѣе.

Заканчивая этимъ описаніе боя 29-го апрѣля, трудно себѣ составить вѣрное понятіе о численности непріятеля, по всей хуцу-убанской позиціи; показаніе жителей, величина фронта позиціи и свѣдѣнія, добытыя лазутчиками, все это опредѣляетъ числительность непріятеля до 4,000, изъ коихъ подъ начальствомъ Али-паши Тавдгеридзе до 1,000 кобулетцевъ, 800 мачахальцевъ, 800 лазовъ и подъ начальствомъ Елинъ-Бея-Хаджи-Хаинъ-Оглы, самаго богатаго лазскаго бека, 800 чаквцевъ 250 черкесовъ и пр.

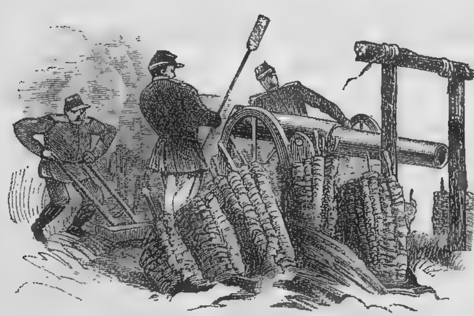

Сторожевой постъ на лѣсистомъ курганѣ.

VII.

Періодъ устройства и расположенія на Хуцъ-Убанской позиціи съ 29-го апрѣля по 16-е мая.

о утвержденіи передовыхъ войскъ лѣвой колонны на гребнѣ Хуцъ-Убани 29-го апрѣля, отряду предстоялъ для расположенія и устройства на этомъ гребнѣ, наполнявшемъ пространство между р. Ачкуа-стави и Кинтришью, цѣлый рядъ дѣйствій, требовавшихъ значительнаго времени и массы рабочихъ рукъ, а именно надлежало:

1) Расположить передовыя войска обѣихъ колоннъ въ двухъ занятыхъ ими пунктахъ такъ, чтобы обезпечить отъ обратнаго за-

хвата непріятелемъ необходимаго и важнаго Денибекова кургана и ближайшихъ къ нему отроговъ.

2) Подкрѣпить эти передовыя войска для той же цѣли.

3) Изслѣдовать всю эту дикую полосу, совершенно намъ неизвѣстную, не имѣвшую дорогъ, заросшую и пересѣченную съ цѣлью: а) намѣтить кратчайшіе и удобнѣйшіе пути отъ первой промежуточной базы — позиціи — Муха-Эстате до вновь занятаго гребня, который составитъ продолженіе нашего главнаго операціоннаго пути; б) намѣтить путь сообщенія между двумя пунктами (участками), частью занятыми, частью надлежащими быть занятыми въ ближайшемъ будущемъ передовыми войсками колоннъ, такъ какъ до сихъ поръ между двумя колоннами прямаго сообщенія не было никакого; в) намѣтить еще и другіе пути для облегченія сношеній вдоль и поперекъ гребня, густо заросшаго тропической флорой.

4) По изслѣдованіи гребня и выбора путей намѣтить мѣры для обезпеченія путей сообщенія (операціонной линіи) съ Муха-Эстате, такъ какъ пути эти, направляясь между лѣсистымъ пространствомъ слѣва, наводненнымъ жителями, и береговой полосой справа при условіи владѣнія турками моремъ, были крайне чувствительны: слѣва изъ глубины лѣсистыхъ трущобъ верховья р. Ачкуа-стави всегда можно было ожидать нечаянныхъ нападеній днемъ и ночью жителей, а справа, помощью высадки у устьевъ Кинтриши, или въ Ниж. Кобулетахъ, можно было ожидать угрозъ самому Муха-Эстате или же гдѣ-либо выше, или ниже.

5) Далѣе, слѣдовало выбрать мѣсто для окончательнаго расположенія войскъ на позиціи-бивакѣ, на гребнѣ, фронтомъ къ Кинтриши, имѣя главнымъ образомъ въ виду конечную цѣль расположенія—наступленіе за Кинтришъ, съ цѣлью захвата слѣдующаго гребня.

6) Выбрать мѣсто для расположенія артилеріи и возведенія батарей, при условіи: а) возможности обстрѣливать противоположный берегъ, покровительствуя огнемъ артилеріи предстоящему переходу колоннъ р. Кинтриши; б) скрытности и безопасности расположенія.

7) Намѣченные пути разработать для безпрепятственнаго движенія артилеріи и обозовъ.

8) Насыпать батареи для артилеріи.

9) Перевести остальныя войска и всю артилерію (не вьючную) на новыя позиціи.

10) Кромѣ того, высоты Муха-Эстате надлежало еще укрѣ-

пить возведеніемъ укрѣпленій, и вообще обезпечить отъ нечаянныхъ нападеній и захвата открытой силой, такъ какъ главныя силы сосредоточивались на Хуцъ-Убанскомъ гребнѣ.

Успѣхъ всѣхъ вышеописанныхъ операцій зависѣлъ, прежде всего, отъ погоды: дороги, проводимыя войсками въ глинистомъ грунтѣ, отъ малѣйшаго дождя могли бы придти весьма быстро въ полосы глубокой грязи, непроходимыя для артилеріи и обозовъ, трудно проходимыя для черводарскихъ интендантскихъ транспортовъ; такимъ образомъ дожди могли бы задержать всѣ эти операціи на долгое время, и турки имѣли бы на своей сторонѣ огромный выигрышъ времени.

Успѣхъ зависѣлъ бы также отъ того, будутъ-ли жители насъ безпокоить слѣва, съ горъ, или нѣтъ, и будутъ-ли турки серьезно пытаться угрожать намъ со стороны береговой дороги на пространствѣ отъ Николаевска до устья Кинтриши. Обстоятельство это было особенно серьезно, и турки имѣли большія къ тому средства: страшно-дикая и пересѣченная мѣстность и необходимость методической системы дѣйствій съ нашей стороны отодвигали всякое съ нашей стороны серьезное покушеніе противъ Цихисдзири на долгое время, и непріятель, владѣя моремъ, могъ ударить на насъ въ любой точкѣ нашей операціонной линіи, высаживая войска, взятыя изъ Батума и Цихисдзири, нисколько не рискуя оставить эти пункты безъ защиты: они были защищены мѣстностью и жителями.

По совершеніи всѣхъ вышеуказанныхъ операцій съ нашей стороны заканчивалась дѣятельность отряда по расположенію и устройству новой позиціи—промежуточной базы, и оставалось бы только совершить новый переходъ впередъ на гребень, наполнявшій своими отрогами пространство между рѣками «Кинтришъ» и «Кинтышъ» и составлявшій послѣднюю позицію передъ верками Цихисдзири.

Рано утромъ 30-го апрѣля въ помѣщеніе артилерійскаго штаба заглянулъ начальникъ штаба отряда, полковникъ Казбекъ, съ приглашеніемъ поѣхать съ нимъ на взятыя вчера позиціи, причемъ онъ предварялъ, что поѣздка будетъ продолжительная, такъ какъ онъ хочетъ объѣхать весь гребень Хуцъ-Убани и побывать въ мѣстахъ расположенія обѣихъ колоннъ.

Въ 7 часовъ утра полковникъ Филимоновъ съ своими двумя адъютантами присоединился къ начальнику штаба, котораго сопровождали: полковникъ кн. Григорій Гуріель, Пиранъ Беридзе, проводникъ кобулетецъ и осетинъ—нукеръ Казбека.

Погода была превосходная, и мы съ большимъ интересомъ и любопытствомъ подвигались рысью по той самой дорогѣ, по кото-

рой наканунѣ двигалась лѣвая колонна; перешли въ бродъ р. Ачкуа-стави и поднялись по узенькой тропкѣ, заваленной на каждомъ поворотѣ гигантскими бревнами вѣковыхъ чинаровъ или дубовъ. Поднявшись наверхъ, мы очутились въ лѣсу совершенно дѣвственномъ, вѣковомъ; повернули влѣво и очутились на лѣсистомъ курганѣ, на которомъ побывалъ я въ день 29-го апрѣля съ войсками лѣвой колонны,—здѣсь были временно расположены роты Закатальскаго полка и взводъ горныхъ пушекъ, насыпаны ложементы; кругомъ, кое-гдѣ, расчищена для наблюденія и обстрѣла мѣстность и выставлены отдѣльные наблюдательно-оборонительные посты по скату и внизу въ сторону лѣсистыхъ трущобъ верховья р. Ачкуа-стави, оставшагося въ рукахъ жителей.

Всѣ эти мѣры по укрѣпленію и охраненію лѣсистаго кургана были вполнѣ цѣлесообразны; по своему выдающемуся, отдѣльному и возвышенному положенію и по расположенію у дороги изъ Муха-Эстате въ Хуцъ-Убани онъ представлялъ важную точку, опорный пунктъ по охраненію нашихъ сообщеній.

Начальникъ штаба внимательно выслушалъ старшаго ротнаго командира, докладывавшаго ему обо всемъ замѣченномъ вечеромъ 29-го апрѣля и раннимъ утромъ 30-го; оказалось, что въ этой сторонѣ, на востокъ отъ кургана, видны многіе хутора и селенія, слышны голоса, замѣчено движеніе и что по всѣмъ признакамъ тамъ собрались жители, отброшенные взятіемъ Хуцъ-Убани въ горы.

Начальникъ штаба сообщилъ здѣсь офицерамъ важное значеніе пункта и, пожелавъ имъ всякаго благополучія, поѣхалъ дальше.

Домики лѣсистаго кургана изящные, изъ крѣпкаго, красиваго дерева, были заняты офицерами и нижними чинами. Съ высоты кургана открывался прелестный видъ, и вообще весь курганъ походилъ на дачу подъ тропиками.

Мы подвигались теперь, узенькой дорожкой, уже по отрогамъ Хуцъ-Убани; съ дорожки этой безпрестанно сворачивали тропки вправо, и когда мы слѣдовали имъ, то въѣзжали на курганчики, обсаженные гигантскими деревьями, обставленные полуразрушенными нашимъ артилерійскимъ огнемъ домиками и садами гранатовыхъ и фиговыхъ деревьевъ. Весь хребетъ этотъ былъ густо заселенъ, и это были тѣ самые домики и хаты, въ которыхъ кипѣла жизнь во дни нашей муха-эстатской стоянки; на одинъ изъ такихъ холмовъ и взбѣжали севастопольцы и гурійцы 29-го апрѣля. Съ этихъ холмовъ открывался чудный видъ, но уже не въ ту сторону, какъ съ лѣсистаго кургана, а на море и на нашъ Муха-Эстатскій бивакъ-лагерь. Внизу у крутой подошвы струилась Ачкуа-стави.

Каждый разъ, какъ мы въѣзжали на одинъ изъ такихъ уголковъ, мы останавливались, пораженные чудеснѣйшими видами, какіе гдѣ-либо существуютъ; мы всѣ забывались въ эти минуты и неохотно разставались съ этими райскими уголками, созданными для пользованія видами, воздухомъ и вообще для наслажденія прелестями природы Лазистанскаго санджака.

На домахъ, на вѣковыхъ деревьяхъ и на лужайкахъ передъ домиками—вездѣ виднѣлись слѣды дѣйствія нашихъ гранатъ и шарохъ. Нѣкоторые изъ домиковъ представляли только обгорѣлые столбы,—дѣло гурійцевъ въ первую минуту взятія Хуцъ-Убани, предававшихъ огню жилища своихъ вѣковыхъ враговъ мусульманъ—кобулетцевъ; впослѣдствіи такое истребленіе было остановлено.

Гуманный и мягкій князь Григорій Давыдовичъ Гуріель съ грустью смотрѣлъ на это разореніе: «Къ чему это», говорилъ онъ, «кого мы хотимъ удивить? Если мы хотимъ склонить жителей на свою сторону, то не истребленіемъ ихъ жилищъ мы этого достигнемъ».

Какъ ни правъ былъ полный благородства и любви къ ближнимъ кн. Гуріель, но, съ другой стороны, эти уголки и представляли для жителей опорныя точки, и прибитыя къ дверямъ домовъ и хатъ прокламаціи великаго князя намѣстника «къ жителямъ Аджаріи и Кобулетъ» краснорѣчиво свидѣтельствовали, что приглашеніе наше жителямъ не принимать участія въ нашей войнѣ съ Турціей было имъ хорошо извѣстно; воззванія эти *) были изложены на трехъ языкахъ: русскомъ, грузинскомъ и турецкомъ и какъ бы въ насмѣшку были выставлены на дверяхъ домовъ и хатъ.

Чѣмъ дальше ѣхали мы и чѣмъ чаще заглядывали въ такіе уголки, тѣмъ сохраннѣе представлялись они, а виды, открывавшіеся

---

*) Воззваніе это было слѣдующаго содержанія:

«Жители Аджаріи и Кобулетъ!

«По волѣ Государя Императора Всероссійскаго, войска ввѣренной мнѣ Кавказской арміи вступаютъ въ предѣлы вашей страны. Не для обиды мирныхъ жителей обнажилъ мечъ свой благодушный и человѣколюбивый Монархъ, не въ угнетеніи безоружныхъ ищетъ онъ славы своего оружія: онъ направляетъ его въ защиту угнетенныхъ и въ обузданіе угнетателей. Онъ хочетъ огражденія правды и человѣческаго права.

«Поэтому не угрозой вамъ, мирнымъ жителямъ, являются въ ваши предѣлы воины русскаго Государя, — нѣтъ, всякаго изъ васъ, кто поступками своими не выкажетъ себя врагомъ нашимъ, будемъ мы считать другомъ и будемъ ограждать его семью и достояніе. И да послужитъ пребываніе русскихъ войскъ въ странѣ вашей не ко взаимной враждѣ и озлобленію, а во установленіе духовной связи и сближенію нашему съ вами, сыны благороднаго картвельскаго племени, братья по крови всегда вѣрныхъ и любимыхъ подданныхъ русскаго Императора.

изъ нихъ, захватывали все больше и больше въ сторону Цихисдзири; видно было уже и устье Кинтриши съ дежурнымъ броненосцемъ, но Цихисдзири еще не было видно.

Объѣхавъ гребень этотъ, мы еще разъ спустились въ густо заросшую чащу, изъ которой 15 минутъ взбирались на крутой подъемъ, и наконецъ поднялись на высокій курганъ, долженствовавшій, по словамъ полковника Казбека, по своему возвышенному, господствующему положенію, составить ключъ нашей хуцъ-убанской позиціи.

Курганъ этотъ, названный въ честь хозяина лѣваго фланга «Денибековымъ курганомъ», представлялъ изъ себя плоскую вершину, обсаженную великолѣпными столѣтними липами, дерева рѣдкаго въ Черноморскомъ прибрежьи; здѣсь же, въ центрѣ, подъ липами размѣстились развалины христіанскаго храма св. Георгія, а немного дальше и остатки кладбища; большая часть великолѣпныхъ мраморныхъ плитъ разбросана турками на свои собственныя кладбища. Здѣсь же, на этомъ кладбищѣ, похоронена родная тетка князя Григорія Давыдовича Гуріеля,—обстоятельство, показывающее то недалекое прошлое, когда кобулетцы были православные христіане, а теперь, въ короткій срокъ, сдѣлались фанатиками ислама.

На самой большой липѣ кургана саперы вырѣзали день, число и годъ занятія кургана и имя, данное ему въ честь начальника лѣваго фланга.

Пока курганъ занятъ былъ стрѣлками 1-го и 2-го баталіоновъ, гурійцами и пластунами, послѣдніе спустились немного вправо и сторожили съ этой стороны. Площадка кургана по краямъ густо обставлена деревьями и только мѣстами, сквозь окна, прорубленныя саперами въ густой листвѣ, открываются панорамы чудесныхъ видовъ на Цихисдзири, съ его безконечными верками и вершинами, на море, береговую дорогу и т. д. Эти окна чрезвычайно оригинальны и придаютъ кургану видъ обширной комнаты, стѣнами которой служатъ вѣковыя деревья, перевитыя плющемъ и ліанами. Черезъ эти окна мы впервые, поверхъ другаго гребня, по ту сторону Кинтриши, увидѣли Цихисдзири, представлявшееся также длиннымъ гребнемъ, паралельнымъ Хуцъ-Убанскому; на вершинѣ одной желтой, обнаженной вершинки можно было въ бинокль увидѣть работающихъ на веркахъ турокъ.

Цихисдзирскій гребень тянулся въ горы постепенно возвышаясь и всюду былъ застроенъ укрѣпленіями; особенно много ихъ было и особенно сложна система ихъ казалась у берега моря, у устья Кинтриши, что и составляло старинное мѣсто крѣпости.

Въ сущности, осматривая Хуцъ-Убани, приходишь къ заключенію, что и здѣсь можно было устроить своего рода Цихисдзири, разница лишь въ томъ, что гребень Цихисдзирскій заканчивается скалой у самаго берега моря, что связываетъ его съ моремъ, закрывая прибрежную дорогу, тогда какъ Хуцъ-Убанскій гребень къ морю сильно понижается и въ нижней своей части сливается съ береговымъ полотномъ, вслѣдствіе чего у берега моря открытъ, доступенъ и проходимъ.

На курганѣ были и четыре горныхъ орудія подъ командой штабсъ-капитана фонъ-Климана, оставшагося теперь, за выбытіемъ командира и старшаго послѣ него офицра, командующимъ батареей; горныя пушечки, единственно возможная артилерія первое время для кургана, помѣщались въ вырытыхъ наскоро ложементахъ и, направленныя своими дулами въ сторону Цихисдзири, представляли курьезную угрозу веркамъ турецкой крѣпости, вооруженной орудіями береговыхъ калибровъ.

Съ кургана мы спустились внизъ и направились въ правую колонну, но не кратчайшимъ путемъ, а сдѣлали большой обходъ низомъ. Во всякомъ случаѣ трудно было сообразить въ этомъ хаосѣ лѣсистыхъ высотъ, балокъ, спусковъ и подъемовъ, гдѣ мы въ данную минуту, въ какомъ направленіи море, Цихисдзири, Муха-Эстате и т. д.

Насъ велъ проводникъ-кобулетецъ, и развѣ только полковникъ Казбекъ, долго изучавшій мѣстность съ Муха-Эстате и уже побывавшій въ день 29-го апрѣля здѣсь, и тамъ, уже свободно оріентировался.

Прибывъ, наконецъ, послѣ долгой ѣзды къ правой колоннѣ, мы побывали только на участкѣ одного баталіона Александропольскаго полка, гдѣ были встрѣчены командиромъ баталіона, подполковникомъ флигель-адъютантомъ Заалъ Шавліевичемъ Теріевымъ *).

Здѣсь было уже мѣсто значительно ниже холмовъ лѣваго фланга, но лѣсная чаща была не меньше; тѣ же изящные каштановые домики, тѣ же слѣды артилерійскаго огня, но въ ничтожномъ сравнительно видѣ. Домики всѣ были цѣлы; мѣстами валялись бомбы съ броненосцевъ, которыя пускались наудачу въ войска правой колонны 29-го апрѣля.

*) Бывшій командиръ 1-й роты 13-го Лейбъ-Эриванскаго Его Величества полка, кавалеръ пяти георгіевскихъ крестовъ: четырехъ солдатскихъ и офицерскаго 4-го класса.

Отсюда мы вернулись обратно къ себѣ домой на Муха-Эстате по тому пути, по которому 29-го апрѣля наступала правая колонна.

Дни 1-го и 2-го мая стояла прекрасная погода; войска пользовались ею и, подъ руководствомъ саперовъ 2-го баталіона, повсюду кипѣли работы; всюду на дорогѣ къ Хуцъ-Убани, вплоть до р. Ачкуа-стави и дальше, разработывали дорогу, а на Хуцъ-Убани расчищалось мѣсто.

Также дѣятельно подвигались работы и въ правой колоннѣ.

Кромѣ этихъ землекопныхъ работъ, поглощавшихъ весь людъ отряда, гурійцы влѣво, а пластуны вправо отъ Денибекова кургана, ощупывали лѣсъ. Цѣпь постовъ нашихъ, располагавшаяся впереди Денибекова кургана, спускалась почти вплоть до р. Кинтриши; въ цѣпи перестрѣлка была рѣдкимъ явленіемъ; съ обѣихъ сторонъ дѣйствовали скрытно и осторожно.

У пластуновъ были кое-какіе случаи, о которыхъ ходили въ отрядѣ разнообразные слухи: захватили и вырѣзали турецкій пикетъ и благополучно удрали, побывали на той сторонѣ Китриша и обшарили какую-то хату, многіе изъ нихъ имѣли уже и кобулетскіе кинжалы и турецкія фески. Кобулетцы да гурійцы уважали это войско и называли ихъ «черкесъ-солдатъ».

День 3-го мая былъ также хорошій и имъ также дѣятельно пользовались для производства тѣхъ же работъ. Артилерія продолжала пребывать на своихъ позиціяхъ въ ожиданіи дорогъ, поглощенная хлопотами о фуражѣ; теперь вопросъ этотъ разрѣшался значительно легче; дороги сухія, присоединился обозъ и регулярными рейсами въ Озургеты всѣхъ наличныхъ фургоновъ пополнялся запасъ сѣна и фуража.

Начальникъ штаба каждый день былъ на различнаго рода развѣдкахъ и рекогносцировкахъ; саперы производили рекогносцировку тропинокъ и дорожекъ на позиціи и приступали къ рекогносцирогкѣ Кинтриши.

Начальникъ штаба правой колонны, капитанъ Левашовъ ощупывалъ всю мѣстность впереди и въ стороны расположенія своей колонны, и, какъ кажется, одна изъ такихъ ночныхъ рекогносцировокъ капитана Левашова перепугала гарнизонъ Цихисдзири и произвела тревогу и въ нашемъ лагерѣ; я говорю, какъ кажется, такъ какъ до сихъ поръ неизвѣстна навѣрное причина ночной тревоги, но обстоятельства даютъ поводъ думать, что причиной тому была ночная поѣздка названнаго офицера генеральнаго штаба.

Вечеромъ 3-го мая послѣ дневныхъ хлопотъ все улеглось, какъ вдругъ, часу въ 12-мъ, въ сторонѣ правой колонны, загремѣли въ

ночной тиши орудія и послышалась неумолкаемая ружейная трескотня. Я выскочилъ изъ палатки и бросился узнавать въ штабъ, въ чемъ дѣло; тамъ всѣ были на ногахъ; какъ только я обратился къ начальнику штаба, онъ сейчасъ же просилъ меня немедленно пустить три ракеты. Штабъ былъ увѣренъ, что турки атаковали нашихъ два авангарда, но какой именно—мнѣнія расходились: одни утверждали, что правый, другіе—что лѣвый. Я бросился бѣгомъ въ расположеніе нашего штаба и съ обрыва крикнулъ ракетную команду, расположенную на высотѣ черезъ оврагъ противъ насъ; мнѣ отвѣтилъ фейерверкеръ, и тогда одна за другой вынеслись вверхъ три сигнальныя ракеты.

Ночь была темная, тихая, и хотя трескотня ружей и гулъ орудій не унимались, но ракеты были всюду видны и слышны; отрядъ становился въ ружье. Я отправился снова въ штабъ ожидать извѣстій изъ нашихъ авангардовъ; полковникъ Филимоновъ боялся за судьбу 2-й батареи 19-й бригады, бывшей въ составѣ праваго авангарда и, какъ всѣмъ тогда казалось, энергично стрѣлявшей.

Въ темнотѣ раздался спокойный голосъ полковника Казбека: «капитанъ баронъ Зальца! поѣзжайте въ правую колонну, узнайте подробно у генерала Шелеметьева въ чемъ дѣло и скорѣе возвращайтесь назадъ».

Не успѣлъ баронъ Зальца отъѣхать отъ Муха-Эстате, какъ этотъ адскій огонь внезапно прекратился, и вновь наступилъ мракъ и полная тишина. Поздно ночью вернулся баронъ Зальца, привезъ извѣстіе, «что въ правой колоннѣ никакой тревоги не было, что генералъ Шелеметьевъ самъ не знаетъ навѣрно причины переполоха турокъ и что огонь этотъ, какъ орудійный, такъ и ружейный, веденъ былъ съ верковъ и съ ложементовъ Цихисдзири подъ вліяніемъ, очевидно, какой-то паники, и что паника эта могла быть слѣдствіемъ развѣдокъ капитана Левашева, производимыхъ имъ у Кинтриши въ сопровожденіи лишь нѣсколькихъ проводниковъ.

Остальная часть ночи прошла совершенно покойно.

На другой день, 4-го мая, пріѣхалъ въ отрядъ генералъ-маіоръ Толстой и привезъ присланные Великимъ Княземъ знаки отличія военнаго ордена чинамъ отряда за 29-е апрѣля.

Въ 10 часовъ утра на площадкѣ передъ штабомъ выстроились кавалеры отъ всѣхъ частей отряда, и командующій войсками передалъ собравшимся «спасибо Великаго Князя за молодецкое дѣло 29-го апрѣля»; громкое и дружное «ура» будущихъ кавалеровъ огласило окрестности. Затѣмъ командующій войсками собственно-

ручно прикалывалъ кресты отличившимся. Всего было роздано 50 знаковъ отличія военнаго ордена.

Послѣ этой раздачи кавалеры немедленно со своими командирами вернулись обратно на свои биваки.

Ночная тревога заставила принять предосторожности къ безопасности нашихъ авангардовъ, которые (особенно правый) могли быть ночью атакованы превосходными силами; опасно было положеніе и лѣвой колонны; движеніемъ 29-го, по свѣдѣніямъ въ штабѣ, часть оборонявшихъ Хуцъ-Убани была отрѣзана и отброшена влѣво отъ насъ; ходилъ неопредѣленный слухъ, что, кромѣ жителей, влѣво въ лѣсистыхъ трущобахъ прятались и два табора низама. Вслѣдствіе всего этого были приняты мѣры къ усиленію нашихъ колоннъ, занимавшихъ Хуцъ-Убани, и усиленію работъ по окончанію разработки дорогъ и подготовки хуцъ-убанской позиціи въ инженерномъ отношеніи вообще.

Какъ ни былъ ничтоженъ по пространству театръ военныхъ дѣйствій кобулетскаго отряда, но наступательныя его операціи требовали много войскъ. Характеръ природы и войны представлялъ совершенную аналогію съ наступательными операціями Кавказской войны: та же мѣстность и тѣ же воины-жители, но къ этому надо прибавить: море, находящееся въ полномъ пользованіи непріятеля, усиленіе значительными регулярными войсками, сильнѣйшую крѣпость, примыкавшую однимъ флангомъ къ морю и другимъ въ горы Аджаріи, и возможность, пользуясь близостью Константинополя (68 часовъ ѣзды моремъ), Трапезунда (10 часовъ ѣзды), Синопа, Батума и удобствомъ морскаго воднаго пути, сосредоточивать любыя силы въ наиболѣе угрожаемомъ пунктѣ.

Намъ были необходимы отряды и въ Поти, и въ Николаевскѣ, и въ Ѳзургетахъ; были необходимы сильные, самостоятельные оборонительные пикеты и посты вверхъ по Чолоку и для прикрытія со стороны горъ, начиная отъ Чахатауръ и Нагомари, далѣе къ Богили, на дорогѣ отъ Чолока до Муха-Эстате и наконецъ прикрытіе дороги отъ Муха-Эстате до Хуцъ-Убани, и чѣмъ дальше бы мы подвигались впередъ, тѣмъ больше было бы необходимо имѣть войскъ; эта особая чувствительность операціонной линіи поражаетъ при ея ничтожной длинѣ 30—32 верстъ. Если при этомъ взять въ разсчетъ еще и громадные труды по устройству пути и позиціи, то станетъ ясно, что лишнихъ солдатъ въ отрядѣ не было.

Мы ждали подкрѣпленій, и они прибывали постепенно.

Но разъ мы взяли направленіе на Цихисдзири, надо было подвигаться впередъ возможно скорѣе.

Къ 8-му мая заканчивалась подготовка путей и позиціи, благодаря энергіи и разумной дѣятельности 2-го кавказскаго сапернаго баталіона, который для операціи кобулетскаго отряда составлялъ элементъ столь же необходимый, какъ кавалерія въ степномъ походѣ.

Опыты кампаніи указываютъ, что при дѣйствіи на подобнаго рода мѣстностяхъ отряда данной численности одного сапернаго баталіона далеко недостаточно. Прекрасный составъ офицеровъ баталіона (военно-научно подготовленныхъ) давалъ возможность поручать имъ развѣдки, рекогносцировки, осмотръ и т. п. рода дѣятельность, такъ какъ на отрядъ, численность котораго въ срединѣ мая доходила до 20-ти баталіоновъ, 56-ти орудій и семи сотенъ, было всего два офицера генеральнаго штаба: полковникъ Казбекъ и капитанъ Левашевъ.

Что же касается тыла отряда, до гурійскаго отряда, охраненія прибрежья до Поти, то здѣсь не было въ распоряженіи штаба ни одного офицера генеральнаго штаба.

Къ концу мая въ организаціи отряда явились измѣненія: должность начальника штаба войскъ края отдѣлена отъ должности начальника штаба отряда; полковникъ Казбекъ, оставшійся главнымъ дѣятелемъ операціи, назначался начальникомъ штаба кобулетскаго отряда, а начальникомъ штаба войскъ края былъ назначенъ генеральнаго штаба генералъ-маіоръ Краевичъ, авторъ «Военнаго обозрѣнія при-Ріонскаго края». Такъ какъ отрядъ получалъ теперь отдѣльную организацію, то бывшій начальникъ лѣвой колонны генералъ-маіоръ Денибековъ становился начальникомъ кобулетскаго отряда.

Командующій войсками продолжалъ оставаться при отрядѣ, лично направляя его операціи, и въ сущности ничего не перемѣнялось, такъ какъ связь, установившаяся между генераломъ Оклобжіо и полковникомъ Казбекомъ, въ силу первоначальной дѣятельности отряда продолжала существовать.

Къ этому же времени прибылъ въ отрядъ, бывшій начальникомъ гурійскаго отряда, флигель-адъютантъ полковникъ Гурчинъ, командиръ кавказской стрѣлковой бригады, и назначенъ былъ начальникомъ лѣвой колонны. Начальникомъ штаба лѣвой колонны былъ назначенъ, тоже только что прибывшій въ отрядъ, генеральнаго штаба капитанъ Шатиловъ.

Такимъ образомъ теперь обѣ колонны имѣли начальниками штабовъ офицеровъ генеральнаго штаба; нечего и говорить, насколько выиграло бы дѣло, если-бы таковой для лѣвой колонны былъ съ начала военныхъ дѣйствій.

Между тѣмъ для отряда наступала эпоха общаго передвиженія на Хуцъ-Убани, а именно: штабовъ войскъ края и отряда, всей полевой артилеріи и остальной массы войскъ по слѣдующему росписанію, объявленному въ приказѣ по отряду на 9-е мая.

«Начальникъ отряда изволилъ приказать привести въ исполненіе слѣдующія распредѣленія въ кобулетскомъ отрядѣ: лѣвая колонна подъ начальствомъ полковника флигель-адъютанта Гурчина собирается на Денибековскомъ курганѣ въ составѣ: 1-го и 4-го кавказскихъ стрѣлковыхъ баталіоновъ, 3-го и 4-го баталіоновъ Севастопольскаго полка (19-й дивизіи), Гурійской дружины, Пластунскаго баталіона, 2-й бат. 19-й, 1-й и 6-й бат. 41-й артилерійскихъ бригадъ; 1-го дивизіона 3-й батареи 41-й артил. бригады. Итого 6 баталіоновъ, 28 орудій.

Правая колонна генералъ-маіора Шелеметьева собирается на мѣстѣ нынѣшняго расположенія авангарда правой колонны въ составѣ: 2-го Кавк. стрѣлковаго баталіона, 1-го и 4-го баталіоновъ Александропольскаго полка, 1-го и 2-го баталіоновъ Ленкоранскаго полка, 2-й и 4-й батарей 41-й артил. бригады, 2-хъ сотенъ кавалеріи. Итого 5 баталіоновъ, 16 орудій и 2 сотни.

Резервная колонна на р. Ачкуа-стави, подъ начальствомъ полковника Принца *), въ составѣ: 3-го и 4-го баталіоновъ Ленкоранскаго полка, 2-го и 4-го баталіоновъ Закатальскаго полка, 2-хъ ротъ саперовъ, Грузинской пѣшей дружины, 5-й батареи 41-й артил. бригады, четырехъ сотенъ кавалеріи. Итого $5^1/_2$ баталіоновъ, 8 орудій, 4 сотни.

Гарнизонъ укрѣпленной позиціи Муха-Эстате, подъ начальствомъ полковника Солтана, въ составѣ: 3-го и 4-го баталіоновъ Кубанскаго полка, 1-го баталіона Закатальскаго полка, 2-го дивизіона 3-й батареи 41-й артил. бригады, 1 сотни кавалеріи. Итого 3 баталіона, 4 орудія, 1 сотня. Всего въ это распредѣленіе вошло $19^1/_2$ баталіоновъ, 56 орудій, 7 сотенъ. (Изъ этого обзора видно, что среднимъ числомъ въ отрядѣ было 3 орудія на 1,000 пѣшихъ солдатъ и что кавалерія составляла $^1/_{19}$ часть отряда).

Передвиженіе сдѣлать въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) артилерія лѣвой колонны, расположенная нынѣ на Муха-Эстате, собирается у колодца къ 9-ти часамъ утра и двигается на Денибековскій курганъ подъ прикрытіемъ пластунскаго баталіона; 2-я батарея 19-й арт. бриг. приходитъ къ колодцу къ 10-ти часамъ утра и двигается на мѣсто подъ прикрытіемъ Гурійской дружины.

Мѣсто расположенія частей лѣвой колонны — по указанію начальника лѣвой колонны.

---

*) Командиръ Кутаисскаго конно-ирегулярнаго полка.

2-я и 4-я батарея 41-й артил. бригады выступаютъ на мѣсто назначенія подъ прикрытіемъ 1-го баталіона Александропольскаго полка въ 11 часовъ утра; 1-й и 2-й баталіоны Ленкоранскаго полка выступаютъ на новое мѣсто въ 9 часовъ утра.

Мѣсто расположенія частей по указанію начальника колонны. 5-я батарея 41-й артил. бригады, подъ прикрытіемъ Грузинской дружины, выступаетъ отъ колодца въ 12 часовъ дня; 3-й и 4-й баталіоны Ленкоранскаго полка выступаютъ съ мѣста расположенія въ часъ дня.

Мѣсто расположенія частей резервной колонны—по указанію начальника штаба отряда.

Гарнизонъ укрѣпленной позиціи на Муха-Эстате собирается въ укрѣпленіи по распредѣленію по нумерамъ, сдѣланному полковникомъ Солтаномъ.

Послѣ полудня движеніе начать не ранѣе 2-хъ часовъ дня.

Начальники колоннъ обязаны представить начальнику отряда, не позже полудня 10-го мая, кроки мѣстности, занятой подчиненными ими войсками, съ указаніемъ мѣстъ расположенія каждой части и мѣръ для ихъ охраненія».

Приказаніе это было нами получено въ полдень 8-го мая, почему полковникъ Филимоновъ сейчасъ-же поѣхалъ на Хуцъ-Убани, чтобы осмотрѣть попутно дорогу.

На Хуцъ-Убани уже стоялъ шатеръ начальника отряда Денибекова на курганѣ его имени; на томъ же курганѣ были расположены стрѣлки 1-го и 4-го баталіоновъ.

На томъ мѣстѣ, гдѣ обозначался фундаментъ бывшаго православнаго храма, разостланы были ковры и бурки, и на нихъ расположилось общество офицеровъ человѣкъ въ 60; тутъ были всѣ офицеры 1-го и 4-го баталіоновъ со своими баталіонными командирами: князьями Барятинскимъ и Меликовымъ *).

Погода была чудная, и обѣдающее общество было укрыто отъ солнца тѣнью гигантскихъ липъ и чинаровъ. Обѣдъ отличался веселостью, задушевностью и искренностью, свойственной офицерамъ кавказской арміи, умѣющимъ угощать другъ друга такъ же, какъ въ бою выручать.

Къ этому обѣду пристроивались всѣ, кто въ это время почему либо очутился на Денибековомъ курганѣ; присѣли и мы, кончивъ осмотръ артилерійскихъ батарей.

Мѣсто для артилеріи было прекрасно выбрано; отсюда съ мѣстъ

*) Сынъ генералъ-адъютанта Левана кн. Меликова, подполковникъ Иванъ Левановичъ Меликовъ, палъ смертью храбраго при штурмѣ Карса въ ночь съ 5-го на 6-е ноября,—главный виновникъ блестящаго взятія форта Сувари, носящаго теперь его имя.

своего расположенія артилерія могла отлично поддержать переходъ нами Кинтриши, можно было добросить снаряды и до Цихисдзирскихъ верковъ, но, конечно, не отсюда мы подготовляли бы штурмъ ихъ. Къ вечеру мы вернулись къ себѣ уже подъ мелкимъ дождичкомъ, обѣщавшимъ кое-что и испортить, но къ счастью онъ не былъ продолжителенъ.

На другой день 9-го мая съ утра началось перемѣщеніе на новыя позиціи, согласно отданному наканунѣ приказанію.

Штабъ войскъ края переѣхалъ рано утромъ на р. Ачкуа-стави, у подножія лѣсистаго кургана, а потому начальникъ артилеріи приказалъ мнѣ поѣхать къ рѣкѣ и выбрать мѣсто и для нашего артилерійскаго штаба.

Утро 10-го мая войска отряда встрѣтили на своихъ новыхъ позиціяхъ-бивакахъ; вездѣ шла дѣятельная расчистка мѣстности, знакомство съ ней частныхъ начальниковъ, устраивались мѣры охраненія отъ нечаяннаго нападенія, проводились и протаптывались солдатскими ногами новыя дорожки и тропинки между сосѣдними частями, между частями и ихъ кухнями и неприступный, дѣвственный гребень Хуцъ-Убани преобразовывался.

По настоянію полковника Филимонова (что, впрочемъ, полковникъ Казбекъ имѣлъ въ виду еще 8-го мая) двѣ сотни Грузинской дружины усилены остальными, вслѣдствіе чего мы, да и штабъ войскъ, и вообще этотъ участокъ пути изъ Муха-Эстате охранялся всей Грузинской дружиной. Этими наблюденіями и охраной руководилъ самъ командиръ дружины—серьезный и храбрый подполковникъ кн. Чавчавадзе.

Спокойная распорядительность, полное пренебреженіе къ смерти и энергично отдаваемыя приказанія характеризуютъ его въ бою; внѣ боя около своего шатра или въ раіонѣ расположенія своей части онъ серьезенъ и молчаливъ. Его великолѣпный караковый карабахъ, кровный, украшенный дорогимъ грузинскимъ сѣдломъ, былъ предметомъ общей зависти.

Артилерія отряда къ 10-му мая была размѣщена на позиціяхъ слѣдующимъ образомъ; съ лѣваго на правый флангъ: на крайнемъ лѣвомъ флангѣ на самомъ Денибековомъ курганѣ, лѣсистой вышкѣ, господствовавшей надъ всей мѣстностью, въ люнетахъ № 1-го и 2-го—2-я батарея 19-й артил. бригады; правѣе ея въ люнетѣ № 3-го—3-я батарея 41-й бригады, что будетъ уже ниже кургана; далѣе вправо, черезъ большую дорогу, ведшую къ кургану,—1-я батарея 41-й бригады въ люнетѣ № 4-го; далѣе, въ люнетѣ № 5-го, долженствовала стать 4-я батарея 41-й бригады, пока еще

не переходившая Ачкуа-стави; люнетъ № 5-го находился надъ самымъ Кинтриши и уже въ сферѣ дѣйствія орудій Цихисдзирскихъ верковъ.

Далѣе вправо находились люнеты № 6-го и № 7-го, гдѣ долженствовала стать 2-я батарея 41-й бригады, также еще не переходившая Ачкуа-стави *), и еще далѣе вправо, въ виду уже самыхъ скалъ Цихисдзирскихъ, главныхъ укрѣпленій, тамъ, гдѣ гребень Хуцъ-Убани значительно понижался и приближался къ морю, расположенъ былъ люнетъ № 8-го, — мнимый люнетъ, который и не предполагалось вооружать полевыми орудіями; 5-я батарея 41-й бригады, состоявшая въ резервной колоннѣ, занимала совмѣстно съ ленкоранцами позицію, на $^3/_4$ пути отъ Муха-Эстате, нѣсколько въ сторонѣ отъ главной дороги нашей, фронтомъ къ востоку.

Дула орудій смотрѣли черезъ лѣсную прогалину въ сторону горъ, въ ту же сторону, куда смотрѣла и сторожевая цѣпь Грузинской пѣшей дружины, только лѣвѣе ея.

Изъ диспозиціи для передвиженія на 9-го мая и вышесказаннаго размѣщенія артилеріи слѣдуетъ, что изо всего лѣсистаго пространства между Ачкуа-стави и Кинтриши фактически и сильно былъ занятъ только Денибековъ курганъ съ ближайшими къ нему выступами, также лѣсистый курганъ надъ р. Ачкуа-стави и все между ними пространство вдоль дороги; что правый флангъ былъ слабо занятъ секретами, выдѣленными изъ лѣвой же колонны; что правая колонна стояла еще на р. Ачкуа-стави, уступомъ назадъ по отношенію къ лѣвой; что резервная колонна полковника Принца долженствовала прикрывать весь тылъ нашего лѣваго фланга и дорогу на Муха-Эстате съ восточной стороны, служить резервомъ лѣвой колоннѣ, стоя отчасти къ ней уступомъ назадъ, и подавать руку вправо правой колоннѣ, которой она также служила резервомъ.

Такое расположеніе какъ нельзя лучше соотвѣтствовало обстановкѣ: въ случаѣ сильнаго удара со стороны турокъ на нашъ правый флангъ, слабыя, временно поставленныя части лѣвой колонны отступили бы на возвышенный и господствующій Денибековъ курганъ, и если-бы турки за ними послѣдовали, то имъ во флангъ угрожали бы и правая, и резервныя колонны.

Такимъ образомъ, 9-го мая, мы сильно и фактически заняли и

---

*) Правая колонна только 13-го мая перешла на Хуцъ-Убани, а до этого времени она еще не переходила и Ачкуа-стави; люнеты №№ 5-го, 6-го, 7-го и 8-го временно охранялись частями лѣвой колонны, стрѣлками и пластунами.

укрѣпили только высшую точку Худъ-Убани и потомъ, понемногу ощупывая на западъ, спустились далѣе вправо по гребню.

Въ четыре часа послѣ обѣда, окончивъ безконечную и сложную дневную работу въ канцеляріи, я побывалъ на позиціяхъ; Денибековъ курганъ неузнаваемъ, расчищается во всѣ стороны и становится весьма помѣстительнымъ; на морѣ много броненосцевъ и сильное ихъ движеніе; въ цѣпи рѣдкая перестрѣлка; турки чрезвычайно осторожны на Самебѣ и ничѣмъ не выказываютъ своего тамъ присутствія; хитрость-ли это съ ихъ стороны, или дѣйствительно ихъ тамъ немного—неизвѣстно.

Утромъ 11-го мая я поѣхалъ на позицію. На Денибековомъ курганѣ большое оживленіе: всѣ высыпали наверхъ и съ высоты кургана любуются перестрѣлкой между нашими стрѣлками, расположенными внизу у подошвы кургана, и черкесами, разсыпанными по скату Самеба.

По мнѣнію старыхъ кавказцевъ, это были абадзехи, которые перебѣгаютъ отъ домика къ домику и къ стволамъ толстыхъ деревьевъ, пострѣливаютъ въ цѣпь и какъ бы вызываютъ насъ въ бой.

Въ эту минуту стрѣлки имъ не отвѣчаютъ; абадзехи видятъ отлично эту толпу любопытныхъ на курганѣ, но по дальности и, главное, по громадному превышенію кургана, они не пустили по зрителямъ ни одной пули. Нечего и говорить, насколько удобно было ихъ пугнуть съ Денибекова кургана изъ орудій 2-й батареи 19-й артилерійской бригады, но полковникъ Филимоновъ строжайше воспретилъ открывать огонь, какъ ни убѣдительны были просьбы командира и офицеровъ батареи.

Оказывается, что внизу саперы, подъ руководствомъ поручика Уптона, производили приготовленія къ наводкѣ моста на козлахъ.

Однако, эта потѣха плохо закончилась для одного абадзеха: молчаніе стрѣлковъ сдѣлало ихъ храбрыми и въ ту минуту, когда одинъ изъ нихъ, выскочивъ изъ-за домика, собирался выстрѣлить, какой-то ловкій стрѣлокъ поймалъ его на мушку и уложилъ наповалъ.

Онъ остался лежать на ровной лужайкѣ, и начался бой за тѣло: стрѣлки, которымъ тоже воспрещено было стрѣлять, теперь уже сыпали черезъ рѣку пулю за пулей, какъ только кто-нибудь изъ абадзеховъ выбѣгалъ, чтобы оттащить тѣло.

Хотя такое явленіе на войнѣ было обыденно, но любопытство было сильно возбуждено: особенно солдатики, не удерживаясь отъ различнаго рода восклицаній, жадно слѣдили за этой потѣхой, сопровождая дружнымъ смѣхомъ неудавшіяся попытки горцевъ убрать

тѣло товарища; кто изъ нихъ только выскочитъ къ тѣлу, какъ пули заставляютъ его поспѣшно скрыться снова за домъ или дерево. Потѣха эта, кончившаяся тѣмъ, что къ убитому прибавилось нѣсколько раненыхъ товарищей, продолжалась до сумерокъ.

Непріятнѣе всего въ этой потѣхѣ было то, что горцы узнали мѣсто, выбранное для моста, и, чего добраго, могли принять свои мѣры, но съ другой стороны мы могли въ бродъ перейти Кинтриши въ любомъ мѣстѣ. Конечно, чѣмъ раньше перебрались бы мы на ту сторону, тѣмъ лучше; батареи уже стояли на мѣстѣ, съ люнетовъ прекрасно обстрѣливались вершины Самеба и ближайшихъ ея выступовъ, но вѣроятно были причины, удерживавшія насъ еще на этомъ берегу Кинтриши.

Мнѣ неизвѣстны были эти причины, но я зналъ, какъ полковникъ Казбекъ желалъ перебраться раньше на ту сторону.

Вообще же стоянка на Хуцъ-Убани составляла лучшую эпоху операцій отряда: массы зелени, высокое здоровое мѣсто, чудный воздухъ, чудныя картины во всѣ стороны, обиліе прекрасной воды, хорошая погода (относительно конечно), державшаяся все это время, затишье отъ тревогъ и движеній,—все это въ общемъ дѣйствовало благотворно на духъ и тѣло и оставило о времени стоянки на Хуцъ-Убани хорошее воспоминаніе.

Жаль было разоренія прекрасныхъ по матеріалу и архитектурѣ домовъ; сколько вкуса было въ этихъ рѣзныхъ украшеніяхъ фасадовъ, галерей, входовъ, оконъ и дверей; какъ удобно и уютно было размѣщеніе комнатъ.

Кому выпадали такіе домики не разоренными, то комфортъ хуцъ-убанской стоянки былъ полный; такъ случилось ленкоранцамъ, занимавшимъ Хуцъ-Убани фронтомъ на востокъ, включая и лѣсистый курганъ, такъ было и у 3-й батареи 41-й бригады, имѣвшей въ 700 шагахъ за орудіями два домика, обильныхъ комнатами поразительной чистоты.

Сегодня, 12-го мая, минулъ ровно мѣсяцъ, какъ мы въ походѣ,—и какъ недалеко отошли мы отъ границы: всего 25 верстъ, считая всѣ извилины дороги! Съ 8-ми часовъ утра весь штабъ выѣхалъ навстрѣчу командующему войсками, возвращавшемуся изъ Озургетъ.

По этой причинѣ мы заглянули и въ Муха-Эстате, сдѣлавшійся неузнаваемымъ: самое возвышенное мѣсто было обнесено кругомъ со всѣхъ сторонъ ложементами; въ этомъ редутѣ на тѣсномъ пространствѣ размѣстились: два баталіона, четыре орудія, артилерійскій паркъ, стрѣлковое отдѣленіе конно-артилерійскаго полупарка,

интендантскій складъ, бунты котораго занимали всю центральную высоту, и Молоканское санитарное отдѣленіе.

Я съ завистью смотрѣлъ на прекрасныя новыя офицерскія палатки санитаровъ, такъ какъ самъ жилъ все время въ солдатской, а у молоканъ всѣ палатки были офицерскія.

Здѣсь же, въ томъ же редутѣ, располагался и дивизіонный лазаретъ 41-й пѣхотной дивизіи.

На пути изъ Муха-Эстате до Ачкуа главнокомандующаго войсками всюду встрѣчали войска. Пріѣздъ его предвѣщалъ новое движеніе впередъ, столь всѣми ожидаемое.

На другой день, 13-го мая, съ 10-ти часовъ утра, командующій войсками былъ уже на позиціяхъ, съ нимъ былъ и полковникъ Филимоновъ; объѣздъ ограничился только лѣвой колонной, такъ какъ правая продолжала еще стоять у р. Ачкуа-стави уступомъ назадъ по отношенію лѣвой, и никому еще не было извѣстно, когда состоится ея передвиженіе на правый флангъ хуцъ-убанской позиціи.

По прибытіи на Денибековъ курганъ, высшее начальство, отдѣлившись впередъ групой, начало осматривать въ бинокль высоты Самеба и Цихисдзири. У турокъ въ это время на укрѣпленіяхъ шли усиленныя работы; отчетливо были видны массы рабочихъ на высотахъ праваго фланга ихъ укрѣпленной позиціи; очевидно, они были заняты теперь укрѣпленіями исключительно своего праваго фланга, къ чему вынудилъ ихъ выборъ нами операціоннаго пути: мы забирали влѣво, въ горы, подальше отъ береговой полосы, остававшейся нейтральной, и они въ свою очередь продолжали линію своихъ укрѣпленій вправо; все выше и выше въ горы.

Услыхавъ, что начальникъ штаба направляется на правый флангъ позиціи посмотрѣть, что дѣлается у турокъ на ихъ лѣвомъ флангѣ, въ какомъ положеніи наши люнеты праваго фланга, я попросилъ его разрѣшенія къ нему присоединиться и, получивъ таковое, сопровождалъ его въ поѣздкѣ. Намъ надлежало, спустившись съ Денибекова кургана внизъ по правому берегу Кинтриши, прослѣдовать прямой дорогой вдоль праваго же берега Кинтриши на люнеты №№ 4-го, 5-го, 6-го, 7-го и 8-го.

Мнѣ первый разъ еще приходилось слѣдовать этой дорогой, которая шла неимовѣрно дикой чащей, оберегалась секретами отъ пластуновъ и движеніе по которой вообще было запрещено въ виду того, что здѣсь могли бы еще быть кобулетцы и можно было всегда опасаться засады. Насъ велъ тотъ самый проводникъ-кобулетецъ, который всегда сопровождалъ Казбека во всѣхъ его рискованныхъ и многочисленныхъ поѣздкахъ и развѣдкахъ. Углубив-

шись въ чащу, мы остановились здѣсь у поста стрѣлковъ, силой до $^1/_2$ взвода; здѣсь къ намъ присоединился полковникъ Козелковъ и сопровождалъ насъ нѣкоторое время пѣшкомъ, потомъ весь кортежъ нашъ остановился у одной хаты; здѣсь полковникъ Козелковъ приложилъ къ губамъ свистокъ: раздалось два рѣзкихъ свистка, нарушившихъ полное безмолвіе густаго, дикаго и темнаго лѣса. Черезъ 10 минутъ изъ чащи лѣса слѣва, и справа, и спереди, безо всякаго шума, къ намъ вышли нѣсколько человѣкъ пластуновъ; они составили наше прикрытіе.

Здѣсь же привели и лошадь Козелкову, и тогда група всадниковъ, предшествуемая спереди, справа и слѣва пластунами, тронулась впередъ по узенькой, проходимой только одиночнымъ всадникомъ, дорожкѣ. Мѣстами, вправо и влѣво, выглядывая изъ окружавшихъ ихъ гранатовыхъ и фиговыхъ садовъ, торчали хорошенькіе домики и хатки; была и мечеть на половину разрушенная, деревянная, чрезвычайно красивой архитектуры, на стѣнахъ которой кто-то успѣлъ уже нарисовать крестъ.

Послѣ получасовой ѣзды этими мѣстами, богато украшенными флорой Лазистанскаго санджака, мы прибыли на люнетъ № 5-го, съ котораго полковникъ Казбекъ долго смотрѣлъ на верки Цихисдзири; отсюда открывался сквозь чащу видъ на лѣвый флангъ укрѣпленнаго лагеря. Люнетъ былъ густо убранъ со всѣхъ сторонъ зеленью; все показывало, что, кромѣ рабочихъ саперовъ и пластунскихъ секретовъ, здѣсь никого еще не было. Здѣсь мы были свидѣтелями рекогносцировки турокъ: большая масса всадниковъ остановилась противъ насъ на противоположныхъ черезъ рѣку высотахъ; одинъ былъ на бѣлой лошади и держался нѣсколько впереди. Они насъ едва-ли и видѣли.

Отсюда мы поѣхали дальше внизъ по Кинтриши, шумъ которой по временамъ доходилъ до насъ совершенно явственно.

Теперь мы двигались уже въ будущемъ раіонѣ расположенія правой колонны.

На люнетѣ № 6-го мы снова остановились и подробно осмотрѣли противоположный берегъ; рекогносцирующей партіи уже видно не было, и весь противоположный берегъ, составлявшій отроги горъ Самеба, ничѣмъ не обнаруживалъ присутствія непріятеля; не видно было также никакихъ слѣдовъ укрѣпленій; очевидно, турки уступали его намъ безъ большаго сопротивленія; переправа казалась возможной.

Около люнета № 6-го, вокругъ красиваго домика, былъ расположенъ фрукторый садъ, въ изобиліи наполненный инжиромъ (фи-

говое дерево), гранатами, ярко-красные цвѣты которыхъ прелестно гармонировали съ общимъ темно-зеленымъ фономъ лѣса и сада; были тутъ и груши, и яблоки, и сливы, и виноградъ. За садомъ былъ и огородъ, полный всякихъ овощей, которыми я набилъ себѣ карманы и кобуры въ надеждѣ вручить все это нашему повару.

Природа такъ была здѣсь хороша, что мы всѣ, невольно, оставивъ военныя соображенія, предались разговору о житьѣ-бытьѣ счастливыхъ обитателей этого втораго рая: «Я понимаю», говорилъ полковникъ Козелковъ, «почему такъ яростно они отстаивали у насъ эти завѣтные и священные имъ уголки; будь я на ихъ мѣстѣ, я бы просто сказалъ: «не уйду, дѣлайте со мной что хотите!»

Пираль Беридзе, бывшій съ нами, и пластуны, сидѣвшіе здѣсь въ секретѣ, говорили, что, гдѣ-то внизу, есть баня у самой рѣки, прекрасно устроенная; но мы, не располагая достаточно временемъ, торопились дальше.

По дорогѣ къ люнету № 7-го мы встрѣтили партію рабочихъ саперовъ и тѣ же секреты пластуновъ; здѣсь былъ уже участокъ разработанной дороги, и съ люнета была отчасти уже разработана дорога до расположенія правой колонны.

Съ люнета № 7-го видны были и Нижніе-Кобулеты, бывшіе въ тылу на берегу моря и составлявшіе какъ бы редюитъ обширной Кинтришской поляны, игравшей видную роль въ нашихъ прежнихъ войнахъ съ Турціею—какъ плацдармъ для сбора ополченія санджака.

Поляна эта разстилается къ сѣверу отъ Цихисдзири, и на ней-то, по словамъ полковника Казбека, и собирались главныя силы батумскаго отряда въ бывшихъ войнахъ, въ 1828, 1829, 1853 и 1854 годахъ и отсюда угрожали нашему гурійскому отряду *).

*) Такъ, въ 1829 году, Кей-Оглы собралъ на этой полянѣ до 7,000 войскъ: одинъ отрядъ былъ расположенъ въ двухъ верстахъ отъ устья Чолока, въ мѣст. Лимани, другой—въ Муха-Эстате.

Генералъ Гессе, бывшій тогда правителемъ Имеретіи, пользуясь нерѣшительностью турокъ, собралъ отрядъ въ числѣ 1,216 человѣкъ пѣхоты съ четырьмя полевыми и двумя горными пушками и, съ 1,315 челов. гурійской милиціи, перешелъ черезъ границу и 5-го марта атаковалъ турокъ.

Одновременно съ движеніемъ главныхъ силъ изъ Николаевска двѣ роты Мингрельскаго полка были двинуты изъ Озургетъ черезъ Лихаури. Нечаянное нападеніе имѣло успѣхъ: турки были разбиты у Лимани и Муха-Эстате, и генералъ Гессе вернулся на постъ св. Николая и въ Кутаисъ.

Побѣда при Лимани, не смотря на блестящую реляцію, поданную графу Паскевичу, не имѣла никакихъ серьезныхъ послѣдствій: Кинтришская поляна по прежнему оставалась въ рукахъ турокъ, и новый паша Тютчи-Оглы началъ собирать сюда еще болѣе многочисленныя войска. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ Кинтриши прибыли новыя подкрѣпленія изъ Батума и на 40 гребныхъ лодкахъ под-

Здѣсь же, на этой полянѣ, занимая и Чурукъ-Су, бивакировалъ отрядъ генерала Гессе, столь неудачно штурмовавшій Цихисдзири 17-го сентября 1829 года.

везли разные запасы. Въ народѣ разнесся слухъ, что въ Кобулеты ожидается правительница Гуріи, княгиня Софья, и что вскорѣ многочисленныя турецкія войска должны вторгнуться въ Гурію.

Въ дѣйствительности турки сосредоточили до 10,000 чел. съ 12-ю орудіями. Войска эти расположились главнымъ образомъ на Муха-Эстате.

Генералъ Гессе, во исполненіе приказанія главнокомандующаго, двинулся по двумъ дорогамъ: полковникъ Пацовскій, съ двумя баталіонами, четырьмя орудіями и частью милиціи, шелъ изъ крѣпости св. Николая по морскому берегу на Лимани, а самъ Гессе, съ двумя баталіонами, шестью орудіями и многочисленной милиціей, двинулся по легвинской дорогѣ и разбилъ турокъ при Муха-Эстате на голову.

Важно, что уже въ 1829 году по легвинской дорогѣ двигалась артилерія полевая.

На этотъ разъ Гессе дѣйствовалъ смѣлѣе, чѣмъ въ мартѣ: онъ дошелъ до Кинтриши (Чурукъ-Су, Ниж. Кобулеты, здѣсь говорится о мѣстечкѣ), брошенномъ турками, но вмѣсто того, чтобы на плечахъ враговъ занять Цихисдзири, онъ остановился нъ Кинтриши, началъ въ немъ укрѣпляться и завязалъ переговоры съ кобулетцами. Нѣкоторыя деревни вошли въ переговоры съ русскимъ генераломъ, но кобулетскіе беки изъ фамиліи Тавдгеридзе, бывшіе главными двигателями дѣла, отказались отъ переговоровъ.

Гессе, по видимому, не обращалъ на нихъ вниманія, и въ то время, какъ онъ полагалъ, что всѣ кобулетцы добровольно сдадутся въ подданство Россіи и сдадутъ Цихисдзири, онъ узналъ, что въ этой крѣпости готовится ему сильное сопротивленіе. Обманутый въ своихъ надеждахъ и напрасно потерявъ въ безплодныхъ переговорахъ цѣлый мѣсяцъ, въ теченіе котораго турки успѣли возвести новыя укрѣпленія,—Гессе рѣшился атаковать Цихисдзири 16-го сентября.

Въ донесеніи генерала Гессе описано и Цихисдзири того времени: «крѣпость съ фланговымъ укрѣпленіемъ лежитъ на высотѣ у самаго берега моря; имѣетъ впереди укрѣпленный лагерь, охраняемый съ фронта и съ фланговъ завалами. Съ южной и восточной сторонъ крѣпость окружена неприступными горами, кои отдѣляются отъ оной крутыми оврагами, покрытыми непроходимымъ лѣсомъ, слившимся съ колючими растеніями и плющемъ. Къ крѣпости имѣется со стороны горъ одинъ доступъ, но и тотъ былъ защищенъ редутомъ, крѣпко устроеннымъ. Видя невозможность—добавляетъ Гессе—вести атаку съ передней стороны, я принужденъ былъ приказать авангарду съ пятью орудіями атаковать описанныя высоты, по занятіи коихъ нашелъ необходимымъ устроить двѣ батареи: одну, которая бы дѣйствовала по крѣпости, а вторую противъ редута, что съ чрезвычайнымъ трудомъ едва только можно было окончить къ утру 16-го сентября».

«Открылась канонада, но калибръ орудій не соотвѣтствовалъ цѣли, для которой батареи были устроены, равно и прибывшее 15-го сентября судно «Бригъ Пегасъ», подъ командой капитанъ-лейтенанта Сухонина, выстрѣлами изъ каронадъ не могло привести непріятеля въ замѣшательство; между тѣмъ въ продолженіе двухъ дней гарнизонъ усиливался прибывшимъ изъ Чаквъ и Батума, и

Это былъ первый штурмъ крѣпости Цихисдзири русскими войсками, и мы готовились совершить второй почти черезъ 50 лѣтъ.

Съ люнета № 7-го мы вернулись въ лагерь на р. Ачкуа-стави по дорогѣ въ правую колонну.

Вечеромъ полковникъ Филимоновъ былъ позванъ на совѣщаніе къ командующему войсками и, вернувшись, сообщилъ намъ, что завтра предпринимается движеніе на ту сторону Кинтриши, чтобы мы были готовы съ ранняго утра ѣхать на передовыя позиціи.

Признаюсь, мы такъ мало понимали тогда операціи, что надѣялись завтра же очутиться передъ верками Цихисдзири.

Въ тотъ же день вечеромъ генералъ-маіоръ Денибековъ приказалъ авангарду правой колонны перейти на новую позицію и занять люнеты № 6-го и № 7-го, на высотахъ праваго берега р. Кинтриши, которыя утромъ мы посѣщали.

Ночью пошелъ дождь, лившій до утра; сразу скверно: грязно, сыро, холодно.

Утромъ чуть свѣтъ полковникъ Филимоновъ съ обоими адъютантами и конными ординарцами отъ артилеріи (нижніе чины) поѣхалъ на Денибековъ курганъ. На курганѣ все было погружено въ сонъ: оказалось, что экспедиція отложена; въ ожиданіи командующаго войсками, который все-таки предполагалъ пріѣхать, мы пошли на люнетъ № 1-го и здѣсь застали дежурнаго по батареѣ (2-я батарея 19-й бригады), подпоручика Ватеркамфа; взойдя на брустверъ, мы навели бинокли на непріятельскія позиціи и море: на позиціяхъ турокъ все было спокойно, спокойно было и море, на гладкой поверхности котораго не было ни одного судна, кромѣ обычно-дежурнаго броненосца у устья Кинтриши.

Начальникъ артилеріи отпустилъ меня въ лагерь въ виду большой канцелярской работы, накопившейся за послѣдніе дни, приказавъ мнѣ къ 6-ти часамъ поѣхать на люнеты № 6-го и 7-го и, осмотрѣвъ размѣщеніе 4-й и 2-й батарей 41-й бригады, донести ему

непокорившіеся еще кобулетцы и Килашъ-бекъ, сынъ Ахметъ-бека Аджарскаго, собирались, чтобы соединиться съ гарнизономъ».

Всѣ эти обстоятельства побудили генерала Гессе штурмовать крѣпость 17-го сентября.

Мы не будемъ описывать это несчастное въ нашей военной исторіи событіе, замѣтимъ только, что въ минуту приступа на редутъ кобулетцы и аджарцы, спустились съ высотъ (вѣроятно они скрывались на Хуцъ-Убани и Самеба) и атаковали отрядъ съ тыла. Это обстоятельство рѣшило участь сраженія, и генералъ Гессе съ большимъ урономъ отступилъ отъ крѣпости.

(«Военно-статистическіе и стратегическіе очерки Лазистанскаго санджака». Сост. подп. Казбекъ. Приложеніе, стр. 89-я—91-я).

обо всемъ замѣченномъ, такъ какъ въ вечеру къ авангарду правой колонны должна была подтянуться артилерія, и необходимо было заблаговременно узнать, будетъ ли согласоваться боевое расположеніе батарей со всѣми необходимыми хозяйственными требованіями.

Съ Денибекова кургана существовала къ лагерю штаба только одна дорога; направо отъ этой дороги вилась дорожка, которая, по моему мнѣнію, должна была бы выйти къ лѣсистому кургану Ачкуа-стави, спустившись съ котораго я былъ бы дома.

Заинтересованный этимъ путемъ, я направился по дорожкѣ и вышелъ такимъ образомъ на восточную сторону Хуцъ-Убанской групы, состоявшей изъ гребня, тянувшагося къ сѣверу. Правда, я не достигъ цѣли, ибо лѣсистый курганъ отдѣлялся отъ этого гребня непролазной и мрачной лощиной, въ которую я не рискнулъ спуститься, но былъ награжденъ такими роскошными панорамами на востокъ въ сторону ущелья Ачкуа-стави (верховья) и Аджаро-Гурійскаго хребта, что не сожалѣлъ сдѣланнаго мною крюка. По краю гребня, круто обрывавшемуся на востокъ, размѣщались гигантскіе дубы и чинары; тутъ же ютились прелестные хутора, окруженные орѣхами, гранатами, фиговыми деревьями и другими роскошными растеніями. Вечеромъ я прослѣдовалъ на люнеты № 6-го и № 7-го; они были уже заняты авангардомъ правой колонны; тутъ же была и артилерія, не занимавшая еще люнетовъ по ихъ неготовности. Батареи насыпались еще и рвы углублялись; на другой день, 15-го, была надежда, что они будутъ кончены.

Отъ командира и офицеровъ 2-го стрѣлковаго баталіона узналъ я подробности занятія люнетовъ. Авангардъ, состоявшій изъ всѣхъ четырехъ ротъ названнаго баталіона, выступилъ съ бивака у р. Ачкуа-стави въ 4 часа утра и въ слѣдующемъ порядкѣ: 4-я рота въ головѣ колонны, выславъ одинъ взводъ въ авангардъ, который, въ свою очередь, выслалъ головной и боковые патрули. Затѣмъ слѣдовали 3-я, 2-я и 1-я роты; отъ 1-й роты былъ высланъ аріергардъ. Роты шли справа рядами, даже ихъ не вздваивая. Около 6-ти часовъ баталіонъ пришелъ на люнетъ № 7-го, гдѣ стоялъ взводъ 1-го Кавказскаго стрѣлковаго баталіона.

По прибытіи стрѣлковъ 2-го баталіона, на югъ и западъ выставлены были цѣпи, часть людей занялась насыпкой батарей и устройствомъ своего бивака-лагеря и рубкой лѣса, мѣшавшаго обстрѣлу артилеріи.

Въ минуту моего пріѣзда въ цѣпи была уже перестрѣлка, для насъ, впрочемъ, безвредная. Съ турецкой батареи, съ «Желтой»,

было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ, но снаряды не долетали даже до Кинтриши.

Узнавъ все, что мнѣ было нужно, я вернулся обратно въ лагерь на р. Ачкуа-стави. Когда я пріѣхалъ въ свой лагерь, то узналъ, что около 5-ти часовъ надъ нашимъ лагеремъ и лагеремъ штаба командующаго войсками свистали долгое время пули, и что одной такой пулей уже раненъ деньщикъ барона Зальца.

Опасенія наши сбылись: турки обстрѣливали ущелье, пронюхавъ, вѣроятно, что здѣсь по Ачкуа-стави расположены русскіе лагеремъ.

Поздно вечеромъ ходилъ въ штабъ за приказаніями и узналъ, что завтра движенія впередъ не будетъ,—оно откладывается на неопредѣленное время.

Стоянка войскъ, сопровождаемая у насъ отсутствіемъ правильно устроенныхъ отхожихъ мѣстъ, усиливаетъ заразу.

Надо помнить, что солнце здѣсь не сѣверное, и экскременты оставлять на воздухѣ гнить — крайне опасно; гурійцы вообще не имѣютъ отхожихъ мѣстъ, но съ этой стороны чрезвычайно чистоплотны. Турки имѣютъ при себѣ для этого спеціальныя лопаточки; вотъ почему лагери ихъ и отличаются такой образцовой чистотой и хорошимъ воздухомъ. Въ этомъ отношеніи намъ бы слѣдовало подражать жителямъ юга, у которыхъ порядокъ на этотъ счетъ вѣками превратился въ обычай.

«Помилуйте, господа» говорилъ хирургъ кавказской арміи Минкевичъ, бывшій въ эти дни у насъ въ отрядѣ: «вамъ не помогаетъ въ отношеніи чистоты воздуха даже эта усиленная морская и воздушная вентиляція. Я былъ на высшей точкѣ вашей позиціи—Денибековомъ курганѣ, и тамъ въ воздухѣ зараза».

Новости на 15-е заключались главнымъ образомъ въ молебствіи и въ приказѣ объ образованіи охотничьихъ командъ отъ всѣхъ частей. Мѣра эта вполнѣ цѣлесообразная; мы до сихъ поръ держали въ забытьи старый и прекрасный обычай кавказскихъ войскъ — команды охотниковъ. Нечего и говорить, насколько онѣ будутъ полезны; пора и намъ потревожить немного непріятеля.

День 15-го, день Св. Троицы, для насъ лично, чиновъ артиллерійскаго штаба, начался съ перестрѣлки у ближайшихъ сосѣдей и покровителей нашихъ Грузинской пѣшей дружины; пули посвистываютъ надъ нашими головами и головами коней нашихъ; Грузинская дружина отвѣчаетъ, но намъ не легче.

Утромъ мы углубились въ лѣсъ, съ любопытствомъ осматривая флору; чаща буквально непролазна. Въ сущности не тѣ же ли это

тропики: тѣ же таинственные, мрачные лѣса, тѣ же ліаны, колючки и гигантскіе папоротники.

Солдатики наши особенно хорошо пользуются широкими листьями рѣдкихъ растеній и устраиваютъ шалаши, рѣшительно непроницаемые для солнца.

День 15-го прошелъ въ отдыхѣ, который впрочемъ нарушался посвистывавшими изъ ущелья пулями; въ особенности это вышло неудобно во время обѣда, когда надъ обѣдающими долгое время свистали пули не выше трехъ аршинъ надъ головами.

Мимо насъ пронесли раненаго смертельно кобулетца и убитаго наповалъ закатальца.

Вечеромъ узналъ существенныя новости: завтра, 16-го, наступленіе на ту сторону Кинтриши; горнымъ орудіямъ приказано быть въ полной готовности на Денибековомъ курганѣ къ тремъ часамъ ночи.

Наступленіе совершается авангардомъ только лѣвой колонны, подъ общимъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника Гурчина; въ составъ этого авангарда входятъ пластуны и стрѣлки съ горными орудіями.

Для обезпеченія успѣха этого движенія слѣва изъ состава лѣвой колонны выдѣлялся особый отрядъ въ составѣ 4-го стрѣлковаго баталіона, подъ командой его командира князя Меликова *).

Цѣлью движенія колонны князя Меликова вверхъ по р. Кинтриши было обезпеченіе колонны полковника Гурчина отъ фланговыхъ угрозъ жителей.

Разсматривая идею этого перваго движенія нашего за Кин-

---

*) Вся лѣвая колонна полковника Гурчина дѣлилась на двѣ колонны: правая—Козелкова, изъ 1-го пластунскаго баталіона, семи ротъ севастопольскихъ, двухъ сотенъ 1-й пѣшей Гурійской дружины, 1-й роты 2-го сапернаго баталіона и дивизіона 6-й (горной батареи), всего 14 ротъ и 4 орудія; лѣвая—князя Меликова: изъ 4-го Кавказскаго стрѣлковаго, 2-хъ сотенъ Гурійской милиціи, роты Ленкоранскаго полка,—всего 7 ротъ при 2-хъ горныхъ орудіяхъ.

При правой колоннѣ приказано находиться полковнику Гурчину, при лѣвой—полковнику Казбеку. Для производства демонстраціи на правомъ флангѣ и для поддержки артилерійскимъ огнемъ наступленія нашихъ войскъ при переправѣ черезъ р. Кинтриши и занятіи высотъ была составлена особая колонна, въ которую вошла вся артилерія, расположенная на Худъ-Убани, какъ-то: 1-я, 2-я и 3-я батареи 41-й и 2-я 19-й; кромѣ того, для того-же покровительства движенію съ этого берега были назначены части пѣхоты: 1-й Кавказскій стрѣлковый баталіонъ и 4-й баталіонъ Ленкоранскаго полка. Вся эта колонна считалась подъ общимъ начальствомъ полковника Войно-Оранскаго, командира 1-й батареи 41-й артилерійской бригады.

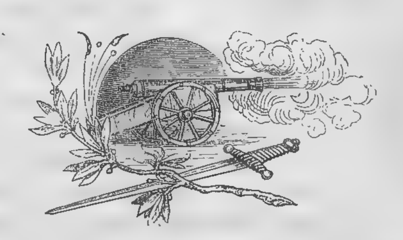
триши, нельзя не замѣтить аналогіи со всѣмъ нашимъ наступленіемъ съ 12-го апрѣля: для захвата Муха-Эстате выдвигается уступомъ впередъ лѣвая колонна, части правой прибываютъ послѣ утвержденія лѣвой; на Муха-Эстате это было основательно въ виду того, что скаты высоты, обращенные къ путямъ движенія правой колонны, были круты и недоступны; пути-же къ правому флангу, пути движенія лѣвой—шли по гребню, незамѣтно сливавшемуся съ Муха-Эстате холмами. Для захвата Хуцъ-Убани въ день 29-го, авангардъ лѣвой колонны въ тотъ же день утверждается на высшей, господствующей точкѣ всей групы высотъ, всего гребня, — Денибековомъ курганѣ, правая же остается долгое время уступомъ назадъ; только 14-го мая правая колонна устраивается на высотахъ непосредственно праваго берега Кинтриши и 16-го лѣвая колонна должна уже совершать новое движеніе впередъ съ цѣлью выдвинуться опять уступомъ впередъ на высшія точки гребня Самеба,—правая остается на правомъ берегу Кинтриши.

Проведеніе этого маневра послѣдовательно во всѣхъ нашихъ наступательныхъ операціяхъ обусловливалось: командующими высотами, господствующими противъ лѣвой колонны, и присутствіемъ на лѣвомъ же флангѣ вооруженныхъ жителей.

Мѣра эта была вполнѣ цѣлесообразна и оправдывалась успѣхомъ движеній и прочностью утвержденія.

Теперь оставалось только убѣдиться, насколько эта мѣра будетъ хороша и въ операціи занятія Хуцъ-Убани, что узнаемъ завтра-же.

Горная батарея получила новаго командира подполковникл Гаслера, бывшаго капитана кавказской гренадерской артилерійской бригады, и новаго старшаго офицера, капитана 21-й бригады Кедрина, опытнаго офицера, бывшаго въ туркестанскихъ походахъ.

Сторожевой постъ Гурійцевъ.

VII.

Переходъ 16-го мая рѣки Кинтриши и постепенное утвержденіе войскъ лѣвой колонны на высотахъ Самеба.

Къ 2 часамъ утра 16-го мая мы поднялись и я досталъ подлинную диспозицію движенія этого дня, которую мы немедленно начали изучать и которая состояла въ слѣдующемъ:

«Непріятель занимаетъ укрѣпленную позицію у Цихисдзири. Поселеніе мѣстныхъ жителей разбросано вдоль высотъ лѣваго берега р. Кинтриши. Цѣль движенія: занявъ высоты лѣваго берега р. Кинтриши, отдѣлить мѣстное населеніе отъ турецкихъ войскъ,

занимающихъ Цихисдзири, для чего отряду двинуться двумя колоннами. Правая колонна: подполковникъ Козелковъ [1-я и 2-я сотни Гурійской дружины, 1-й пѣшій пластунскій баталіонъ, 3-й баталіонъ Севастопольскаго полка, двѣ роты 4-го баталіона Севастопольскаго полка, рота саперовъ, 4 орудія 6-й батареи 41-й артил. бригады (горныя); всего—7 ротъ, 6 пѣшихъ сотенъ и 4 горныхъ орудія]. Лѣвая колонна; маіоръ князь Меликовъ (4-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ, 1-я рота 4-го баталіона Ленкоранскаго полка, 3-я и 4-я сотни 1-й Гурійской дружины, два орудія 6-й батареи 41-й артил. бригады; всего—5 ротъ, 2 сотни и два горныхъ орудія. Резервъ: полковникъ Войно-Оранскій (1-й Кавказскій стрѣлковый баталіонъ, 4-й баталіонъ Ленкоранскаго полка, 2-я батарея 19-й, 1-я и 3-я 41-й артилерійскихъ бригадъ; всего—2 баталіона 24 орудія).

1) Правая колонна, собравшись близъ бивака Гурійской дружины, на дорогѣ, ведущей къ р. Кинтриши, въ три часа утра спускается къ этой рѣкѣ и, переправившись черезъ нее, занимаетъ противоположныя высоты и пути, ведущіе къ Цихисдзири, затѣмъ укрѣпляетъ свою позицію земляными сооруженіями.

Лѣвая колонна, собравшись на мѣстѣ бивака Гурійской дружины, въ 3 часа утра двигается вверхъ по теченію р. Кинтриши, по хребту вдоль праваго берега, угрожая населенію, если оно будетъ препятствовать переправѣ и занятію высотъ правой колонной.

3) Резервъ, оставаясь на высотѣ Хуцу-Убани, въ случаѣ надобности, содѣйствуетъ артилерійскимъ огнемъ движенію правой колонны, а для отвлеченія вниманія непріятеля производитъ демонстрацію наступленія къ р. Кинтриши, преимущественно своимъ правымъ флангомъ, т. е. отъ мѣста бивака пластуновъ.

4) Наступающимъ войскамъ имѣть при себѣ шанцевый инструментъ, а въ ранцахъ—двухдневный запасъ сухарей, 1½ фунта варенаго мяса на человѣка, а для лошадей—двухдневный запасъ фуража и въ пѣхотѣ—половину имѣющихся патронныхъ ящиковъ

5) Перевязочный пунктъ на дорогѣ къ р. Кинтриши, у дома, что близъ этой дороги.

6) Я буду находиться при правой колоннѣ. Въ должности начальника штаба состоитъ при мнѣ генеральнаго штаба капитанъ Шатиловъ».

Въ 3-мъ часу утра мы уже поднимались верхомъ на Денибековъ курганъ и еще не взобрались на него, когда услыхали первый орудійный выстрѣлъ, грянувшій съ люнета № 4-го и принятый другими батареями.

Для артилеріи цѣлей не представлялось никакихъ: колонна подполковника Козелкова перешла Кинтриши благополучно, непріятель не оказывалъ сопротивленія и дальше, а потому артилерія тогда еще молчала; также и теперь изъ домовъ и сакель, расположенныхъ на вершинѣ Самеба, не было видно никакого сопротивленія и не послѣдовалъ ни одинъ ружейный выстрѣлъ; батареямъ оставалось одно: попытаться добросить снаряды до ближайшихъ батарей укрѣпленной цихисдзирской позиціи черезъ гребень Самеба, и, какъ ни неблагодарна могла быть эта стрѣльба въ виду дальности и превышенія означенныхъ непріятельскихъ батарей, а также въ виду полной невозможности коректировать стрѣльбу, тѣмъ не менѣе батареи продолжали рѣдкій огонь, который принимался отъ 1-й батареи понемногу вправо и влѣво остальными батареями лѣвой колонны, а также, спустя нѣкоторое время, принятъ былъ и батареями правой колонны.

Но если огонь съ Денибекова кургана, съ люнетовъ № 1-го, 2-го, 3-го и 4-го еще могъ найти какое либо оправданіе, то уже огонь правофланговой артилеріи съ люнетовъ №№ 5-го, 6-го и 7-го рѣшительно не имѣлъ никакихъ основаній: помимо того, что изъ правой колонны въ день 16-го не было никакого движенія на ту сторону Кинтриши, слѣдовательно некому и нечему было покровительствовать, и огонь, даже съ разстоянія хорошаго орудійнаго выстрѣла, не имѣлъ мѣста, тѣмъ не менѣе 2-я батарея 41-й бригады не преминули также открыть дѣйствіе по отдаленнымъ и возвышеннымъ батареямъ Квирике.

Батареи лѣваго фланга, съ люнетовъ №№ 1-го, 2-го, 3-го и 4-го дѣйствовали по дальнимъ цѣлямъ съ разстояніи отъ 1,600 до 2,100 саженъ; 2-я батарея 19-й бригады бросила было нѣсколько шарохъ по ближней цѣли, по верхушкѣ Самеба, но къ счастью вовремя остановилась, иначе она бы дѣйствовала по своимъ: послѣдняя ею брошенная шароха разорвалась всего въ 10-ти шагахъ отъ передовыхъ удальцовъ колонны подполковника Козелкова.

Первое время турки долго не отвѣчали, и только часъ спустя на желтой батареѣ высотъ Квирике показался бѣлый дымокъ, и турецкая граната, прошипѣвъ, скрылась въ р. Кинтриши, далеко не долетѣвъ до кургана; туда же юркнула вторая и третья; ясно, калибръ орудій не допускалъ добросить снаряды до кургана. Это были первые орудійные выстрѣлы непріятеля по нашей артилеріи. Наконецъ, послѣ четвертаго дымка на той же батареѣ, въ воздухѣ зловѣще прошипѣла граната и уже, на этотъ разъ, надъ самыми нашими головами и, перелетѣвъ черезъ головы массъ, стоявшихъ на

Денибековомъ курганѣ, разорвалась гдѣ-то сзади, въ чащѣ и въ балкѣ.

Гранаты падали также и въ расположеніе двухъ ротъ 1-го стрѣлковаго баталіона, прикрывавшихъ непосредственно Денибековъ курганъ и спустившихъ свои цѣпи къ Кинтриши.

Большинство гранатъ (6-фунт. калиб.), опускаясь подъ большими углами паденія, глубоко зарывались въ землю и тамъ рвались.

Но вотъ на вершинѣ Самеба раздалось нѣсколько отдѣльныхъ ружейныхъ выстрѣловъ и затрещала стрѣльба, длившаяся не долго и скоро прекратившаяся.

По прошествіи нѣкотораго времени получены первыя донесенія о дѣйствіи колонны подполковника Козелкова на Самеба, и эти донесенія гласили объ успѣшномъ совершеніи движенія: «переправа черезъ Кинтриши совершилась благополучно. Сейчасъ же послѣ переправы войска со всей возможной поспѣшностью пустились наверхъ ближайшими путями, не заботясь ни о сохраненіи тактическаго порядка, ни о стройности наступленія, дорожа только временемъ и имѣя въ виду предупредить непріятеля на господствующихъ пунктахъ; гдѣ можно—двигались впередъ бѣгомъ; гдѣ нельзя—карабкались, подсаживая другъ друга, не открывая огня все время движенія и нигдѣ не останавливаясь; весь успѣхъ былъ построенъ на дружномъ и внезапномъ ударѣ; къ концу движенія въ гору по трудной, пересѣченной и густо заросшей мѣстности всѣ части болѣе или менѣе перемѣшались и растянулись. На вершинѣ войска колонны появились совершенно неожиданно для непріятеля и прежде чѣмъ съ его стороны могли быть приняты мѣры къ отраженію нашихъ удальцовъ, застигнутые внезапно сторожевые пикеты и отряды непріятеля были немедленно атакованы первыми взобравшимнся и постоянно подкрѣпляемы прибывавшими. Пикеты и отряды непріятеля не выдержали удара и послѣ безпорядочной, суетливой и кратковременной стрѣльбы бросились въ разсыпную внизъ въ долину р. Кинтриши и далѣе въ Цихисдзири; въ настоящую минуту войска колонны подполковника Козелкова заняли всѣ господствующіе пункты и, при помощи роты саперовъ, на нихъ устраиваются и укрѣпляются; потери колонны заключаются всего въ четырехъ раненыхъ нижнихъ чинахъ».

Таковы были извѣстія о блестящей операціи атаки возвышеннаго и изобилующаго всѣми данными для упорной обороны гребня Самеба; честь и слава исполнителямъ!

Вслѣдъ за полученіемъ извѣстій объ этихъ успѣхахъ, влѣво отъ Самеба (къ востоку), вверхъ по ущелью р. Кинтриши, въ сторонѣ

9*

движенія маіора князя Меликова, затрещала весьма оживленная ружейная перестрѣлка.

Турецкая артилерія высотъ Квирике, оставивъ безъ вниманія наши батареи по сю сторону Кинтриши, повела теперь ожесточенный огонь противъ войскъ, укрѣплявшихся на Самеба; наша артилерія продолжала изрѣдка отвѣчать съ самой слабой надеждой на какой либо успѣхъ.

Особенно неудовлетворительны были условія стрѣльбы нашей крайней правофланговой артилеріи, а именно 2-й батареи 41-й бригады (подполковника Мейера).

Съ Денибекова кургана была совершенно ясно видна вся безрезультатность этой стрѣльбы, хотя бы и рѣдкой: гранаты или скрывались, не показывая вовсе мѣста разрыва, или же мѣсто разрыва показывало громадные недолеты. Въ то же время два турецкихъ броненосца приблизились къ устью р. Кинтриши и открыли огонь противъ войскъ праваго нашего фланга, главнымъ образомъ противъ батареи подполковника Мейера, анфилируя расположеніе войскъ колонны: лишь только изъ-за массы зелени показывался клубъ бѣлаго дыма, какъ броненосцы, давъ по этому дыму направленіе своимъ выстрѣламъ, бросали въ сторону расположенія колонны въ люнеты №№ 6-го и 7-го нѣсколько бомбъ изъ своихъ, большаго калибра, орудій. Направленіе выстрѣламъ давалось чрезвычайно вѣрное, и броненосцы начинали уже пристрѣливаться; съ высоты кургана казалось, что недолеты и перелеты уменьшились до 50-ти—60-ти саженъ.

Батарея подполковника Мейера продолжала между тѣмъ безполезную стрѣльбу; продолжали стрѣльбу и броненосцы, давая чрезвычайно вѣрное направленіе своимъ выстрѣламъ. Командующій войсками обратился къ полковнику Филимонову, прося его принять немедленно мѣры къ прекращенію огня. Полковникъ Филимоновъ послалъ меня на батареи Мейера, но я не зналъ, какъ добраться до нея по столь пересѣченной мѣстности. Поровнявшись съ люнетомъ № 4-го, я былъ остановленъ офицерами 1-й батареи 41-й бригады, занимавшей люнетъ № 4-го: «куда и зачѣмъ?» обратились они ко мнѣ. Я объяснилъ — въ чемъ дѣло. «Позвольте», обратился ко мнѣ командиръ батареи полковникъ Войно-Оранскій: «не можетъ ли вамъ быть полезенъ одинъ солдатикъ моей батареи, бѣгавшій ночью къ земляку за хлѣбомъ въ батарею подполковника Мейера и посаженный мною за это подъ строгій арестъ?»

Я немедленно воспользовался предложеніемъ полковника Войно-Оранскаго и рѣшилъ взять себѣ въ проводники провинившагося

смѣльчака; арестованный былъ моментально освобожденъ и объяснилъ, что онъ много разъ сворачивалъ и плуталъ, но что, въ концѣ концовъ, напалъ на настоящую дорогу, а вернувшись обратно, окончательно ее запомнилъ и ручается не сбиться.

Не теряя времени, я направился къ люнетамъ № 6-го и 7-го; дорога со всѣми извилинами и обходами была не болѣе 2½ верстъ, и мы скоро въѣхали въ полосу порѣдѣвшаго лѣса; здѣсь встрѣчены были постами уже правой колонны, а вслѣдъ затѣмъ очутились на люнетахъ № 6-го и 7-го.

На люнетѣ я засталъ все начальство правой колонны и прежде всего передалъ приказаніе «о немедленномъ прекращеніи огня».

Здѣсь я узналъ, что орудія 2-й батареи 41-й бригады заняли люнетъ только утромъ этого дня, что огонь открытъ былъ согласно диспозиціи и по приказанію начальства колонны, но отнюдь не по почину батарейнаго командира, что продолжали его съ цѣлью опредѣлить разстояніе до ближайшихъ верковъ, что бомбы двухъ броненосцевъ далеко не долетали, но что одна бомба упала въ промежутокъ между двумя правофланговыми постами цѣпи, не причинивъ впрочемъ никакого вреда.

Съ прекращеніемъ огня батареею, броненосцы также прекратили свой огонь. По исполненіи порученія, я, тѣмъ же путемъ и съ тѣми же провожатыми, вернулся на Денибековъ курганъ.

Дождь не унимался, дороги становились грязными, спуски и подъемы скользкими.

Командующій войсками и полковникъ Филимоновъ продолжали еще оставаться на Денибековомъ курганѣ, наша артилерія на Хуцу-Убани всюду прекратила свой огонь; турецкая артилерія съ Квирике продолжала изрѣдка пострѣливать по войскамъ, расположившимся на Самеба; по тѣмъ же войскамъ, слѣва, съ продолжавшагося далѣе на востокъ возвышавшагося гребня Самеба, собравшимися толпами жителей былъ открытъ ружейный огонь съ цѣлью помѣшать нашимъ войскамъ устраиваться и укрѣпляться; по этимъ кучкамъ былъ открытъ огонь изъ горныхъ орудій.

Были уже извѣстія изъ лѣвой колонны князя Меликова, сводившіяся къ тому, «что колонна, двигавшаяся вверхъ по р. Кинтриши, дошла безъ выстрѣловъ до мечети сел. Верхн. Кобулеты, гдѣ была встрѣчена изъявившими покорность жителями; что дальнѣйшее движеніе было сопряжено съ большими затрудненіями, представляемыми мѣстностью и большими толпами непріятеля, который, пользуясь богатыми данными для упорной обороны, открылъ по колоннѣ сильный ружейный огонь; что войскамъ ко-

лонны приходилось выбивать непріятеля, двигаясь и взбираясь по необычайно крутымъ и густо заросшимъ скатамъ возвышенностей, размытыхъ дождями; что колонна остановилась на высотахъ Зенити, и что потери колонны заключаются въ четырехъ убитыхъ нижнихъ чинахъ и 26-ти раненыхъ, въ томъ числѣ одинъ оберъ-офицеръ.

Вечеромъ узнали мы отъ очевидцевъ и изъ болѣе обстоятельныхъ донесеній различныя подробности операціи колоннъ полковника Гурчина. «Главнымъ виновникомъ быстраго и успѣшнаго движенія на высоту Самеба былъ самъ начальникъ правой колонны, пластунскій командиръ полковникъ Козелковъ, приказавшій войскамъ своей колонны быстро двигаться впередъ и вверхъ, лично подавая тому примѣръ, взбираясь, бѣжа и карабкаясь, не смотря на нѣкоторую свою тучность, наравнѣ съ нижними чинами, приказывая не заботиться ни порядкомъ, ни стройностью, ни равненіемъ движенія, указывая лишь безостановочное движеніе, сохраняя правильное ему направленіе и имѣя въ виду лишь одну главную цѣль: быстрѣйшаго достиженія господствующихъ пунктовъ и немедленнаго сбитія непріятельскихъ отрядовъ и пикетовъ».

Войска колонны хотя при подобнаго рода быстромъ движеніи и утратили тактическій порядокъ, что было неизбѣжно въ виду мѣстныхъ условій, но, при правильно намѣченномъ направленіи и рѣшительности исполненія, собрались на небольшихъ участкахъ господствующихъ пунктовъ въ достаточномъ числѣ и, будучи постепенно подкрѣпляемы сзади прибывавшими, дружнымъ и стремительнымъ ударомъ въ штыки уничтожили всякое сопротивленіе.

Что касается до дѣйствій колонны князя Меликова, то, по общему мнѣнію, это было тоже молодецкое движеніе, въ которомъ съ блестящей стороны выказались военныя способности колоннаго начальника и достоинства войскъ его колонны, особенно же ввѣреннаго князю Меликову баталіона; не смотря на всю серьезность препятствій, результаты, достигнутые движеніемъ и дѣйствіемъ колонны, не оставляли желать ничего лучшаго.

Детали операціи колонны маіора князя Меликова, на основаніи его донесеній и разсказовъ очевидцевъ, состояли въ слѣдующемъ. Какъ сказано выше, частныя задачи дѣйствій колонны состояли въ движеніи вверхъ по р. Кинтриши для установленія сношеній съ жителями, пожелавшими изъявить покорность, отрѣзаніи непокорныхъ отъ крѣпости и разсѣяніи враждебныхъ намъ скопищъ въ деревняхъ высотъ Зенити, чѣмъ достигалась бы общая

задача—обезпеченіе лѣваго нашего фланга выставленіемъ заслона къ сторонѣ верховья р. Кинтриши, для обезпеченія части береговъ рѣки, за которую мы продвигались.

Въ часъ ночи колонна уже была сосредоточена на указанномъ мѣстѣ и выждавъ, когда правая колонна стала спускаться къ р. Кинтриши, двинулась влѣво отъ нея подъ прямымъ угломъ. Болѣе получаса колонна вытягивалась въ длинную и узкую кишку, какъ того требовала тропинка, пролегавшая въ дѣвственномъ лѣсу; замедленію этого перестроенія способствовала темнота ночи и осторожность, которая была необходима для внезапности появленія. Въ авангардѣ шли двѣ сотни гурійцевъ, за ними 1-я рота стрѣлковъ, затѣмъ два горныхъ орудія, за ними 2-я, 3-я и 4-я роты стрѣлковъ, затѣмъ вьючный обозъ, прикрываемый ротой ленкоранцевъ, выставившей и аріергардъ.

Колонна двигалась съ замѣчательной тишиной. Раздались уже и выстрѣлы на Самеба, когда колонна подошла безъ выстрѣла къ мечети деревни Верхніе-Кобулеты и здѣсь остановилась. Начало свѣтать.

Вѣрные данному слову и не смотря на всю тактическую выгоду своего положенія, жители сел. Верхніе-Кобулеты не дали по колоннѣ ни одного выстрѣла; большинство ихъ вышло на встрѣчу съ изъявленіемъ покорности и привѣтствія.

У кобулетской мечети, узкое ущелье Кинтриши нѣсколько расширяется и образуетъ котловину, схваченную съ сѣверной и западной стороны узкимъ гребнемъ, значительно господствующимъ надъ этой котловиной.

Оставивъ у мечети резервъ изъ роты Ленкоранскаго полка и сотни гурійцевъ, князь Меликовъ двинулъ остальныя части колонны на ближайшій контрфорсъ, спускающійся впереди мечети. Съ высотъ Зенити грянуло тогда нѣсколько выстрѣловъ, и колонна построилась въ боевой порядокъ: на правомъ флангѣ сотня гурійцевъ, имѣя въ частномъ резервѣ и частью у себя въ цѣпи 3-ю роту стрѣлковъ; центръ и лѣвый флангъ составили 1-я и 2-я роты стрѣлковъ; 4-я рота—въ общемъ резервѣ; два орудія заняли позицію на высотѣ склона главнаго хребта. Исполнивъ построеніе, войска остались на мѣстѣ, открывъ рѣдкій огонь цѣпи. Тогда по всему лѣсистому гребню Зенити замелькали ружейные дымки; по этому огню князь Меликовъ, опредѣливъ сразу и размѣры позиціи, и направленіе движенію колонны, подалъ сигналъ къ наступленію.

Перебѣгая отъ одного закрытія къ другому и стараясь охватить лѣвый флангъ непріятельской позиціи, цѣпь двинулась впе-

редъ, а за нею резервы. Горныя орудія открыли рѣдкій огонь, сначала гранатами, а потомъ, по мѣрѣ развитія боя, шрапнелью, направляя выстрѣлы на пункты, особенно густо занятые скопищами. Наконецъ цѣпь была остановлена на отрогѣ, паралельномъ непріятельской позиціи и находящемся отъ нея въ 600 шагахъ.

Скатъ хребта, занятый непріятелемъ, былъ покрытъ высокимъ бурьяномъ, что, при большей крутизнѣ его, не только не могло служить прикрытіемъ атакующимъ, но представляло большія затрудненія при входѣ на его вершину, во время штурма.

Кобулетцы и лазы (по преимуществу) упорно держались на своихъ неприступныхъ позиціяхъ, нашъ фронтальный огонь повидимому мало наносилъ имъ вреда.

Рѣшено было атаковать непріятеля, но, для облегченія фронтальной атаки, князь Меликовъ направилъ по дорогѣ, скрытой отъ непріятеля, 1-ю и 4-ю роты (капитаны Полковниковъ и Горскій) съ цѣлью ударить въ правый флангъ непріятеля, стараясь вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько охватить его. Въ главѣ этихъ ротъ сталъ маіоръ Терещенко.

Движеніе 1-й и 2-й ротъ было вполнѣ успѣшно, и одновременно съ ихъ атакой въ правый флангъ непріятеля двѣ сотни бравыхъ гурійцевъ, поддержанныя огнемъ 2-й роты стрѣлковъ, бросились на ура противъ лѣваго фланга непріятеля, подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ съ высотъ Зенити и съ лѣваго берега рѣки.

Вслѣдъ за ними бросилась съ фронта и 3-я рота стрѣлковъ. До атаки гурійцы занимали полосу между высотами Зенити и р. Кинтриши, предупреждая тѣмъ прорывъ непріятеля на лѣвый берегъ р. Кинтриши, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ онъ могъ бы свободно пройти до высотъ Самеба и стать въ тылу колонны подполковника Козелкова. Кобулетцы и лазы, охваченные столь быстро съ обоихъ фланговъ, не выдержали молодецкаго и дружнаго удара, очистили хребетъ Зенити и скрылись за слѣдующимъ, паралельнымъ. Первый же хребетъ заняли немедленно 1-я и 4-я роты, вышедшія на его правый флангъ, и двѣ сотни гурійцевъ, а подоспѣвшая 2-я рота стрѣлковъ заняла позицію противъ праваго фланга непріятеля, на которомъ, какъ показалъ послѣдовавшій бой, была сосредоточена большая часть непріятельскихъ силъ.

Вторая позиція кобулетцевъ была сильнѣе первой, и на ней, повидимому, они рѣшились держаться до послѣдней крайности, что было легко имъ привести въ исполненіе подъ прикрытіемъ вѣ-

ковыхъ деревьевъ. за которыми могли стоять цѣлыя звенья, а главное вслѣдствіе того, что они вышли изъ сферы дѣйствія нашихъ картечныхъ гранатъ, удачно направляемыхъ изъ горныхъ орудій, которыя, вслѣдствіе мѣстныхъ условій, не могли быть введены на высоты Зенити, обстрѣливаемыя съ растоянія 300 шаговъ.

Было около 11-ти часовъ утра; перестрѣлка затихла. Сталъ накрапывать дождикъ, обратившійся вскорѣ въ ливень. На взятой позиціи рѣшено было оставаться впредь до полученія приказаній; цѣпь была усилена, и сообразно обстановкѣ маіоромъ Терещенко были расположены ближайшія поддержки.

Не прошло и часа, какъ непріятель, получивъ подкрѣпленіе, открылъ съ новой позиціи своей сильный ружейный огонь, которымъ анфилировалъ 2-ю роту, бывшую на лѣвомъ флангѣ. За нею уступомъ стояла 1-я рота, имѣя небольшую цѣпь, загнутую подъ тупымъ угломъ назадъ. Наши цѣпи открыли въ отвѣтъ также сильный огонь. Наибольшую массу непріятельскаго огня пришлось принять на себя 2-й и 4-й ротамъ, а въ особенности первой изъ нихъ, выдвинувшейся далеко впередъ всей линіи и упорно удерживавшей вершину, не смотря на жестокій огонь, направленный на этотъ пунктъ съ противной стороны.

Ливень становился сильнѣе, туманъ спускался ниже и окуталъ вершины деревьевъ сѣрой влажной массой.

Кобулетцы и лазы предприняли атаку позиціи 2-й роты, но князь Меликовъ направилъ немедленно 1-ю роту (капитана Полковникова) въ обходъ кургана съ цѣлью занять небольшое плато съ нѣсколькими стоявшими на немъ домами и ударить непріятелю во флангъ. Рота капитана Полковникова быстро совершила указанное движеніе и, занявъ дома, залегла за ними по взводно, открывъ немедленно сильнѣйшій огонь. Это движеніе и, открытый ротою, огонь рѣшили участь боя: непріятель не выдержалъ и очистилъ свою вторую позицію. Къ четыремъ часамъ пополудни затихли и послѣдніе выстрѣлы.

Войска колонны пробыли въ огнѣ свыше десяти часовъ и половину этого времени подъ проливнымъ дождемъ.

Кобулетцы и лазы бѣжали въ горы; имущество ихъ осталось въ домахъ, такъ какъ они не допускали и мысли, чтобы русскіе могли проникнуть въ эти трущобы, гдѣ Зенити и Ачкуа-стави считались неприступными въ числѣ трехъ позицій во всей Кобулетіи.

Мы упомянули выше о нашихъ потеряхъ, прибавимъ только, что большинство ихъ легло на стрѣлковъ; потери не-

пріятеля исчислялись, по показаніямъ лазутчиковъ, въ 60 человѣкъ *).

Войска колонны стали крѣпко на важной зенитской позиціи. Къ четыремъ часамъ подошелъ и 2-й баталіонъ Ленкоранскаго полка со 2-й стрѣлковой ротой; войска эти смѣнили на зенитской позиціи 1-ю, 2-ю и 4-ю роты стрѣлковъ и обѣ сотни гурійцевъ (оставивъ на позиціи 3-ю роту стрѣлковъ).

1-я, 2-я и 4-я роты, стрѣлковая рота ленкоранцевъ съ двумя орудіями составили общій резервъ и расположились на отрогѣ, съ котораго была поведена первая атака.

Въ виду полнаго пораженія кобулетцевъ, а слѣдовательно и невозможности ночнаго съ ихъ стороны нападенія, разрѣшено было развести костры, чтобы согрѣться и обсушиться.

Операціи дня 16-го мая принесли цѣлый рядъ хорошихъ результатовъ: мы перешли безъ выстрѣла и безъ потерь сильную преграду—рѣку Кинтриши, заняли съ ничтожными потерями господствующія высоты Самеба и зенитскую позицію, на которыхъ стали твердой ногой, отрѣзали жителей отъ крѣпости и приблизились къ укрѣпленной линіи Цихисдзири мѣстами уже на хорошій орудійный выстрѣлъ.

Съ занятіемъ господствующихъ пунктовъ гребня Самеба оставалось только распространиться вправо съ цѣлью захвата всего гребня, послѣдняго передъ высотами, входящими въ составъ укрѣпленной цихисдзирской линіи.

Движеніемъ лѣвой колонны князя Меликова и расположеніемъ ея на высотахъ Зенити мы приняли угрожающее положеніе относительно части непріязненнаго намъ населенія Кобулетіи, вслѣдствіе чего, въ тотъ же день, были первые изъявившіе покорность жители, продолжавшіе изъявлять таковую и въ послѣдующіе дни.

Разсматривая операцію дня 16-го мая, нельзя не замѣтить полной аналогіи съ операціями въ дни 14-го и 29-го апрѣля: то же движеніе съ одного гребня на господствующій пунктъ впереди лежащаго, то же движеніе уступомъ съ лѣваго фланга, то же охраненіе фланговъ движеніями: слѣва спеціальной колонны, а справа расположеніемъ уступомъ назади авангарда правой колонны.

---

*) Въ числѣ трофеевъ, 16-го мая, былъ между прочимъ ящикъ съ патронами, отбитый ротами 4-го стрѣлковаго баталіона; гурійцами взяты съ бою два ружья съ патроннымъ ящикомъ.

Операція дня 16-го мая сравнительно съ таковыми 14-го и 29-го апрѣля облегчалась: относительной короткостью новаго продолженнаго операціоннаго пути, командованіемъ Денибекова кургана, превосходнымъ обстрѣливаніемъ скатовъ Самеба съ разстоянія хорошаго орудійнаго выстрѣла, а все это, въ общей совокупности, облегчало поддержку, способствовало быстротѣ движенія и гарантировало внезапность исполненія предпріятія.

Въ день 29-го апрѣля успѣхъ операцій заключался главнымъ образомъ въ рѣшительномъ дѣйствіи артилеріи и удачномъ выборѣ момента для прорыва длинной хуцу-убанской позиціи; въ день 16-го мая успѣхъ операціи заключался въ скрытности, быстротѣ движенія и стремительномъ натискѣ.

Дождь, не умолкавшій весь день 16-го, не переставалъ и всю ночь; становилось совсѣмъ скверно: грязно, сыро, холодно.

День 17-го былъ хорошій; мы были въ такой зависимости отъ погоды, что всѣ чины отряда одинаково цѣнили хорошій день.

Съ утра 17-го вездѣ просушивается имущество и офицерское, и солдатское. Часовъ въ 11 мы побывали на люнетахъ праваго фланга №№ 5-го, 6-го и 7-го, въ расположеніяхъ 4-й и 2-й батарей 41-й бригады, куда ѣздили по дорогѣ, ведущей изъ Муха-Эстате.

Обѣ названныя батареи продолжали устраиваться: досыпались бруствера, углублялись рвы, расчищалась мѣстность; также дѣятельно разрабатывалось сообщеніе между обѣими колоннами по Хуцу-Убанскому хребту, и устанавливалась между ними связь помощью расположенія въ промежуткѣ люнетовъ №№ 4-го и 5-го и №№ 6-го и 7-го, новыхъ частей и выставленіемъ пикетовъ и постовъ на правомъ берегу р. Кинтриши вдоль всего гребня Хуцу-Убани.

Мѣсто расположенія люнета № 7-го представляло собой продолговатый курганъ на общемъ гребнѣ Хуцу-Убани, тянущихся въ видѣ дуги съ сѣвера и постепенно мѣняющихъ свое направленіе на западъ.

Расположеніе люнета становилось все сильнѣе и сильнѣе и составляло теперь уже сильное опорное мѣсто всего нашего праваго фланга. Опираясь на люнетъ № 6-го и № 7-го, правой колоннѣ предстояло теперь понемногу и постепенно изслѣдовать всю мѣстность вправо до Кинтришской поляны, изслѣдовать также берега рѣки и приступить осторожно и скрытно къ изслѣдованію противоположнаго берега.

Движеніемъ къ Самеба вправо и съ люнета № 7-го впередъ черезъ рѣку, колонны должны были встрѣтиться и образовать же-

лѣзный полукругъ, охватывающій укрѣпленныя линіи Квирике—Дегва—Цихисдзири.

Но это соединеніе было вопросомъ времени и требовало систематическаго исполненія.

Предстоявшія правой колоннѣ изслѣдованія и ощупыванія требовали равно и смѣлости, и осторожности, при условіи постепеннаго и постояннаго знакомства съ мѣстностью,—задача, которая начала, мало по малу, приводиться въ исполненіе помощью команды охотниковъ колонны, сформированной по вызову изъ 20-ти стрѣлковъ при двухъ унтеръ-офицерахъ и 22-хъ ленкоранцахъ, подъ общей командой прапорщика стрѣлковаго баталіона Лемени-Македона.

Съ 17-го мая уже началась дѣятельность партизановъ означеннаго офицера, направляемая начальникомъ колонны и его начальникомъ штаба капитаномъ Левашевымъ.

Колонна князя Меликова продолжала стоять весь день 17-го на занятыхъ ею наканунѣ зенитскихъ позиціяхъ, ведя переговоры съ жителями, склонявшимися къ покорности, а колонна подполковника Козелкова продолжала устраиваться и укрѣпляться на Самеба; въ то же время отъ наведеннаго черезъ Кинтриши моста разрабатывалась дорога вверхъ на Самеба.

День 18-го мая опять хорошій. Колонна князя Меликова вечеромъ покинула зенитскую позицію и возвратилась на Хуцу-Убани; дальнѣйшее занятіе Зенити удлиняло нашу позицію и разбрасывало силы, нужныя теперь для выполненія первостепенной задачи—дѣйствія противъ крѣпости. Кромѣ того, успѣхъ сношенія съ жителями и дружественнаго къ намъ съ ихъ стороны расположенія считались достаточно установившимися; къ тому же регулярныя войска, засѣвъ въ цихисдзирскихъ линіяхъ, рѣшились, повидимому, дѣйствовать насивно и ожидать насъ въ крѣпкихъ своихъ обронительныхъ линіяхъ. Можно было опасаться враждебныхъ дѣйствій отъ жителей селеній Ачкуа-стави, бывшихъ у насъ на лѣвомъ флангѣ и ничѣмъ еще не заявившихъ желанія быть съ нами въ пріязни.

19-го съ ранняго утра весь нашъ маленькій лагерь (артил. штаба) былъ разбуженъ выстрѣлами, гдѣ-то влѣво, въ ущельѣ Ачкуа-стави, и когда потребовались услуги деньщиковъ, то у многихъ таковыхъ не оказалось,—они были въ набѣгѣ, за цѣпью Грузинской дружины, въ лѣсу, гдѣ, въ какихъ-то хатахъ, обрѣталось изобиліе кукурузы.

Эта стрѣльба, какъ намъ казалось, имѣла связь съ ихъ пред-

пріятіемъ; нѣкоторые изъ нихъ ушли, не испросивъ даже разрѣшенія, и до сихъ поръ не являлись. Только къ тремъ часамъ явились наши мародеры, безъ добычи и безъ одного товарища—докторскаго деньщика.

Оказалось, что жители устроили имъ засаду, допустили ихъ заняться сборомъ кукурузы и, давъ тогда по нимъ залпъ, атаковали ихъ, но деньщики, побросавъ добычу, бросились въ разсыпную въ лѣсъ, гдѣ прятались цѣлый день и, къ тремъ часамъ, пробрались за нашу цѣпь благополучно, а о судьбѣ же докторскаго деньщика ничего не знаютъ.

20-го мая съ ранняго утра начальникъ штаба и начальникъ артилеріи предприняли поѣздку на крайній правый флангъ нашего хуцу-убанскаго расположенія, т. е. въ сторону люнетовъ №№ 6-го, 7-го и 8-го; особенно интересно было ознакомиться съ участкомъ мнимаго люнета № 8-го, который вовсе и не предполагалось вооружать орудіями, и постройка котораго имѣла лишь демонстративное значеніе.

Это былъ крайній правофланговый пунктъ нашъ, занятый лишь секретами; саперы устроили амбразуры, изъ которыхъ выглядывали деревянныя болванки, весьма искусно поддѣланныя подъ орудія.

Чтобы окончательно ввести турокъ въ заблужденіе, начальникъ штаба просилъ полковника Филимонова, обладавшаго сильнымъ голосомъ, въ ту минуту, когда вся наша конная група въѣдетъ на курганъ, поздороваться съ мнимымъ гарнизономъ и прислугой мнимыхъ орудій; всѣ же мы остальные, не исключая и самого полковника Филимонова, должны громко отвѣтить на привѣтствіе; все это было продѣлано очень искусно и правдоподобно.

Отсюда всѣ долго присматривались и изучали и противоположный берегъ, и сѣверо-западные верки Цихисдзири, бывшіе отсюда уже очень близко, но отдѣленные разливомъ Кинтриши и болотами и прекрасно оборонявшимися фланговымъ огнемъ турецкаго флота; это была самая неприступная часть крѣпости.

Въ 10-мъ часу мы уже возвращались въ лагерь на р. Ачкуа, когда на пути полковникъ Казбекъ получилъ извѣстіе, привезенное лазутчикомъ, о движеніи Османа-паши-Тавдгеридзе (моего знакомаго до войны) съ сильной партіей въ нѣсколько сотъ человѣкъ, преимущественно изъ жителей селенія Ачкуа-стави и лазовъ, на Верхніе Кобулеты, съ цѣлью наказать ея жителей за изъявленіе намъ покорности.

Вслѣдствіе этихъ извѣстій полковникъ Казбекъ принялъ немедленно цѣлый рядъ мѣръ и, давъ знать обо всемъ начальнику лѣ-

вой колонны полковнику Гурчину, полчаса спустя самъ туда поѣхалъ. Мѣра для огражденія передавшагося намъ селенія состояла въ организаціи и движеніи колонны изъ 4-го Кавказскаго стрѣлковаго баталіона, трехъ ротъ 1-го баталіона Ленкоранскаго полка, 1-й пѣшей Гурійской дружины и взвода 6-й батареи 41-й бригады подъ общимъ начальствомъ полковника Гурчина; при колоннѣ находился и полковникъ Казбекъ.

Выступивъ въ два часа пополудни, колонна направилась въ сел. Зенити, куда могла всегда поспѣть къ 3½ часамъ пополудни.

Въ то же время, въ тѣ же 2 часа пополудни, согласно отданнаго наканунѣ приказанія, выступила на Самеба и 2-я батарея 19-й бригады по только-что оконченной грунтовой дорогѣ.

Спустившись съ Денибекова кургана на долину Кинтриши и перейдя рѣку по вновь наведенному мосту (лѣвофланговому), батарея поднялась на вершину Самеба по новой дорогѣ, шедшей многими зигзагами. Дорога, проведенная всего въ трое сутокъ времени, поражала громадностью труда, положеннаго въ столь короткій срокъ.

Въ 4-мъ часу, въ сторонѣ сел. Верхніе-Кобулеты и Зенити, затрещала ружейная трескотня, прерываемая изрѣдка гуломъ выстрѣловъ горныхъ орудій, разносившимся въ лѣсистыхъ ущельяхъ; то была встрѣча полковника Гурчина съ Османомъ-пашой.

Въ отрядѣ долго не было извѣстія о ходѣ дѣла.

Только вечеромъ стало извѣстно, что колонна полковника Гурчина была встрѣчена у сел. Зенити въ 3½ часа выстрѣлами; что немедленно были выдвинуты цѣпи гурійцевъ и стрѣлковъ, оттѣснившихъ непріятеля на отроги Чахатскихъ горъ, что съ означенныхъ горъ Османъ-паша продолжалъ дѣйствовать по войскамъ колонны, что на высоты Зенити были выдвинуты изъ резерва на линію гурійцевъ и стрѣлковъ и горныя орудія, подъ прикрытіемъ трехъ ротъ ленкоранцевъ, что огонь горныхъ орудій и огонь усиленной цѣпи заставилъ непріятеля прекратить бой и бросить свою вторую позицію, что къ 8-ми часамъ вечера перестрѣлка прекратилась вовсе, что нападеніе на передавшіяся намъ селенія была произведена партіей, состоявшей по преимуществу изъ жителей селенія Ачкуа-стави, столь упорно намъ враждебной. На слѣдующій день 21-го мая предполагалось направить противъ селеній Ачкуа-стави, гнѣздившихся на лѣвомъ нашемъ флангѣ, три колонны: первая подъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника Гурчина, въ томъ же составѣ, у селенія Зенити; вторая—князя Чавчавадзе, изъ 2-го баталіона Ленкоранскаго полка, двухъ ротъ

Александропольскаго, одной роты Закатальскаго, двухъ сотенъ Грузинской пѣшей дружины, взвода горныхъ орудій и взвода конно-ирегулярнаго полка, и третья—выдѣленная изъ состава войскъ Гурійскаго отряда, для чего она должна была собраться на Чолокѣ у Какутскаго поста въ составѣ трехъ ротъ Закатальскаго полка, 180-ти человѣкъ Гурійской и Грузинской милицій и 50-ти конно-ирегулярныхъ всадниковъ, подъ начальствомъ начальника Гурійскаго отряда капитана 1-го ранга Корганова.

Въ 9 часовъ вечера части колонны князя Чавчавадзе, долженствовавшія оперировать вверхъ по теченію р. Ачкуа-стави, сосредоточились какъ разъ у расположенія нашего артилерійскаго штаба, а два горныя орудія бивакировали всего въ 30-ти шагахъ отъ палатки начальника артилеріи. Командира горнаго взвода поручика Вартанова мы пріютили на ночь у себя.

Съ ранняго утра 21-го мая началось выступленіе колонны съ биваковъ, занятыхъ вечеромъ 20-го мая, и въ скоромъ времени въ разныхъ мѣстахъ этой дикой, страшно пересѣченной и густо заросшей полосы затрещали ружейные и орудійные выстрѣлы.

Бой начался прежде всего у Зенити, у полковника Гурчина, при колоннѣ котораго находился и полковникъ Казбекъ, дирижировавшій общими дѣйствіями всѣхъ трехъ колоннъ.

На правомъ флангѣ боеваго порядка колонны полковника Гурчина были гурійцы, на лѣвомъ—ленкоранцы, въ центрѣ—стрѣлки съ двумя орудіями. Въ самомъ началѣ движенія ожесточенный огонь непріятеля былъ направленъ противъ гурійцевъ и стрѣлковъ, но тѣ и другіе бросились впередъ и атаковали высоты; тутъ же во-время и молодецки поддержали ихъ и ленкоранцы.

Непріятель былъ сбитъ, и позиція осталась за нами. Но, прежде чѣмъ окончательно ее бросить, нѣсколько десятковъ храбрецовъ долго еще держались на флангѣ, за удобными закрытіями, пока находившійся противъ нихъ взводъ стрѣлковъ не бросился на нихъ стремительно въ штыки, въ составѣ 30-ти человѣкъ, подъ командой прапорщика Попова; тогда бѣжали и эти остатки, бросивъ ружья и оставивъ патроны.

Съ занятіемъ позиціи этой, путь колонны на дер. Ачкуа-стави уже не представилъ большихъ затрудненій.

Такъ же удачно двигалась и колонна князя Чавчавадзе, преодолѣвъ большія трудности, но шагъ за шагомъ приближаясь къ дер. Ачкуа-стави и выбивъ непріятеля изъ заваловъ и сакель.

Далеко не такъ успѣшно было движеніе колонны капитана 1-го ранга Корганова, двигавшееся отъ Какутскаго поста.

По слухамъ, ее постигла чуть-ли не цѣлая катастрофа, и только движеніемъ колонны князя Чавчавадзе она была выведена изъ безъисходнаго положенія; на нее особенно насѣли жители и, пользуясь мѣстностью, нанесли ей относительно большія потери.

Вообще же жители Ачкуа-стави понесли въ этотъ день значительный уронъ, преимущественно отъ движенія и дѣйствія первыхъ двухъ колоннъ, побывавшихъ въ ихъ гнѣздахъ-жилищахъ.

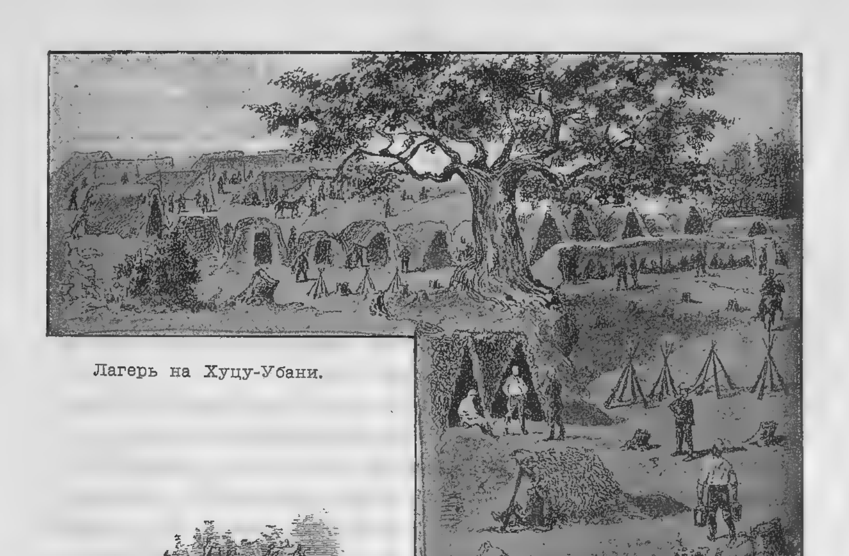
Цѣлый день изъ-за лѣса поднимались то тамъ, то сямъ столбы дыма, означавшіе наказаніе, понесенное жителями за враждебныя намъ дѣйствія и за нападеніе на Верхніе-Кобулеты.

Въ ночь съ 21-го на 22-е мая войска обѣихъ колоннъ направились обратно, и только въ селеніи Верхніе-Кобулеты оставлены были два баталіона.

Трудно себѣ представить обстоятельный отчетъ о послѣдствіяхъ движенія 21-го мая: мы возвратились обратно на свои позиціи, отношенія къ намъ жителей не измѣнились, а между тѣмъ неудача колонны капитана Корганова произвела дурное впечатлѣніе и въ отрядѣ, и въ Гуріи, хотя съ другой стороны, жители Ачкуа-стави были хорошо наказаны.

Боемъ 21-го мая закончились наши наступательныя операціи противъ жителей, и дѣятельность отряда сосредоточивается отнынѣ на переходѣ Кинтриши авангардомъ правой колонны, на занятіи тѣмъ же авангардомъ Столовой горы и постепеннымъ на ней нашимъ утвержденіемъ, а также на изслѣдованіи и окончательномъ утвержденіи нашемъ на гребнѣ Самеба.

Лагерь на Хуцу-Убани.

IX.

Постепенное утвержденіе отряда на высотахъ Столовой горы.

ъ утвержденіемъ войскъ лѣвой колонны на высотахъ Самеба, съ производствомъ рекогносцировокъ и изслѣдованій какъ гребня Самеба, такъ и узкаго ущелья р. Кинтриши, вверхъ и внизъ отъ лѣвофлангового моста, мы начинали ознакомляться съ роскошной долиной р. Кинтриши, образуемой отлогими скатами Хуцу-Убани съ сѣвера, Самеба и Столовой горы съ юга.

На скатахъ Самеба живописно пріютились изящные чистенькіе домики, искусно построенные изъ рѣдкихъ породъ орѣха, каштана и дуба; ихъ красныя черепичатыя крыши мелькаютъ черезъ каждые 40, 50 шаговъ, среди густой листвы клена, дуба, орѣха, групъ фиговыхъ, лимонныхъ и гранатовыхъ деревьевъ, пихтъ, кипарисовъ и другихъ представителей богатой флоры края. Всѣ дома двухъ-этажные. Нижній этажъ служитъ для хозяйственныхъ нуждъ,

верхній составляетъ жилое помѣщеніе, раздѣленное на мужскую и женскую половины. Всѣ эти домики были покинуты обитателями. Судя по нѣкоторымъ предметамъ меблировки и домашней утвари, оставшимся въ домахъ, легко было заключить, что большая часть обитателей ихъ жила не только безбѣдно, но даже и съ извѣстнымъ комфортомъ.

Мѣстами у домовъ, помѣщавшихся близко къ рѣкѣ, были устроены роскошныя ванны. Особенно хороши были дома сел. Верхнихъ Кобулетъ. Мы уже говорили выше, что хребетъ Самеба есть ничто иное какъ кряжъ Аджарскаго хребта, постепенно опускавшагося къ западу, къ морю и наполнявшаго своими отрогами все лѣсистое пространство между рѣками Кинтриши и Кинтышъ.

Занимая 16-го мая только ту часть этого кряжа, которая находилась противъ Денибекова кургана и изобиловала отдѣльными площадками и курганами и была застроена домиками, мы и не думали занимать продолженіе этого кряжа вверхъ и влѣво, хотя это продолженіе и командовало занятыми нами пунктами Самеба и хотя мысль о движеніи вверхъ и влѣво была заманчива, обѣщая еще большее командованіе и какъ бы обходъ Квирике. Въ сущности же дальнѣйшее продолженіе къ востоку лѣваго фланга нашего усложняло наши операціи, безъ того требовавшія столько времени, и растягивало позицію по фронту не по силамъ кобулетскаго отряда, въ виду сильной крѣпости и полной возможности непріятеля сосредоточить значительныя силы.

На высоту этого кряжа, командующаго надъ Самеба, забирались иногда небольшія партіи кобулетцевъ и аджарцевъ, потѣшавшихся стрѣльбою по бивaку колонны подполковника Козелкова. Бывшія тамъ роты Севастопольскаго полка, вооруженныя винтовками Карли, не могли соперничать съ ружьями Мартини-Пибоди, и потому туда посылались въ минуты перестрѣлокъ роты 4-го Кавказскаго стрѣлковаго баталіона. Съ горы, гдѣ кобулетцы залегали для стрѣльбы по Самеба, часто и явственно долетали до насъ слова на чисто русскомъ языкѣ, напримѣръ: «Эй! стрѣлки, довольно стрѣлять, мы тоже не будемъ!» Послѣ ряда опытовъ со стороны стрѣлковъ на этомъ гребнѣ кобулетцы перестали вовсе собираться.

Хребетъ Самеба, постепенно понижаясь въ западномъ своемъ направленіи, перехватывался въ нѣкоторыхъ мѣстахъ небольшими лощинками, спускавшимися въ долины рѣкъ и превращавшимися далѣе въ глубокія, мрачныя, лѣсистыя балки. Въ этихъ же мѣстахъ по долинѣ гребня складывались какъ бы отдѣльные участки, заключавшіеся въ площадкахъ или господствующихъ курганахъ и кото-

рыхъ наиболѣе характерныхъ по всему гребню образовалось четыре, считая въ томъ числѣ и групу въ перпендикулярномъ направленіи, въ видѣ отдѣльной лапы, отходившей отъ гребня Самеба, по характеру своего сложенія окрещенной названіемъ Столовой горы.

Каждая изъ четырехъ групъ, различныхъ по своей высотѣ, характеру рельефа и направленію гребня, дробилась въ свою очередь на нѣсколько второстепенныхъ высотъ и площадокъ. Эта раздѣльность на характерныя групы гребня Самеба вызвала впослѣдствіи дѣленіе позиціи на участки и каждаго участка на болѣе мелкіе.

Хотя географическое названіе Самеба принадлежало всему гребню, но войска отряда называли Самеба только, занятый 16-го мая колонной подполковника Козелкова лѣвофланговый, наиболѣе возвышенный и наиболѣе удаленный отъ линіи непріятельскихъ укрѣпленій, участокъ; второй же—центральная група—получилъ названіе Лѣсистаго кургана; третья група, находившаяся въ узлѣ соединенія гребня Самеба и Столовой горы, называлась также Лѣсистымъ курганомъ, который мы, въ отличіе отъ перваго, назовемъ Малымъ Лѣсистымъ курганомъ; четвертой групой будетъ Столовая гора, отходившая отъ гребня Самеба у Малаго Лѣсистаго кургана и упиравшаяся въ р. Кинтриши, какъ разъ противъ расположенія войскъ правой колонны.

Вообще необходимо замѣтить, что во всемъ этомъ лабиринтѣ лѣсистыхъ холмовъ, ущелій, балокъ, овраговъ и пр. было чрезвычайно трудно оріентироваться, и только продолжительное пребываніе на какомъ либо участкѣ знакомило частныхъ начальниковъ и самыя части съ подробностями занятой ими позиціи, но это необходимо ограничивалось только своимъ участкомъ. Можно безъ преувеличенія сказать, что русскимъ войскамъ рѣдко когда приходилось имѣть дѣло съ такой закрытой, пересѣченной мѣстностью и прихотливо разнообразной и дикой природой, развѣ только въ лѣсахъ Ичкеріи, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Абхазіи и страны Абадзеховъ.

Если къ прихотливому и извилистому рельефу прибавить еще густо заросшій, вѣковой, полутропическій лѣсъ, то будутъ понятны свойства закрытости и полная невозможность, въ короткое время и лишь изъ нѣсколькихъ поѣздокъ, ознакомиться съ общимъ и частнымъ характеромъ мѣстности гребня Самеба и долины р. Кинтриши.

Начальникомъ штаба полковникомъ Казбекомъ были чрезвычайно вѣрно намѣчены главныя групы самебской позиціи, которыя могли получить самостоятельное тактическое значеніе.

Съ занятіемъ Самеба 16-го мая мы утвердились на лѣвомъ флангѣ гребня; дальнѣйшее распространеніе по гребню должно было произойти изъ двухъ исходныхъ точекъ и постепенно, систематически.

Движеніемъ съ бивака подполковника Козелкова вправо мы должны были занять большой лѣсистый курганъ, движеніемъ авангарда правой колонны черезъ рѣку на противолежащія высоты мы занимали Столовую гору, а далѣе впередъ — и Малый Лѣсистый курганъ, чѣмъ и смыкалось полукольцо послѣдней позиціи нашей передъ верками укрѣпленій Квирике-Дегва-Цихисдзири.

Въ теченіе времени съ 21-го мая мы неоднократно совершали поѣздки на высоты Самеба, созерцая съ высотъ недоступную систему непріятельскихъ позицій.

Въ трубу были видны и производившіяся у непріятеля работы, особенно отчетливо Желтая батарея Квирике, дѣйствовавшая черезъ банкъ; были видны нумера прислуги, когда они становились у орудій для дѣйствія, и фигура толстаго офицера, появлявшагося на брустверѣ.

Занятіе Столовой горы авангардомъ правой колонны было назначено на 25-е мая.

23-го ночью было получено приказаніе: «2-му стрѣлковому баталіону 24-го числа, рано пообѣдавъ, выступить съ позиціи, перейти въ бродъ рѣку Кинтриши и занять высоты Самеба правѣе лѣвой колонны и Столовую гору». Для исполненія этой осторожной и важной операціи въ 12 часовъ ночи были высланы партизаны колонны на ту сторону р. Кинтриши, на Столовую гору, для выслѣживанія высотъ и устраненія случайностей.

На другой день рано утромъ, пообѣдавъ, выступилъ и баталіонъ, имѣя во главѣ 2-ю роту, высланную авангардомъ, и патрули; за ней двигались и остальныя роты баталіона. Перейдя рѣку, 2-я рота, прямо передъ собою, поднялась и заняла одну изъ высотъ, выставивъ нѣсколько постовъ; правѣе, по гребню, расположилась 4-я рота, 3-я рота—на Столовой горѣ; 1-я рота поставлена въ резервѣ, а охотники поставлены на правомъ флангѣ.

При ротахъ былъ начальникъ штаба колонны капитанъ Левашевъ и офицеръ корпуса топографовъ, снимавшій мѣстность.

Часу во второмъ пополудни, на правомъ флангѣ раздалось нѣсколько отдѣльныхъ выстрѣловъ, и вскорѣ было получено донесеніе командира 3-й роты (поручика Страдовскаго), что непріятельскіе патрули, пользуясь пересѣченной мѣстностью, подходили шаговъ на 50, но были встрѣчены выстрѣлами нашей цѣпи и, съ потерей трехъ человѣкъ раненыхъ, скрылись.

На донесеніе это подполковникъ Макѣевъ, командиръ баталіона, послалъ приказаніе: «третьей ротѣ, выставивъ нѣсколько постовъ звеньевъ для наблюденія, держаться сосредоточенно за возвышенностью на хребтѣ, не обнаруживая себя, и безъ крайней надобности не стрѣлять». Вскорѣ получено новое донесеніе изъ 3-й роты съ праваго фланга: «что видно движеніе въ турецкомъ лагерѣ, что около пяти ротъ спустились въ оврагъ, и что опять показывались патрули на близкомъ разстояніи». За нимъ слѣдовало приказаніе: «въ случаѣ наступленія турокъ, держаться на занятой позиціи до послѣдней возможности». Новое донесеніе изъ цѣпи сообщало: «что войска противника поднялись опять на противоположный берегъ оврага и заняли сакли въ разстояніи 700—800 шаговъ отъ нашей цѣпи», на что подполковникъ Макѣевъ приказывалъ «усилить цѣпь и встрѣтить турокъ въ случаѣ ихъ наступленія частымъ огнемъ цѣпи, залпами сомкнутыхъ частей и штыками». Затѣмъ до вечера все было тихо. Нельзя не замѣтить, что положеніе стрѣлковаго баталіона было опасно. Вечеромъ пришелъ на поддержку 2-й баталіонъ Ленкоранскаго полка. Прибыли кухни; нашли для нихъ мѣсто, и котлы закипѣли. На ночь выставлены были въ опасныхъ мѣстахъ секреты.

Позиція Столовой горы и сосѣдняго Малаго Лѣсистаго кургана какъ по своей величинѣ, такъ и по характеру далеко не соотвѣтствовала силамъ двухъ баталіоновъ въ виду того, что непріятель, на сторонѣ котораго было и знаніе мѣстности, могъ выдвинуть изъ Цихисдзири значительныя силы и могъ не только отнять Столовую гору, находившуюся всего въ 3,000—4,000 шагахъ отъ укрѣпленія его, но и нанести намъ серьезное пораженіе въ лицѣ нашихъ двухъ баталіоновъ, которые могли бы очутиться въ безвыходномъ положеніи. Но въ день 24-го и въ ночь съ 24-го на 25-е турки не проявили иниціативы, и ночь прошла спокойно.

Одновременно съ занятіемъ Столовой горы съ бивака подполковника Козелкова, 1-я и 4-я рота Кавказскаго стрѣлковаго баталіона подъ командой маіора Терещенко произвели еще 23-го мая рекогносцировку части Самеба вправо по гребню и заняли безъ выстрѣла весь гребень до Большаго Лѣсистаго кургана, гдѣ и остались весь день 24-го, какъ бы прикрывая, въ центрѣ, операціи 2-го стрѣлковаго баталіона.

День 25-го мая былъ наполненъ работами по устройству сообщенія вдоль позиціи: саперы подъ прикрытіемъ пѣхоты спускали дорогу съ бивака подполковника Козелкова на западъ и отъ этой дороги проводили вѣтвь къ среднему мосту и къ крайнему

правофланговому мосту, у мѣста сообщенія через рѣку правой колонны съ ея авангардомъ—2-мъ стрѣлковымъ баталіономъ.

Столовую гору продолжалъ бдительно охранять 2-й стрѣлковый баталіонъ, дѣйствуя чрезвычайно осторожно, и старался ничѣмъ не выдать своего присутствія; лѣвѣе его стоялъ баталіонъ ленкоранцевъ, и это было все, что у насъ было на правомъ флангѣ.

Хотя желѣзное полукольцо и сомкнулось, но въ центрѣ и на правомъ флангѣ оно было еще очень жидко; войска, бывшія здѣсь, еще не освоились съ особенностями мѣстности и не были еще связаны опредѣленными дорогами съ главными силами.

Утромъ роты ленкоранцевъ смѣнили 2-ю и 4-ю роты стрѣлковъ, которыя собрались въ резервѣ; ленкоранцы занимали Малый Лѣсистый курганъ и влѣво отъ него также двумя ротами, имѣя двѣ остальныя въ резервѣ.

Линія цѣпи стрѣлковъ шла отъ Малаго Лѣсистаго кургана и тянулась вдоль гребня Столовой горы вплоть до лѣваго берега р. Кинтриши, оканчиваясь отдѣльнымъ наблюдательнымъ пикетомъ.

Весь восточный и западный склоны Столовой горы видны были турками съ высоты Квирике какъ на ладони, а именно съ Желтой батареи, которая лишь только замѣтитъ на ней кучку людей, какъ сейчасъ же посылаетъ туда гранату. Вслѣдствіе этого смѣна цѣпей на Столовой горѣ производилась слѣдующимъ образомъ: рота, которая по очереди занимала посты, останавливалась на сѣверномъ склонѣ, не выходя на гребень, и затѣмъ, по одному и по два человѣка, отправлялась смѣнять старую цѣпь, начиная съ лѣваго фланга—самаго дальняго. Смѣна эта продолжалась, по меньшей мѣрѣ, часъ.

Смѣнившіеся люди уже не возвращались назадъ по той же дорогѣ, а шли внизъ, по восточному склону, прямо къ бивaку баталіона. Съ перваго же дня занятія Столовой горы, турки приняли за правило угощать цѣпь ежедневно въ полдень тремя-четырьмя гранатами съ Желтой батареи, пользуясь тѣмъ, что могли обстрѣливать продольно и вмѣстѣ съ тѣмъ безнаказанно, такъ какъ на Большомъ Лѣсистомъ курганѣ, vis-à-vis Желтой батареи, нашей артилеріи еще не было. День 26-го мая продолжался въ работахъ и бдительномъ охраненіи нашей позиціи; все было покойно.

Вечеромъ на позицію Столовой горы пріѣзжалъ начальникъ отряда генералъ Денибековъ, осматривавшій работы и позицію праваго фланга.

День 27-го мая прошелъ также въ обычныхъ работахъ и службѣ на позиціяхъ; работы подвигались весьма успѣшно, и уже намѣчались кое-гдѣ мѣста для батарей на гребнѣ Самеба.

28-го мая былъ торжественный и шумный день для отряда; пріѣхавшій изъ Озургетъ помощникъ главнокомандующаго генералъ-адъютантъ князь Святополкъ-Мирскій раздавалъ знаки отличія военнаго ордена чинамъ отряда, говорилъ отъ лица Великаго Князя съ жителями, изъявившими покорность, и объѣзжалъ всѣ позиціи отряда.

Объѣздъ, начавшійся съ лагеря на р. Ачкуа-стави, шелъ далѣе на Денибековъ курганъ, съ кургана, черезъ лѣвофланговый мостъ на Самеба, къ биваку колонны подполковника Козелкова, далѣе, вдоль всего гребня Самеба, вплоть до Столовой горы, и у Столовой горы, черезъ правофланговый мостъ, князь Святополкъ-Мирскій обратно переправился черезъ р. Кинтриши и мимо люнетовъ № 6-го, 7-го вернулся къ лагерю штаба на р. Ачкуа.

Особенно опасно было движеніе громадной массы конныхъ провожатыхъ князя по дорогѣ отъ занятаго нами правофланговаго конца Самеба по скату Столовой горы: дорога эта во многихъ мѣстахъ анфилируется орудійнымъ огнемъ съ Желтой батареи Квирике, и до сихъ поръ турки постоянно сторожили появленіе на видимыхъ имъ участкахъ нашихъ рабочихъ и сейчасъ же пускали нѣсколько гранатъ на участки дороги, но на этотъ разъ, въ силу неизвѣстной причины, не послѣдовало ни одного выстрѣла по дорогѣ, заполненной на огромномъ своемъ протяженіи массой всадниковъ.

Послѣ объѣзда, на площадкѣ штабнаго лагеря собрана была пестрая и живописная толпа кобулетцевъ, изъявившихъ уже покорность и еще желавшихъ изъявить таковую; первые сдали свои ружья, исключительно винтовки Снайдера, сильно попорченныя, что наводило на мысль, что они были сданы по негодности; вторые имѣли при себѣ свои винтовки или Пибоди, или магазинныя.

Князь Святополкъ-Мирскій вышелъ изъ шатра, для него разбитаго, и обратился къ нимъ съ рѣчью; переводилъ князь Гуріель: «Вы доказали, что вы храбры, говорилъ, между прочимъ, князь Святополкъ-Мирскій:—теперь докажите, что вы благоразумны».

Кобулетцы, образовавъ кругъ, съ большимъ вниманіемъ слушали каждое слово и тѣсно жались къ серединѣ, занятой княземъ Святополкъ-Мирскимъ, переводчикомъ и почетными жителями.

Обращеніе къ жителямъ кончилось, началась раздача крестовъ, законченная церемоніальнымъ маршемъ кавалеровъ подъ музыку Закатальскаго полка.

Кобулетцы были свидѣтелями военнаго торжества и возвратились во-свояси, ничѣмъ, въ сущности, по отношенію насъ не связанные.

По словамъ честнаго и благороднаго полковника князя Григорія Гуріеля, кобулетцы, бывшіе въ лагерѣ штаба, составляли отребье Кобулетіи и были не честные и уважаемые въ краѣ его представители, а просто разбойники, презираемые ихъ соплеменниками, приходившіе въ лагерь кое-что высмотрѣть, получить свои деньги, яко-бы за ущербъ, понесенный ими во время военныхъ дѣйствій, а затѣмъ вернуться домой, съ цѣлью продолжать свои непріязненныя дѣйствія.

Многіе въ отрядѣ, люди благомыслящіе и близко знакомые съ положеніемъ дѣла, смотрѣли недовѣрчиво на эту декорацію 28-го мая и ни минуты не сомнѣвались, что въ тотъ-же день въ нашу сторону полетитъ не одна пуля, выпущенная изъ дружественнаго ружья, побывшаго въ нашемъ лагерѣ.

Къ несчастію для отряда, всѣ лазутчики князя Григорія Гуріеля были перебиты, а потому сношенія начальника отряда съ жителями производились черезъ князя Яссе Гуріеля. На другой день, рано утромъ, князь Святополкъ-Мирскій уѣхалъ обратно въ Озургеты.

На позиціяхъ Самеба и Столовой горы дѣятельно продолжались осторожныя изслѣдованія темныхъ и глухихъ балокъ, то тамъ, то сямъ ее обрамлявшихъ, а также и работы по устройству дорогъ; послѣднія поглощали много времени и рабочихъ рукъ.

Пока, такимъ образомъ, высоты Самеба и долина Кинтриши разработывались, опоясывались дорогами и теряли свой дикій характеръ, Столовая гора, съ примыкавшимъ къ ней съ юга Малымъ Лѣсистымъ курганомъ, продолжала пребывать въ дѣвственномъ состояніи, охраняясь по прежнему бдительно и таинственно всего лишь двумя баталіонами, въ виду западныхъ верховъ Цихисдзири, откуда всегда могъ послѣдовать стремительный ударъ большихъ силъ непріятеля. Таинственность охраненія, отсутствіе всякаго шума, движенія и осторожность, которую выдерживали войска, ее охранявшія,—все это могло вселить непріятелю убѣжденіе, что на ней выставлено лишь нѣсколько постовъ и секретовъ.

Хотя турки и уступили ее намъ безъ выстрѣла, но тѣмъ не менѣе они ее не оставляли въ покоѣ и со времени ея занятія все время, какъ будто бы, что-то предпринимали.

Такъ, 29-го мая, въ пять часовъ пополудни, изъ цѣпи пришло донесеніе, что турки разсыпали цѣпь и открыли огонь по нашей цѣпи. Начальникомъ авангарда, командиромъ баталіона, вновь было подтверждено: «безъ нужды не стрѣлять; въ случаѣ наступленія открыть огонь цѣпью лишь съ близкаго разстоянія, а сомкнутому

строю встрѣтить залпами и штыками». Резерву приказано быть наготовѣ (2-я и 3-я роты) и по первому приказанію бѣгомъ двинуться на поддержку 1-й линіи.

Въ первомъ часу ночи командиръ 1-й роты доложилъ: «Поправѣе и впереди нашего праваго фланга слышенъ шумъ и зажжена сакля, неизвѣстно кѣмъ—непріятелемъ или нашими партизанами»; донесеніе это было сообщено начальнику колонны, генералу Шелеметьеву.

Генералъ Шелеметьевъ сообщилъ на Столовую гору, что «сакля зажжена турками», приказывая вмѣстѣ съ тѣмъ «удвоить осторожность»; далѣе онъ сообщилъ, что «на случай обхода противникомъ нашего праваго фланга сдѣлано распоряженіе о присылкѣ одного баталіона для поддержки».

Вслѣдствіе этого приказанія, секреты, выставляемые у р. Кинтриши, выдвинуты внизъ по теченію и усилены; резерву приказано: «не снимая амуниціи, быть готовымъ къ тревогѣ; увеличено и усилено число патрулей».

Но ночь прошла покойно.

Описываемыя событія показываютъ ту тревожную службу, которую несъ стрѣлковый баталіонъ на Столовой горѣ; службу, вызывавшую усиленное напряженіе и постоянное ожиданіе; присутствіе лишняго баталіона и дивизіона горныхъ пушекъ, конечно, подѣйствовало-бы успокоительно на защитниковъ Стола, не знавшихъ покоя съ 23-го мая.

Впрочемъ, стрѣлки въ шесть дней достаточно осмотрѣлись; прекрасные офицеры этого, по истинѣ, славнаго баталіона разобрались въ прихотливомъ рельефѣ Стола, оцѣнили значеніе того или другаго пункта и приняли рядъ мѣръ къ ихъ искусственному укрѣпленію.

Самеба, около того мѣста, гдѣ отъ нея отдѣляется вѣтвь—Столовая гора, круто понижается и, образуя Малый Лѣсистый курганъ, тянется дальше на сѣверо-западъ, даже вѣрнѣе—прямо на западъ, и эта дальнѣйшая западная вѣтвь Самеба входила въ составъ оборонительной Цихисдзирской линіи укрѣпленія. Столовая гора противъ Лѣсистаго кургана поднимается на значительную высоту надъ Самеба.

Отъ Стола, составляющаго высшую точку, гора, тремя терасами, круто опускается въ долину Кинтриши. Съ обѣихъ сторонъ ея, на востокъ и западъ, лежатъ громадныя балки, заросшія лѣсомъ, къ сторонѣ противника. Верхнія и среднія терасы, со времени занятія горы, постепенно были укрѣпляемы стрѣлковыми ро-

виками, ложементами и траншеями, надъ которыми работали по ночамъ, такъ какъ днемъ шанцевый инструментъ выдавался рабочимъ ежедневно на 100 человѣкъ, высылаемымъ отъ стрѣлковъ, для устройства дорогъ въ раіонѣ расположенія авангарда правой колонны.

Около самаго Стола, для предохраненія людей резерва цѣпи отъ непріятельскаго артилерійскаго огня, устроены были блиндажи изъ толстыхъ бревенъ, покрытыхъ землею; заборы около сакель были разобраны, дабы не мѣшать движенію сомкнутыхъ частей. Весь хребетъ и покатость Столовой горы были покрыты громадными деревьями, которыя, съ одной стороны, хотя и скрывали отъ противника расположеніе нашей цѣпи, но съ другой—не позволяли видѣть ничего за ними далѣе 20-ти шаговъ. Со Столовой горы, особенно со стола, было видно расположеніе турокъ въ центру, гдѣ, спускаясь терасами по Кинтышу, понижаются высоты Ципнара или, какъ ихъ называли въ отрядѣ, высоты Дегва *); эта часть непріятельской позиціи была видна какъ на ладони; на ней же въ первые дни занятія Столовой горы былъ видѣнъ лагерь, благоразумно убранный уже 25-го мая.

Прямо противъ фронта расположенія авангарда правой колонны по направленію на западъ, почти на одной высотѣ со Столомъ, на продолженіи того же общаго Самебскаго гребня, стояла грозная Амбразурная батарея.

Позиція авангарда правой колонны и непріятельская были въ разстояніи дальняго ружейнаго выстрѣла.

Все сказанное достаточно поясняетъ опасность расположенія слабыхъ силъ на Столовой горѣ, которую можно было обойти и къ которой можно было незамѣтно подобраться на разстояніи 30-ти—20-ти шаговъ.

Полковникъ Макѣевъ понималъ опасность положенія и просилъ лишній баталіонъ, но понимавшій положеніе, и генералъ Шелеметьевъ не имѣлъ въ составѣ своей колонны ни одной лишней роты; большинство силъ отряда было сосредоточено на лѣвомъ флангѣ, получившемъ особое чувствительное значеніе въ силу непріязненныхъ отношеній жителей и диверсіи Османа-паши; одно занятіе селенія Верхніе-Кобулеты и наблюденіе Зенити растягивало непомѣрно и непосильно фронтъ нашего расположенія, а чув-

---

*) Высоты Квирике отдѣляются отъ высотъ Ципнара, расположенныхъ западнѣе, ближе къ морю, горнымъ ручьемъ Дегва, впадающимъ въ Кинтышъ.

Авторъ.

ствительность комуникаціонной линіи и присутствіе на флангѣ скопищъ тѣхъ-же жителей удерживали и на флангѣ, и въ тылу достаточныя силы.

Все это указывало, что, какъ ни достаточенъ былъ отрядъ, но наступательная операція при данныхъ условіяхъ, да еще въ виду такого предмета дѣйствій, какъ Цихисдзири, настоятельно требовались подкрѣпленія.

Всѣ эти дни насъ поражало отсутствіе со стороны турокъ какихъ-либо серьезныхъ попытокъ помѣшать приближенію нашему къ крѣпости, занятію и утвержденію нашему на гребнѣ Самеба.

Дни 30-го и 31 мая и 1-го іюня прошли для отряда также совершенно спокойно, и ничто не нарушило нашихъ приготовленій на послѣдней позиціи.

Турки ничего не предпринимали и противъ Столовой горы, и всѣ эти дни на горѣ были лишь незначительныя перестрѣлки: непріятельскія пули перелетали черезъ нашу цѣпь, падая въ общемъ резервѣ, а наша цѣпь не отвѣчала, продолжая держать себя скрытно и бдительно наблюдая впередилежащую мѣстность; потерь, благодаря мѣстнымъ условіямъ, не было никакихъ.

Рано утромъ, 2-го іюня, пришелъ къ намъ посланный начальника штаба съ приглашеніемъ полковника Филимонова поѣхать на предпринятую полковникомъ Казбекомъ рекогносцировку Столовой горы съ цѣлью выбрать мѣста для заложенія въ будущемъ батарей на означенной высотѣ.

Въ означенной поѣздкѣ, кромѣ начальника штаба и начальника артилеріи съ своимъ адъютантомъ, участвовали: начальникъ лѣвой колонны флигель-адъютантъ полковникъ Гурчинъ (начальникъ кавказской стрѣлковой бригады) и командиръ 1-го Кавказскаго стрѣлковаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича баталіона подполковникъ князь Барятинскій, и далѣе на Столовой горѣ имѣли присоединиться: начальникъ штаба правой колонны генеральнаго штаба капитанъ Левашевъ и начальникъ авангарда, занимавшаго означенную высоту, командиръ 2-го Кавказскаго стрѣлковаго баталіона подполковникъ Макѣевъ; кромѣ того съ нами были казаки человѣка три и артилерійскій штабъ-трубачъ.

Съ своего бивака на Ачкуа-стави мы взяли влѣво, миновали Денибековъ курганъ, прослѣдовали на правый флангъ Хуцу-Убани къ люнету № 7-го и, оставивъ его нѣсколько вправо, спустились въ долину р. Кинтриши, гдѣ переправились черезъ рѣку, по только что наведенному правофланговому (третьему) мосту.

Проѣхавъ шаговъ 300, оставили внизу лошадей и почти съ мѣста начали подыматься по лѣсистому и совершенно заросшему склону Столовой горы. На подъемѣ были встрѣчены подполковникомъ Макѣевымъ и капитаномъ Левашевымъ и прослѣдовали влѣво, на лѣвый флангъ Столовой горы. По пути подполковникъ Макѣевъ сообщилъ событія ночи и объяснилъ расположеніе на позиціи войскъ ввѣреннаго ему авангарда. Еще вчера вечеромъ, изъ сторожевой цѣпи, командиръ 4-й роты стрѣлковъ штабсъ-капитанъ Пржевальскій донесъ, что съ Круглой (Амбразурной) батареи спустились въ долину р. Кинтриши двѣ непріятельскія колонны — одна въ баталіонъ, другая болѣе — и скрылись въ балкѣ, о чемъ подполковникъ Макѣевъ немедленно донесъ начальнику правой колонны, приказавъ въ то же время 3-й ротѣ стрѣлковъ придвинуться къ подошвѣ подъема на Столовую гору: ночью же секреты, находившіеся между Лѣсистымъ курганомъ и главнымъ хребтомъ Самеба (ленкоранцы), доносили, что непріятель въ одиночку подходилъ близко къ Лѣсистому кургану и что потому въ означенныхъ мѣстахъ была удвоена осторожность.

Позиція отъ Малаго Лѣсистаго кургана до р. Кинтриши была занята двумя баталіонами: стрѣлковымъ правѣе и 2-мъ баталіономъ ленкоранцевъ лѣвѣе; стрѣлки занимали собственно Столъ двумя ротами 3-й и 4-й, имѣя 1-ю и 2-ю роты въ общемъ резервѣ; также расположилъ свои силы и 2-й баталіонъ ленкоранцевъ, занимавшій Малый Лѣсистый курганъ и все пространство влѣво и вправо отъ него.

Цѣпи обоихъ баталіоновъ сходились у Крутой балки, раздѣляющей обѣ названныя высоты, и поддерживали общую связь посредствомъ постоянныхъ патрулей по дорогѣ, огибающей балку, и секрета, высылаемаго постоянно на дно означенной балки.

Лѣвый же флангъ аванпостной цѣпи 2-го баталіона ленкоранцевъ примыкалъ къ цѣпи 4-го баталіона того же полка, входившаго уже въ составъ авангарда лѣвой колонны (самебская позиція).

Собственно на Столовой горѣ расположеніе стрѣлковъ было слѣдующее; на правомъ флангѣ 3-я рота, имѣя цѣпь постовъ, выставленную вдоль дороги, идущей вдоль гребня, и обѣ полуроты въ заставахъ; на лѣвомъ флангѣ 4-я рота штабсъ-капитана Пржевальскаго, имѣя 12 постовъ выставленными впереди высоты и въ заставахъ: въ правой—полуроту, въ лѣвой взводъ.

Расположеніе стрѣлковъ и ленкоранцевъ отдѣлялось глубокой лощиной, которая, продолжаясь на юго-западъ и раздѣляясь надвое, охватывала лѣсистую гору, занятую непріятелемъ; между

этой послѣдней и Столовой горой находилась еще возвышенность, ниже обѣихъ названныхъ, выдвинутая передъ Столъ на 800 шаговъ, на которой постоянно находился постъ изъ команды охотниковъ.

Цѣль нашей рекогносцировки-изслѣдованія состояла въ знакомствѣ съ нашимъ правымъ флангомъ—со Столовой горой, тактическихъ ея свойствъ, выбора мѣстъ для батарей, имѣющихъ дѣйствовать противъ лѣваго фланга турецкой укрѣпленной линіи, также въ опредѣленіи разстоянія до ближайшихъ непріятельскихъ верковъ, характера ихъ и проч.

До 2-го іюля Столовая гора носила еше вполнѣ дѣвственный характеръ: хутора, разсыпанные по гребню и лѣпившіеся по скату, были цѣлы, не тронуты и представляли готовое жилье; также еще не подверглись дѣйствію разрушительной силы отряднаго солдата ни вѣковыя деревья, разсыпанныя по гребню, ни непролазное подлѣсье по скатамъ, по лощинамъ и балкамъ; дорогъ не было вовсе, а тропинки, немногія числомъ, были въ густой чащѣ еще еле-еле протоптаны.

Полковникъ Казбекъ, имѣвшій уже ясное представленіе о направленіи гребня, пожелалъ только узнать мнѣніе начальника артиллеріи о пригодности того или другаго участка для заложенія батарей.

Осторожно и молча пробираясь по скату, мы начали осмотръ съ лѣваго фланга, съ расположенія роты штабсъ-капитана Пржевальскаго, переходя по одному отъ дерева къ дереву и подолгу оставаясь за таковыми. Сквозь рѣдкія прогалинки, представляемыя пока еще самой природой, открывался черезъ лабиринтъ непролазной зелени видъ на лѣвофланговые верки Цихисдзири.

Между Столовой горой и Амбразурной батареей былъ еще гребень, закрывавшій и прикрывавшій послѣднюю; на этомъ гребнѣ были расположены непріятельскіе посты, имѣя еще секреты, спущенными внизъ въ балку. На валу Амбразурной батареи былъ видѣнъ часовой, спокойно расхаживавшій и по временамъ останавливавшійся.

Съ самаго начала нашего появленія на такъ называемомъ «Столѣ» къ намъ присоединился командиръ 4-й роты стрѣлковъ штабсъ-капитанъ Пржевальскій, хорошо знавшій участокъ, занятый его ротой. Онъ разсказывалъ полковнику Филимонову всѣ особенности мѣстности, имъ изученныя, и показывалъ мѣста, гдѣ, по его мнѣнію, было бы наивыгоднѣе поставить батареи. Особенно настойчиво указывалъ штабсъ-капитанъ Пржевальскій на одинъ курганъ, выгодно и высоко расположенный: турки, по его словамъ, какъ бы

предугадывая, что здѣсь станетъ наша батарея, ежедневно къ нему пристрѣливались и сажали снаряды чрезвычайно мѣтко и близко одинъ отъ другаго.

Не придавая никакого значенія турецкой пристрѣлкѣ, начальникъ артилеріи рѣшилъ здѣсь поставить одну девятифунтовую батарею для дѣйствія по Амбразурной батареѣ и обрамлявшимъ ее траншеямъ.

Здѣсь мы простились съ штабсъ-капитаномъ Пржевальскимъ, продолжали осторожно вдоль цѣпи подвигаться вправо и вышли на относительно большое открытое мѣсто, не соблюдая уже прежней осторожности.

Мы очутились на возвышенной, открытой площадкѣ, съ которой открывался чудесный видъ на Цихисдзири, устье Кинтриши съ дежурнымъ броненосцемъ, Кинтришскую поляну и Нижніе-Кобулеты; подполковникъ Макѣевъ былъ еще съ нами.

Было начало десятаго часа утра, когда вдругъ изъ чащи выбѣжалъ стрѣлковый юнкеръ и, держа ружье на плечо, доложилъ подполковнику Макѣеву, что сильныя сомкнутыя непріятельскія части спустились въ балку.

«Передайте по цѣпи и ротнымъ командирамъ, сказалъ ему подполковникъ Макѣевъ:—стрѣлять лишь съ близкаго разстоянія и отнюдь не давать дальняго огня!»

На вопросъ полковника Казбека: «всегда ли въ это время турки спускаютъ въ балку свои части на смѣну постовъ», подполковникъ Макѣевъ отвѣтилъ утвердительно.

Еще юнкеръ не успѣлъ исполнить порученіе, какъ мы замѣтили, что на веркахъ у турокъ происходитъ что-то необычное: на главномъ редутѣ Цихисдзири выкинутъ флагъ, между мѣстностью Нижніе-Кобулеты и рѣкой Кинтриши загорѣлся какой-то баракъ, броненосецъ придвинулся близко къ устью рѣки.

Мы остановились въ ожиданіи того, что это означаетъ, и въ это время услыхали рѣзкіе звуки турецкаго рожка, подававшіе сигналы въ траншеяхъ за Амбразурной батареей, и вслѣдъ затѣмъ впереди насъ шагахъ въ 150-ти передъ фронтомъ и особенно влѣво, раздались неистовые крики нѣсколькихъ сотъ голосовъ: «алла, алла, гей, ги» и проч.; одновременно съ крикомъ раздался оглушительный залпъ нѣсколькихъ сотъ винтовокъ, и надъ нашими головами пронесся дождь свинца, крики «алла» смѣшались съ трескомъ бѣглаго ружейнаго огня.

Все разсказываемое произошло въ весьма короткій промежутокъ времени и совершенно неожиданно.

Первымъ опомнился полковникъ Казбекъ: «впередъ», «двигайте впередъ все, что у васъ подъ руками», обратился онъ къ подполковнику Макѣеву: «единственное средство—движеніе впередъ, залпы и штыки».

Подполковникъ Макѣевъ бросился къ саклѣ, гдѣ предполагалъ заставу, и, найдя ее тамъ, приказалъ горнисту играть тревогу.

Мы тоже по пути поравнялись съ заставой: люди малорослые, но бравые стрѣлочки, снаряжались, подтягивая ранцы; непріятель съ фронта не подвигался, ограничиваясь лишь сильнымъ ружейнымъ огнемъ, но за то влѣво, совсѣмъ на флангѣ и даже отчасти въ тылу, слышались неистовые крики: «алла, гей, гай, ги...», сопровождаемые частой пальбой.

Отъ заставы подполковникъ Макѣевъ бросился въ общій резервъ, дабы направить его на непріятеля возможно скорѣе.

Главная масса ружейнаго огня неслась изъ траншей, ближайшихъ къ Столовой горѣ, надъ головами непріятеля же, сидѣвшаго въ Лѣсистой балкѣ, всего въ 100 шагахъ отъ нашей цѣпи и посылавшаго изъ балки также массы свинца, уже съ ближняго разстоянія.

Застава бросилась стремительно сначала впередъ, потомъ влѣво, въ сторону криковъ непріятеля; съ фронта, сомкнувшись въ кучки, наша цѣпь открыла огонь залпами.

Около насъ никого не оставалось; оставаться здѣсь безъ дѣла подъ страшнымъ огнемъ было излишне: полковникъ Казбекъ неторопливо и спокойно повелъ насъ къ лошадямъ, разсчитывая поторопить подкрѣпленія изъ правой колонны съ люнета № 7-го.

По временамъ мы останавливались, прислушиваясь къ звукамъ закипавшаго боя, но трудно было составить понятіе въ чемъ дѣло; влѣво крики и стрѣльба усиливались и приближались: Столовая гора съ лѣваго фланга казалась обойденной, затрещали близкіе выстрѣлы и гдѣ-то вправо, и въ нѣсколькихъ мѣстахъ съ фронта весь гребень Столовой горы покрылся дымомъ; свистъ, рикошетированіе и шлепанье пуль довершали непріятное и неопредѣленное положеніе.

Намѣреніе непріятеля, производимое по заранѣе обдуманному и разсчитанному плану, было ясно: онъ хотѣлъ насъ выбить изъ Столовой горы, имѣвшей важное тактическое значеніе и прикрывавшей справа все наше расположеніе на Самеба, и, пользуясь превосходствомъ силъ и скрытностью приближенія, нанести намъ вмѣстѣ съ тѣмъ серьезное пораженіе.

Судя по крикамъ и ожесточенной пальбѣ на лѣвомъ флангѣ, силы его направились по Лѣсистой балкѣ къ углу, гдѣ соединя-

лись цѣпи стрѣлковъ 2-го баталіона и ленкоранцевъ (2-й баталіонъ).

Двигаясь къ мѣсту, гдѣ мы оставили лошадей, мы шли все время подъ огнемъ, и особенно опасно было слѣдованіе вправо, вдоль ската: здѣсь на поворотѣ и единственной дорожкѣ пули какъ нарочно слетались въ большемъ количествѣ; можно было предполагать, что и это мѣсто было турками намѣчено, и они его усиленно обстрѣливали, но, къ нашему счастью, вскорѣ дорога углубилась въ грунтъ выше роста человѣка, и мы безъ помѣхи добрались до лошадей.

Когда мы сѣли на лошадей и направились къ мосту, крики и трескъ ружейнаго огня влѣво, въ мѣстѣ соединенія цѣпей стрѣлковъ и ленкоранцевъ, достигли наибольшаго напряженія: очевидно, тамъ, въ Лѣсистой балкѣ, долженъ былъ рѣшиться вопросъ, кому остаться обладателемъ Столовой горы.

Переправившись черезъ мостъ, мы встрѣтили на спускѣ 1-й баталіонъ александропольцевъ, спѣшившій по тревогѣ на выручку Столовой горы; баталіонъ велъ капитанъ Лоръ-Кипанидзе, шедшій пѣшкомъ.

Полковникъ Гурчинъ поспѣшилъ на Денибековъ курганъ, откуда немедленно сдѣлалъ распоряженіе о высылкѣ къ Столовой горѣ двухъ ротъ при двухъ горныхъ орудіяхъ. Такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ шли поддержки.

Столовая гора осталась однакоже за нами прежде, чѣмъ успѣли прибыть подкрѣпленія, благодаря высокимъ боевымъ качествамъ 2-го Кавказскаго стрѣлковаго баталіона, и кобулетскій отрядъ не имѣлъ своей «Кизилъ-Тапы».

Вотъ подробности дѣла изъ офиціальныхъ и неофиціальныхъ источниковъ: какъ только турки, въ большихъ сомкнутыхъ массахъ, предшествуемые цѣпью, бросились въ уголъ соединенія цѣпей стрѣлковъ и ленкоранцевъ—тотчасъ съ крайнихъ лѣвыхъ постовъ стрѣлковъ было послано донесеніе ротному командиру о томъ, что въ лѣсу по направленію балки слышенъ большой шумъ, но цѣпь, въ виду отданнаго приказанія стрѣлять только по видимому непріятелю, огня не открывала.

Лишь только посланный удалился, какъ лѣвѣе цѣпи и впереди ея изъ-за кустовъ, всего въ 50-ти шагахъ, высыпала цѣпь противника, но, увидя спокойно, безъ выстрѣла ихъ ожидающіе посты наши, остановилась въ нерѣшимости. Наша цѣпь, воспользовавшись пріостановкой, какъ одинъ, дала залпъ, дорого обошедшійся противнику, и затѣмъ открыла бѣглый огонь; цѣпь непріятеля замѣтно

поколебалась, раздалось нѣсколько безпорядочныхъ выстрѣловъ, а нѣкоторые повернули назадъ. Но сзади, съ крикомъ «алла» напирали на нихъ сомкнутыя толпы, и вся эта масса, подъ огнемъ цѣпи, гдѣ ни одинъ нашъ выстрѣлъ не пропадалъ даромъ, понеслась на горсть изъ нѣсколькихъ звеньевъ. Пять крайнихъ постовъ, увидя за непріятельской цѣпью и сомкнутыя массы, и угрожаемые обходомъ лѣваго фланга, отбѣжали назадъ и залегли за деревья и кусты, открывъ самый убійственный огонь.

Еще не дошло до штабсъ-капитана Пржевальскаго, бывшаго при лѣвофланговой заставѣ (3-й взводъ), донесеніе, какъ названный офицеръ, слыша выстрѣлы и видя съ возвышенности Стола бѣгущихъ вдоль горы турокъ, повелъ успѣвшій выстроиться взводъ фронтомъ впередъ на непріятеля. Выведя взводъ за Столъ, Пржевальскій со словами «хлопцы, за мной!» стремительно бросился на турокъ; также стремительно, съ дружнымъ, полнымъ одушевленія крикомъ «ура!», слѣдовалъ взводъ, увлекаемый личнымъ примѣромъ своего ротнаго командира.

Выстрѣлы и сигналъ—тревога, поданный по всему раіону расположенія стрѣлковъ, подняли на ноги всѣ ближайшія поддержки: бросилась влѣво и правофланговая застава той же роты, слѣдуя по восточному склону горы, стремительно бѣжали по западному склону заставы 5-й роты, бывшіе правѣе.

За дружнымъ и стремительнымъ ударомъ Пржевальскаго сейчасъ же слѣдовали таковые и остальныхъ трехъ заставъ. Все это произошло мгновенно, и рѣшительный ударъ этихъ четырехъ частей, поддержанныхъ и цѣпью лѣваго фланга, смялъ и цѣпь, и колонны непріятеля, толпившіяся въ лѣсу, на небольшомъ участкѣ. Началась штыковая работа, полная эпизодовъ мужества и доблести стрѣлковъ.

Въ то же время часть непріятеля, въ двухъ сомкнутыхъ толпахъ бросившаяся на ленкоранцевъ, была встрѣчена залпами цѣпи и заставы и также пріостановилась. Въ эту минуту къ сражающимся подоспѣли и партизаны прапорщика Македона, раздѣлившіеся на двѣ части и ударившіе съ двухъ сторонъ: во флангъ и въ тылъ непріятеля.

Началось общее отступленіе турокъ, частью къ Амбразурной батареѣ, частью за р. Кинтышъ. Наши преслѣдовали ихъ огнемъ, насколько позволяла мѣстность.

Потери непріятеля были велики уже отъ огня стрѣлковъ и ленкоранцевъ, встрѣтившихъ ихъ залпами и бѣглымъ огнемъ съ 50-ти шаговъ; дружный ударъ въ штыки отовсюду сбѣжавшихся поддер-

жекъ увеличилъ ихъ еще болѣе: семь труповъ, поднятыхъ на штыки, остались въ рукахъ стрѣлковъ, не смотря на всю ловкость, съ которой кобулетцы забирали своихъ убитыхъ.

Но и наши потери въ этомъ дѣлѣ были чувствительны: бравый Пржевальскій, герой дня, любимый ротный командиръ и любимый и уважаемый товарищами и начальствомъ, смертельно пораженъ многими пулями въ грудь и лежалъ недвижимъ вмѣстѣ съ трупами враговъ; начальникъ партизановъ, прапорщикъ Македонъ, былъ раненъ въ ногу; кромѣ того убито шесть нижнихъ чиновъ, ранено 15, контужено два и одинъ пропалъ безъ вѣсти.

Лишь только началось отступленіе турокъ, преслѣдуемыхъ огнемъ нашей цѣпи и подошедшихъ резервовъ (1-я и 2-я роты стрѣлковъ и двѣ роты 2-го баталіона ленкоранцевъ къ своей цѣпи), какъ броненосцы и батареи непріятеля открыли орудійный огонь по Столовой горѣ и высотамъ лѣвѣе, но огонь этотъ, благодаря заранѣе устроеннымъ укрытіямъ, удачному размѣщенію резервовъ и мѣстности, не принесъ намъ никакого вреда.

Прибывшій начальникъ правой колонны, генералъ Шелеметьевъ, немедленно распорядился усилить позицію праваго фланга, справедливо ожидая повторенія удара, въ виду сосредоточенія непріятеля въ большихъ силахъ впереди Амбразурной батареи: бывшіе въ общемъ резервѣ постовъ Столовой горы и высотъ лѣвѣе ея 1-я и 2-я роты стрѣлковъ и 7-я рота 2-го баталіона ленкоранцевъ введены въ непосредственную оборону названныхъ высотъ; на мѣсто расположенія этихъ частей въ общемъ резервѣ поставленъ 4-й баталіонъ ленкоранцевъ, переведенный съ правой стороны р. Кинтриши; на его мѣсто у люнетовъ №№ 6-го и 7-го поставлены двѣ роты закатальцевъ; только-что подоспѣвшія и высланныя попеченіемъ полковника Гурчина 2-я рота 4-го стрѣлковаго баталіона и два горныхъ орудія поставлены временно въ общемъ резервѣ.

Какъ только стали поспѣвать наши резервы, стрѣльба съ броненосца, наблюдавшаго за долиной рѣки, прекратилась и началось окончательное отступленіе непріятеля; перестрѣлка, однако, продолжалась изъ ложементовъ непріятеля, то усиливаясь, то утихая, до восьми часовъ вечера.

Число непріятеля, атаковавшаго насъ, опредѣлить трудно: видно было до шести баталіоновъ низама, спустившихся въ балку незадолго до удара, хотя участія въ немъ не принимавшихъ, но очевидно выжидавшихъ результата удара передовыхъ, съ цѣлью утвердиться въ случаѣ успѣха на Столовой горѣ; на уголъ же соединенія цѣпей стрѣлковъ и ленкоранцевъ, по залпамъ и по огром-

нымъ толпамъ кобулетцевъ и лазовъ, этихъ совершенныхъ воиновъ, и частью регулярныхъ войскъ, можно предполагать, что было направлено тысячъ до двухъ.

Наши передовыя войска видѣли до 50-ти тѣлъ, которыя непріятель тащилъ за собой, и большое число раненыхъ.

До поздней ночи непріятель продолжалъ подползать отдѣльными кучками, чтобы собрать своихъ убитыхъ и раненыхъ, разбросанныхъ по Лѣсистой балкѣ.

Цѣлый день 2-го іюня въ сторонѣ Столовой горы слышны были выстрѣлы; они замолкли лишь къ вечеру. Поздно ночью, часа въ два, въ сторонѣ той же высоты, затрещалъ неумолкаомый батальный огонь; ночь была темная и тихая, и внезапный огонь этотъ всполошилъ биваки. Оказалось, что наша цѣпь тѣхъ же стрѣлковъ на Столовой горѣ, замѣтивъ пробиравшагося отдѣльными кучками непріятеля, сдѣлала по немъ нѣсколько выстрѣловъ,—что вызвало неумолкаемый огонь изъ непріятельскихъ ложементовъ и орудійные выстрѣлы съ его батарей. Послѣ непрерывной, четверть-часовой стрѣльбы, батальный огонь непріятеля замолкъ.

У насъ ранено два нижнихъ чина изъ охотниковъ, бросившихся по выстрѣламъ впередъ, и убитъ одинъ ленкоранецъ.

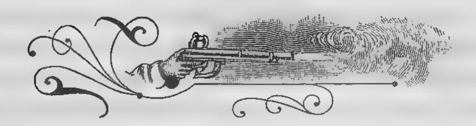
Утромъ 3-го іюня Стрѣлковый баталіонъ занималъ полностью Столовую гору; тутъ же былъ теперь и штабъ баталіона; въ резервѣ же горы было до трехъ баталіоновъ и два орудія. Столовая гора, занятая теперь крѣпко и вполнѣ достаточными силами и къ тому-же усиленная окопами, была вполнѣ обезпечена отъ захвата.

Теперь обѣ колонны стали твердой ногой по ту сторону Кинтриши, занимая послѣднюю позицію передъ верками укрѣпленій Квирике-Дегва-Цихисдзири.

Оставалось только изслѣдовать и изучить всю мѣстность, лежащую предъ Самеба и Столовой горой, и, на основаніи свѣдѣній о мѣстности и силахъ непріятеля, проектировать мѣры къ обезпеченію нашего дальнѣйшаго движенія, которое должно было теперь выразиться въ атакѣ укрѣпленія Цихисдзири, гдѣ въ помощь недоступной мѣстности было придано искусство обороны въ самыхъ новѣйшихъ и совершенныхъ формахъ.

Оглядываясь на занятіе нами высотъ Самеба и Столовой горы, мы опять видимъ аналогію операціи съ занятіемъ Муха-Эстате и Хуцу-Убани, заключающуюся въ выдвиженіи впередъ сначала лѣ-

вой колонны, прочнаго ея утвержденія на занятыхъ ею высотахъ и тогда только совершеніе движенія правой. Высоты Самеба были заняты 16-го мая, правая же колонна перешла Кинтриши и стала на линію фронта самебскихъ позицій только восемь дней спустя.

Подъемъ артилеріи на Самебу.

X.

По мѣрѣ того, какъ войска обоихъ авангардовъ отряда все болѣе и болѣе устраивались на высотахъ «Самеба» и «Столовой горы» и по мѣрѣ того, какъ означенныя высоты связывались дорогами, какъ между собой, такъ и съ различными точками Хуцу-Убанскаго гребня, на ту сторону Кинтриши постепенно переводились и главныя силы.

Хребетъ Самеба и Столовая гора составляли, съ 4-го по 8-е іюня, уже фронтъ не авангарда колоннъ, а главныхъ силъ.

Крайнія фланговыя точки Хуцу-Убанскаго гребня, бывшаго фронтомъ главныхъ силъ,—Денибековъ курганъ на лѣвомъ флангѣ и люнетъ № 7-го на правомъ,—продолжали быть чувствительными; важность значенія ихъ усилилась съ перенесеніемъ главной массы отряда по ту сторону р. Кинтриши, а потому они усилены были возведеніемъ окоповъ, въ которыхъ продолжала пребывать извѣстная часть отряда.

По мѣрѣ того, какъ главная масса войскъ отряда располагалась по ту сторону р. Кинтриши, расположеніе штаба отряда у р. Ачкуа становилось, по своей отдаленности отъ Самеба, крайне неудобнымъ; особенно тягостно было это обстоятельство войскамъ при посылкѣ за приказаніями адъютантовъ, ординарцевъ и писарей: они возвращались зачастую лишь только поздней ночью, а иногда и подъ утро, и начальство всю ночь оставалось въ ожиданіи приказаній изъ штаба, безъ которыхъ нельзя было сдѣлать соотвѣтствующихъ распоряженій на слѣдующій день и, успокоившись, предаться отдыху.

Кромѣ того, назначеннымъ для полученія приказанія лицамъ приходилось совершать поѣздки темной ночью, что увеличивало продолжительность пути и, при закрытомъ характерѣ мѣстности, способствовало различнаго рода недоразумѣніямъ и случайностямъ, увеличивавшимъ несвоевременность полученія приказаній. Наконецъ и самому начальству отряда, въ виду рѣшительности и важности предстоящей операціи, слѣдовало быть поближе къ живой и главной силѣ отряда.

Всѣ вышеупомянутыя обстоятельства побудили командующаго войсками перенести лагерь штаба отряда на Денибековъ курганъ, удовлетворяющій, по своему центральному, командующему и топографическому положенію, многимъ условіямъ расположенія главной квартиры. Лагерь артилерійскаго штаба помѣстился на мѣстѣ люнета № 2-го.

Ближайшими нашими сосѣдями слѣва (съ востока) былъ дивизіонъ 1-й батареи 41-й артилерійской бригады, ставшій здѣсь на мѣсто дивизіона 2-й батареи 19-й артилерійской бригады (вся 2-я батарея 19-й артилерійской бригады была на Самеба); на одной съ нами высотѣ, за нами стояли въ зеленыхъ шалашахъ роты сапернаго баталіона.

Въ небольшой котловинѣ (не ниже трехъ саженъ нашей площадки), которую съ трехъ сторонъ охватывали господствовавшія площадки кургана, размѣстился штабъ командующаго войсками.

Къ полудню пріѣхалъ начальникъ артилеріи, и мы окончательно

водворились на новомъ мѣстѣ, которое всѣ нашли чрезвычайно удобнымъ и веселымъ; но лучше всего былъ воздухъ необычайно чистый, свѣжій и душистый. Къ довершенію прелестей этого расположенія надо прибавить роскошный видъ на море, на долину р. Кинтриши и непріятельскія позиціи, тянувшіяся длинной сѣро-желтой линіей отъ моря до высокихъ лѣсистыхъ горъ и рѣзко отдѣлившихся отъ нашей позиціи, продолжавшей быть закрытой густой зеленью лѣсовъ и садовъ Самеба и Столовой горы.

Съ 4-го по 8-е іюня дѣятельность отряда была сосредоточена на расположеніи и окончательномъ устройствѣ уже главныхъ силъ отряда на гребняхъ Самеба и Столовой горы, въ виду новыхъ, предстоявшихъ активныхъ дѣйствій; также въ уширеніи дорогъ вдоль всего гребня и дорогъ съ позиціи къ тремъ мостамъ черезъ р. Кинтриши, въ насыпкѣ на томъ же гребнѣ батарей и траншей, въ придачѣ болѣе солидныхъ размѣровъ какъ профилямъ батарей, расположенныхъ вдоль гребня Самеба, такъ и самостоятельныхъ укрѣпленій, возведенныхъ нами на наиболѣе чувствительныхъ тактическихъ опорныхъ точкахъ нашего расположенія, преимущественно фланговыхъ, каковыми были: люнеты № 6-го и № 7-го, крайній правофланговый пунктъ на Самеба, Денибековъ курганъ, лѣсистый курганъ у р. Ачкуа и ущелья Ачкуа-стави и, наконецъ, Муха-Эстате.

Какъ упомянуто выше, главная масса войскъ размѣщалась на Самеба и Столовой горѣ, но во всѣхъ названныхъ пунктахъ имѣлись достаточные гарнизоны.

Опыты прошлыхъ войнъ, какъ, напримѣръ, операція штурма Цихисдзири въ 1829 году, когда во флангъ и тылъ нашему отряду, атаковавшему Цихисдзири, ударили съ горъ Кобулетіи массы вооруженныхъ жителей, враждебное настроеніе жителей, бывшихъ у насъ на флангѣ, событія 16-го, 20-го и 21-го мая текущей кампаніи и оставленіе нами высотъ Зенити и сел. Верхніе-Кобулеты, указали намъ на слабость и чувствительность лѣваго фланга, заставляя насъ въ сторону Кобулетіи имѣть другой, самостоятельный фронтъ, приходившійся къ фронту Самеба и Столовой горы подъ прямымъ угломъ, охранявшій все протяженіе нашей операціонной линіи. Восточный фронтъ этотъ, состоя изъ цѣлаго ряда опорныхъ точекъ, начинался и упирался правымъ флангомъ своимъ въ лѣвофланговый, господствующій пунктъ Самеба (чѣмъ онъ и связывался съ главнымъ активнымъ фронтомъ), шелъ далѣе на Денибековъ курганъ (вторая опорная точка), затѣмъ по восточному склону Хуцу-Убани на лѣсистый курганъ у р. Ачкуа, отсюда на Муха-

Эстате, съ Муха-Эстате тянулся постами и пикетами, выставленными на выходахъ изъ Богильскаго лѣса на Богильскій постъ, имѣвшій опять первостепенное значеніе по своему положенію на узлѣ путей и представлявшій цѣлое укрѣпленіе; далѣе уже по Чолоку до Какутскаго поста, послѣ чего заканчивался на нашей территоріи за Озургетами, у Чахатаура.

Во всѣхъ названныхъ опорныхъ точкахъ были возведены укрѣпленія, носившія болѣе или менѣе характеръ сомкнутыхъ укрѣпленій, причемъ ихъ сила и численность оборонявшихъ отрядовъ уменьшалась по мѣрѣ приближенія къ нашимъ границамъ.

Эта особенность операцій—необходимость имѣть два фронта и быть всегда готовымъ выставить и третій фронтъ, къ морю—связывала насъ въ дѣйствіяхъ противъ главныхъ предметовъ операціи и вела неизбѣжно къ разброскѣ силъ, такъ что въ сущности въ послѣдніе дни до штурма Цихисдзири, на эту сторону Кинтриши, мы имѣли еще значительныя силы и не могли, не рискуя, ослабить сообщенія, притянуть къ точкѣ удара наибольшую въ предѣлахъ возможности численность войскъ.

Послѣдніе дни передъ штурмомъ отрядъ сильно оживился и усилился не столько подкрѣпленіями, сколько прибытіемъ на передовыя позиціи санитарныхъ отрядовъ: одного, бывшаго до тѣхъ поръ на Муха-Эстате, и другаго изъ Москвы, а также массы лицъ военнаго и гражданскаго званія, приготовившихся быть свидѣтелями интереснаго штурма.

8-го числа на Муха-Эстате прибыли 1-я и 3-я батареи 38-й артилерійской бригады (Пятигорскій полкъ прибылъ нѣсколько ранѣе) и временно тамъ расположились; на Муха-Эстате были притянуты и парки, а именно: 2³/₄ отдѣленія летучаго парка и ¹/₄ отдѣленія конно-артилерійскаго полупарка.

Въ тотъ же день начальникъ артилеріи рѣшилъ совмѣстно со всѣми батарейными и полубатарейными командирами объѣхать всѣ артилерійскія позиціи гребня Самеба и Столовой горы, такъ какъ ложементы для орудій, которымъ предстояло подготовлять атаку высотъ Квирике, Дегва и Цихисдзири, были уже почти готовы и оставалось только ознакомиться какъ со своими позиціями (въ артилерійскомъ смыслѣ), такъ и съ непріятельскими, выясняя себѣ цѣль дѣйствія и обстановку предстоявшаго артилерійскаго боя.

Въ назначенное время, послѣ предварительнаго ознакомленія собравшихся съ позиціями непріятеля и обстановкой предстоявшаго дѣла съ высоты Денибекова кургана, вся група переѣхала р. Кинтриши у лѣваго моста и поднялась на крайній лѣвофланговый

пунктъ расположенія на гребнѣ Самеба, гдѣ пока еще продолжала пребывать 2-я батарея 19-й артилерійской бригады; отсюда началось знакомство съ непріятельскими позиціями, цѣлями на нихъ и взаимнымъ расположеніемъ своей артилеріи; объѣздъ закончился позиціей Столовой горы, послѣ чего всѣ разъѣхались по своимъ частямъ.

Послѣдніе два дня, оставшіеся до штурма, наполнились лихорадочной дѣятельностью войскъ по окончанію подготовки позиціи въ инженерномъ отношеніи и продолжавшимся передвиженіемъ войскъ ближе къ Кинтриши.

Полковникъ Казбекъ.

Въ отрядѣ прошелъ слухъ, что насъ торопятъ со штурмомъ изъ главной квартиры дѣйствующаго корпуса, что войска послѣдняго нуждаются въ подкрѣпленіяхъ и что, каковъ бы ни былъ исходъ нашего предпріятія, многія части отряда будутъ направлены на присоединеніе къ дѣйствующему корпусу; слухъ этотъ произвелъ, надо сознаться, не радостное, не ободряющее впечатлѣніе, такъ какъ занятіе Цихисдзири безъ движенія на Батумъ не могло радовать войска отряда, привыкшія къ мысли имѣть впереди опредѣленную цѣль.

Тѣмъ не менѣе, въ войскахъ отряда былъ прекрасный духъ, и всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали рѣшительныхъ дѣйствій.

Въ эти послѣдніе дни намъ, чинамъ артилерійскаго штаба, было особенно много хлопотъ: кромѣ обычной канцелярской ра-

боты, увеличившейся въ эти дни съ прибытіемъ новыхъ частей, намъ же приходилось указывать послѣднимъ мѣста ихъ новаго расположенія.

9-го іюня утромъ я, по приказанію начальника штаба, выбралъ и указалъ мѣсто расположенія дивизіоннаго летучаго парка и конно-артилерійскаго полупарка вправо отъ Денибекова кургана (къ западу) и нѣсколько сзади него у самой дороги къ среднему мосту и не вдалекѣ отъ лѣвофлանговаго моста.

Такое расположеніе боевыхъ запасовъ въ тылу, у сильнаго опорнаго пункта (Денибековъ курганъ), было въ то же время и центральнымъ по отношенію къ расположенію отряда на Самеба и Столовой горѣ. Вечеромъ, часовъ въ девять, меня потребовалъ къ себѣ полковникъ Казбекъ и приказалъ провести на позицію 3-ю батарею 38-й бригады, подтянувшуюся къ Денибекову кургану и долженствовавшую слѣдовать далѣе.

Прежде, чѣмъ перейти къ описанію боя, разсмотримъ подготовительныя операціи и распоряженія:

1) Подготовка позиціи въ инженерномъ отношеніи.

2) Расположеніе на позиціи артилеріи и войскъ.

3) Рекогносцировка расположенія непріятеля, подступовъ къ его укрѣпленной позиціи (что было сдѣлано въ этомъ отношеніи въ зависимости отъ имѣвшихся средствъ и времени).

4) Диспозиція для атаки непріятельскаго укрѣпленнаго лагеря (со всѣми дополнительными распоряженіями) и организація снабженія артилеріи для предстоящаго дѣла боевыми запасами.

5) Распредѣленіе артилеріи по диспозиціи: дѣленіе артилеріи на позиціонную (неподвижную) для дѣйствія по опредѣленнымъ, указаннымъ цѣлямъ и на состоящую при штурмовыхъ колоннахъ; дѣленіе въ свою очередь позиціонной артилеріи на групы.

6) Рѣшеніе вопроса о сосредоточенномъ дѣйствіи превосходной (по отношенію числа орудій въ отрядѣ) артилеріи по рѣшительному пункту непріятельскаго расположенія.

7) Цѣль боя по диспозиціи; выборъ направленія для атаки; выборъ (рѣшительнаго) пункта непріятельскаго расположенія, по отношенію послѣдствій его занятія на исходъ боя; организація штурмовыхъ колоннъ; сосредоточеніе превосходныхъ силъ по направленію на выбран-

ный пунктъ; какія мѣры были приняты для ослабленія непріятеля въ выбранномъ для атаки пунктѣ.

Разсмотримъ по очереди каждый изъ отдѣловъ.

Подготовка для боя въ инженерномъ отношеніи позиціи на гребнѣ Самеба и Столовой горы заключала въ себѣ:

а) Устройство сообщеній послѣдней промежуточной базы (линія Денибековъ Курганъ—люнетъ № 7-го) съ гребнями Самеба и Столовой горы.

б) Устройство сообщеній вдоль позиціи.

в) Усиленіе профилей укрѣпленій на наиболѣе важныхъ опорныхъ пунктахъ, какъ въ тылу, такъ и на флангахъ и фронтѣ расположенія.

г) Насыпку ложементовъ для артилеріи, долженствовавшей подготовить штурмъ непріятельской позиціи (активное ея назначеніе), и оборонять свою позицію (съ постояннаго расположенія) отъ активныхъ предпріятій противника; насыпку такихъ же ложементовъ для пѣхоты съ цѣлью обороны позиціи.

д) Устройство укрытій для передковъ и зарядныхъ ящиковъ артилеріи, расположенной на позиціи.

е) Расчистку впереди лежащей мѣстности.

ж) Подготовку мѣстности къ демаскированію нашей артилеріи.

Устройство всѣхъ перечисленныхъ сообщеній производилось постепенно, начиная съ 16-го мая, со дня занятія Самеба, и въ послѣдніе дни приняло только усиленный характеръ; работа производилась нарядами отъ войскъ и подъ руководствомъ тѣхъ же саперовъ.

Усиленіе профили важнѣйшихъ опорныхъ пунктовъ и насыпка ложементовъ для всей артилеріи отряда производилась уже за недѣлю до штурма. Устройство укрытій для передковъ и зарядныхъ ящиковъ*) въ связи съ проложеніемъ общей дороги вдоль фронта всей передовой позиціи заслуживаетъ вниманія по своимъ особенностямъ и по прекрасному примѣненію къ мѣстности: вдоль всей позиціи, отъ лѣваго до праваго фланга, проходила одна общая дорога; она шла мѣстами немного ниже, на одну—полторы сажени, гребня, на которомъ были расположены батареи, а мѣстами и значительно ниже (до пяти—семи саженъ, какъ это было у располо-

---

*) Только для первыхъ зарядныхъ ящиковъ, которые имѣли батареи при себѣ; вторые и третьи зарядные ящики находились въ извѣстномъ удаленіи на путяхъ къ батареямъ съ послѣдней промежуточной базы.

женія 3-й батареи 38-й бригады); во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дорога проходила около батарей, она была уширяема на столько, чтобы въ образовавшійся такимъ образомъ вырѣзъ въ компактномъ грунтѣ, не мѣшая движенію по дорогѣ повозокъ и войскъ, могъ бы свободно стать передокъ или зарядный ящикъ. Подобное расположеніе передковъ и первыхъ зарядныхъ ящиковъ, кромѣ удобствъ расположенія, безопаснаго отъ дѣйствія непріятельскаго огня и непосредственнаго у самыхъ батарей (для подноски снарядовъ устроены были въ грунтѣ ступеньки), имѣло еще и слѣдующія весьма важныя выгоды: замѣна опорожненныхъ ящиковъ ящиками втораго и третьяго ряда могла производиться свободно, по свойству дороги, проходившей вдоль общаго гребня и имѣвшей у батарей видъ углубленной траншеи; замѣна ящиковъ производилась безостановочно и безопасно отъ дѣйствія непріятельскихъ снарядовъ; всѣ эти удобства сказались, какъ увидимъ, въ дни боя.

Что касается до ложементовъ для орудій, то необходимо упомянуть, что они были углубленной профили, съ направленіемъ ската бруствера во внутрь ложемента, что способствовало сбереженію людей и матеріальной части орудій отъ прицѣльныхъ выстрѣловъ непріятельской артилеріи и не мѣшало производить стрѣльбу по непріятельскимъ батареямъ, значительно командовавшимъ нашимъ расположеніемъ; но, на случай атаки непріятелемъ батарей, орудія не могли бы встрѣтить атакующую пѣхоту картечью, а также являлось затрудненіе при перенесеніи огня на различные пункты вправо и влѣво отъ нормальнаго расположенія.

Подготовка позиціи заканчивается расчисткой впереди лежащей мѣстности, въ недальнемъ разстояніи отъ орудій, только по направленію дула; расчистка эта производилась скрытно (ночью, по намѣченнымъ днемъ направленіямъ), ограничивалась срѣзываніемъ кустовъ и сучьевъ большихъ деревьевъ, мѣшавшихъ прицѣливанію орудій по различнымъ направленіямъ, и производилась по большей части одной прислугой орудій.

Приготовленія къ демаскированію артилеріи заключались въ выборѣ и приготовленіи къ сваливанію такихъ, уже большихъ, деревьевъ, мѣшавшихъ дѣйствію, которыя могли быть устранены только въ минуту, предшествовавшую открытію огня, иначе всѣ приготовленія были бы открыты и артилерійская атака потеряла бы характеръ той неожиданности, на которой былъ отчасти построенъ успѣхъ предпріятія и которая указывалась и диспозиціей; деревья были подпилены на столько, чтобы небольшими усиліями ихъ можно было бы свалить мгновенно.

Заканчивая вопросъ о подготовкѣ позиціи въ инженерномъ отношеніи, мы упомянемъ, что всѣ вообще работы должны были производиться скрытно, чтобы турки и не подозрѣвали о присутствіи на Самебѣ всей нашей артилеріи и окоповъ.

Скрытное исполненіе при лѣсистомъ характерѣ высотъ, маскировавшемъ всѣ приготовленія, было вполнѣ возможно.

Объ устройствѣ трехъ мостовъ черезъ Кинтриши нами неоднократно упоминалось выше; въ послѣдніе дни къ мостамъ были разработаны спуски и проводилась дорога отъ средняго моста на позицію. Подготовка позиціи производилась съ 16-го мая по 11-е іюня и могла быть окончена только при содѣйствіи рабочихъ рукъ всего отряда и самой энергичной дѣятельности всего наличнаго состава 2-го Кавказскаго сапернаго баталіона, разумно и честно исполнившаго свои сложныя и многотрудныя работы.

Расположеніе на позиціи артилеріи. Большая часть артилеріи отряда должна была расположиться на позиціи на постоянныхъ мѣстахъ (въ окопахъ), а именно: всѣ девятифунтовыя орудія, за исключеніемъ шести орудій 2-й батареи 41-й артилерійской бригады и четырехъ орудій 2-го дивизіона 1-й батареи 41-й бригады, остававшихся для усиленія оборонительныхъ средствъ Муха-Эстате, этого важнаго пункта въ тылу нашего расположенія, и четырехъ орудій 1-й батареи 41-й бригады, имѣвшихъ остаться на Денибековомъ курганѣ, должны были расположиться на передовой позиціи въ слѣдующемъ порядкѣ, начиная съ крайняго лѣвофлангового пункта на Самебѣ: 1-й дивизіонъ 1-й батареи 41-й бригады, 3-я и 1-я батареи 38-й бригады, два орудія 2-й батареи 41-й бригады, 2-я батарея 19-й бригады и 3-я батарея 41-й бригады; всего слѣдовательно къ расположенію на всей передовой позиціи назначено было 38 девяти-фунтовыхъ орудій (всего было въ отрядѣ 48 девяти-фунтовыхъ орудій). 10 орудій остались для обороны восточнаго фронта.

Для подобнаго расположенія полевыхъ батарей отряда на указанныхъ имъ пунктахъ предстояо: 2-й батареѣ 19-й бригады, уже стоявшей на крайнемъ лѣвомъ флангѣ Самебы, передвинуться вдоль всей позиціи съ лѣваго фланга къ центру, къ большому лѣсистому кургану, гдѣ и занять приготовленные ложементы; всѣмъ остальнымъ названнымъ батареямъ перейти съ занимаемыхъ ими позицій по сю сторому р. Кинтриши на ту сторону по тремъ имѣющимся мостамъ и съ такимъ разсчетомъ, чтобы, совершая передвиженія въ теченіе ночи съ 9-го на 10-е, дня 10-го и ночи съ 10-го на 11-е, не мѣшать взаимному движенію и къ раннему утру 11-го

быть уже на указанныхъ мѣстахъ (дабы имѣть возможность до боя хоть нѣсколько осмотрѣться).

Означенное передвиженіе должно было быть исполнено въ полной тишинѣ и сколь возможно скрытно, для чего тѣмъ батареямъ, которыя по пути къ мѣсту своего расположенія на позиціи, проходили участки дороги, видные съ какихъ-либо пунктовъ непріятельской позиціи, предписано было совершить передвиженіе ночью. Всѣ эти мѣры клонились къ неожиданности появленія сильной артилеріи на Самебѣ.

Расположеніе артилеріи на высотахъ Самеба и Столовой горѣ имѣло, такимъ образомъ, по фронту болѣе 3½ верстъ, если считать по прямой линіи; но надо принять во вниманіе истинную линію фронта, отличающуюся неправильными, прихотливыми изгибами и уклоненіями.

Расположеніе на позиціи войскъ. Части пѣхоты были расположены вдоль всей позиціи и въ такомъ численномъ составѣ, какой былъ необходимъ для обороны позиціи и прикрытія расположенной артилеріи. Конечно, самымъ желательнымъ явленіемъ въ вопросѣ о подготовкѣ боя было бы заблаговременное расположеніе частей пѣхоты, вошедшихъ въ составъ штурмовыхъ колоннъ, на участкахъ, противолежащихъ цѣлямъ ихъ предстоящей атаки; тогда каждая часть путемъ организаціи охотничьихъ (партизанскихъ) командъ, частой посылкой ихъ впередъ и вообще службой въ развѣдкахъ, секретахъ и частныхъ рекогносцироакахъ ознакомилась бы съ подступами къ позиціи, пріобрѣла бы надежныхъ проводниковъ въ своихъ же людяхъ и уже, конечно, прекрасно оріентировалась бы въ этихъ лѣсистыхъ трущобахъ; но, къ сожалѣнію, за немногими лишь исключеніями (2-й Кавказскій стрѣлковый баталіонъ), это прекрасное правило не нашло себѣ примѣненія вслѣдствіе разныхъ административныхъ соображеній и необходимости смѣнять мѣста биваковъ по причинѣ постояннаго передвиженія войскъ въ тылу и на флангахъ (для службы по охраненію тыла и операціонной линіи), вызываемаго подходомъ въ послѣдніе дни подкрѣпленій. Пятигорскій полкъ явился только къ 8-му іюня на передовыя позиціи, и хотя цѣликомъ и былъ поставленъ на той сторонѣ рѣки, но уже однимъ своимъ расположеніемъ въ резервѣ (не на гребнѣ высотъ) былъ лишенъ возможности знакомства съ впереди лежащей мѣстностью.

Замѣтимъ, что расположенію на соотвѣтствующихъ участкахъ предстоявшаго частямъ движенія препятствовали работы на позиціи и въ ея тылу.

Что касается до рекогносцировокъ непріятельскаго расположенія и вообще собиранія свѣдѣній о его силахъ, расположеніи и намѣреніи, то мы не можемъ утвердительно ничего сообщить по этому вопросу, такъ какъ это составляло штабную тайну.

Диспозиція для атаки была слѣдующаго содержанія:

«Диспозиція на 11-е іюня 1877 года. Бивакъ на высотахъ Хуцу-Убани.

«Завтра, 11-го іюня, войскамъ кобулетскаго отряда, подъ моимъ личнымъ начальствомъ, атаковать турецкій укрѣпленный лагерь, расположенный на высотахъ Квирике, Дзегва и Цихисдзири.

«Лѣвая колонна, подъ начальствомъ командующаго Кавказской стрѣлковой бригадой, флигель-адъютанта полковника Гурчина, занимаетъ заблаговременно до начатія наступленія пространство отъ сомкнутыхъ укрѣпленій на высотахъ Самеба до центральныхъ батарей, воздвигнутыхъ надъ долиною р. Кинтышъ. Правая колонна, подъ начальствомъ командира 1-й бригады 41-й пѣхотной дивизіи, генералъ-маіора Шелеметьева, займетъ позицію по обѣимъ сторонамъ Столовой горы. Резервная колонна, подъ начальствомъ командира Пятигорскаго полка, полковника Бучкіева, занимаетъ артилеріею центральныя батареи, воздвигнутыя надъ долиною р. Кинтышъ, и располагается на лѣвомъ берегу р. Кинтриши около средняго моста.

«Войска укрѣпленныхъ пунктовъ Самеба (сомкнутыя укрѣпленія), Хуцу-Убани, Ачкуа и Муха-Эстате получаютъ спеціальныя назначенія. Въ назначенный день и часъ сраженіе начинается артилерійскимъ огнемъ изъ сомкнутыхъ укрѣпленій на Самебѣ, послѣ чего, по распоряженію начальника артилеріи, полковника Филимонова, демаскируются всѣ батареи, стоящія въ центрѣ, послѣдовательно одна за другою, отъ лѣваго фланга къ правому. Артилерія лѣваго фланга и центра, за исключеніемъ батареи на Столовой горѣ, имѣетъ ближайшей цѣлью сбить батареи непріятеля, расположенныя на высотахъ Квирике, особенно же «Желтую» батарею, и подготовить атаку на эту батарею.

«Батарея, расположенная на Столовой горѣ, имѣетъ ближайшей цѣлью сбить такъ называемую Амбразурную батарею и подготовить атаку на эту батарею.

«Движеніе войскъ впередъ начинается по особому моему сигналу съ горы Хуцу-Убани (три ракеты, послѣ которыхъ будетъ поднято бѣлое знамя). По этому знаку начинается наступленіе лѣвой колонны къ Желтой батареѣ, утвердившись на которой, колонна ведетъ атаку на главную цихисдзирскую позицію со стороны деревни Дзегва.

«Одновременно съ утвержденіемъ лѣвой колонны на Желтой батареѣ, правая колонна начинаетъ свое рѣшительное наступленіе на такъ называе-

мую батарею съ амбразурами и атакуетъ цихисдзирскую позицію со стороны передняго турецкаго лагеря; до того же времени производитъ демонстрацію движенія по этому же направленію для поддержанія наступленія лѣвой колонны.

«Резервная колонна, занимая артилеріею центръ нынѣшняго боеваго порядка, поддерживаетъ наступленіе колоннъ по мѣрѣ надобности. Кавалерія резерва демонстрируетъ на берегахъ Кинтриши.

«О снабженіи и снаряженіи колоннъ, равно какъ распредѣленіи санитарныхъ средствъ, предлагается начальнику отряда сдѣлать соотвѣтствующія распоряженія. Начальники колоннъ обязаны имѣть при себѣ значки, по которымъ ординарцы могли бы видѣть мѣста ихъ расположенія. Начальникъ кобулетскаго отряда съ своимъ штабомъ будетъ находиться при лѣвой колоннѣ, а по соединеніи лѣвой и правой колоннъ въ долинѣ р. Кинтышъ—руководить дѣйствіями обѣихъ колоннъ.

«Я буду находиться до наступленія лѣвой колонны—на Денибековскомъ курганѣ; послѣ же этого—при резервной колоннѣ; мѣсто моего пребыванія будетъ обозначаться бѣлымъ значкомъ.

Подписалъ: командующій войсками при-Ріонскаго края, генералъ-лейтенантъ Оклобжіо.

Дополненіе къ диспозиціи. Снабженіе и снаряженіе войскъ, упомянутыхъ въ диспозиціи, должно быть слѣдующее:

А. При войскахъ: 1) На людяхъ сухарей на два дня, вареной говядины по 2 фунта на человѣка. 2) Фуражъ для лошадей на два дня. 3) Патроновъ для пѣхоты, кромѣ носимыхъ въ сумахъ, половина возимаго количества. 4) Шанцеваго инструмента: въ каждомъ баталіонѣ имѣть шанцевый инструментъ въ одной ротѣ: въ количествѣ: 20-ти топоровъ, 40 лопатъ, 12-ти кирокъ и 12-ти мотыгъ; всего 84 инструмента. 5) Санитарная часть въ каждой колоннѣ устраивлется по соглашенію начальниковъ колоннъ со старшими колонными врачами, коими назначаются: въ лѣвую колонну—старшій врачъ Закатальскаго полка, Страховъ, въ правую—старшій врачъ Ленкоранскаго полка, Шведовъ. Врачамъ булутъ приданы изъ дивизіоннаго подвижнаго лазарета спеціальныя средства, распредѣленіе коихъ зависитъ отъ колонныхъ начальниковъ. Для перевозки раненыхъ будутъ высланы къ среднему и нижнему мостамъ фургоны подвижнаго лазарета.

Б. Остаются на позиціяхъ, нынѣ занимаемыхъ войсками: 1) Ранцы. 2) Необходимая часть обоза втораго разряда. 3) Половина возимаго запаса патроновъ.

На Хуцу-Убани часть обоза втораго разряда.

Подписалъ: начальникъ Кобулетскаго отряда, генералъ-маіоръ Денибековъ.

Общая диспозиція командующаго войсками указывала на двѣ штурмовыя колонны: лѣвую (полковникъ Гурчинъ) и правую (генералъ-маіоръ Шелеметьевъ) и общій резервъ (полковникъ Бучкіевъ), частное распредѣленіе войскъ было слѣдующее:

Лѣвая колонна подъ общимъ начальствомъ полковника Гурчина въ свою очередь состояла изъ двухъ колоннъ: лѣвая, подъ начальствомъ командира Грузинской пѣшей дружины князя Чавчавадзе, изъ Гурійской и Грузинской пѣшихъ дружинъ въ первой линіи и баталіона закатальцевъ во 2-й линіи; правая подъ начальствомъ командира Пластунскаго баталіона полковника Козелкова изъ 1-го и 4-го стрѣлковыхъ баталіоновъ, и Пластунскаго въ первой линіи и двухъ баталіоновъ Кубанскаго полка во 2-й линіи; кромѣ того, въ распоряженіи полковника Гурчина находились части артилеріи: 5-я батарея 41-й бригады и дивизіонъ 6-й батареи 41-й бригады и рота саперовъ. Итого въ лѣвой колоннѣ 8 баталіоновъ и 12 орудій и одна рота. Правая колонна, подъ общимъ начальствомъ генералъ-маіора Шелеметьева, дѣлилась опять на двѣ: правую, подъ начальствомъ командира стрѣлковаго баталіона подполковника Макѣева, изъ 2-го стрѣлковаго баталіона, Кутаиской пѣшей дружины и команды охотниковъ, и должна была слѣдовать со Столовой горы на слѣдующій впереди гребень, по направленію на «Амбразурную батарею», и лѣвую, подъ начальствомъ подполковника Пригары,—изъ четвертыхъ баталіоновъ Ленкоранскаго и Севастопольскаго полковъ, которая должна была наступать на нижній турецкій лагерь, постоянно поддерживая связь влѣво, съ колонной полковника Гурчина.

Кромѣ того, въ распоряженіи генералъ-маіора Шелеметьева былъ резервъ обѣихъ колоннъ — 1-й, 3-й и 4-й баталіоны Александропольскаго полка подъ командой флигель-адъютанта подполковника Теріева, 8 орудій 4 батареи 41-й бригады и дивизіонъ 6-й батареи той же бригады; всего у генералъ-маіора Шелеметьева было 7 баталіоновъ, 12 орудій и команда охотниковъ.

Общій резервъ (полковникъ Бучкіевъ, командиръ Пятигорскаго полка)—всѣ четыре баталіона Пятигорскаго полка.

Для покровительства движеній колонны полковника Гурчина на Самеба назначено было 26 орудій; для той же цѣли по отношенію колонны генералъ-маіора Шелеметьева—8 орудій.

Для демонстраціи на правомъ берегу р. Кинтришъ 6 сотенъ кавалеріи, подъ начальствомъ командира Кутаискаго конно-иррегулярнаго полка полковника Принца.

Для обороны крайняго лѣваго фланга, редута Самеба,—3-й ба-

таліонъ Севастопольскаго и 1-й Ленкоранскаго и 4 орудія подъ общей командой маіора Бараганскаго (всего 2 баталіона, 4 орудія).

На линіи Денибековъ курганъ и укрѣпленіе у Ачкуа—два баталіона ленкоранцевъ и 4 орудія (орудія на Денибековомъ курганѣ).

Въ укрѣпленіяхъ Муха-Эстате, подъ общимъ начальствомъ командира Закатальскаго полка, полковника Солтана,—три баталіона Закатальскаго полка и 6 орудій.

Кромѣ того, у редута № 7-го для охраны праваго фланга, кажется, назначенъ былъ баталіонъ александропольцевъ.

Въ заключеніе дополнительныхъ приказаній прибавимъ, что, по распоряженію начальника артилеріи, батареи, бывшія на передовой позиціи, должны были имѣть при себѣ только передки и 1-е зарядные ящики; 2-е и 3-е зарядные ящики должны были расположиться у трехъ мостовъ въ трехъ пунктахъ, соотвѣтственно тремъ групамъ позиціонной артилеріи, перейдя Кинтриши и въ такомъ порядкѣ: у лѣваго моста 2-е и 3-е ящики 1-й бат. 41-й бриг.; у средняго 1-й и 3-й бат. 38 бригады и 2-ой 19-й, и у праваго моста ящики 3-й бат. 41-й бригады; далѣе, на правомъ берегу Кинтриши, вправо отъ Денибекова кургана, расположился 41-й дивизіонный летучій паркъ и стрѣлковое отдѣленіе кавказскаго конно-артилерійскаго полупарка.

Батарейнымъ командирамъ приказано было ознакомить людей съ расположеніемъ 2-хъ и 3 хъ зарядныхъ ящиковъ и парка.

Подобнаго рода организація снабженія батарей боевыми запасами была на столько совершенна во всѣхъ отношеніяхъ, какъ-то: близости, простоты, удобства и безопасности, что въ дни боя батареи только тогда могли нуждаться въ снарядахъ, когда ихъ не было бы въ паркѣ.

Подвижной же паркъ находился въ Озургетахъ въ разстояніи 27 верстъ (приблизительно).

Въ данномъ случаѣ, если бы предвидѣлось дальнѣйшее движеніе или продолжительная борьба за обладаніе высотами Квирике, Дзегва и Цихисдзири, было бы крайне желательно имѣть подвижной паркъ на Муха-Эстате, что, по всей вѣроятности, и было бы исполнено, если бы характеръ операціи этого потребовалъ.

Четырехфунтовымъ батареямъ (4-я и 5-я бат. 41-й бриг.) приказано было сопровождать колонны съ одними передками, такъ какъ колонны должны были слѣдовать безъ дорогъ; кромѣ того, тѣмъ же батареямъ предписано было быть готовыми, на случай занятія Квирике, двинуть за собой одни передки отъ ящиковъ (батареи имѣли четырехколесные зарядные ящики).

Расположеніе артилеріи.—Выше мы ознакомились уже съ расположеніемъ артилеріи на позиціи гребня Самеба и Столовой горы, изъ которой видно, что, въ силу мѣстныхъ условій, вся масса орудій (расположенныхъ на позиціи) дѣлилась на три групы: артилерію лѣваго фланга—4 орудія (1-й бат. 41-й бриг.), артилеріи центра—26 орудій (1-я и 3-я бат. 38 бриг. 2 орудія 2-й бат. 41-й бриг. 2-я бат. 19-й бриг.) и артилерія праваго фланга—8 орудій (3-й бат. 41-й бриг.) *).

Всѣ три групы, отдѣленныя значительнымъ разстояніемъ, были еще раздѣлены закрытой пересѣченной мѣстностью, изъ чего усматривается, что артилерія была въ сущности разбросана, что управленія ея однимъ лицомъ было трудно, что сосредоточеніе ея огня въ рѣшительную минуту на какой либо одинъ пунктъ обладанія, которымъ рѣшилась бы участь боя, было также трудно, почти невозможно, и что въ расположеніи ея преслѣдовалось нѣсколько цѣлей.

Всѣ означенныя явленія, бывшія послѣдствіемъ растянутости расположенія, понимаемаго въ геометрическомъ смыслѣ, усиливались еще мѣстными условіями (крайняя пересѣченность мѣстности, густая растительность и прихотливые изгибы линіи фронта) и охватывающимъ расположеніемъ непріятельской позиціи.

Въ центрѣ, въ участкѣ большаго лѣсистаго кургана, можно было бы помѣстить всѣ девятифунтовыя (числомъ 48) пушки отряда, правда расположеніе было бы нѣсколько тѣсно, потери были бы несравненно больше, но за то артилерія была бы въ рукахъ одного лица, огонь ея можно было бы сосредоточить именно по тому пункту, на который указывала диспозиція и на который (какъ увидимъ далѣе) были направлены всѣ усилія атакующей пѣхоты.

Въ диспозиціи совершенно опредѣленно указывалось для позиціонной артилеріи дѣйствіе вообще по Квирике и особенно по «Желтой батареѣ» и подготовить атаку на эту батарею».

Для этой цѣли (очевидно, Желтая батарея и вообще Квирике—рѣшительный пунктъ), т. е. для дѣйствія по Квирике вообще назначалась артилерія лѣваго фланга и центра, 4+26 орудій, но сколько-нибудь дѣйствительная стрѣльба по Квирике могла производиться только изъ артилеріи центра, ибо лѣвофланговая артиле-

---

*) До боя 8 четырехфунтовыхъ орудій 4-й бат. 41-й бригады, какъ орудія болѣе легкія и менѣе дальнострѣльныя, были назначены состоять при колоннѣ (правой), но, въ виду полной невозможности сопровождать колонну, были оставлены на Столовой горѣ, занявъ позицію правѣе 3-й бат. 41-й бриг., такъ что правофланговая батарея въ сущности составила массу въ 16 орудій.

рія едва-едва могла только добросить свои снаряды до противостоящихъ ей непріятельскихъ батарей (изъ горныхъ орудій), но дѣйствовать по Желтой батареѣ и ближнимъ ей пунктамъ не могла никоимъ образомъ.

Слѣдовательно для рѣшительнаго дѣйствія по Квирике остается только артилерія центра, т. е. всего 26 орудій.

Расположеніе артилеріи въ участкѣ большаго лѣсистаго кургана было бы выгодно еще въ смыслѣ близости разстоянія до Квирике, — здѣсь разстояніе до непріятельскихъ позицій было отъ 600—900 саж.; какъ разъ противъ большаго лѣсистаго кургана находилась выдающаяся къ намъ часть Квирике, и именно участокъ «Желтой батареи» *).

Только при сосредоточенномъ расположеніи артилеріи отряда въ указанномъ участкѣ можно было бы извлечь изъ нея всю ту пользу, на которую справедливо было разсчитывать. Если-бы данная мѣстность носила равнинный характеръ, то артилерія, будучи даже въ геометрическомъ смыслѣ разбросанной, все же могла бы сосредоточить огонь по любому пункту, но въ данныхъ условіяхъ требовалось сосредоточенное расположеніе; кромѣ того, равнинный характеръ дозволилъ бы и перемѣщеніе батарей въ теченіе самаго боя, что въ нашемъ случаѣ было опять-таки невозможно.

Въ этомъ отчасти и заключалась рѣзкая особенность употребленія и дѣйствія артилеріи на данномъ театрѣ военныхъ дѣйствій.

Насколько мѣстность вліяла на управленіе огнемъ батареи — видно изъ того, что вслѣдствіе сильной растительности и пересѣченности мѣстности прислуга одного орудія не видѣла прислуги рядомъ стоящаго, другаго орудія той же батареи.

Ко дню штурма кобулетскій отрядъ усилился двумя девятифунтовыми батареями 38-й бригады, слѣдовательно, если считать и 8 позиціонныхъ орудій Озургетской мѣстной батареи (Озургеты отстояли всего въ суточномъ переходѣ отъ Денибекова кургана, слѣдовательно притянуть Озургетскую мѣстную батарею къ Муха-Эстате или Денибекову кургану ничего не стоило), то всего артилеріи ко дню боя въ распоряженіи кобулетскаго отряда было: полевыхъ девятифунтовыхъ 48 (шести полевыхъ девятифунтовыхъ батарей), полевыхъ четырехъ-фунтовыхъ 16 (двухъ батарей), гор-

---

*) По окончательномъ вооруженіи батарей, возведенныхъ въ участкѣ большаго лѣсистаго кургана, между орудіями 1-й бат. 38-й бригады и 2-й бат. 19-й бригады осталось еще много ложементовъ, не занятыхъ орудіями: только два изъ нихъ были заняты орудіями 2-й батареи 41-й арт. бриг.

ныхъ трехфунтовыхъ 8, позиціонныхъ четырехфунтовыхъ 8. Итого 80 орудій полевыхъ калибровъ.

На 8 позиціонныхъ орудій Озургетской мѣстной батареи притянуты на передовыя позиціи не были, и это лишеніе себя 8 орудій, которыя могли бы во время боя нести службу по охраненію тыла и сообщеній, входя въ составъ оборонительныхъ средствъ укрѣпленій на Муха-Эстате, у р. Ачкуа и Денибекова кургана, заставило насъ для усиленія обороны Муха-Эстате и Денибекова кургана выдѣлить 10 девятифунтовыхъ орудій: 6 орудій 2-й батареи 41-й бригады на Муха-Эстате и 4 орудія 1-й бат. 41-й бригады на Денибековъ курганъ.

Для расположенія на передовыхъ позиціяхъ и для сопровожденія штурмовыхъ колоннъ осталось всего 62 орудія, изъ коихъ на постоянной позиціи, для подготовки штурма, имѣлось 38 девятифунтовыхъ орудій, а для колоннъ — 16 четырехфунтовыхъ и 8 горныхъ.

Въ диспозиціи сказано: «артилерія лѣваго фланга и центра, за исключеніемъ батареи на Столовой горѣ, имѣетъ ближайшей цѣлью сбить батареи непріятеля, расположенныя на Квирике, особенно же Желтую батарею, и подготовить атаку на эту батарею. Батарея на Столовой горѣ имѣетъ ближайшей цѣлью сбить «Амбразурную батарею и подготовить атаку на эту батарею».

Слѣдовательно въ диспозиціи указаны двѣ цѣли: высоты Квирике и Амбразурная батарея; противъ Амбразурной назначено 8 девятиф. 3-й бат. 41-й бриг., слѣдовательно противъ Квирике (самаго важнаго по отношенію конечной цѣли боя) остается 30 девятифунтовыхъ орудій, а если вычесть еще 4 орудія 1-й батареи 41-й бригады, расположенныя на крайнемъ нашемъ лѣвомъ флангѣ, въ редутѣ «Самеба», имѣвшія противъ себя горныя батареи крайняго праваго фланга непріятеля и не имѣвшія возможности (по дальности) дѣйствительно поражать ни «Желтую батарею», ни стоящія вправо отъ нея другія батареи, то окажется, что противъ участка непріятельской позиціи, указаннаго въ диспозиціи, какъ рѣшительнаго, оставалось всего 26 девятифунтовыхъ орудій, изъ коихъ далеко не всѣ опять-таки могли вполнѣ удачно поражать «Желтую батарею», и ближайшіе ея участки, какъ, напримѣръ, 3-й бат. 38-й артил. бригады, занимавшая позицію далеко влѣво отъ большаго Лѣсистаго кургана. Слѣдовательно въ концѣ концовъ противъ «Желтой батареи» и ближнихъ ей батарей дѣйствовало отъ 18-ти до 26-ти орудій (если считать и 3-й бат. 38-й) или, строго говоря, только 18 орудій.

По нашему крайнему разумѣнію вопросъ о распредѣленіи артилеріи и ея расположеніи могъ-бы быть разрѣшенъ слѣдующимъ путемъ:

1) Восемь орудій Озургетской мѣстной батареи слѣдовало притянуть къ отряду и, оставивъ два орудія на Муха-Эстате (чего было совершенно достаточно для усиленія его обороны), остальныя шесть имѣть на Денибековомъ курганѣ и люнетѣ № 7-го.

2) На участкѣ большаго Лѣсистаго кургана, противъ Желтой батареи и ея траншей, сосредоточить всѣ 48 девяти-фунтовыхъ орудій (вмѣсто 26-ти) для дѣйствія по тому рѣшительному пункту непріятельской позиціи, куда будутъ направлены всѣ усилія атакующей пѣхоты.

3) Противъ Амбразурной батареи выставить 4 четырехфунтовыхъ орудія или даже 8 орудій, съ исключительной цѣлью демонстраціи въ этомъ направленіи и сильной обороны Столовой горы, которая получаетъ характеръ заслона.

4) Оставшіяся 8 четырехфунтовыхъ и 8 горныхъ имѣть при штурмовыхъ колоннахъ.

Наконецъ, если даже для обороны тыла и сообщеній изъ Озургетъ и не было бы притянуты 8 позиціонныхъ орудій, то все же оставленіе для этой цѣли 10-ти девятифунтовыхъ орудій не могло не ослабить весьма чувствительно дѣйствительность огня противъ Квирике; особенно Муха-Эстате было снабжено сверхъ надобности (6 орудій 2-й батареи 41-й бригады).

Итакъ детальное распредѣленіе артилеріи ко дню 11-го іюня было слѣдующее: на Самеба 30 орудій, на Столовой 8, на Денибековомъ курганѣ 4 орудія, на Муха-Эстате 6; 16 четырехфунтовыхъ и 8 горныхъ были распредѣлены по колоннамъ и 8 позиціонныхъ мѣстной батареи были оставлены на базѣ—въ Озургетахъ.

Цѣль боя. Одновременный штурмъ (по всей длинѣ) непріятельской позиціи былъ немыслимъ и не привелъ бы ни къ чему; малочисленность отряда сравнительно съ силами противника и охватывающее расположеніе его привело бы къ тому, что слабыя численно колонны, расходясь по радіусамъ и двигаясь по пересѣченной лѣсистой мѣстности, потеряли бы очень скоро и связь, и взаимную поддержку.

Главное свойство непріятельской позиціи заключалось:

1) Въ неприступности фланговъ, обезпеченныхъ неприступными лѣсистыми горами и враждебнымъ намъ населеніемъ съ праваго и моремъ (во власти непріятеля) съ лѣваго фланговъ.

2) Въ охватывающемъ расположеніи,—впереди лежащая мѣстность оборонялась перекрестно.

3) Съ фронта сильное естественное препятствіе—рѣчка Кинтышъ, протекающая въ дикой, пересѣченной, заросшей и глубокой долинѣ—цѣлая система овраговъ и мелкихъ балокъ, скаты которыхъ покрыты растительнымъ хаосомъ.

4) Оборона позиціи по частямъ, взаимная оборона отдѣльныхъ гребней и высотъ.

5) За первымъ гребнемъ позиціи—второй гребень позицій.

6) Обширная подготовка позиціи въ инженерномъ отношеніи, соединенная съ образцовымъ примѣненіемъ къ мѣстности.

Обойти такую позицію было невозможно, но въ охватывающемъ положеніи была и слабость ея въ смыслѣ протяженія (если только была какая-нибудь слабая сторона въ этой замѣчательной по силѣ обороны позиціи), слѣдовательно оставалось прорвать ее или въ центрѣ, или гдѣ-либо ближе къ флангамъ.

Разсмотримъ по очереди всѣ три направленія: ударъ въ лѣвый флангъ расположенія турокъ (движеніе со Столовой горы) приводилъ къ наиболѣе сильно укрѣпленнымъ мѣстамъ позиціи и отрѣзывалъ, только въ случаѣ дальнѣйшаго успѣха въ этомъ направленіи, всю линію непріятельской позиціи отъ моря; но за то сопровождался невыгодами оставленія большихъ силъ на Самебѣ; для удержанія непріятеля въ этомъ направленіи (а Самеба въ восемь разъ длиннѣе Столовой горы), расположеніе наше (неподвижнымъ лѣвымъ флангомъ въ редутѣ Самеба и до Амбразурной батареи и далѣе до моря) выходило непомѣрно длиннымъ, мы ослабляли себя въ центрѣ и, кромѣ того, занимая лѣвофланговые участки непріятельской позиціи, были подвержены огню непріятеля съ трехъ сторонъ: слѣва съ командующихъ высотъ Квирике, съ фронта—съ тыльныхъ укрѣпленій Дзегва, Ципнара и др. и справа—броненосцевъ.

Занимая эти высоты подъ огнемъ съ разныхъ сторонъ, мы едва ли могли-бы держаться, а растянутое положеніе давало возможность непріятелю ударить на Самеба, что было-бы равносильно и удару во флангъ боеваго расположенія и на сообщенія.

Невыгоды этого направленія были слишкомъ ясны.

Ударъ на правый флангъ непріятельскаго расположенія представлялъ бы совершенную аналогію съ занятіемъ всѣхъ предшествовавшихъ гребней, начиная съ Муха-Эстате; ударъ въ этомъ направленіи произошелъ бы по участку позиціи, менѣе всего подготовленному въ инженерномъ отношеніи, по отстоявшему въ небольшомъ удаленіи отъ нашихъ позицій, сопровождался бы слѣдовательно болѣе продолжительнымъ движеніемъ подъ огнемъ и, кромѣ

того, въ отношеніи растянутости расположенія представлялъ невыгоды перваго направленія.

Но продолжительное движеніе наше въ этомъ направленіи дало бы непріятелю возможность сосредоточить здѣсь резервы. Не смотря на всѣ перечисленныя невыгоды движенія въ сказанномъ направленіи, оно имѣло тѣ существенныя преимущества, что здѣсь были слабо развиты фортификаціонныя сооруженія и что, разъ мы заняли тутъ участокъ, то анфилировали уже все расположеніе непріятеля; слѣва могли бы тревожить насъ только жители Кобулетіи, которые, въ свою очередь, этимъ движеніемъ отрѣзывались отъ крѣпости и лагеря регулярной арміи турокъ.

Остается третье направленіе—центральное, главная выгода котораго заключалась въ раздѣленіи непріятельскаго растянутаго, охватывающаго расположенія на двѣ части, при условіи собственнаго сосредоточеннаго (центральнаго) расположенія; кромѣ того, ударъ въ этомъ направленіи выходилъ на ближайшіе къ нимъ участки турецкаго расположенія (меньше времени идти подъ огнемъ), тотъ участокъ гребня Квирике, по которому съ большей чѣмъ гдѣ либо вѣроятностью на успѣхъ, можно было дѣйствовать многочисленной артилеріи отряда; занимая этотъ участокъ, мы были подвержены дѣйствительному артилерійскому и ружейному огню только справа, ибо слѣва оставались жители и горная артилерія; укрѣпленныя же высоты справа командовались Квирикской высотой, слѣдовательно сильная артилерія лѣваго фланга и тыла турецкихъ укрѣпленій не была намъ особенно страшной.

Движеніемъ въ этомъ направленіи мы не растягивались по фронту, слѣва мы обезпечивали себя собственнымъ движеніемъ и укрѣпленнымъ расположеніемъ на редуты Самеба,— оставалось только сильно укрѣпиться справа, на Столовой горѣ, придавъ сей послѣдней характеръ боковаго заслона, и, подготовивъ себѣ сосредоточеннымъ огнемъ девятифунтовыхъ орудій участокъ «Желтой батареи», направить на нее сколь можно превосходныя силы.

Такъ и постановлено было въ общемъ рѣшеніе вопроса о выборѣ направленія, но въ частностяхъ и въ исполненіи движенія вопросъ былъ рѣшенъ нѣсколько иначе, что усматривается изъ всего сказаннаго о сосредоточеніи артилеріи противъ участка «Желтой батареи» и изъ диспозиціи.

Для ослабленія противника на «участкѣ Желтой батареи» было сдѣлано много: во-первыхъ, демонстрація и движеніе правой колонны, которая переходитъ въ рѣшительное наступленіе только тогда, когда лѣвая занимаетъ Квирике, а до тѣхъ поръ только де-

монстрируетъ, и, во-вторыхъ, демонстрація кавалеріи на правомъ берегу Кинтриши.

Намъ казалось впрочемъ, о чемъ выше и было упомянуто, что роль правой колонны исключительно—демонстративная; при этомъ условіи трехъ баталіоновъ (вмѣсто семи) было бы достаточно, и оставалось бы только усилить Столовую гору въ фортификаціонномъ отношеніи, обставивъ ее особенно засѣками, благо было вдоволь подходящаго лѣса, и тогда въ соединеніи съ мѣстностью этотъ заслонъ былъ бы неприступенъ.

Остается разсмотрѣть, какъ извѣстный принципъ сосредоточенія превосходныхъ силъ къ точкѣ удара въ рѣшительную минуту былъ проведенъ нами по отношенію всего театра войны. Для этого вспомнимъ, какъ были расположены войска по всему театру ко дню 11-го іюня и какъ распорядились мы охраной и службой въ тылу и на сообщеніяхъ.

Опять таки и въ этомъ случаѣ приходится сожалѣть, что организація дружинъ изъ мѣстнаго православнаго населенія ведена была въ ограниченныхъ размѣрахъ; еслибы мы имѣли то количество дружинъ, какое могло бы выставить населеніе, то, выдѣливъ наиболѣе подготовленныя и лучшія по составу дружины въ передовыя позиціи, мы имѣли бы возможность остальной массѣ милиціи (совмѣстно съ мѣстными войсками) поручить службу въ тылу и по охраненію сообщеній отъ Денибекона кургана вплоть до Озургетъ, также и отъ Николаевска до Поти, вслѣдствіе чего всѣ полевыя войска при-Ріонскаго края могли бы быть сосредоточены на послѣднихъ позиціяхъ у верковъ Цихисдзири.

Слѣдовательно отсутствіе многочисленной милиціи ослабляло насъ вдвойнѣ—и прямо и косвенно.

Прилагаемъ здѣсь схему групировки силъ къ 11-му іюня. Намъ неизвѣстно въ точности, какія части войскъ находились въ Озургетахъ и въ Николаевскѣ, не ручаемся вполнѣ и за точность размѣщенія войскъ по сю сторону р. Кинтриши, и здѣсь можетъ быть вкрались ошибки въ расположеніи двухъ баталіоновъ ленкоранцевъ отъ Денибекова кургана до Муха-Эстате, и въ расположеніи баталіона александропольцевъ у люнета № 7-го. Во всякомъ случаѣ, эти три баталіона р. Кинтриши не переходили и въ бою 11-го и 12-го числа участія не принимали, а были расположены гдѣ-то въ раіонѣ Денибекова кургана, люнета № 6-го и № 7-го и Муха-Эстате.

Изъ схемы видно, что по ту сторону р. Кинтриши на передовыхъ позиціяхъ Самеба и Столовой горы сосредоточена была масса

въ 21 баталіонъ, 62 орудія и двѣ роты; по эту же сторону рѣки, для охраны тыла, фланговъ и сообщеній,—шесть баталіоновъ, 10 орудій и шесть сотенъ.

Но изъ 20-ти баталіоновъ на передовыхъ позиціяхъ два баталіона при двухъ орудіяхъ (3-й Севастопольскій и 1-й Ленкоранскій не примутъ участія въ ударѣ, а останутся для охраны лѣваго фланга (мѣра цѣлесообразная и благоразумная), такъ что для активнаго дѣйствія остается всего 18 баталіоновъ, изъ коихъ пять имѣютъ фронтъ къ Амбразурной батареѣ. Слѣдовательно для движенія противъ Квирике остается всего 13 баталіоновъ, изъ которыхъ четыре баталіона Пятигорскаго полка составляютъ еще общій резервъ.

И такъ, въ направленіи къ рѣшительному пункту остается всего девять баталіоновъ (если не считать общаго резерва), но изъ нихъ колонна подполковника Пригары имѣетъ по диспозиціи направленіе къ нижнему турецкому лагерю; слѣдовательно число баталіоновъ, направленныхъ на рѣшительный пунктъ, участокъ «Желтой батареи», уменьшится до семи, что составляетъ всего $^1/_4$ часть силъ отряда, если не считать силъ, оставленныхъ въ Озургетахъ; въ противномъ случаѣ, дробь эта еще уменьшится, а взявъ въ разсчетъ, что лѣвая колонна князя Чавчавадзе должна была выйти влѣво отъ «Желтой батареи», силы уменьшатся еще на два баталіона.

Но надо сознаться, что такая групировка оправдывается:

а) необыкновенной чувствительностью фланговъ и вообще всей короткой операціонной линіи;

б) необходимостью имѣть два фронта и ожидать непріятеля со всѣхъ сторонъ;

в) отсутствіемъ резервныхъ войскъ (а кавалеріи всего шесть сотенъ);

г) отсутствіемъ многочисленной милиціи для службы въ тылу и на сообщеніяхъ.

Во всякомъ случаѣ, изъ этихъ семи баталіоновъ, направлены къ «Желтой батареѣ» лучшія по боевымъ качествамъ войска: 1-й и 4-й стрѣлковые, 1-й Пластунскій баталіоны, Гурійская и Грузинская пѣшія дружины.

Части эти, кромѣ того, достаточно обстрѣлялись и осмотрѣлись. Въ составъ правой колонны вошелъ 2-й стрѣлковый баталіонъ, также осмотрѣвшійся и обстрѣлявшійся и показавшій высокія боевыя качества; баталіонъ этотъ былъ необходимъ правой колоннѣ, такъ какъ со стороны Амбразурной батареи, по направленію къ Столовой горѣ, всегда можно было ожидать болѣе или менѣе серьезную контръ-атаку.

По нашему крайнему разумѣнію, безъ ущерба по охраненію фланговъ и сообщеній, можно было бы ослабить гарнизоны Муха-Эстате, Лѣсистаго кургана у р. Ачкуа, Денибекова кургана и люнета № 6-го и № 7-го и довести число баталіоновъ по ту сторону р. Кинтриши до 22-хъ—24-хъ; также можно было бы ослабить и составъ правой колонны, придавъ ей демонстративное и оборонительное значеніе, и тогда на Квирике были бы направлены силы дѣйствительно превосходныя по отношенію къ числительности отряда.

Наконецъ, отказавшись отъ демонстраціи на правомъ берегу р. Кинтриши и оставивъ для наблюденія только двѣ сотни кавалеріи, мы имѣли бы четыре сотни свободными, которымъ могла бы быть поручена охрана тыла.

День передъ атакой, 10-го іюня и ночь съ 10-го на 11-е были заполнены послѣдними передвиженіями. Какъ ни было мало разстояніе, на которое батареи должны были передвинуться, тѣмъ не менѣе передвиженіе батарей было полно трудностей; не обошлось и безъ приключеній: такъ, во 2-й батареѣ 19-й бригады одно орудіе скатилось было въ балку, не раздавивъ, по счастью ни ѣздовыхъ, ни лошадей, и общими усиліями было вытащено. Двигалась и пѣхота: Пятигорскій полкъ во главѣ своего браваго командира, полковника Михаила Борисовича Бучкіева*) съ музыкой и распущенными знаменами перешелъ р. Кинтриши у средняго моста и расположился бивакомъ у подножія Самеба; 2-я Кутаисская (Имеретинская) дружина расположилась на Столовой горѣ, правѣе 2-го стрѣлковаго баталіона.

Поздно вечеромъ я получилъ приказаніе сообщить командирамъ батарей диспозицію для предстоящаго боя, со всѣми ея дополненіями. По окончаніи порученія, когда уже совсѣмъ стемнѣло, я, съ офицерами 2-й батареи 19-й бригады и 1-й батареи 38-й бригады спустился съ большаго лѣсистаго кургана къ сторонѣ непріятеля, и, пройдя немного за цѣпь постовъ, мы начали прислушиваться къ крикамъ «алла», раздававшимися періодически на высотахъ Квирике; въ антрактахъ слышенъ былъ топотъ коней многихъ всадниковъ, прекращавшійся мгновенно,—послѣ чего раздавались крики.

Ночь была тихая, и все это выходило очень эфектно и красиво.

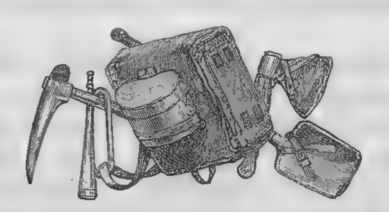

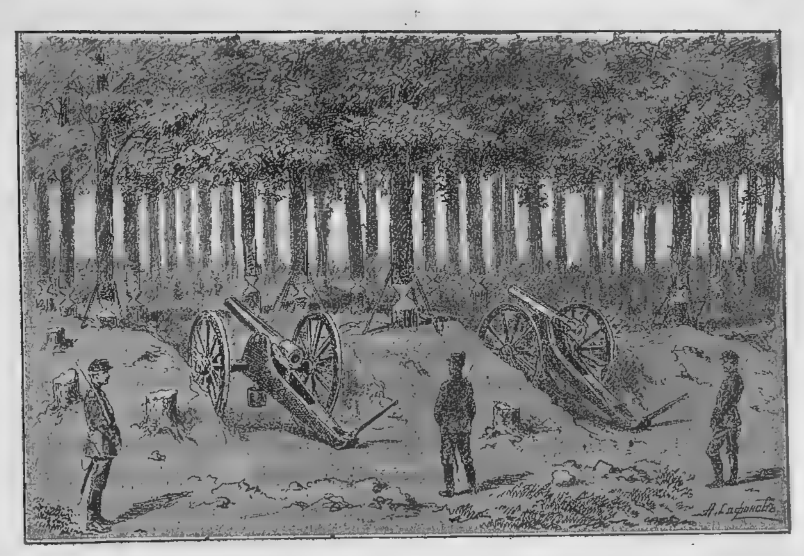
*) Полковникъ Бучкіевъ впослѣдствіи при штурмѣ Карса, въ ночь съ 5-го на 6-е, палъ смертью храбраго, вмѣстѣ съ охотниками своего полка, во рву Тохмаса.

Наблюдаемое нами явленіе имѣло видъ объѣзда войскъ на Квирике; судя по силѣ и продолжительности крика, мы разсудили, что на высотахъ Квирике Дервишъ-паша привѣтствовалъ четыре большія массы, что наводило на мысль, что за Желтой батареей находились въ резервѣ по крайней мѣрѣ 12 таборовъ, а можетъ быть и весь общій резервъ былъ сосредоточенъ за участкомъ Желтой батареи.

Поздно ночью я вернулся на Денибековъ курганъ, гдѣ никто еще не спалъ. Отпуская своихъ адъютантовъ на отдыхъ, начальникъ артилеріи приказалъ имъ быть готовыми, на лошадяхъ, къ тремъ часамъ утра,—часъ, назначенный имъ для выѣзда съ Денибекова кургана на передовыя позиціи.

Я забылъ упомянуть, что князь Григорій Гуріель уѣхалъ изъ отряда утромъ того же 10-го іюня. «Я не могу быть свидѣтелемъ напрасно и безцѣльно пролитой крови; мы ничего не сдѣлаемъ противъ Цихисдзири», говорилъ онъ мнѣ, когда я пришелъ съ нимъ проститься, «а людей потеряемъ много-много, и дай Богъ, чтобы еще удалось намъ уйти благополучно». Какъ глубоко ни подчинялся я его авторитету и какъ ни вѣрилъ его знаніямъ противниковъ нашихъ, тѣмъ не менѣе на этотъ разъ я думалъ, что князь неправъ; но, къ сожалѣнію, послѣдствія оправдали его пророчество.

Артилерія на Самебѣ.

XI.
Бой 11-го и 12-го іюня.

(Атака Цихисдзирскихъ укрѣпленій 11-го и переходъ турокъ въ наступленіе 12-го іюня).

асу въ 3-мъ утра, 11-го іюня, собравшись въ условленное время, мы поѣхали немедленно на передовыя позиціи. Полковнику Филимонову хотѣлось въ послѣдній разъ лично убѣдиться, что въ артилеріи все готово и что всѣми батарейными командирами усвоены цѣль и характеръ предстоявшаго артилерійскаго боя.

Когда мы выѣхали съ Денибекова кургана, лагерь объятъ былъ сномъ и мертвымъ покоемъ.

Утро было восхитительное. Мы спустились въ долину р. Кинтриши, наполненную утренней свѣжестью, выѣхали къ среднему мосту, переѣхали чистыя какъ хрусталь и холодныя воды рѣки, мчавшіяся съ шумомъ къ морю, и начали взбираться вверхъ на Самеба по средней дорогѣ. На полгорѣ и полдорогѣ, влѣво отъ насъ, па лужайкѣ, обрамленной ярко-зеленымъ и густымъ лѣсомъ, встрѣтили уже стоявшую въ запряжкѣ 5-ю батарею 41-й бригады. Батарея была почти готова присоединиться къ колоннѣ полковника Гурчина. Полковникъ Филимоновъ поздоровался и объѣхалъ батарею, имѣвшую прекрасный бодрый видъ.

Отсюда мы продолжали слѣдованіе вверхъ и, добравшись до гребня Самеба, а именно до Большаго лѣсистаго кургана, остановились здѣсь на площадкѣ, выбранной еще наканунѣ полковникомъ Филимоновымъ; отсюда начальникъ артилеріи и его адъютанты разъѣхались по батареямъ, условясь, по окончаніи осмотра и исполненія порученія, собраться сюда ко времени открытія огня.

Приказанія, переданныя полковникомъ Филимоновымъ своимъ адъютантамъ, заключались въ повѣркѣ: всѣ ли деревья, находившіяся передъ фронтомъ батарей и мѣшавшія дѣйствію изъ орудій, подпилены на столько, что при помощи небольшихъ усилій, они легко могутъ быть обрушены; нѣтъ-ли еще какихъ либо кустовъ или деревьевъ, не помѣченныхъ для обрушенія и мѣшающихъ дѣйствію изъ орудій; не возникли-ли какія нибудь недоразумѣнія между батареями касательно цѣли дѣйствія; имѣетъ-ли скатъ бруствера окоповъ надлежащее направленіе; усвоены-ли ѣздовыми и фейерверками ближайшіе пути отъ батарей къ вторымъ и третьимъ зарядным ящикамъ и расположенію дивизіоннаго летучаго парка; помѣстились-ли всѣ передки и первые ящики въ устроенныя имъ закрытія; есть-ли вода на батареяхъ и въ достаточномъ-ли количествѣ и ознакомлены-ли нижніе чины съ средствами ея доставки. Таковы были послѣднія заботы и распорядительныя мѣры начальника артилеріи.

Къ 6-ти часамъ, все вышесказанное было исполнено, вдоль всей артилерійской позиціи, и чины артилерійскаго штаба собрались въ условленномъ мѣстѣ.

Мѣсто, выбранное полковникомъ Филимоновымъ для руководства артилерійскимъ боемъ, находилось на общемъ же гребнѣ Самеба въ центрѣ расположенія артилеріи: влѣво, въ 50-ти шагахъ, стояло 1-е орудіе 1-й батареи 38-й артилерійской бригады; вправо, шагахъ въ 120, два орудія 2-й батареи 41-й бригады, и далѣе— вся 2-я батарея 19-й артилерійской бригады; купа гигантскихъ

чинаровъ давала возможность хорошо оріентироваться всѣмъ, искавшимъ начальника.

На позиціяхъ непріятеля всюду было тихо и, кромѣ обычныхъ часовыхъ на батареяхъ, не видно было ни одного лишняго человѣка.

Также тихо было и на нашихъ позиціяхъ: пѣхота только что стягивалась; кое-гдѣ роты и взводы, назначенные для прикрытія артилеріи, занимали соотвѣтствующіе ложементы.

Легкій туманъ, закрывавшій отъ насъ непріятельскія позиціи, окончательно разсѣялся, и съ площадки открылась вся панорама непріятельскаго расположенія; прямо передъ нами отчетливо вырѣзывалась «Желтая батарея», съ своими четырьмя черезъ банкъ дѣйствовавшими орудіями, указанная диспозиціей—цѣлью дѣйствія 1-й батареи 38-й бригады. Въ бинокль отчетливо были видны дула и верхнія части колесъ четырехъ орудій, выступавшихъ изъ-за кроны.

Лѣвѣе Желтой батареи, такъ называемая, «батарея подъ дубомъ» *); далѣе, вверхъ по гребню Квирике, двѣ батареи, изъ коихъ крайняя—горная; батарея подъ дубомъ была предоставлена 3-й бат. 38 бригады, а двѣ остальныя батареи—тѣмъ же частямъ артилеріи, когда онѣ покончатъ съ батареей подъ дубомъ.

Вправо отъ Желтой батареи (всѣ эти положенія отсчитываются наблюдателемъ, обращеннымъ лицомъ къ непріятелю) еще двѣ батареи—цѣль дѣйствія 2-й батареи 19-й бригады. Всѣ батареи соединены блиндированными траншеями. За первой линіей укрѣпленій желтѣетъ вторая. Въ полуоборотъ направо виднѣется высокая отдѣльная, самая дальняя изъ дѣйствующихъ непріятельскихъ, «Дегвинская батарея», «Тыльная», «Рогачъ», какъ ее называли солдаты, а далѣе вправо—собственно Цихисдзирскія батареи.

Еще далѣе вправо виднѣется и «Амбразурная», имѣющая въ планѣ видъ подковы — цѣль дѣйствія 3-й батареи 41-й бригады. Но этимъ перечисленіемъ мы далеко не опредѣлили всѣхъ мѣстъ расположенія непріятельской артилеріи (въ теченіе боя 11-го и 12-го въ разныхъ мѣстахъ между указанными то и дѣло обнаруживали свое присутствіе новыя орудія или же вѣрнѣе перемѣщавшіяся изъ перечисленныхъ, къ которымъ мы удачно пристрѣливались). Всѣ названныя батареи значительно командовали нашимъ расположеніемъ, за исключеніемъ «Амбразурной».

Къ $5^1/_2$ часамъ усилилось движеніе на нашей позиціи; присту-

---

*) Впослѣдствіи оказалось гигантское фиговое дерево.

нлено было и къ демаскированію артилеріи, не обошедшемуся впрочемъ безъ легкихъ пререканій между саперами и артилеристами, кому именно его произвести, что кончилось впрочемъ дружнымъ содѣйствіемъ обоихъ родовъ оружія.

Огонь, по условію, долженъ былъ быть открытъ съ крайняго лѣваго фланга орудіями дивизіона 1-й батареи 41-й бригады, помѣщавшимися въ редутѣ Самеба; здѣсь находился командиръ батареи полковникъ Войно-Оранскій, которому было вмѣнено открыть огонь ровно въ 6 часовъ. Огонь, начатый съ лѣваго нашего фланга, долженъ былъ послужить сигналомъ къ начатію артилерійскаго боя и окончательному демаскированію орудій, послѣ чего пальба должна была уклоняться постепенно вправо. Батареи Столовой горы должны были открыть свое дѣйствіе значительно позже, дабы преждевременно не подвергнуть себя анфиладному огню непріятельскихъ батарей съ Квирике, которыя ко времени открытія дѣйствія со «Стола» могли быть уничтожены или ослаблены дѣйствіемъ центральной артилеріи. Между тѣмъ приближалось условное время для начала боя—шестой часъ; стрѣлка приближается къ этой цифрѣ; мы ожидаемъ еще нѣсколько секундъ,—и вотъ на крайнемъ нашемъ лѣвомъ флангѣ раздается условный звукъ—выстрѣлъ девятифунтоваго орудія; солдаты набожно осѣняютъ себя крестнымъ знаменіемъ; начинается артилерійская атака Цихисдзири.

Вслѣдъ за первымъ загрохоталъ второй выстрѣлъ, за нимъ третій... Съ трескомъ валятся деревья, назначенныя къ обрушиванію, и передъ турками мгновенно обнажаются, скрытыя до сихъ поръ, батареи.

Съ лѣсистыхъ вышекъ расположенія 3-й батареи 38-й бригады уже потянулись клубы бѣлаго дыма, и граната за гранатой полетѣли въ батарею «подъ дубомъ». Наконецъ наступила очередь и 1-й батареѣ 38-й бригады помѣриться съ «Желтой»: большой Лѣсистый курганъ мгновенно окутался дымомъ, и началась блестящая пристрѣлка этой батареи. Вправо загрохотали орудія 2-й батареи 19-й бригады.

Въ $6^1/_2$ часовъ вся наша артилерія центра и лѣваго фланга—30 девятифунтовыхъ орудій—наполнили воздухъ громомъ своихъ орудій. Турки начали отвѣчать съ самаго начала боя; первой открыла огонь «Желтая», и къ $6^1/_2$ часамъ нашимъ 30-ти орудіямъ отвѣчало приблизительно отъ 14-ти до 20-ти орудій, сначала разбрасывая свой огонь по всей позиціи, а потомъ сосредоточивая его на участкѣ большаго Лѣсистаго кургана.

Жадно, въ бинокль, присматривались мы къ паденіямъ нашихъ

снарядовъ на «Желтой», какъ вдругъ въ нашу сторону посыпались цѣлымъ роемъ пули: «откуда, когда наша цѣпь далеко впереди?» говорили мы, но тѣмъ не менѣе, не желая совершенно безполезно рисковать, принуждены были отойти назадъ, на линію батареи, и остановиться у самой купы чинаровъ; здѣсь было легче.

Наблюденія наши продолжались; турецкія орудія зачастили, непріятельскія гранаты, давая въ большинствѣ недолеты, съ необычайной мѣткостью ложились и въ бруствера орудійныхъ ложементовъ, и въ промежутки; рвалось ихъ небольшое количество; высоко въ воздухѣ въ листвѣ гигантскаго лѣса лопались ихъ шрапнели, и осколки со свистомъ летѣли въ долину р. Кинтриши. Въ воздухѣ стоялъ непрестанный гулъ отъ нашихъ выстрѣловъ и лопающихся непріятельскихъ снарядовъ. 1-я батарея 38-й бригады между тѣмъ кончала пристрѣливаться; начались мѣткіе залпы всею батареею, и «Желтая» одѣлась непроницаемыми облаками желтой и бурой пыли; выстрѣлы съ нея сдѣлались рѣже, а черезъ 35 минутъ послѣ открытія огня 1-й батареей 38-й бригады «Желтая» замолчала и навсегда *).

Еще ранѣе, намъ превосходно было видно въ бинокль, какъ одно орудіе на Желтой накренилось направо и опустилось,—вѣроятно было подбито лѣвое боевое колесо.

Итакъ, самая опасная намъ батарея, по ея выдающемуся и командующему положенію, уничтожена въ 35 минутъ; остальныя батареи непріятеля отвѣчали съ большимъ упорствомъ: прочнѣе другихъ держались батареи «подъ дубомъ», и бывшія вправо и влѣво отъ «Желтой» батареи крайняго праваго фланга временно замолчали.

Только теперь открыли огонь батареи «Столовой горы»: 3-я и 4-я 41-й бригады (послѣдняя поставлена была, по приказанію генерала Шелеметьева, лѣвѣе «Стола», на маломъ Лѣсистомъ курганѣ); необычайно мѣтко бросала свои гранаты 3-я батарея 41-й бригады по Амбразурной: каждая граната скрывалась въ амбра-

*) Какъ впослѣдствіи оказалось, два орудія Желтой были подбиты и приведены въ полную негодность, вся прислуга батареи уничтожена, уцѣлѣвшія два орудія были вывезены съ батареи и, снабженныя новой прислугой, пытались открыть огонь, то лѣвѣе, то правѣе своего перваго расположенія, но не дремавшая 1-я батарея 38-й бригады заставляла ихъ снова укрываться. Впослѣдствіи, по окончаніи войны, намъ пришлось бесѣдовать въ Кутаисѣ съ начальникомъ штаба Дервиша-паши Османъ-беемъ, отзывавшимся съ большой похвалой о дѣйствіи нашей артиллеріи вообще въ день 11-го и прибавившимъ, что никто изъ прислуги и офицеровъ «Желтой батареи» не остался въ живыхъ и что «Желтая» была буквальпо вся изрыта,—вспахана нашими снарядами.

зурѣ; иногда дымокъ отъ разрыва появлялся въ самой амбразурѣ. Противъ этихъ двухъ батарей турки сосредоточили огонь многихъ орудій и значительныхъ калибровъ и повели его на столько энергично, что къ Столовой горѣ невозможно было добраться по проложенной дорогѣ.

Противъ «Стола» дѣйствовала, главнымъ образомъ, Амбразурная, которая отвѣчала двумя 12-ти-фунтовыми и четырьмя 6-ти-фунтовыми; кромѣ нея, по «Столу» дѣйствовала «Дегвинская», которая двумя своими большаго калибра (осадными) орудіями временами обращалась и противъ 2-й батареи 19-й артилерійской бригады; кромѣ того, влѣво отъ Амбразурной, изъ какого-то неуловимаго ложемента иногда стрѣляли шестифунтовыя и горныя орудія, которыя безпрестанно перемѣщались.

Два броненосца, войдя въ устья р. Кинтриши, также обратили противъ «Стола» свои девятидюймовыя орудія. Турецкія батареи главной цихисдзирской позиціи по дальности разстоянія молчали все время.

Между тѣмъ 2-я батарея 19-й и два орудія 2-й батареи 41-й бригады успѣшно боролись съ батареями правѣе «Желтой» и значительно ослабили ихъ огонь, но, въ свою очередь, жестоко поражались огнемъ большихъ (осадныхъ) орудій съ «Дегвинской» батареи; одна изъ мѣтко пущенныхъ громадныхъ бомбъ этихъ орудій пронизала всю толщу бруствера окопа одного изъ орудій и, разорвавшись въ ровикѣ для прислуги, вынесла изъ строя всѣ нумера орудія; офицеръ спасся только тѣмъ, что легъ на траверсъ. Бомбы этихъ орудій поражали косвенно и часть общей дороги, шедшей вдоль фронта и примыкавшей открытымъ участкомъ ко 2-й батареѣ 19-й артилерійской бригады.

Начальникъ артилеріи приказалъ мнѣ передать: 1-й батареѣ 38-й бригады, блистательно покончившей съ «Желтой», обратить свой огонь противъ «батареи подъ дубомъ»; 3-й батареѣ 38-й бригады продолжать работать противъ «батареи подъ дубомъ», когда же она замолчитъ, то, совмѣстно съ 1-й батареей 41-й бригады, обратить свой огонь противъ батарей, лѣвѣе расположенныхъ.

Исполненіе порученія отняло полчаса времени; особенно трудно было подниматься къ расположенію 3-й батареи 38-й бригады, стоявшей подивизіонно въ вышкахъ, терявшихся въ лабиринтѣ всевозможныхъ растеній.

Когда я вернулся обратно, «батарея подъ дубомъ» уже стрѣляла рѣже, но влѣво отъ «Желтой» у бѣлѣвшагося домика показа-

лись новые клубы бѣлаго дыма,—вѣроятно дѣйствовали уцѣлѣвшія два орудія съ «Желтой».

Батареи правѣе «Желтой» не унимались; Дегвинская, до которой мы никоимъ образомъ не могли добросить снаряда, наносила особенно много вреда.

Промежутокъ между 1-й батареей 38-й бригады и 2-й батареей 19-й бригады и особенно выдающееся расположеніе (en flèche) 2-й батареи 19-й бригады ежесекундно было забрасываемо непріятельскими снарядами: тутъ былъ настоящій адъ отъ грома, треска и дыма падающихъ, зарывающихся и лопающихся снарядовъ; тутъ же засновали и первыя носилки съ ранеными.

Начальникъ артилеріи послалъ меня между тѣмъ съ новымъ приказаніемъ на редутъ Самеба. Сколько можно поспѣшнѣе исполнилъ я порученіе; на лѣвомъ флангѣ было значительно тише: батареи крайняго праваго турецкаго фланга съ трудомъ добрасывали сюда снаряды; тутъ впервые бросилась мнѣ въ глаза солидность нашего лѣвофланговаго сомкнутаго укрѣпленія; подъемъ къ укрѣпленію, обращенный къ долинѣ р. Кинтриши, былъ обрамленъ траншеей, въ которой сидѣли севастопольцы.

Предусмотрительность начальника штаба, полковника Казбека, сказалась и въ гарнизонѣ (надежные севастопольцы), и въ выборѣ коменданта, командира 1-го баталіона Севастопольскаго полка, маіора Мирзы Бараганскаго *) (татарина), стараго кавказца, храбраго, распорядительнаго, хотя и удивительно скромнаго по внѣшности, по манерамъ и по рѣчамъ офицера.

Исполнивъ порученіе, я вернулся къ начальнику артилеріи на участокъ Большаго Лѣсистаго кургана; было уже значительно тише: турецкая артилерія видимо сдавалась.

Страшный поворотъ ко 2-й батареѣ 19-й бригады былъ безопасенъ для движенія.

Со «Стола» вернулся и другой адъютантъ, поручикъ Разумовскій, и привезъ утѣшительныя извѣстія объ артилерійской борьбѣ и на правомъ флангѣ.

По всей линіи нашъ огонь сталъ рѣже. Вообще результаты нашей артилерійской атаки были слѣдующія: турецкая артилерія молчала на всемъ Квирике, кромѣ одного мѣста у «бѣлѣвшагося домика», откуда, впрочемъ очень слабо и уже безъ всякой меткости, показывали свое присутствіе два орудія, и крайняго турецкаго праваго крыла (горныя орудія), откуда огонь былъ безвре-

*) Убитъ впослѣдствіи въ главномъ корпусѣ 20-го сентября.

денъ и по дальности разстоянія, и по малости калибровъ. Не молчала «Дегвинская», обратившая весь свой огонь противъ «Стола», и броненосцы.

Такое положеніе дѣлъ указывало, что артилерія сдѣлала все, что могла, при данной обстановкѣ; даже 3-я батарея 41-й бригады заставила замолчать Амбразурную съ дистанціи 1,375 саж.

Личный составъ на батареяхъ пришелъ въ полное изнеможеніе; прислуга орудій падала отъ усталости; утомились и ящичныя лошади, непрерывно сообщавшіяся съ боевыми запасами.

Организація снабженія дала блестящіе плоды; всѣ ящики были цѣлы и батареи имѣли полный комплектъ. Потери на батареяхъ, благодаря мѣстности, окопамъ и безпорядочному, разбросанному огню непріятельской артилеріи, были ничтожны.

Молчаніе турецкой артилеріи, невозможность бить попрятанныя орудія—все это заставило начальника артилеріи придти къ убѣжденію, что задача артилеріи по указанной ей диспозиціи и при данныхъ условіяхъ выполнена: «поѣзжайте къ командующему войсками и доложите ему, что турецкая артилерія замолчала», обратился онъ ко мнѣ.

Такъ было условлено, и мое прибытіе на Денибековъ курганъ должно было служить сигналомъ для спуска трехъ ракетъ, означающихъ штурмъ позиціи.

Я поѣхалъ съ той скоростью, съ которой позволяла сила лошади и идущая вдоль фронта дорога.

Начиная отъ расположенія 1-й батареи 38-й бригады, вся дорога вдоль фронта до поворота налѣво къ среднему мосту была запружена войсками колонны полковника Гурчина, собравшимися здѣсь для спуска въ зловѣщую долину р. Кинтыша; тутъ были пластуны, стрѣлки 1-го и 4-го баталіона и кубанцы.

Дорогой частные начальники и офицеры сыпали мнѣ вопросы: «неужели вы уже ѣдете съ докладомъ, что турецкая артилерія сбита и что намъ пора штурмовать?» «Неужели вы думаете, что турецкая артилерія насъ не встрѣтитъ картечью?» «Будьте увѣрены, что орудія только свезены и къ штурму опять будутъ поставлены на батареяхъ».

Доказывать, что артилерія сдѣлала все, что могла, что все бывшее на дистанціи хорошаго выстрѣла сбито и что съ разстоянія въ 1,400 и болѣе саженъ нельзя демонтировать полевыми орудіями непріятельской артилеріи, помѣщенной за солидными временными верками, что главная опасность штурмующимъ пред-

стоитъ отъ ружейнаго огня,—мнѣ было некогда и я спѣшилъ своей дорогой.

Нѣкто изъ начальствующихъ лицъ, встрѣтясь со мной, сказалъ: «вы намъ сройте брустверa батарей, тогда мы вамъ скажемъ спасибо!» Всѣ эти вопросы и возраженія внушили мнѣ мысль, что частные начальники не очень-то вѣрятъ успѣху штурма.

Какъ только дорога стала свободной, я пустилъ лошадь въ карьеръ, повернулъ налѣво и сталъ спускаться въ долину р. Кинтриши къ среднему мосту.

Не доѣзжая немного до моста, я вдругъ, вправо отъ себя, внизу, совершенно неожиданно, услышалъ сильную ружейную трескотню и неистовые крики, несомнѣнно непріятельскіе; нѣсколько пуль высоко въ воздухѣ просвистѣло впереди меня.

Крики и ружейный огонь казались на столько близки, что первая мысль, пришедшая мнѣ въ голову, была та, что турки или кобулетцы, наступая внизъ по долинѣ р. Кинтриши, ударили намъ въ лѣвый флангъ и овладѣли лѣвофланговымъ мостомъ и что, наступая далѣе, они овладѣютъ среднимъ мостомъ.

Стрѣльба и крики усиливались и приближались.

Проѣхавъ мостъ и не видя еще непріятеля, я продолжалъ вскачь взбираться на Хуцу-Убани. Вотъ показался и Денибековъ курганъ; еще одно усиліе—и я очутился на курганѣ передъ командующимъ войсками; за нимъ стоялъ весь многочисленный штабъ и громадная толпа любопытныхъ изъ войскъ и пріѣхавшихъ въ отрядъ частныхъ лицъ. Я слѣзъ съ лошади и доложилъ генералу Оклобжіо, отъ имени начальника артилеріи, что «задача, возложенная на артилерію, исполнена ею въ предѣлахъ возможности и что въ данную минуту турецкая артилерія молчитъ».

«Ну! значитъ все готово, пора штурмовать; я слѣдилъ самъ съ начала боя и вотъ вижу, что черезъ полтора часа почти всѣ батареи замолчали», обратился ко мнѣ генералъ. «Ну, а эта горная правофланговая вѣдь не опасна намъ?» продолжалъ меня спрашивать генералъ Оклобжіо.

«Не опасна, в. п., какъ по дальности, такъ по малому числу орудій и калибру».

«Ну, такъ спустимъ ракеты и поднимемъ бѣлый флагъ!» И генералъ направился къ ракетнымъ станкамъ и къ казаку, приготовившему бѣлый флагъ.

Ко мнѣ между тѣмъ подошелъ полковникъ Краевичъ, начальникъ штаба войскъ края: «а что, не пробовали угомонить вотъ эту?» обратился онъ, указывая на «Дегвинскую».

«Нѣтъ, г. полковникъ, до нея намъ еле-еле добросить».

Надо сказать, что съ высоты Денибекова кургана, какъ разъ съ той площадки, на которой стояли палатки начальника артилеріи и моя и на которой происходилъ теперь весь вышеописанный разговоръ, прекрасно былъ виденъ весь ходъ артилерійскаго боя.

Пока спускались ракеты и казакъ подавалъ на гребень Самеба знаки бѣлымъ флагомъ, генералъ Оклобжіо выразилъ мнѣ свое удовольствіе по поводу дѣйствія нашей артилеріи.

Слѣдившій съ высоты кургана, генералъ Оклобжіо былъ доволенъ сбитіемъ «Желтой» и прекраснымъ дѣйствіемъ по Амбразурной.

«А вы не думаете, что въ минуту штурма они снова ввезутъ свои орудія и встрѣтятъ наши войска?» обратился ко мнѣ снова генералъ.

«Ваше превосходительство! Несомнѣнно, что въ минуту штурма они будутъ пытаться поставить орудія, но наша артилерія, уже пристрѣлявшаяся и взявшая разъ верхъ, не позволитъ имъ этого; во всякомъ случаѣ они не поставятъ орудія тамъ, гдѣ ихъ разъ заставили замолчать и откуда они наивыгоднѣйшимъ образомъ могли дѣйствовать по войскамъ!» отвѣтилъ я.

«Отдохните немного и потомъ поѣзжайте опять къ начальнику артилеріи; да объявите о моемъ приказаніи и спускѣ ракетъ тамъ, гдѣ этого не знаютъ и не видѣли».

Я подошелъ къ групѣ штаба; всѣ отдавали дань справедливости успѣху артилеріи. Здѣсь же узналъ я, что слышанные мною крики и пальба были дѣйствительно атакой жителей кобулетцевъ, неожиданно бросившихся съ горъ и лѣсовъ внизъ по р. Кинтриши на Самеба, но, встрѣченные огнемъ баталіоновъ 1-го Севастопольскаго и 1-го Ленкоранскаго и артилеріею (4 орудія 1-й батареи 41-й бригады), съ большими потерями были отброшены обратно въ свои лѣсистыя трущобы.

Здѣсь я убѣдился съ цѣлесообразности и благоразуміи сомкнутаго укрѣпленія на Самеба и солиднаго въ немъ гарнизона, а также и устройства средняго моста, который на случай занятія лѣваго, хотя бы, конечно, временнаго, могъ бы служить средствомъ сообщенія Денибекова кургана съ Самеба.

Давъ вздохнуть лошади, я поѣхалъ обратно.

Когда я пріѣхалъ къ начальнику артилеріи, онъ находился въ нетерпѣливомъ ожиданіи немедленной атаки непріятельской позиціи: «что же мы не двигаемся?» говорилъ онъ: «турецкая артиле-

Атака Цихисдзири 11-го іюня: спускъ сигнальныхъ ракетъ съ Денибекова кургана.

рія успѣетъ оправиться и отъ впечатлѣній, и отъ потерь; долго-ли подобрать новую прислугу; придется снова подготовлять движеніе, а турки, наученные опытомъ «Желтой», не будутъ болѣе выставляться и долго оставлять орудія на одномъ и томъ же мѣстѣ».

Полковникъ Филимоновъ былъ правъ какъ нельзя болѣе. Наступленіе лѣвой колонны только-что начиналось, и хотя послѣ того, какъ я пріѣхалъ на курганъ, прошло довольно времени (я возвращался почти шагомъ) и, наконецъ, простоялъ на курганѣ ¼ часа, но части лѣвой колонны только еще двигались къ спуску.

Нѣкоторые частные начальники лѣвой колонны не видали ракетъ и не знали, что пора наступать; я увѣрилъ ихъ, что собственными глазами видѣлъ спускъ ракетъ.

Это медленное движеніе, эти поздніе сборы, по моему крайнему разумѣнію, успѣха не обѣщали.

Какъ ни покажется страннымъ, но наступалъ второй періодъ дѣятельности артилеріи по подготовкѣ (съ той же самой позиціи), и начальникъ артилеріи далъ знать во всѣ батареи, что сейчасъ начинается наступленіе пѣхоты, а потому батареямъ быть въ полной готовности поддержать это наступленіе, для чего дѣйствовать по траншеямъ и ложементамъ, какіе только будутъ видны. Кромѣ того, было подтверждено батареямъ во время прекратить огонь, когда наша пѣхота начнетъ показываться на подъемѣ къ непріятельскимъ батареямъ, и тогда стараться перебросить снаряды черезъ батареи, для пораженія резервовъ; по непріятельской же артилеріи, начавшей кое-гдѣ обнаруживать свое присутствіе, начать дѣйствовать теперь же, но не долго и не энергично, помня, что непріятельская артилерія, при принятомъ ею теперь способѣ дѣйствія, мало опасна; приказано также озаботиться, чтобы всѣ батареи пополнили свои боевые запасы, и чтобы въ нужную минуту не остаться безъ снарядовъ.

Вскорѣ прибылъ на курганъ командующій войсками и расположился при 1-й батареѣ 38-й бригады; тутъ же кругомъ размѣстился штабъ.

Войскъ лѣвой колонны не было уже видно: только издали я видѣлъ хвостъ 5-й батареи 41-й бригады, спустившейся внизъ за войсками колонны полковника Гурчина.

Молчавшая около часа турецкая артилерія заговорила снова; но въ этой новой ея дѣятельности произошла существенная разница:

1) На выгоднѣйшемъ и выдающемся мѣстѣ «Желтой», имѣвшемъ прекрасный обстрѣлъ во всѣ стороны (особенно дѣйствіе по дорогамъ), не появлялось ни одного орудія;

2) также на другихъ мѣстахъ Квирике орудія были далеко отодвинуты отъ гребня;

3) въ общемъ она еще болѣе разбросалась;

4) дѣйствовала энергично, небольшими, короткими періодами, а въ большинствѣ вяло и не мѣтко, и

5) постоянно мѣняла мѣста расположенія орудій.

Дѣйствіе непріятельской артилеріи при такихъ условіяхъ, конечно, не было опаснымъ и потерь сколько-нибудь серьезныхъ нанести она намъ не могла.

Наша артилерія, въ свою очередь, не могла ее доканать при этихъ условіяхъ, но за то и не давала ей во все послѣдующее время занимать выгодныя позиціи.

Только Амбразурная батарея, какъ бы переродившись, снова повела энергичный огонь изъ своихъ шести орудій, а «Дегвинская», не молчавшая съ начала боя, продолжала громить насъ своими бомбами.

Но послѣднюю мы и не трогали,—она была далеко внѣ досягаемости нашихъ полевыхъ орудій.

На 1-ю батарею 38-й бригады посыпалось не мало непріятельскихъ снарядовъ, но кромѣ шума, треска и моральнаго впечатлѣнія, они ничего не производили; опасны были только бомбы «Дегвинской», бороздившія пространство между 2-й батареей 19-й бригады и 1-й батареей 38-й бригады.

Генералъ Оклобжіо приказалъ между тѣмъ командиру 1-й батареи 38-й бригады пріостановить огонь; батарея перестала стрѣлять, и тогда турки, стрѣлявшіе только на дымъ, также прекратили стрѣльбу; на батареѣ сдѣлалось тихо, и генералъ Оклобжіо выѣхалъ съ 1-й батареи 38-й бригады на 2-ю батарею 19-й бригады и далѣе внизъ къ малому Лѣсистому кургану и Столовой горѣ, пославъ предварительно приказаніе 2-й батареѣ 19-й бригады также пріостановить стрѣльбу.

Такими мѣрами, извѣстный въ кавказской арміи своей личной храбростью, генералъ-лейтенантъ Оклобжіо думалъ избавить отъ напрасныхъ и вѣрныхъ потерь и свою конвойную сотню, и штабъ.

Какъ только генералъ проѣхалъ обѣ названныя батареи, они сейчасъ же открыли огонь.

Но напрасно мы ждали криковъ «ура» и появленія войскъ на подъемахъ къ батареямъ: внизу было тихо, и только у князя Чавчавадзе слышна была безпорядочная и пока еще рѣдкая перестрѣлка.

Между тѣмъ войска спустились внизъ къ р. Кинтышу, пере-

правились черезъ эту горную рѣчку и приближались къ цѣлямъ штурма.

Изложимъ постепенно дѣйствія лѣвой и правой колоннъ отъ начала ихъ движенія.

Въ началѣ десятаго часа вся лѣвая колонна флигель-адъютанта полковника Гурчина, въ составѣ 8¼ баталіоновъ и 12-ти орудій, поднявшись на линію батарей, стала спускаться въ зловѣщую долину р. Кинтыша двумя колоннами: лѣвая—князя Чавчавадзе, изъ двухъ дружинъ гурійцевъ и грузинъ,—по направленію на «батарею подъ дубомъ», и правая—подполковника Козелкова, изъ Пластунскаго и двухъ стрѣлковыхъ баталіоновъ и роты саперъ въ первой линіи и баталіона закатальцевъ во второй линіи,—по направленію на «Желтую»; за колонной подполковника Козелкова потянулась 5-я батарея 41-й бригады и дивизіонъ горныхъ орудій; за артилеріею слѣдовали два баталіона кубанцевъ, составлявшихъ весь резервъ лѣвой колонны полковника Гурчина.

Одновременно съ движеніемъ лѣвой колонны полковника Гурчина, изъ правой колонны генералъ-маіора Шелеметьева, дефилируя изъ малаго Лѣсистаго кургана, выдѣлилась лѣвая ея половина—колонна подполковника Пригары, изъ четвертыхъ баталіоновъ Севастопольскаго и Ленкоранскаго полковъ (всего два баталіона), по направленію къ нижнему турецкому лагерю, находившемуся вправо отъ «Желтой», въ низменной лощинѣ, сохраняя связь съ колонной подполковника Макѣева.

Направленіе движенія этой колонны и вся послѣдующая ея дѣятельность заставляютъ считать ее въ составѣ лѣваго крыла, въ связи съ которымъ она оперировала.

Гребень Самеба спускался въ долину р. Кинтышъ крутымъ склономъ, развѣтвляясь на безчисленное множество лощинъ, балокъ и промоинъ горныхъ потоковъ, покрытыхъ по всему протяженію густымъ лѣсомъ и еще болѣе густымъ тропическимъ подлѣсьемъ, состоявшимъ по преимуществу изъ вьющихся непролазныхъ зарослей.

Къ довершенію трудностей этого спуска путь колонны подполковника Козелкова пролегалъ по единственной узкой дорогѣ (спускавшейся съ гребня правѣе большаго Лѣсистаго кургана), наканунѣ изслѣдованной саперами, а дружинамъ князя Чавчавадзе—по едва-едва пробитымъ тропамъ.

Въ минуту спуска турецкая артилерія, еще не оправившаяся и не замѣненная послѣ перваго погрома, молчала; молчали и ложе-

менты, скрытые мѣстностью, а большею частью искуснымъ примѣненіемъ къ мѣстности.

Передовые баталіоны перестроились въ строй по-ротно въ двѣ линіи, имѣя разстояніе между линіями отъ 50 до 100 шаговъ, а мѣстами и менѣе 50-ти.

Въ вышеуказанномъ боевомъ порядкѣ, мѣстами скучиваясь въ узкую кишку, неизбѣжно теряя тактическій порядокъ, съ трудомъ преодолѣвая мѣстныя затрудненія, спускались баталіоны, перебѣгая по-ротно въ глубокое и обрывистое ложе р. Кинтыша.

Лѣвый берегъ р. Кинтыша, начинаясь, подобно правому, крутымъ подъемомъ, покрытъ отдѣльными групами деревьевъ, между которыми, по открытому мѣсту, круто поднимающемуся къ батареямъ, былъ выстроенъ цѣлый рядъ засѣкъ, насчитанныхъ очевидцами до семи траншей, мѣстами блиндированныхъ гигантскими бревнами и занятыхъ турецкой пѣхотой. Къ несчастію для насъ, этихъ нижнихъ ложементовъ, которые огнемъ своимъ могли нанести весьма серьезныя потери переправлявшимся войскамъ, съ артилерійскихъ позицій на Самеба вовсе не было видно; была видна только небольшая ихъ часть, только на нѣкоторыхъ участкахъ артилерійскихъ позицій, да и то очень неясно.

Спускъ передовыхъ ротъ совершился быстро и искусно; особенно хорошо примѣнялись къ мѣстности, привычные болѣе другихъ къ такого рода природѣ, незамѣнимые пластуны.

До приближенія нашихъ войскъ къ р. Кинтышу, непріятельская пѣхота хранила молчаніе, но лишь только войска подошли къ рѣкѣ, непріятель открылъ изъ траншей самый учащенный огонь.

У гурійскихъ и грузинскихъ милиціонеровъ бой загорѣлся еще ранѣе; тамъ давно уже трещали выстрѣлы, теперь же ружейный огонь распространился по всей линіи.

5-я батарея 41-й бригады и дивизіонъ горныхъ орудій заняли позицію, не переходя рѣчку Кинтышъ, и съ самаго близкаго разстоянія, находясь сами въ страшномъ огнѣ, открыли огонь по траншеямъ, насколько таковыя были имъ видны.

Горный дивизіонъ, по приказанію полковника Гурчина, направился къ колоннѣ князя Чавчавадзе; одна же 5-я батарея слишкомъ мало могла сдѣлать; траншеи тянулись длинными линіями (огонь изъ траншей сыпалъ съ линіи почти трехверстнаго протяженія) и прекрасно были укрыты складками мѣстности и групами деревьевъ, гигантскими столѣтними бревнами и цѣлымъ рядомъ засѣкъ.

Тѣмъ не менѣе молодецкія войска колонны подполковника Ко-

зелкова, сбиваясь въ кучу у трехъ мѣстъ переправъ, сохраняя по возможности принятое первоначально относительное положеніе частей и тактическій порядокъ, но неизбѣжно узкими фронтами, имѣя во главѣ своихъ офицеровъ, стремительно бросились къ ручью и начали взбираться на противоположныя кручи.

Батареи Самебскаго гребня, 1-я и 3-я 38-й бригады и 2-я—19-й бригады, по дымкамъ изъ траншей, болѣе удаленныхъ отъ рѣки, и уже по одному тому лучше имъ видныхъ, повели огонь, который, впрочемъ, должны были скоро прекратить изъ опасенія поражать своихъ.

Какъ стремительно не бросались части къ переправѣ, она производилась медленно до крайности: трудности были неимовѣрныя. Взбираніе по кручѣ, подъ огнемъ съ близкаго разстоянія, взбираніе поодиночкѣ, переправа черезъ балки и промоины и обходъ плетней, загородей,—и все это подъ огнемъ, ни на минуту не умолкавшимъ.

Вотъ условія, по словамъ офицера 1-го стрѣлковаго Его Высочества баталіона, при которыхъ приходилось взбираться на противоположный берегъ:

«Мы спустились къ р. Кинтышу; интервалъ между линіями образовался менѣе 50-ти шаговъ. День былъ жаркій. Передъ нами были скалы, крутые овраги и лѣсъ, перепутанный вьющимися и колючими растеніями. Переведя духъ, имѣя впереди 5-ю роту, начали подниматься. Узкая тропа, пролегавшая подъ кручей—съ одной стороны, лѣсъ, что стѣна—съ другой: вотъ путь, по которому мы должны были ползкомъ идти на штурмъ; притомъ пришлось подниматься вверхъ гуськомъ, на глазахъ непріятеля, который, по выбору, не торопясь, могъ бы насъ перебить всѣхъ, но, къ нашему благополучію, турецкая горячка оказалась намъ въ руку—градъ пуль проносился надъ нашими головами, лишь только сучья насъ осыпали. Съ самебской позиціи части, спускавшіяся за нами, открыли по турецкимъ ложементамъ ружейный огонь, но онъ былъ болѣе намъ опасенъ, а потому его велѣно было прекратить. Какъ только эта стрѣльба прекратилась, мы продолжали ползти далѣе. Лѣвѣе насъ поднимались пластуны и стрѣлки 4-го баталіона; цѣпь ихъ начала взбираться на кручу. Усилія были напрасны, ихъ били на выборъ».

Ранѣе другихъ переправились пластуны, которымъ было легче переправиться выше и которые были болѣе способны къ такого рода операціямъ, къ которымъ они приступали умѣло и безъ излишней горячности; затѣмъ, совмѣстно съ стрѣлками 4-го батал-

она, сейчасъ же за ними переправившимся, они бросились наверхъ. Правѣе показались переправившіеся передовые люди 1-го стрѣлковаго баталіона. Встрѣченные сильнымъ ружейнымъ огнемъ съ фронта, цѣпи пластуновъ и стрѣлковъ 4-го баталіона начали подаваться вправо, стрѣлки 1-го баталіона влѣво; части начали скучиваться, инстинктивно сосредоточиваясь.

Хотя баталіоны, спускаясь съ высотъ по тропамъ, и имѣли проводниковъ—кобулетцевъ, указывавшихъ, гдѣ и къ какому пункту пройти, но съ развитіемъ боя проводники эти незамѣтно юркнули въ кусты, и атакающія части предоставлены были собственному усмотрѣнію въ лѣсныхъ трущобахъ.

Тѣмъ не менѣе, войдя въ связь между собой, слыша, что влѣво подается впередъ князь Чавчавадзе и что вправо подвигается съ боемъ и колонна подполковника Пригары, колонна полковника Козелкова ворвалась въ лѣсъ, густо покрывавшій лѣвый берегъ р. Кинтыша; движеніе лѣсомъ было медленно; на каждомъ шагу боролись съ природой, останавливались, ожидая, когда подтянутъ отставшіе, и устраиваясь на ходу.

Дойдя на лѣвомъ берегу до перваго гребня, всѣ три баталіона остановились и, выставивъ густыя цѣпи для обстрѣливанія впередилежащей мѣстности, залегли здѣсь на нѣкоторое время

Между тѣмъ турки усилили до-нельзя огонь изъ траншеи, на протяженіи 2½ верстъ по линіи сыпалъ свинецъ; противъ сбившихся въ кучу баталіоновъ центра сосредоточили свой огонь и многоярусные ложементы, окружавшіе кольцомъ склоны «Желтой» батареи,—пока еще только нижніе ложементы, но и этого было достаточно, чтобы непрерывный дождь свинца наполнялъ всю впередилежащую мѣстность.

Начались потери, и весьма серьезныя.

Вслѣдствіе трудности оріентированія и управленія части начали смѣшиваться.

Трудность положенія усиливалась неизвѣстностью, гдѣ именно находятся ложементы, куда направиться, и невозможностью поддержки сильной артилеріи на Самеба; резервы также еще не подтянулись.

Съ начала движенія съ гребня Самеба прошло четыре часа, но боевая линія еще вся не переправилась.

Бывшая на лѣвомъ флангѣ колонна князя Чавчавадзе, перебравшись довольно скоро черезъ р. Кинтышъ, преодолѣвая массу затрудненій, ведя все время въ лѣсу ожесточенный бой, штурмуя на каждомъ шагу засѣки, хутора и сакли, неся серьезныя потери,

тѣмъ не менѣе весьма успѣшно продвигалась впередъ: отважные и мужественные гурійцы и грузины, предводимые бравымъ княземъ Чавчавадзе, дрались великолѣпно. Князь Чавчавадзе не вступилъ еще однако въ связь съ колонной полковника Козелкова.

Дружины съ фронта встрѣчены регулярными войсками; съ фланга отбиваются отъ кобулетцевъ—баши-бузуковъ.

Но вотъ стрѣлки и пластуны болѣе или менѣе устроились и осмотрѣлись; подъ прикрытіемъ густой цѣпи стрѣлковъ, положенныхъ вдоль гребня и выдвинутыхъ впередъ, рѣшено броситься на слѣдующій впереди гребень и траншеи. Оставивъ стрѣлковъ и пластуновъ на этомъ рѣшеніи, обратимся къ сосѣдямъ ихъ справа—къ подполковнику Пригарѣ, направившемуся съ четвертыми баталіонами Севастопольскаго и Ленкоранскаго полковъ на нижній турецкій лагерь и пришедшему въ движеніе немного лишь позже колонны полковника Гурчина. Подполковникъ Пригара велъ свою колонну по двумъ путямъ: впереди и лѣвѣе двигались севастопольцы, вправо и нѣсколько сзади, уступомъ,—ленкоранцы, поддерживая связь вправо съ колонной полковника Макѣева.

Преодолѣвая такія же почти трудности, какъ и колонна полковника Гурчина, двигаясь подъ перекрестнымъ огнемъ съ трехъ сторонъ, неся чувствительныя потери, имѣя трудную задачу, занимая выдающееся (en flèche) положеніе—поддерживать связь и влѣво, и вправо, подполковникъ Пригара переправился черезъ р. Кинтышъ и, не теряя связи вправо съ колонной подполковника Макѣева, готовъ былъ уже подать руку влѣво колоннѣ подполковника Гурчина и штурмовать нижніе ложементы, обрамлявшіе «Желтую» и загибавшіе здѣсь нѣсколько фронтомъ къ морю.

Немного спустя, пришла въ движеніе и правая половина колонны генералъ-маіора Шелеметьева,—колонна подполковника Макѣева въ составѣ $1^1/_2$ баталіоновъ, команды охотниковъ и горнаго дивизіона.

Еще ранѣе генералъ Шелеметьевъ для подготовки движенія подполковника Пригары выдвинулъ на малый Лѣсистый курганъ 4-ю батарею 41-й бригады, которая стала лѣвѣе 3-й батареи 41-й бригады, занятой исключительно Амбразурной батареей, и раздѣлилась на двѣ части: пять орудій на гребнѣ кургана, а три—лѣвѣе саженъ на сто.

Мѣсто 4-й батареи 41-й бригады было занято горной батареей, прятавшейся за цѣлой системой окоповъ и ложементами.

Колонна подполковника Макѣева наступала въ свою очередь двумя отрядами: лѣвый, подъ начальствомъ самого Макѣева, изъ

$3^1/_2$ ротъ стрѣлковъ и горнаго дивизіона, и правый, князя Цулукидзе (командиръ Кутаисской пѣшей дружины), изъ двухъ сотенъ дружины, полуроты стрѣлковъ и команды охотниковъ *).

Условія мѣстности, на которой предстояло двигаться и дѣйствовать колоннѣ генерала Шелеметьева, пересѣченной глубокими оврагами, поросшими густымъ вѣковымъ лѣсомъ и перерѣзанной лишь въ нѣсколькихъ мѣстахъ узкими и неудобными дорогами, требовали движенія медленнаго, осторожнаго, шагъ за шагомъ, занимая и пользуясь послѣдовательно каждымъ представлявшимся закрытіемъ. Но, не смотря на всѣ крайне неблагопріятныя условія, наступленіе войскъ колонны генерала Шелеметьева было произведено въ полномъ порядкѣ.

Подполковникъ Макѣевъ съ своими $3^1/_2$ ротами и четырьмя горными пушками наступалъ двумя путями: прямо съ Лѣсистаго кургана пошли подъ начальствомъ маіора Смолка 3-я и 1-я роты стрѣлковъ (поручика Страдовскаго и штабсъ-капитана Дейбеля); 3-я рота вся пошла въ цѣпь и, дойдя до дѣйствительнаго ружейнаго выстрѣла, должна была остановиться; 1-я рота составляла ея резервъ. Остальныя $1^1/_2$ роты стрѣлковъ, горныя орудія и патронные вьюки, подъ личнымъ начальствомъ подполковника Макѣева (2-я рота штабсъ-капитана Букина и полурота 4-й роты) направились по тропинкѣ, идущей со Столовой горы, правѣе Лѣсистаго кургана, и выходящей на продолженіе хребта Самеба, юго-западнѣе Столовой горы. Роты маіора Смолка, занявъ выгодную позицію, остановились и цѣпь (3-я рота) открыла огонь.

Роты подполковника Макѣева вышли на Самеба и также остановились: взводъ 4-й роты вышелъ въ цѣпь и открылъ огонь по ложементамъ, находившимся шагахъ въ 800. Въ этомъ мѣстѣ покатость къ р. Кинтышу была почти безлѣсная; по ней были разбросаны только отдѣльныя деревья, за которыми и залегла цѣпь 4-й роты. Мѣстность противъ малаго Лѣсистаго кургана (у маіора Смолка) была чрезвычайно пересѣчена оврагами, заросшими лѣсомъ, переплетенными вьющимися и ползучими растеніями. Правѣе подполковника Макѣева, т. е. на правомъ флангѣ всей боевой линіи, начинавшейся на лѣвомъ дружинами князя Чавчавадзе, наступалъ князь Цулукидзе съ двумя сотнями своей дружины, полуротой стрѣлковъ и командой охотниковъ, который спустился со Сто-

*) Полурота стрѣлковъ и команда охотниковъ были приданы колоннѣ князя Цулукидзе для большей устойчивости еще не обстрѣлявшихся молодыхъ сотенъ имеретинъ, далеко уступавшихъ въ боевыхъ качествахъ своимъ соплеменникамъ— гурійцамъ и грузинамъ.

ловой горы къ Кинтышу, повернулъ потомъ налѣво, поднялся здѣсь на конечный отрогъ Самеба и занялъ позицію правѣе подполковника Макѣева, занимавшаго центръ боеваго расположенія праваго крыла.

Къ подполковнику Макѣеву пріѣхалъ вскорѣ и начальникъ всей правой колонны доблестный генералъ Шелеметьевъ, приведшій съ собой баталіонъ Александропольскаго полка, поставленный имъ въ резервъ боевой линіи праваго крыла. Выбрано было удобное мѣсто для горныхъ орудій и открытъ огонь шрапнелью по ближайшимъ ложементамъ.

Но, повидимому, какъ ружейный огонь, такъ и огонь горной батареи были недѣйствительны противъ блиндированныхъ траншей непріятеля, откуда сыпался градъ пуль, который, благодаря только хорошимъ закрытіямъ, былъ для насъ почти безвреденъ. Въ лѣвой колоннѣ слышалась жаркая перестрѣлка, и генералъ Шелеметьевъ находился въ нетерпѣливомъ ожиданіи результатовъ ея движенія. Ранѣе, чѣмъ лѣвая колонна полковника Гурчина собьетъ правый флангъ непріятеля, правой колоннѣ генерала Шелеметьева, согласно диспозиціи, нельзя было двинуться впередъ; продолжая составлять неподвижную ось всего захожденія, ей оставалось обезпечивать нашъ правый флангъ и ждать; такъ и сдѣлалъ генералъ Шелеметьевъ, обстрѣливая непріятельскіе ложементы и подготовляя себѣ успѣхъ движенія огнемъ 16-ти орудій со «Стола» и четырехъ горныхъ и цѣпи съ мѣста своего расположенія.

Посмотримъ теперь, что дѣлалось на главной самебской позиціи, что дѣлала артилерія центра (26 орудій) и какія мѣры были приняты для поддержки атакующей боевой линіи? Начнемъ съ лѣваго фланга. Четыре орудія 1-й батареи 41-й бригады (редутъ Самеба) во время ожиданія рѣшительнаго штурма дѣйствуютъ частью по горнымъ орудіямъ, частью по новымъ орудіямъ, показывающимся правѣе горныхъ, частью по еле-еле виднымъ (около 1,700 и болѣе саженъ) ложементамъ, также правѣе горныхъ, направляющихъ свой огонь по колоннѣ князя Чавчавадзе. 26 орудій центра работали снова съ полной энергіей, дѣйствуя частью по орудіямъ, то и дѣло показывавшимся на Квирике, но далеко отъ гребня (угадать ихъ присутствіе можно было только по дыму орудій) и очень быстро скрывающимся; особенно часто показываются они на участкѣ «батареи подъ дубомъ» и по сторонамъ «Желтой», затѣмъ временами огонь сосредоточивается по ложементамъ, присутствіе которыхъ опять-таки только угадывается по полосѣ ружейнаго дыма. Лучше всего ложементы видны со 2-й батареи 19-й бригады: это именно

тѣ, которые были расположены вправо отъ «Желтой» по ея скатамъ и совсѣмъ внизу. Эта превосходная батарея (полковникъ Шавровъ), а также два орудія 2-й батареи 41-й бригады подъ командой штабсъ-капитана Кислякова (обращаемъ вниманіе читателя, что лучшая по боевымъ качествамъ, старая батарея, имѣющая уже традиціи, и исторію, и опытъ, поставлена на самомъ бойкомъ мѣстѣ артилерійской позиціи, занимая выдающееся положеніе), обстрѣливаемыя съ трехъ сторонъ, не мало способствовали въ этотъ день ослабленію артилерійскаго и ружейнаго огня непріятеля, имѣя въ теченіе дня самыя разнообразныя цѣли.

Въ разгарѣ боя въ описываемые моменты я стоялъ рядомъ съ начальникомъ артилеріи и слѣдилъ въ бинокль за общимъ ходомъ боя, какъ вдругъ внизу, у подножія горы, на которой мы стояли, я услышалъ знакомый голосъ адъютанта Гурійской дружины князя (Ивана) Макаева; я немедленно спустился къ нему внизъ; князь Макаевъ пріѣхалъ или вѣрнѣе примчался на своемъ быстромъ карабахѣ по весьма важному дѣлу, а именно: оказалось, что по части гурійцевъ, далеко выдвинувшихся впередъ и занявшихъ на лѣвомъ флангѣ (у князя Чавчавадзе) рядъ домиковъ, гдѣ они укрылись отъ орудійнаго и ружейнаго огня и гдѣ сосредоточивались и устраивались для дальнѣйшаго движенія, открыли огонь два или три орудія изъ нашего центра, очевидно принимая ихъ за турокъ. «Помилуйте», говорилъ Макаевъ, «гурійцы не знаютъ, что и дѣлать: спереди такой огонь, что нельзя и носа высунуть, а сзади громятъ шарохами наши, разломали, разбили всю крышу, дубовыя доски сыплются сверху и одна изъ нихъ сильно расшибла ударомъ по головѣ сотеннаго командира князя Чхейдзе». Успокоившись, что, по крайней мѣрѣ, не было другихъ послѣдствій болѣе важныхъ, полковникъ Филимоновъ, крайне раздосадованный, послалъ меня искать виновныхъ. Благодаря указаніямъ того же князя Макаева, виновные были найдены: то были орудія 3-й батареи 38-й артилерійской бригады.

Отмѣтимъ также дѣятельность 4-й батареи 41-й бригады съ малаго Лѣсистаго кургана частью по горнымъ батареямъ, то и дѣло показывавшимся противъ колоннъ подполковника Пригары и Макѣева, частью по ложементамъ, неясно видѣннымъ; дѣйствіе ея противъ горныхъ орудій было удачно, но дѣйствіе 4-хъ-фунтовыхъ снарядовъ противъ блиндированныхъ траншей не могло быть удачно. Артилерія Столовой горы,—5-я батарея 41-й бригады—сосредоточила огонь исключительно по Амбразурной батареѣ, неоднократно заставляя ее молчать, но энергія этой батареи, вѣроятно снабжен-

ной солидными траверсами, не истощалась. Таковъ былъ характеръ дѣятельности артилеріи на Самеба и Столовой горѣ со времени перехода колоннъ въ наступленіе. Четвертый часъ былъ на исходѣ, но напрасно артилерія ожидала рѣшительнаго ура и подъема штурмующихъ на «Желтую» и «Подъ дубомъ».

Продолжительная, не прерывающаяся дѣятельность артилеріи, жаркій день, неопредѣленность положенія боя, томительныя ожиданія рѣшительной минуты,—все это въ общей сложности до крайности утомило личный составъ батарей.

Выпущена была неимовѣрная масса снарядовъ. Передковыя и ящичныя лошади какъ 1-го, такъ и 2-го эшелона съ семи часовъ утра подъ жаркимъ солнцемъ совершили не мало длинныхъ рейсовъ въ гору и подъ гору и еле двигали ногами отъ усталости.

На очереди стоитъ грозный вопросъ: хватитъ-ли снарядовъ на всѣ послѣдующія перипетіи боя и слѣдующіе дни, но пріостановить огня невозможно: отовсюду сыпятся просьбы—не прекращать огня. Отдыхъ не наступаетъ, пѣхота продолжаетъ скрываться въ мрачной и таинственной долинѣ р. Кинтыша и тамъ же внизу, въ непроницаемыхъ для глаза наводчика трущобахъ, звонко раздается ружейная трескотня.

На подъемѣ въ Квирике не видно ни нашихъ, ни турецкихъ солдатъ. Вотъ наконецъ кое-гдѣ раздаются недружные, негромкіе и неодновременные крики ура! Крики стихаютъ. Вотъ снова они раздаются и кое-гдѣ громче, и въ эту минуту, мгновенно, какъ бы зажженная одной невидимой рукой, выдающаяся Рыжая гора, увѣнчанная «Желтой батареей», мгновенно опоясывается въ шесть, семь ярусовъ огненными змѣями: нѣтъ сомнѣнія—штурмъ «Желтой»!...

«Скорѣй, скорѣй, огонь!» Все бросилось къ орудіямъ и прислуга снова захлопотала. Болѣе 20-ти орудій центра открыли огонь по дымящимся траншеямъ, по лѣвофланговымъ орудіямъ разстояніе было велико и превышало дальность дѣйствительнаго выстрѣла; стрѣльба вообще велась по дыму. Болѣе 10-ти минутъ длится возобновившійся огонь, но на подъемѣ Квирике по прежнему не видно ни одного нашего солдата. Ожиданія напрасны.

Огонь изъ траншей прекратился, прекратила огонь и артилерія изъ мгновенно накалившихся орудій. Наступилъ новый переломъ. Уже пятый часъ—опять что-то нерѣшительно и неопредѣленно.

Вотъ гдѣ-то, въ разныхъ мѣстахъ, раздается вновь недружное и не громкое «ура» и трескотня въ невидныхъ лощинахъ усиливается

и снова все стихаетъ—и снова ожиданія и надежды, и полная неизвѣстность.

Мы оставили боевую линію лѣвой колонны на рѣшеніи: собравшись и устроившись на первомъ послѣ р. Кинтыша гребнѣ и войдя въ связь колоннъ между собою, обстрѣлять впередилежащую мѣстность огнемъ густой цѣпи и тогда броситься впередъ на слѣдующій гребень и нижніе ложементы «Желтой», а правой колонны—на рѣшеніи: оставаясь на занятой позиціи, обстрѣливая впередилежащую линію огнемъ орудій и цѣпи, ожидать рѣшительныхъ дѣйствій лѣвой. Сказанное рѣшеніе въ лѣвой колоннѣ, конечно, нарушалось ея отдѣльными частями, ибо въ этомъ хаосѣ неровностей и лѣса трудно было сообщить рѣшеніе всѣмъ частямъ (отдѣльные взводы и отдѣленія могли и зарываться и отставать) и сохранять однообразіе и единство въ дѣйствіяхъ. Колонна князя Чавчавадзе, разсыпавшаяся было въ лѣсу и по саклямъ, остановилась большей частью у подножія гребня, въ мертвомъ пространствѣ, выставивъ по верху гребня цѣпь, и, не смотря на всѣ выгоды его занятія, особенно горными орудіями, не могла этого выполнить: дождь свинца сметалъ все, что тамъ показывалось, и самъ князь Чавчавадзе, разъѣзжавшій всюду и подававшій примѣръ мужества и распорядительности, смертью своего великолѣпнаго коня поплатился за попытку хоть на минуту побывать на гребнѣ и взглянуть на турецкія позиціи. Въ линіи боеваго расположенія колонна князя Чавчавадзе нѣсколько выдвигалась впередъ; колонна подполковника Козелкова находилась въ ближайшемъ разстояніи отъ Желтой, хотя и нѣсколько уступомъ назадъ по отношенію князя Чавчавадзе; колонна подполковника Пригары была по отношенію къ колоннѣ подполковника Козелкова тоже нѣсколько уступомъ назадъ; колонна подполковника Макѣева выдвинулась впередъ еще менѣе.

Всего въ боевую линію было введено (считая и частные ближайшіе резервы): на лѣвомъ крылѣ $10^1/_4$ баталіоновъ, на правомъ $2^1/_2$ баталіона, въ общемъ $12^3/_4$ баталіона; кромѣ того, за правымъ оставалось еще въ частномъ резервѣ (на Столовой горѣ) два баталіона.

Въ общемъ резервѣ оставались, по прежнему, не тронутыми четыре баталіона. Два баталіона охраняли оконечность лѣваго фланга и оттуда не могли быть тронуты. Замѣтимъ, что колонна полковника Козелкова (пять баталіоновъ) составляла ядро лѣваго фланга: ей предстояло главное рѣшеніе, главный ударъ; князь Чавчавадзе и подполковникъ Пригара помогали; охраняли фланги и облегчали ударъ.

Турки не могли не замѣтить, слѣдя съ начала движенія, что главное массированіе силъ противъ «Желтой» (у полковника Козелкова). Съ девяти до четырехъ часовъ, и даже можно считать до пяти, они имѣли достаточно времени, чтобы притянуть туда резервы. Колонна полковника Козелкова готовилась между тѣмъ къ новому движенію впередъ. На позиціи, занятой временно передовыми баталіонами колонны подполковника Козелкова, хотя войска и были укрыты складками мѣстности, но потери были серьезны, особенно въ офицерахъ.

Подъ прикрытіемъ огня густой цѣпи, оставленной на первомъ гребнѣ, передовыя роты 1-го и 4-го баталіоновъ стрѣлковъ стали спускаться бѣгомъ съ занимаемой позиціи и, переправляясь черезъ множество глубокихъ овраговъ и промоинъ, всходили на послѣдній гребень у самой Желтой батареи.

Эта перебѣжка геройскимъ ротамъ стоила очень дорого; приходилось перебѣгать открытыя поляны, на которыя турки направили съ трехъ сторонъ ужасный огонь изъ своихъ блиндированныхъ траншей, и тутъ въ 4-мъ стрѣлковомъ былъ раненъ и выбылъ изъ строя: командиръ баталіона, безстрашный князь Меликовъ, и поручикъ Поповъ (еще ранѣе былъ раненъ командиръ 1-й роты 4-го стрѣлковаго баталіона капитанъ Полковниковъ); команду надъ 4-мъ баталіономъ принялъ маіоръ Терещенко.

Послѣ перебѣжки передовыя роты залегли, ожидая прибытія оставшихся сзади. Укрыты были плохо. Потери продолжались.

Стрѣлки не безъ большихъ усилій устроились на этой второй позиціи: приходилось выбивать турокъ изъ засѣкъ, раскидывать столѣтнія деревья и массы колючекъ,—и все это подъ убійственнымъ огнемъ; саперной команды прапорщика Карпинскаго, долженствовавшей быть при цѣпи, здѣсь не случилось, и стрѣлки сами разбирали препятствія: такъ, въ 4-мъ баталіонѣ поручику Емануелю, прапорщику Попову и портупей-юнкеру Крючкову, наткнувшимся въ различныхъ пунктахъ на такія засѣки, стоило большихъ усилій очистить себѣ путь наступленія, не имѣя подъ рукой ни одного топора.

Вообще движеніе это было богато эпизодами, въ которыхъ проявлялись и находчивость и мужество стрѣлковъ: такъ, въ томъ же 4-мъ баталіонѣ *) по выбытіи турокъ съ Лѣсистаго гребня, усѣяннаго препятствіями, нѣсколько стрѣлковъ, отдѣлившихся отъ сво-

*) Описаніе боевой службы 4-го стрѣлковаго баталіона. Участіе баталіона при штурмѣ Цихисдзири.

ихъ товарищей, неожиданно натыкаются на непріятельскую засѣку, изъ-за которой щедро посыпались пули. Стрѣлки остановились въ нерѣшимости, но вольноопредѣляющійся Кириловъ, сообразивъ всю невыгоду и опасность положенія, обратился къ остальнымъ со словами: «братцы! если мы будемъ заниматься стрѣльбой, отстанемъ отъ своихъ. Кто молодецъ — за мною!» И Кириловъ первый бросился на засѣку. Турки выбиты и отставшіе примкнули къ ротѣ. Тогда же часть стрѣлковъ, находившихся въ 300 шагахъ отъ цѣли атаки и наступавшихъ подъ сильнымъ огнемъ, наткнулись на палисадъ. Дальше идти не куда, а турки приняли ихъ и во флангъ. Рядовые 2-й роты, Харламовъ и Потаповъ (оба самарцы Бузулукскаго уѣзда, села Жидиловки) выдѣлились, легли на землю, поползли на животѣ и скрылись въ травѣ. Остальные ждутъ, что будетъ. У самаго палисада храбрецы встали на ноги, понажали на палисадъ плечами и вмѣстѣ съ нимъ грохнулись о-земь. Проходъ былъ открытъ; рота крикнула «ура!» и ринулась впередъ изъ чащи лѣса. Турки бѣжали.

Передъ стрѣлками 4-го баталіона, расположившимися у перегиба и ряда домиковъ, простиралась гладкая, но круто поднимающаяся къ турецкимъ укрѣпленіямъ площадка, заканчивавшаяся ложементами. До турецкихъ ложементовъ было отъ 150 до 200 шаговъ. 4-й баталіонъ ждалъ только, когда подтянутся резервы, чтобы броситься впередъ. Передъ 1-мъ баталіономъ стрѣлковъ, расположившимся у перегиба, простиралась узкая, открытая полянка, также шедшая въ гору и заканчивавшаяся въ 300 шагахъ ложементами; командиры 3-й роты (штабсъ-капитанъ Линдблатъ) и роты Его Высочества (поручикъ Курочкинъ) рѣшили ждать, когда въ цѣпи соберется побольше народа, и тогда стремительно броситься на траншею. На правомъ флангѣ была 4-я рота, со взводомъ которой собирался броситься на траншею смѣлый поручикъ Бафталовскій *).

Между тѣмъ, положеніе собиравшихся броситься на ложементы стрѣлковъ 1-го и 4-го баталіоновъ было до крайности тяжело: резервы отстали далеко; части сами сильно пострадали; много убитыхъ и раненыхъ лежало въ лѣсу; не мало было заблудившихся, отставшихъ отъ своихъ ротъ и теперь пробиравшихся шагъ за шагомъ впередъ; баталіоны сильно перемѣшались, укрытія плохи, огонь турокъ лился непрерывной свинцовой струей.

*) Убитъ 20-го сентября, при штурмѣ стрѣлками 1-го баталіона высоты Большія Ягны.

Духъ стрѣлковъ передъ атакой ложементовъ былъ прекрасный; только и слышалось: «ваше благородіе, позвольте въ атаку». Рвались и офицеры. Наконецъ, подтянулись отставшіе, подошли заднія роты,—и все, что было собравшихся (въ общемъ не болѣе 6—7 ротъ, сильно порѣдѣвшихъ) съ крикомъ «ура!» бросилось на траншеи. Закурились шесть ярусовъ «Желтой»; отъ дыма, застлавшаго площадку, ничего не было видно. Но, устлавъ путь мертвыми, ворвались въ ложементы передовыя кучки и взводъ 4-й роты 1-го баталіона, имѣя во главѣ поручика Бафталовскаго. 3-я и 1-я роты 1-го стрѣлковаго баталіона наткнулись на новыя засѣки и, потерявъ много людей, отошли назадъ и залегли вновь на перегибѣ. Поручикъ Бафталовскій сидѣлъ въ траншеѣ только съ нѣсколькими стрѣлками: онъ потерялъ половину людей своего взвода, пробѣжавъ къ траншеямъ 50 шаговъ.

Изъ занятыхъ траншей видна была и «Желтая»; видны были и смуглыя лица турецкихъ солдатъ въ сосѣднихъ ложементахъ. Огонь по занятымъ стрѣлками траншеямъ становился невыносимъ; поддержки нѣтъ, дальше двигаться нѣтъ силъ. Лѣвый флангъ штурмующихъ подвергается обстрѣливанію съ тыла, такъ какъ линія турецкихъ укрѣпленій у «Желтой» далеко выступаетъ впередъ.

Ложементы оставляются и удальцы возвращаются къ перегибу. Тамъ полное смѣшеніе частей. Подтягиваются отставшіе и поддержки. Въ разныхъ мѣстахъ снова раздаются крики «ура!» и повторяются новыя попытки занять ложементы и опять малыми частями. Вызваны новыя жертвы и все-таки напрасно...

Вправо и влѣво отъ стрѣлковъ князь Чавчавадзе и подполковникъ Пригара также продвинулись впередъ.

Послѣ неимовѣрныхъ затрудненій колонна князя Чавчавадзе на половину взобралась на подъемъ къ батареѣ «Подъ дубомъ» и здѣсь, продвинувшись вправо и давъ дорогу пластунамъ, остановилась въ ожиданіи приказаній. Подполковникъ Пригара съ двумя только баталіонами (4-мъ Ленкоранскаго и 4-мъ Севастопольскаго полковъ) занялъ часть турецкихъ ложементовъ, бывшихъ на пути его наступленія и на лѣвомъ берегу Безъимяннаго ручья, впадающаго слѣва въ Кинтышъ, уперся въ занятые ложементы лѣвымъ флангомъ, а правымъ занималъ теченіе рѣчки Кинтыша, войдя въ связь съ колонной подполковника Макѣева вправо *).

*) Ниже, говоря о движеніи и дѣйствіи колонны подполковника Макѣева, мы упомянемъ (со словъ офицеровъ 2-го стрѣлковаго баталіона) о движеніи подполковника Пригары, насколько оно было въ связи съ движеніемъ колонны подполковника Макѣева.

Итакъ, войска лѣваго крыла (полковникъ Гурчинъ) находились отъ выступающей къ намъ части Квирике, участка «Желтой» батареи, въ разстояніи отъ 150 до 300 и 600 шаговъ; ближе всѣхъ находился 4-й стрѣлковый баталіонъ; больше другихъ было пройдено колонной князя Чавчавадзе.

Стрѣлки, побывавшіе уже въ ложементахъ, устроившись и опомнившись отъ первой неудачи, готовились къ новой атакѣ; кучки и густая цѣпь, размѣстившись по перегибу, ожидали только приказанія.

Начальникъ лѣвой колонны, полковникъ Гурчинъ, благоразумно остановилъ эти новыя попытки; трудно было разсчитывать на прочный успѣхъ атаки утомленныхъ, разстроенныхъ боемъ и порѣдѣвшихъ кучекъ. Даже удачный окончательный захватъ вторыхъ и третьихъ ложементовъ далеко еще не обѣщалъ успѣха. Задача боя, овладѣніе «Желтой», на столько выяснилась, что не было никакихъ сомнѣній, что разстроенныя движеніемъ и потерями части наши были бы встрѣчены превосходными резервами, а наши резервы, даже частные, не всѣ еще подтянулись.

Полковникъ Гурчинъ остановилъ всю боевую линію лѣваго крыла и, давъ приказаніе подтянуться и собраться всему, что оставалось сзади, началъ устраиваться.

Приступлено было къ уборкѣ убитыхъ и раненыхъ и возведенію ложементовъ поспѣшной профили, въ чемъ много помогли прибывшіе охотники 2-го сапернаго баталіона, подъ начальствомъ (раненаго въ этотъ день въ ногу на вылетъ) поручика Лалаша.

Посмотримъ, какъ шли дѣла у генерала Шелеметьева на правомъ крылѣ.

Въ виду значительнаго протяженія гребня высоты, занимаемой подполковникомъ Макѣевымъ, пришлось усилить цѣпь высылкой изъ резерва двухъ ротъ 4-го баталіона Александропольскаго полка (оставивъ другія двѣ роты въ резервѣ), которыя расположились между стрѣлками и Кутаисской дружиной. Одновременно съ этимъ былъ выдвинутъ дивизіонъ горной артилеріи на высоту, лежащую противъ Лѣсистаго кургана, съ тѣмъ, чтобы обстрѣливать турецкіе ложементы, находившіеся на лѣвомъ берегу р. Кинтыша, и содѣйствовать атакѣ севастопольцевъ.

Около часа пополудни, получивъ свѣдѣніе отъ подполковника Пригары, что колонна полковника Гурчина уже приближается къ линіи непріятельскихъ укрѣпленій квирикской позиціи, генералъ Шелеметьевъ, чтобы содѣйствовать штурму «Желтой», приказалъ подполковнику Теріеву придвинуть 2-й и 3-й баталіоны, стоявшіе

до того въ резервѣ у 4-й батареи 41-й бригады, на указанную высоту, противъ Лѣсистаго кургана.

Не заботясь о себѣ, о будущемъ успѣхѣ своего собственнаго наступленія, генералъ Шелеметьевъ, остававшійся въ боевой линіи всего съ $2^3/_4$ баталіонами, двигаетъ на всякій случай единственный свой резервъ—два баталіона—влѣво, для поддержанія атаки Квирике.

Къ этому времени подполковникъ Пригара сосредоточилъ всю свою колонну на лѣвой сторонѣ Безъимяннаго ручья.

Выбивая послѣдовательно непріятеля изъ сакель, заваловъ и отдѣльныхъ ложементовъ, расположенныхъ ниже турецкаго лагеря, подполковникъ Пригара занялъ часть ихъ и уперся въ нихъ лѣвымъ флангомъ, а правымъ, внизъ по теченію р. Кинтыша, вошелъ въ связь съ подполковникомъ Макѣевымъ, колонна котораго продолжала оставаться неподвижной, и составляя ось захожденія боевой линіи лѣвымъ плечомъ впередъ.

Взводъ саперъ, подъ начальствомъ 2-го сапернаго баталіона подпоручика Уптона, двинувшійся съ резервами (два баталіона александропольцевъ) на высоту, лежавшую противъ Лѣсистаго кургана, занялся разработкою дороги отъ Лѣсистаго кургана, которую и окончилъ черезъ два часа, не смотря на убійственный ружейный и артилерійскій огонь.

Со стороны 2-го стрѣлковаго баталіона, въ разныхъ точкахъ занятой имъ позиціи, былъ цѣлый рядъ частныхъ попытокъ занятія ложементовъ; такъ, на лѣвомъ флангѣ нѣсколько звеньевъ (изъ цѣпи 3-й роты) заняли турецкій ложементъ и просидѣли въ немъ до утра слѣдующаго дня, когда присоединились къ баталіону.

Въ общемъ эти попытки не привели ни къ чему серьезному, да и не въ томъ была задача праваго крыла.

Свое дѣло, а именно: выдвинуться на впередилежащій гребень, демонстрировкой удерживать непріятеля противъ себя продолжительное время и исполнить это съ $2^1/_2$ баталіонами и четырьмя горными орудіями—такую задачу генералъ Шелеметьевъ исполнилъ прекрасно. Для поддержки успѣха движенія подполковника Пригары, горныя орудія и два баталіона были выдѣлены влѣво, въ раіонъ дѣйствій лѣвой колонны, что даже противорѣчило диспозиціи по буквѣ, но не по духу, не по идеѣ.

Безпрерывное наступленіе съ боемъ, по мѣстности, доступной только по нѣсколькимъ дорогамъ, подъ страшнымъ огнемъ противника и палящими лучами, сильно утомило войска.

Генералъ Шелеметьевъ пріостановился въ ожиданіи благопріят-

ныхъ извѣстій изъ колонны полковника Гурчина; но таковыя не приходили. Итакъ, вся боевая линія стала неподвижно на своихъ мѣстахъ.

Въ шестомъ часу, долго всматриваясь въ лабиринтъ рѣчекъ, зеленыхъ и желтыхъ овраговъ, балокъ и лощинъ и бѣлѣвшихся домиковъ, я увидалъ, наконецъ, въ лѣсу, на подъемѣ къ «Желтой», небольшую полянку и небольшой участокъ перегиба съ густой на немъ цѣпью нашихъ; за цѣпью, но совсѣмъ къ ней близко, видны были и черныя кучки резервовъ. Что я видѣлъ стрѣлковъ колонны подполковника Козелкова—въ этомъ не было никакого сомнѣнія.

Вскорѣ послѣ этого начальникъ артилеріи поѣхалъ на Денибековъ курганъ. Дорогой мы встрѣтили начальника штаба отряда полковника Казбека, которому полковникъ Филимоновъ и сообщилъ свои опасенія на счетъ снарядовъ и послѣдствія, которыя могли быть вызваны безостановочной стрѣльбой съ семи часовъ утра до семи часовъ вечера. Далѣе, дорогой мы нагнали лазаретныя фуры, полныя раненыхъ страдальцевъ. Больше всего было стрѣлковъ, гурійцевъ и грузинъ. Наконецъ, мы прибыли на Денибековъ курганъ. Идя къ своей палаткѣ, я наткнулся на сидѣвшаго у большаго чинара командующаго войсками, который, подозвавъ меня, пригласилъ сѣсть на стоявшій около него другой стулъ: «Вы устали, измучились; садитесь и разскажите все, что видѣли и знаете!»

Генералъ Оклобжіо благосклонно меня выслушалъ.

Полковникъ Филимоновъ, вернувшись, занялся вопросомъ о боевыхъ снарядахъ, который представлялся въ слѣдующемъ видѣ:

1) Батареи за 12 часовъ артилерійскаго боя выпустили, какъ видно изъ таблицы, огромное количество снарядовъ.

Выпущено 11-го іюня снарядовъ.

Батареи.	Число орудій.	Обыкнов. грапатъ.	Шрапнелей.
1-я батарея 41-й бригады	4	230	12
1-я » 38-й »	8	508	512
3-я » 38-й »	8	456	456
2-я » 19-й »	8	286	362
2-я » 41-й »	2	76	63
5-я » 41-й »	8	104	100
4-я » 41-й »	8	117	459
3-я » 41-й »	8	443	95
6-я » 41-й »	8	43	94

2) $2^3/_4$ отдѣленія 41-го дивизіоннаго летучаго парка передали батареямъ почти всѣ свои запасы, а для девятифун-

товыхъ положительно всѣ. Въ батареяхъ, правда, было кое-что, но безусловно въ недостаточномъ количествѣ.

3) Ящичныя лошади батарей и часть парковъ сильно утомились, дѣлая постоянныя передвиженія.

4) Передовой боевой запасъ (подвижной паркъ) находится въ Озургетахъ, въ 27-ми верстахъ (такъ считалось) трудной дороги.

5) Время приближается къ ночи, а ночи темныя.

6) Какой бы ни былъ исходъ боя, но батареи и паркъ должны были пополнить всѣ свои порожніе ящики.

На основаніи этихъ данныхъ оставалось рѣшить: какъ пополнить боевые запасы, и полковникъ Филимоновъ немедленно, дабы не терять ни минуты времени, рѣшилъ: собрать всѣ порожніе ящики батарей, и присоединивъ къ нимъ порожніе ящики парка, все это отправить, подъ командой офицера, въ Озургеты и пополнить тамъ всѣ ящики ночью же и, давъ лошадямъ вздохнуть, сейчасъ же вернуться обратно съ такимъ разсчетомъ, чтобы къ утру слѣдующаго дня, 12-го, вернуться къ своимъ батареямъ и къ парку на позиціи.

Изъ остававшихся на позиціяхъ частей артилеріи лучше другихъ были обезпечены четырехфунтовыя и горныя орудія. Для девятифунтовыхъ, на случай большой крайности, можно было взять ящики шести орудій 2-й батареи 41-й бригады изъ Муха-Эстате, вовсе 11-го не дѣйствовавшіе, и четырехъ орудій 1-й батареи 41-й бригады (2-го дивизіона), также мало стрѣлявшихъ; боевые запасы этихъ десяти орудій могли весьма существенно служить, еслибы на слѣдующій день огонь артилеріи былъ бы необходимъ очень рано. Между тѣмъ быстро наступившій вечеръ смѣнился ночью. Денибековъ курганъ былъ полонъ ранеными, которыхъ продолжали еще подвозить. Вездѣ слышны были толки о боѣ; каждый по своему объяснялъ дѣйствія нашихъ штурмовыхъ колоннъ.

Вернемся на передовыя позиціи.

Мы оставили боевую линію: лѣвая колонна полковника Гурчина, удержанная имъ отъ новыхъ атакъ, занимаетъ центромъ, стрѣлками и пластунами все мертвое пространство у перегиба; подполковникъ Пригара и подполковникъ Макѣевъ — послѣднюю позицію; турки поддерживаютъ ружейный огонь до полной темноты, то ослабляя, то усиливая его. Изъ центральной колонны подполковника Козелкова усмотрѣно исправленіе турками своихъ траншей. Ружейный огонь замолкъ на короткій промежутокъ по всей линіи. Наступила тихая, свѣтлая, лунная ночь. По временамъ, подъ

вліяніемъ-ли паническаго страха, или усмотрѣвъ какое-либо движеніе въ нашей боевой линіи, на турецкихъ позиціяхъ то тамъ, то сямъ загорались ружейнымъ огнемъ траншеи; особенно часто повторялось это явленіе на высотахъ Квирике: вся темная, высоко взгромоздившаяся надъ лѣвой колонной масса Квирике опоясывалась мѣстами въ два—три яруса длинными линіями мелькающихъ огоньковъ.

Начинало свѣтать. Изъ колонны подполковника Козелкова усмотрѣны были вьюки, тянувшіеся къ морю съ Квирике; также видны были и исправленія турками своихъ траншей, пострадавшихъ отъ дѣйствія артилеріи. Стрѣлки 1-го баталіона, давно просившіе позволенія открыть огонь, получили, наконецъ, разрѣшеніе.

Турки, бросивъ работы, начали отвѣчать. Загорѣлась перестрѣлка, длившаяся до часа.

Въ теченіе ночи въ правой колоннѣ генералъ Шелеметьевъ произвелъ слѣдующія перемѣщенія: колонна подполковника Пригары оставлена до утра на занятыхъ ею позиціяхъ; изъ колонны подполковника Макѣева оставались ночевать на занятыхъ позиціяхъ: 2-й стрѣлковый баталіонъ и 4-й баталіонъ Александропольскаго полка; 1-й и 3-й баталіоны александропольцевъ были отведены къ «малому Лѣсистому кургану», Кутаисская пѣшая дружина и четыре горныхъ орудія—на «Столовую гору».

Такимъ образомъ правая колонна осадила правымъ плечомъ назадъ; остававшіеся 2-й стрѣлковый и 4-й александропольскій баталіоны продолжали удерживать турокъ на ихъ лѣвомъ флангѣ и поддерживать связь съ лѣвой колонной, чрезъ посредство остававшагося на позиціи подполковника Пригары, а отведенные на малый Лѣсистый курганъ два баталіона александропольцевъ усиливали резервъ центра, такъ какъ съ малаго Лѣсистаго кургана ихъ можно было направить и на поддержку подполковника Пригары, и подполковника Козелкова.

Всю ночь войска колоннъ ожидали только приказанія для немедленнаго перехода въ наступленіе, но приказанія этого не исходило.

Касательно того, предполагалась-ли ночная атака Квирике, мы находимъ указаніе въ описаніи дѣйствій 11-го и 12-го іюня 4-го стрѣлковаго баталіона *), гдѣ говорится: «Начальникъ колонны, собравъ командировъ частей, спросилъ ихъ мнѣніе, находятъ-ли они

*) Описаніе боевой службы 4-го Кавказскаго стрѣлковаго баталіона въ минувшую кампанію. Пор. Поповъ, стр. 46-я.

возможнымъ сдѣлать ночное нападеніе на турецкія укрѣпленія, или же полагаютъ остаться на занятой позиціи до прибытія подкрѣпленій? Большинство командировъ дало мнѣніе въ пользу послѣдняго соображенія, которое и было принято».

Ночная атака, по нашему разумѣнію, могла бы имѣть успѣхъ (подъ успѣхомъ мы разумѣемъ занятіе только части Квирике, что далеко еще не отдавало намъ не только всей укрѣпленной позиціи турокъ, но даже и всего гребня Квирике): 1) еслибы мы не указывали въ продолженіе цѣлаго дня 11-го, что «Желтая батарея» будетъ составлять главную цѣль нашихъ усилій; 2) еслибы на занятыхъ нами 11-го іюня позиціяхъ у подошвы «Желтой» мы оставались бы болѣе продолжительное время, что дало бы намъ возможность ознакомиться со всѣми къ ней подступами помощью частыхъ рекогносцировокъ и посылки впередъ и въ стороны пластуновъ (сведенныхъ, къ несчастію, въ баталіонъ, а не разбитыхъ по всей линіи, для службы имъ свойственной) и охотничьихъ командъ отъ частей, долженствовавшихъ штурмовать; 3) еслибы мы подготовили эту послѣднюю занятую позицію, хотя поспѣшно, въ инженерномъ отношеніи и, главное, разработали бы пути сообщенія Самеба на столько, чтобы безпрепятственно и быстро (вспомнимъ, что одна переправа черезъ Кинтышъ потребовала $4^1/_2$ часа времени) могло происходить сообщеніе передовыхъ бойцовъ съ послѣдней промежуточной базой—гребнемъ Самеба; 4) еслибы сильной демонстраціей на правомъ нашемъ крылѣ привлекли туда вниманіе турокъ; 5) еслибы войска колонны не были такъ утомлены боемъ и разстроены движеніемъ и потерями и 6) если бы мы имѣли достаточныя силы (въ общемъ резервѣ оставались всего четыре баталіона пятигорцевъ).

Невыполненіе всѣхъ этихъ мѣръ, по причинамъ по большей части независящимъ отъ отряда (насъ торопили кончить скорѣе съ Цихисдзири, но силы оставались недостаточныя), повлекло къ тому: 1) что (по свѣдѣніямъ въ главной квартирѣ) противъ колоннъ полковника Гурчина ($10^1/_4$ баталіоновъ) находилось уже въ началѣ боя 10 баталіоновъ регулярной пѣхоты и 2,000 баши-бузуковъ; теперь же къ этимъ, безъ того значительнымъ силамъ безпрестанно съ развитіемъ боя подходили новыя подкрѣпленія, которыя сосредоточивались на гребнѣ высотъ, въ ожиданіи нашего наступленія; 2) что сообщеніе съ колонной полковника Гурчина продолжало оставаться крайне затруднительнымъ и дѣлало невозможнымъ своевременную поддержку атакующихъ частями резерва (кромѣ того, сообщеніе это находилось въ разстояніи дѣйствительнаго ружейнаго

выстрѣла); 3) войска колонны были сильно утомлены и разстроены боемъ; 4) въ резервѣ оставалось свободными, еще не принимавшими участія въ ударѣ, шесть баталіоновъ, если къ четыремъ баталіонамъ Пятигорскаго полка присоединить два баталіона александропольцевъ, отведенныхъ генераломъ Шелеметьевымъ на малый Лѣсистый курганъ.

Ночная атака не состоялась, и войска на занятыхъ позиціяхъ поджидали утра.

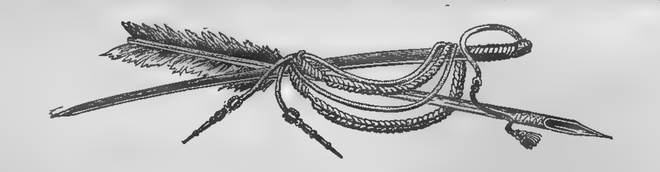
Итакъ, 11-го іюня мы были отбиты отъ турецкаго укрѣпленнаго лагеря, расположеннаго на высотахъ Квирике, Дегва и Цихисдзири. Въ сущности, въ силу медленнаго и труднаго движенія до подошвы атакуемыхъ высотъ, вслѣдствіе цѣлаго ряда искусственныхъ загражденій, на безъ того уже неприступной мѣстности, мы и не предпринимали серьезнаго удара, такъ какъ рядъ частныхъ, несвязныхъ попытокъ отдѣльныхъ ротъ и кучекъ не можетъ считаться ударомъ колонны, имѣвшей въ своемъ составѣ до 12-ти баталіоновъ. Вся операція осталась какъ бы недоведенною до конца, и поэтому свелась скорѣе къ усиленной рекогносцировкѣ. Бой 11-го іюня, стоившій намъ 500 человѣкъ потери (по официальнымъ источникамъ, собраннымъ въ дни 12-го и 13-го), указалъ намъ на силу турецкаго укрѣпленнаго лагеря по мѣстности и по фортификаціоннымъ сооруженіямъ (всѣ виды искусственныхъ загражденій, какъ-то: засѣки, волчьи ямы, проволочныя сѣти), на числительность непріятельскихъ войскъ (не менѣе 30,000), на участіе въ оборонѣ орудій большаго калибра, на отсутствіе дорогъ на пути отступленія, на нахожденія ключа турецкихъ позицій на высотахъ Дегва, прикрывавшихъ пути на Батумъ изъ Цихисдзири, и главное—на крайнюю недостаточность нашихъ силъ.

Еслибы занятіемъ Квирике мы достигали рѣшительнаго успѣха, то, даже и не надѣясь на подкрѣпленія изъ другихъ театровъ войны, мы изыскали бы средства овладѣть этимъ гребнемъ путемъ сосредоточенія къ Самеба превосходныхъ силъ со всего театра военныхъ дѣйствій, а съ Самеба сосредоточили бы эти силы у «Желтой» и «батареѣ подъ дубомъ», пользуясь для этого всѣми средствами (особенно близостью Муха-Эстате, Хуцу-Убани, Самеба и Озургетами), ослабивъ временно тылъ и сообщенія. Съ цѣлью сосредоточенія войскъ на Самеба можно бы было, напримѣръ, съ семи часовъ вечера отдать приказаніе: передвинуться двумъ баталіонамъ закатальцевъ и шести орудіямъ изъ Муха-Эстате на Денибековъ курганъ (на Муха-Эстате временно осталось бы около одного баталіона пѣхоты)

и далѣе по ту сторону р. Кинтриши для образованія общаго резерва; для той же цѣли присоединить къ этимъ двумъ баталіонамъ еще два баталіона александропольцевъ отъ правой колонны генерала Шелеметьева, которому вовсе отступить на Столовую гору и заняться приведеніемъ подступовъ къ ней и Лѣсистому кургану въ неприступное состояніе (что было очень легко помощью засѣкъ), крѣпко на ней держаться съ тремя баталіонами (въ день 12-го держался же генералъ Шелеметьевъ съ тремя баталіонами противъ силъ, превосходившихъ его вчетверо); всѣмъ свободнымъ силамъ въ Озургетахъ, которыя можно было довести до баталіона и восьми (позиціонныхъ) орудій Озургетской мѣстной батареи, передвинуться на Муха-Эстате, вслѣдствіе чего сила Муха-Эстатскаго гарнизона простиралась бы до двухъ баталіоновъ и восьми орудій; съ линіи Лѣсистаго кургана у Ачкуа и Денибекова кургана два баталіона ленкоранцевъ передвинуть опять-таки къ общему резерву, сила котораго достигла бы шести баталіоновъ (2 закатальцевъ, 2 александропольцевъ, 2 ленкоранцевъ), возложивъ временно прикрытіе операціоннаго пути на четыре сотни кавалеріи, ибо демонстрація на правомъ берегу р. Кинтыша шести сотенъ кавалеріи все равно не вела ни къ чему. Прежній же общій резервъ (четыре баталіона пятигорцевъ) перевести въ частный резервъ полковнику Гурчину, чѣмъ мы довели бы силы лѣваго фланга, колонны полковника Гурчина, съ 10-ти до 14-ти баталіоновъ, а притянувъ изъ общаго резерва еще два баталіона (хоть александропольцевъ, которымъ было бы ближе всѣхъ идти) до 16-ти баталіоновъ, да въ общемъ резервѣ еще оставались бы отъ четырехъ до шести баталіоновъ. Съ такими силами, послѣ всего сдѣланнаго, мы еще могли бы смѣло пытать счастья овладѣть Квирике. Но стоило-ли того? Бой 11-го выяснилъ значеніе занятія Квирике; опредѣлилось, что со взятіемъ Квирике мы занимаемъ только одинъ, совершенно отдѣльный гребень (т. е. совершаемъ операцію только подготовительную штурму Цихисдзири) и хотя этимъ занятіемъ и отрѣзываемъ отъ крѣпости корпусъ враждебныхъ кобулетцевъ, занимавшихъ позицію и лагерь на крайнемъ правомъ турецкомъ флангѣ, а также и ихъ селенія; но впереди остается еще цѣлая система укрѣпленій, взятіе которыхъ потребуетъ опять новыхъ операцій—совершенно отдѣльныхъ и самостоятельныхъ, которыя аналогичны съ операціями, предшествовавшими взятію Хуцу-Убани и Самеба и подобно имъ, должны заключаться, прежде всего, въ прочномъ утвержденіи на Квирике, въ подготовкѣ Квирике въ инженерномъ отношеніи, въ ввозѣ на Квирике артилеріи, въ устройствѣ сообщенія съ Самеба, въ обез-

печенiи этой новой продолженной операцiонной линiи справа и слѣва, и тогда только (усилившись еще новыми подкрѣпленiями) можно будетъ приступить къ штурму Дегва и Цихисдзирскаго укрѣпленнаго лагеря, который, замѣтимъ, все это время прямо сообщается короткими, безопасными путями (водными) съ Синопомъ, Трапезондомъ, Константинополемъ и Варной.

Условiя эти очевидно закрывали намъ дальнѣйшiя операцiи, такъ какъ на развитiе дальнѣйшаго успѣха намъ нужно было два элемента: время и подкрѣпленiя въ тѣсной между собою связи; но подкрѣпленiй намъ больше не давали, такъ какъ они требовались на главномъ театрѣ, а во времени намъ отказали тѣмъ, что и съ наличными силами торопили кончить возможно скорѣе съ Цихисдзири, ибо часть даже и этихъ силъ требовалась и подъ Карсъ, и въ Ардаганъ, и въ Сухумъ, въ которомъ уже хозяйничали высадившiеся турки.

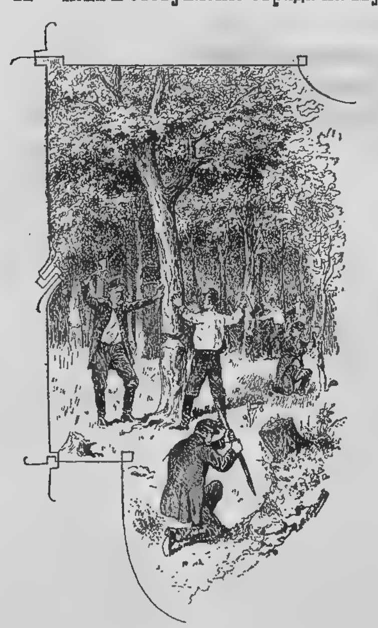

Угощеніе передавшихся намъ кобулетцевъ.

XII.

Возвращеніе штурмовыхъ колоннъ на Самеба.—Переходъ турокъ въ наступленіе 12-го іюня и отступленіе отряда на Муха-Эстате въ ночь съ 16-го на 17-е іюня.

Свѣтало. Войска были полны увѣренности, что съ восходомъ солнца пойдутъ впередъ. Рѣшеніе командующаго войсками имъ еще не было извѣстно. Но вотъ въ шесть часовъ утра получено приказаніе: отступить,—кому вернуться на позиціи Самеба, а кому и на старые свои биваки въ долинѣ р. Кинтриши. Предстояло совершить нелегкую операцію: отступить на глазахъ турокъ, сторожившихъ каждое наше движеніе и, отступая, переправиться черезъ р. Кинтышъ, что наканунѣ представило столько затрудненій.

Особенной осторожности и ловкости требовало отступленіе колонны полковника Козелкова, предпринятое съ семи часовъ утра.

Каждая часть этой колонны принимала свои собственныя мѣры для прикрытія отступленія, имѣвшаго совершиться болѣе или менѣе одновременно.

Такъ, отступленіе 1-го и 4-го баталіоновъ кавказскихъ стрѣлковъ произошло при слѣдующихъ условіяхъ: 1-й стрѣлковый баталіонъ отступилъ ранѣе 4-го и, оставивъ для прикрытія своего отступленія на прежней позиціи по полувзводу отъ 2-й и 4-й ротъ (подъ командой прапорщиковъ Кривенцова и Картвелова), тихо спустился къ р. Кинтышу; 4-й Кавказскій стрѣлковый баталіонъ отступилъ позже и, оставаясь на позиціи, какъ бы прикрывалъ отступленіе большей части колонны полковника Козелкова, какъ-то: пластуновъ, части дружинъ, Закатальскаго баталіона и роты ленкоранцевъ.

Для замаскированія отступленія стрѣлки 4-го баталіона прибѣгли къ слѣдующему маневру: цѣпи баталіона было приказано производить стрѣльбу рядами, съ промежутками отъ четырехъ до шести минутъ, и такъ до пяти разъ, чтобы дать время частямъ отступить на правый берегъ р. Кинтыша.

Общее командованіе всей цѣпью было поручено штабсъ-капитану Горскому. Послѣ пятаго раза такой пальбы рядами, отступилъ и 4-й баталіонъ, оставивъ свою цѣпь на прежней позиціи. Цѣпь черезъ 10 минутъ по отступленіи своего баталіона должна была дать послѣдній залпъ и, оставивъ свои шапки на мѣстахъ, гдѣ лежали звенья, бѣгомъ спуститься внизъ, держась дороги къ бревенчатому мосту на р. Кинтышѣ, на правомъ берегу которой должны быть выставлены (вторая позиція для прикрытія отступленія), 2-я и 3-я роты 1-го стрѣлковаго баталіона, ранѣе другихъ туда перебравшіяся.

Все сказанное было исполнено 4-мъ стрѣлковымъ баталіономъ буквально: 1-й стрѣлковый баталіонъ, отступившій раньше 4-го, переправивъ сказанныя 2-ю и 3-ю роты, которыя расположились для принятія отступавшихъ уже на правомъ берегу, оставилъ на лѣвомъ свою 1-ю и 4-ю роты, и вотъ по какому непредвидѣнному случаю: подойдя къ р. Кинтышу и собираясь уже покинуть лѣвый берегъ, баталіонъ набрелъ на санитарный отрядъ (молокане-духоборцы г. Тифлиса), устроившій здѣсь свой перевязочный пунктъ, не могшій ни собрать, ни поднять всѣхъ раненыхъ и не думавшій объ отступленіи. Ни минуты не задумываясь, командиръ баталіона князь Барятинскій оставляетъ здѣсь 1-ю и 4-ю роты своего баталіона, приказавъ не уходить съ мѣста до тѣхъ поръ, пока всѣ раненые будутъ подобраны, подняты санитарами и пока весь санитарный отрядъ съ ранеными не переберется благополучно на ту сторону р. Кинтыша.

Для розыска и относа раненыхъ князь Барятинскій приказалъ ротамъ отдѣлить по полуротѣ отъ каждой, остальнымъ же частямъ ротъ прикрывать исполненіе этого долга; людей оказалось мало; выдѣлили еще по полувзводу, но и этого было недостаточно.

Къ счастью для добраго дѣла, предпринятаго княземъ Барятинскимъ, влѣво изъ лѣса показались послѣднія части (прикрывавшія отступленіе своей части) грузинской пѣшей дружины и рота Пятигорскаго полка (высланная еще ранѣе для усиленія боевой линіи). Употребивъ гдѣ нужно приказаніе, а гдѣ и просьбы, князь Барятинскій заставилъ эти части также принять раненыхъ и тогда, забравъ всѣхъ раненыхъ, находившихся у описываемаго мѣста, князь Барятинскій, прикрывая этотъ транспортъ лишь двумя полувзводами, перебрался черезъ р. Кинтышъ.

Такъ же удачно оставили свою ночную позицію и колонны подполковника Пригары и подполковника Макѣева, ночевавшія въ 100—300 саженяхъ отъ ложементовъ и батарей непріятеля.

Командующій Батумскимъ корпусомъ Дервишъ-паша.

Для прикрытія отступленія правой колонны часть цѣпи 2-го стрѣлковаго баталіона оставалась на прежнихъ позиціяхъ и отступила только въ девятомъ часу утра.

Благодаря скрытности исполненія и полному порядку, вся боевая линія благополучно отступила на Самеба и Столовую гору, оставивъ, къ сожалѣнію, по ту сторону р. Кинтыша по многочисленнымъ балкамъ многихъ раненыхъ *).

Турки очень скоро замѣтили отступленіе: повсюду въ длинныхъ линіяхъ ихъ укрѣпленій зазвенѣли рожки, кое-гдѣ цѣпи ихъ уже спустились въ свои нижніе ложементы, но броситься преслѣдовать прикрывавшія наше отступленіе части не рѣшались.

*) Еще ночью были попытки подобрать раненыхъ, зарвавшихся впередъ; но попытки эти вызывали только новыя жертвы; турки рѣшительно сторожили каж-

Одновременно съ этимъ, вполнѣ оправившаяся артилерія турокъ *) по всей линіи открыла энергичный огонь. По всей позиціи показались новыя батареи на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вчера не было никакихъ ихъ признаковъ.

Артилерія наша, вездѣ сохранившая свои вчерашнія позиціи (за исключеніемъ 5-й батареи 41-й бригады, отступившей на Хуцу-Убани), энергично отвѣчала; собственно огонь артилеріи былъ открытъ нами раньше, для прикрытія отступленія.

Въ расположеніи турецкой артилеріи была замѣчена особенность: большая противъ вчерашняго разбросанность, нигдѣ на одномъ пунктѣ не болѣе двухъ орудій, расположеніе далеко назадъ (внутрь) отъ гребня; нигдѣ не видно было и дулъ орудій, и угадывать мѣстостояніе можно было только по дыму. (На мѣстѣ «Желтой» батареи и въ этотъ день ничего не показывалось).

Наши горные дивизіоны, отступившіе съ колоннами, находились на гребняхъ Самеба и Столовой, на послѣдней правѣе собственно «Стола».

Между тѣмъ турки, спустивши свои цѣпи въ лѣса и балки, массировали свои силы на берегахъ р. Кинтыша, на лѣвомъ своемъ флангѣ и центрѣ, но массы эти еще не приходили въ движеніе.

Наша артилерія между тѣмъ чрезвычайно удачно боролась съ турецкой: батареи Квирике значительно ослабили свой огонь подъ сосредоточеннымъ огнемъ 26-ти орудій центра, а къ $9^1/_2$ часамъ съ Квирике раздавались только рѣдкіе отдѣльные выстрѣлы. Не унималась попрежнему Дегвинская батарея. Неравный бой выдерживала 3-я батарея 41-й бригады, которой по прежнему пришлось состязаться съ Амбразурной и вновь съ двумя, въ одну ночь, какъ бы изъ земли выросшими батареями, но къ десяти часамъ всѣ три названныя батареи значительно ослабили свой огонь.

Въ 11-мъ часу (въ исходѣ) изъ цѣпей центра и праваго фланга приходили донесенія, что турки массируютъ значительныя силы, что огонь непріятельской цѣпи усиливается и что цѣпь его спустилась мѣстами къ р. Кинтышу.

дое движеніе, и стоило только сдѣлать одному человѣку шагъ впередъ изъ закрытія, какъ на него сыпались тысячи пуль. Нѣкоторыя части давали знать сигналами о своихъ мѣстонахожденіяхъ, но и тутъ на звукъ рожка сыпался свинецъ.

*) Встрѣтившись впослѣдствіи въ Кутаисѣ съ начальникомъ штаба Дервиша-паши, полковникомъ генеральнаго штаба Османъ-беемъ, намъ удалось узнать, что потери въ прислугѣ артилеріи въ день 11-го были у непріятеля на столько велики, что ко дню 12-го на многихъ батареяхъ была вся новая прислуга, доставленная спѣшно въ ночь изъ Батума.

Въ 12-мъ часу движеніе на непріятельскихъ позиціяхъ усилилось. Не было сомнѣнія, что турки собираются, подъ впечатлѣніемъ нашего отступленія, атаковать насъ на занятой нами позиціи.

Мы приняли мѣры къ отраженію штурма. Управленіе участками позиціи и вообще начальствованіе войсками, сосредоточенными для отраженія штурма, раздѣлилось слѣдующимъ образомъ: лѣвымъ флангомъ и центромъ до расположенія 2-й батареи 19-й бригады включительно командовалъ командиръ Пятигорскаго полка, полковникъ Бучкіевъ; правымъ флангомъ, начиная съ Малаго Лѣсистаго кургана до нижняго теченія р. Кинтриши, командовалъ генералъ-маіоръ Шелеметьевъ.

Полковникъ Гурчинъ съ войсками, составлявшими 11-го іюня его колонну, составилъ резервъ лѣваго фланга и центра. Для встрѣчи подвигавшагося впередъ непріятеля, войска были расположены слѣдующимъ образомъ: артилерія занимала всюду прежнія позиціи, и для отраженія штурма расположеніе ея не оставляло желать ничего лучшаго, за исключеніемъ развѣ только того обстоятельства, что на Маломъ Лѣсистомъ курганѣ было бы лучше имѣть девятифунтовую батарею, какъ болѣе дѣйствительную, и, кромѣ того, можно было бы между 1-ю батареею 38-й бригады и 2-й — 19-й бригады вдвинуть еще цѣлую батарею, что увеличило бы дѣйствіе артилеріи и пораженіе непріятеля. Лѣвый флангъ по прежнему охранялся 3-мъ баталіономъ Севастопольскаго и 1-мъ баталіономъ Ленкоранскаго полковъ при четырехъ орудіяхъ 1-й батареи 41-й бригады, подъ командой маіора Бараганскаго, далѣе подъ командой полковника Бучкіева. На флангахъ 3-й и 1-й батарей 38-й бригады стоялъ поротно 4-й баталіонъ Севастопольскаго полка. На флангахъ двухъ орудій 2-й батареи 41-й бригады стояли двѣ роты Пятигорскаго полка; нѣсколько впереди и правѣе 2-й батареи 19-й бригады, для защиты подступовъ къ этой выдвинувшейся батареѣ, стояли: 4-й баталіонъ Ленкоранскаго полка (подполковника Пригары) и баталіонъ Пятигорскаго полка (подъ командой маіора Нелюбина); кромѣ того, два баталіона пятигорцевъ стояли въ частномъ резервѣ вообще, за артилеріею центра, т. е. за Большимъ Лѣсистымъ курганомъ. Итого для защиты центра подъ общей командой полковника Бучкіева находилось шесть баталіоновъ и 30 орудій (изъ нихъ четыре горныя), т. е. изъ боеваго расположенія на 11-е іюня для обороны центра былъ употребленъ весь общій резервъ (Пятигорскій полкъ), не бывшій въ дѣлѣ 11-го, и вся колонна подполковника Пригары, уменьшенная въ численномъ со-

ставѣ потерями вчерашняго боя и утомленная этимъ боемъ и бдительной ночью на непріятельской позиціи.

Далѣе, въ вѣдѣніи генералъ-маіора Шелеметьева для отбитія турокъ отъ Малаго Лѣсистаго кургана и Столовой горы и для обороны подступовъ ко 2-й батареѣ 19-й бригады съ запада находились силы въ составѣ пяти баталіоновъ и 20-ти орудій (изъ нихъ четыре орудія горныя), распредѣленныя генералъ-маіоромъ Шелеметьевымъ слѣдующимъ образомъ: 4-я и 3-я батареи 41-й бригады — на своихъ старыхъ позиціяхъ; правѣе 3-й батареи 41-й бригады стоялъ горный дивизіонъ; пѣхота стояла: 2-й стрѣлковый баталіонъ (по-ротно) между батареями, а также вправо и влѣво отъ нихъ; далѣе, вправо отъ стрѣлковъ, — 2-я Кутаисская дружина; лѣвѣе стрѣлковъ, по направленію ко 2-й батареѣ 19-й бригады, противъ лѣсистой лощины (откуда былъ произведенъ первый натискъ турокъ), былъ поставленъ 1-й баталіонъ Александропольскаго полка; за Лѣсистой и Столовой горой въ частномъ резервѣ стоялъ 3-й баталіонъ Александропольскаго полка; въ частномъ резервѣ, за выдвинутымъ впередъ 1-мъ баталіономъ александропольцевъ, стояли двѣ роты 4-го баталіона того же полка, а другія двѣ роты того же баталіона стояли въ частномъ резервѣ за Кутаисской дружиной.

Части лѣвой колонны полковника Гурчина, за исключеніемъ Гурійской дружины, оставлены были въ общемъ резервѣ болѣе за лѣвымъ флангомъ и центромъ, на случай, еслибы по ходу обороны понадобилось усилить боевое расположеніе. Въ рукахъ полковника Гурчина было такимъ образомъ три (изъ четырехъ на весь отрядъ) баталіона, вооруженныхъ ружьями Бердана *).

Кромѣ того, для наблюденія за ущельемъ средней Кинтриши, куда могли прорваться кобулетцы, у лѣваго моста были оставлены Гурійская пѣшая дружина и рота Пятигорскаго полка.

Сторона нижней Кинтриши по прежнему охранялась кавалеріею — Кутаисскимъ конно-иррегулярнымъ и 2-мъ Кутаисскимъ дворянскимъ дивизіономъ. Расположеніе войскъ для охраны тыла и сообщенія оставалось прежнее.

Итакъ, всего въ боевой линіи на Самеба и Столовой горѣ было расположено (не считая колонны полковника Гурчина) 14 батарей и 54 орудія.

*) Въ минувшую кампанію только слѣдующія части кавказской арміи были вооружены ружьями Бердана: четыре стрѣлковыхъ баталіона, кавказская гренадерская, 39-я пѣхотная дивизія и пластуны; всѣ остальныя войска были вооружены ружьями Карля.

Въ теченіе 12-го іюня турки бросались и на центръ нашъ, и на правый флангъ; разсмотримъ поочередно каждую изъ атакъ.

Атака центра (съ $9^1/_2$ ч. до $11^1/_2$ ч. утра). — Начиная съ 9-ти часовъ утра турецкія массы, собиравшіяся въ долинѣ р. Кинтыша, пришли въ движеніе и начали приближаться къ нашему расположенію; но, скрывшись затѣмъ снова въ различнаго рода укрытіяхъ, коими была такъ богата впереди лежащая мѣстность, долгое время не были видны нашимъ войскамъ.

Завязался ожесточенный артилерійскій бой; наши батареи при случаѣ обращали его и противъ непріятельской пѣхоты, если та чѣмъ либо себя обнаруживала.

Прошло полчаса въ ожиданіи; можно было уже думать, что турки на занятыхъ мѣстахъ будутъ ждать оставленія нами Хуцу-Убани, какъ вдругъ приходитъ донесеніе отъ подполковника Пригары, что имъ усмотрѣно движеніе турокъ, дебуширующихъ изъ лѣса по направленію на саклю, лежащую правѣе и ниже расположенія 2-й батареи 19-й бригады, а черезъ 5 минутъ послѣ донесенія внезапно загорѣлся въ нѣсколькихъ мѣстахъ противъ нашего центра сильный ружейный огонь. Не было болѣе сомнѣній, что турки насъ атакуютъ.

Незамѣтно и почти безъ потерь приблизились густыя цѣпи непріятельской пѣхоты къ нашей передовой цѣпи, пользуясь крайне пересѣченной мѣстностью, покрытой густымъ лѣсомъ, и имѣя проводниковъ въ самихъ же войскахъ и офицерахъ.

Уступая многочисленному противнику, цѣпь начала отходить къ своимъ резервамъ, дѣйствуя залпами. Въ $9^1/_2$ часовъ съ центральныхъ батарей турки были усмотрѣны въ весьма близкомъ разстояніи. Артилерія центра повела огонь шрапнелью. Тревожа насъ по всей линіи фронта центральнаго нашего расположенія, турки тѣмъ не менѣе вели атаку по двумъ направленіямъ: менѣе дѣйствительную, но необычайно дерзкую, на расположеніе 3-й батареи 38-й бригады и болѣе дѣйствительную, предпринятую съ большими силами,—на расположеніе 2-й батареи 19-й бригады.

Первый натискъ турокъ былъ направленъ по лощинѣ, отдѣлявшей баталіоны, прикрывавшіе расположеніе 2-й батареи 19-й бригады отъ войскъ генерала Шелеметьева; затѣмъ они постепенно распространялись влѣво, вводя послѣ 11-ти часовъ въ сферу своихъ атакъ и правое крыло наше, т. е. Малый Лѣсистый курганъ и Столовую гору. Двигаясь по названной лощинѣ, не доходившей до 1-го дивизіона 2-й батареи 19-й бригады, всего на 100—120 саженъ, турки явно угрожали этой батареѣ; если-бы имъ удалось

занять участокъ ея расположенія, то они разрѣзывали насъ на двѣ части (прорывъ въ центрѣ), затѣмъ, разливаясь по гребню влѣво и ударивъ на Малый Лѣсистый курганъ съ тыла, ставили насъ въ весьма опасное положеніе.

Надо отдать справедливость, что первоначально они намѣтили для атакъ весьма чувствительное для насъ мѣсто, къ которому вдобавокъ ихъ выводила лощина на весьма близкое разстояніе отъ главнаго предмета дѣйствій—площадка, занятая орудіями названной батареи.

Какъ только въ названной балкѣ былъ усмотрѣнъ непріятель, 1-й дивизіонъ батареи (2-й дивизіонъ по названной балкѣ не могъ дѣйствовать по мѣстнымъ условіямъ) поспѣшилъ бросить туда очередь шрапнелей. Но тутъ сразу сказалось неудобство ската бруствера, возвышавшагося къ сторонѣ непріятеля, для дѣйствій на ближнія дистанціи.

Изъ лощины между тѣмъ на батарею посыпался дождь свинца, но, руководимая своими офицерами, прислуга дивизіона вскакиваетъ на брустверъ и, чѣмъ попало, даже руками, сбрасываетъ и сгребаетъ, мѣшавшій дѣйствію, лишній слой земли.

Исполнивъ, сколь возможно поспѣшнѣе, эту опасную работу, мужественные чины дивизіона спускаются къ орудіямъ, и въ лощину, полную непріятеля, посылаются шрапнель за шрапнелью съ установкой трубки: сначала на 2 секунды, а потомъ на $1^{6}/_{8}$ секунды. Между тѣмъ турки, съ громкими криками и продолжая на бѣгу стрѣлять, бросились на батарею; другая ихъ часть вправо на оконечность Малаго Лѣсистаго кургана, намѣреваясь взять батарею во флангъ.

Дивизіонъ бросилъ въ густую массу враговъ еще нѣсколько очередей шрапнелей, но передовые турки, напираемые свѣжими массами сзади, продолжали подвигаться.

Тогда, предвидя непосредственную атаку самой батареи, орудія заряжаются картечью.

Вотъ турецкія цѣпи, кучки и колонны поднялись на площадку гребня; роты пятигорцевъ, ленкоранцевъ и севастопольцевъ ударили на нихъ въ штыки, справа атаковали охотники, и полурота 4-й роты 2-го стрѣлковаго баталіона, подоспѣвшіе съ Малаго Лѣсистаго кургана. Штыковая свалка не была продолжительна.

Турки не выдержали удара и были опрокинуты до названной лощины, провожаемые ружейнымъ огнемъ и шрапнелями 2-й батареи 19-й бригады, вынувшей обратно свои картечи и успѣвшей зарядить ихъ шрапнелью. Болѣе или менѣе одновременно съ ата-

кой 2-й батареи 19-й бригады, непріятель атаковалъ и 3-ю батарею 38-й бригады, къ которой подкрался на самое близкое разстояніе совершенно незамѣтно и бросился на нее густыми цѣпями и съ дикими криками.

3-я батарея 38-й бригады встрѣтила нападавшихъ картечью; 1-я батарея 38-й бригады сколько могла дѣйствовала шрапнелью, командиръ 3-й батареи 38-й бригады подполковникъ Басяцкій, не видѣвшій прикрытія, котораго по мѣстнымъ условіямъ и не могъ видѣть, и вдобавокъ поставленный въ затрудненіе обгорѣвшими банниками и считавшій батарею уже погибшей и во власти турокъ, былъ настолько потрясенъ душевно, что къ вечеру того же дня лишился разсудка. Роты ленкоранцевъ и севастопольцевъ выручили между тѣмъ и 3-ю батарею 38-й бригады.

Первая попытка турокъ была такимъ образомъ отбита. Выше было сказано, что 2-й дивизіонъ 2-й батареи 19-й бригады не могъ по мѣстнымъ условіямъ обстрѣливать лощину, изъ которой бросались на батарею турецкіе таборы, но за то на его долю выпало блистательное дѣйствіе по мостамъ черезъ р. Кинтышъ, по которымъ все время толпились непріятельскія массы.

Послѣ первой попытки овладѣть вершиной нашего исходящаго угла (расположеніемъ 2-й батареи 19-й бригады) турки не замедлили возобновить нападеніе.

Первая батарея 38-й бригады вела огонь противъ Квирике, гдѣ снова показались дымки отъ орудійныхъ выстрѣловъ; 2-я батарея 19-й бригады вела огонь: частью по мостамъ черезъ р. Кинтышъ, частью обстрѣливала вдоль лощину, гдѣ засѣли отбитые турки и откуда они вели перестрѣлку съ нашими стрѣлками.

Въ исходѣ 10-го часа, усиливавшіяся массы непріятеля, предшествуемыя еще болѣе густой цѣпью, съ громкими криками бросились вторично на 1-й дивизіонъ 2-й батареи 19-й бригады, а на лѣвомъ флангѣ—противъ 3-й батареи 38-й бригады.

На этотъ разъ мы распорядились уже лучше: артилерія встрѣтила противника учащеннымъ огнемъ шрапнелей, какъ только передовыя войска непріятеля высыпали изъ лѣса; цѣпь—залпами, резервы же, подкрѣпленные сосѣдними ротами, ожидали, когда турки приблизятся къ гребню, и тогда, выпустивъ въ упоръ нѣсколько залповъ, стремительно ударили въ штыки.

Турки не выдержали и были отброшены вторично съ большими потерями (по офиціальнымъ донесеніямъ на мѣстѣ боя было насчитано 200 непріятельскихъ тѣлъ).

Разсыпавшись по всѣмъ впереди лежащимъ балкамъ и овра-

гамъ и собравшись вновь въ сказанной лѣсистой лощинѣ, они открыли сильный ружейный огонь по всему нашему центру.

Артилерія центра обратилась противъ артилеріи Квирике, которая 12-го въ общемъ дѣйствовала уже дурно *), и потери наши отъ ея дѣйствій были ничтожны.

Послѣ всего описаннаго для центра наступило время отдыха: турки его болѣе не атаковали и ограничились однимъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ.

Между тѣмъ огонь турецкой пѣхоты, хорошо укрытой мѣстностью и засѣвшей, благодаря мѣстнымъ балкамъ, въ самомъ близкомъ разстояніи отъ артилеріи центра и бывшихъ на линіи батарей ротъ прикрытія, начиналъ наносить намъ потери. Дѣйствіе артилеріи по непріятельской цѣпи, хорошо укрытой мѣстностью и вовсе не видимой, не могло быть дѣйствительно; соперничество нашей цѣпи было неровно, а усилить свою цѣпь насчетъ резерва было опасно въ виду ожиданія съ минуты на минуту новой стремительной атаки на батареи.

Для усиленія прикрытія артилеріи и, главное, для болѣе успѣшнаго стрѣлковаго состязанія, былъ вызванъ съ бивака 1-й стрѣлковый Его Высочества великаго князя Михаила Николаевича баталіонъ. Встрѣченный на гребнѣ начальникомъ штаба колонны Гурчина, капитаномъ генеральнаго штаба Шатиловымъ, баталіонъ былъ немедленно распредѣленъ поротно вдоль всей позиціи центра и частью (на небольшой участокъ) лѣваго фланга.

Появленіе въ линіи расположенія четырехъ ротъ стрѣлковъ, вооруженныхъ ружьями Бердана и немедленно открывшихъ огонь, сейчасъ же улучшило дѣло, ослабивъ огонь турецкой цѣпи, и заставивъ ее отойти на значительно большее разстояніе.

Отбитые отъ центра два раза, турки оставили его въ покоѣ, поддерживая одинъ ружейный огонь до 6-ти часовъ вечера. Главныя усилія турокъ были направлены на правый флангъ; но обнажить центръ отъ резервовъ или ослабить его было все же невозможно, ибо новая атака на центръ была вполнѣ возможна и ожидалась во все время боя, до вечера.

Атака праваго фланга. (Съ $11\frac{1}{2}$ до 7 часовъ пополудни). Еще во время первыхъ атакъ непріятелемъ нашего центра, а именно участка 2-й батареи 19-й бригады, хотя главныя усилія, бросавшихся изъ лощины враговъ и были направлены на означенную

*) По причинѣ большихъ потерь въ орудійной прислугѣ 11-го іюня и замѣнѣ ея новыми, изъ Батума прибывшими людьми. (По сообщенію Османъ-бея, начальника штаба Дервиша-паши).

батарею, тѣмъ не менѣе часть турецкихъ силъ одновременно направлялась и на оконечность Лѣсистаго кургана, но, встрѣчаемая каждый разъ охотниками и полуротой стрѣлковъ 1-го баталіона, была отбрасываема обратно.

Теперь, когда турки рѣшили оставить въ покоѣ центръ, они обратились всей массой противъ Малаго Лѣсистаго кургана и Столовой горы; послѣднюю атаковать они могли только съ юго-западной стороны, ибо съ фронта «Стола» не было ни дорогъ, ни овраговъ, по которымъ они могли бы скрытно подбираться.

Совсѣмъ иначе было дѣло съ Малымъ Лѣсистымъ курганомъ, бой за который принималъ за это время, съ 11$^1/_2$ часовъ, не разъ острый характеръ, а потому онъ заслуживаетъ нѣсколько подробнаго описанія.

Позиція «Малаго Лѣсистаго кургана» составляла звено, соединявшее высоты Самеба со Столовой горой.

Отъ группы Самеба, а именно отъ ближайшаго къ Малому Лѣсистому кургану выступа, на которомъ была расположена 2-я батарея 17-й бригады (что выходитъ на лѣвомъ флангѣ кургана), позиція Малаго Лѣсистаго кургана отдѣлялась глубокимъ лѣсистымъ оврагомъ, тѣмъ самымъ, который отдѣлялъ расположеніе войскъ, прикрывавшихъ названную батарею, отъ войскъ вообще праваго крыла и изъ котораго турки, какъ мы говорили выше, два раза бросались на батарею Шаврова *) и лѣвую оконечность Лѣсистаго кургана.

Вправо отъ Столовой горы, позиція Малаго Лѣсистаго кургана отдѣлялась неглубокой, но лѣсистой котловиной, огибавшей курганъ и спускавшейся къ сторонѣ непріятеля.

Такое расположеніе Малаго Лѣсистаго кургана, какъ бы охваченнаго со всѣхъ сторонъ лѣсистыми балками, давало возможность непріятелю, подобравшись, благодаря пересѣченной мѣстности и оврагамъ, близко и скрытно и разлившись въ мертвомъ пространствѣ у его подошвы, бросаться на него со всѣхъ сторонъ.

Площадки кургана заканчивались съ фронта и лѣваго фланга довольно крутыми спусками, поросшими самой разнообразной растительностью и образовывавшими мертвыя пространства, не фланкируемыя ни съ одной изъ нашихъ сосѣднихъ батарей.

Къ этому кургану, со стороны непріятеля, шли двѣ лѣсныя дороги, выходившія одна (по дну сказаннаго оврага) на лѣвый флангъ

---

*) 2-ю батарею 19-й бригады.

и частію въ тылъ кургана, другая, справа, во флангъ площадки, занятой 2-мъ дивизіономъ 4-й батареи 41-й бригады.

Позиція Столовой горы, занятая въ срединѣ «Стола» расположеніемъ 3-й батареи 41-й бригады, была нами неоднократно описана выше (смотри бой 4-го іюня).

Съ $11^{1}/_{2}$ часовъ утра начались усиленныя атаки турокъ на Лѣсистый курганъ и часть Столовой горы, но, встрѣчаемыя огнемъ цѣпи и резервовъ стрѣлковъ 2-го баталіона и огнемъ 16-ти орудій, онѣ ни раза не доводили атаку до конца.

Настойчивѣе другихъ и предпринятая съ большими силами была третья атака въ $12^{1}/_{2}$ часовъ, подготовленная турками сильнымъ артилерійскимъ и ружейнымъ огнемъ. Лѣсистый курганъ былъ мгновенно охваченъ со всѣхъ сторонъ; положеніе было критическое: во 2-мъ дивизіонѣ 4-й батареи 41-й бригады раздалась команда «на задки»—и три орудія этого дивизіона, стоявшія отдѣльно, были свезены внизъ, но, по счастью для обороны этого кургана, командиръ другаго дивизіона, штабсъ-капитанъ Дмитріевъ, оказался человѣкомъ рѣшительнымъ и давно уже ждавшимъ случая помѣряться съ турками на болѣе близкой дистанціи: не только не думая убирать орудій, но обрадовавшись возможности такой дѣйствительной стрѣльбы, онъ съумѣлъ и прислугѣ сообщить одушевленіе и стойкость; онъ бѣгалъ отъ орудія къ орудію, весело бранясь и подшучивая; шрапнель за шрапнелью съ установкой на самое короткое время горѣнія полетѣли изъ пяти орудій навстрѣчу враговъ, уже вбѣжавшихъ на пригорокъ. Турки не выдержали и, провожаемые шрапнелью, огнемъ цѣпи и сбѣжавшихся кучекъ стрѣлковъ, а также дѣйствіемъ орудій со «Стола», были далеко отброшены въ свои овраги.

Пріѣхавшій на курганъ генералъ Шелеметьевъ, поблагодаривъ штабсъ-капитана Дмитріева и прислугу пяти орудій, запретилъ остальнымъ тремъ орудіямъ подыматься вновь на курганъ—частью изъ желанія не загромождать курганъ, дабы дать мѣсто прикрытію, частью изъ желанія наказать часть, отказавшуюся отъ чести встрѣтить врага въ упоръ.

Выдержавши первое испытаніе, дивизіонъ штабсъ-капитана Дмитріева окрѣпъ духомъ на столько, что во всѣ послѣдующія атаки работалъ съ спокойствіемъ, свойственнымъ практикѣ мирнаго времени.

Самая смѣлая и энергичная атака была поведена турками на Малый Лѣсистый курганъ и Столовую гору въ 1 часъ 30 минутъ пополудни.

Для подготовки этой рѣшительной атаки они открыли по на-

шимъ батареямъ изъ Амбразурной, двухъ ей сосѣднихъ, Дегвинской и броненосцевъ, самый частый артилерійской огонь.

Броненосцы, стоявшіе въ устьѣ рѣки Кинтриши, уже съ 9-ти часовъ съ необычайной мѣткостью бросали бомбы изъ своихъ девятидюймовыхъ орудій: иногда бомбы буквально ложились между орудіями 3-й и 4-й батарей, но, по счастію для насъ, не рвались. Изъ ближнихъ непріятельскихъ траншей, черезъ головы наступавшихъ (очевидно турки дѣйствовали, положивъ ружья на бруствера подъ большимъ угломъ возвышенія) сыпался дождь свинца.

Визгъ пуль, шипѣніе гранатъ, громъ пальбы своихъ орудій, трескъ лопающихся снарядовъ, пронзительные крики «алла», раздававшіеся изъ впереди лежащихъ трущобъ,—все это сливалось въ какой то общій гулъ.

Самое смѣлое сердце могло содрогнуться въ этой обстановкѣ.

Чины батареи, бывшіе свидѣтелями отраженія не одной атаки, видѣвшіе успѣхъ дѣйствія своихъ снарядовъ, а слѣдовательно вѣровавшіе въ свои орудія, работали увѣренно и спокойно, весело поглядывая на своихъ офицеровъ.

Между тѣмъ скопленіе непріятеля противъ Лѣсистаго кургана усилилось, а генералъ-маіоръ Шелеметьевъ, самолично присутствуя въ бою и слѣдя за всѣми его перипетіями, спѣшно направилъ на курганъ 1-ю и 3-ю роту 2-го стрѣлковаго баталіона. Было уже и пора: непріятельскія колонны густыми пестрыми массами съ громкими криками «алла» и «ура», поддерживая свое наступленіе немолкаемымъ ружейнымъ огнемъ, стремительно бросились на курганъ и Столовую гору.

Роты стрѣлковъ для отпора расположились слѣдующимъ образомъ: 1-я рота на Лѣсистомъ курганѣ для непосредственной защиты дивизіона штабсъ-капитана Дмитріева; 3-я рота—правѣе кургана; 2-я заняла ложементы впереди батареи полковника Еврейнова и осыпала пулями показавшихся на Самеба турокъ; 4-я рота—въ резервѣ на восточномъ склонѣ Столовой горы. Штурмовыя колонны уже показались близъ гребня занятыхъ нами высотъ.

Какъ только на батареяхъ кургана и «Стола» былъ усмотрѣнъ наступающій,—съ обѣихъ названныхъ высотъ открыли самый дѣйствительный огонь противъ атакующихъ массъ.

Батареи соперничали въ мужествѣ и находчивости. Полковникъ Еврейновъ (командиръ 3-й батареи 41-й бригады, старый севастополецъ), не обращая вниманія ни на артилерійскій огонь громившихъ его батарей, ни на ружейный, выкатилъ два орудія изъ-за бруствера къ краю хребта и сперва шрапнелью, потомъ картечью

сталъ осыпать непріятеля. Штабсъ-капитанъ Дмитріевъ также заслужилъ въ этотъ день, по общему отзыву очевидцевъ, репутацію артилериста блестящей храбрости и распорядительности: чуть только было имъ усмотрѣно движеніе атакующихъ, какъ онъ встрѣтилъ ихъ учащеннымъ огнемъ шрапнелей. Въ это время генералъ Шелеметьевъ самъ пріѣхалъ на курганы.

Одинъ изъ турецкихъ таборовъ вышелъ на чистый пригорокъ всего въ 200 саженяхъ отъ названнаго дивизіона, и мгновенно посланныя три шрапнели разорвались въ самой серединѣ противника: въ рядахъ его произошло мгновенное замѣшательство, усиленное пальбой стрѣлковъ, но новыя массы напирали сзади, и турки съ пронзительнымъ крикомъ бросились впередъ и заняли площадку, откуда были свезены три орудія другаго дивизіона.

Не дрогнулъ 1-й дивизіонъ, ибо имѣлъ примѣръ своего начальника: турки встрѣчены картечью въ упоръ, по огню. Не заставляли себя ждать и стрѣлки: 1-я рота и прибѣжавшая полурота 4-й роты (портупей-юнкеръ Воскресенскій) одновременно съ картечью орудій встрѣчаютъ ихъ выдержанными залпами; прибѣжавшая слѣва рота пятигорцевъ присоединяетъ и свои залпы.

Турки не выдерживаютъ этой массы чугуна и свинца, выпущенныхъ въ упоръ, и съ страшными потерями бросаются назадъ; штабсъ-капитанъ Дмитріевъ посылаетъ имъ въ слѣдъ очередь шрапнелей, съ установкой трубки на $1^2/_8$ секунды времени горѣнія.

Отдѣльные храбрецы, впрочемъ, добѣгали до орудій и бросались на 1-ю роту, но, разумѣется, были поднимаемы на штыки.

Отхлынувшія массы непріятеля, оставляя за собой черный слѣдъ убитыми и ранеными, разсыпались по балкамъ и открыли ружейный огонь. Но этимъ бой за обладаніе Лѣсистымъ курганомъ и Столовой горой не кончился. Турки видимо готовились къ новой атакѣ. Генералъ Шелеметьевъ приблизилъ резервы—два баталіона александропольцевъ къ Лѣсистому кургану.

До десяти разъ возобновляли турки свои атаки и каждый разъ были отражаемы столь же успѣшно. Войска генерала Шелеметьева были воодушевлены до крайности, послѣ каждой отраженной атаки росли силы защитниковъ и ихъ воодушевленіе.

Два раза 1-я рота стрѣлковъ, послѣ выдержанныхъ, по командѣ ротнаго командира, какъ на смотру, залповъ, бросалась въ штыки. Послѣдняя атака турокъ была произведена въ семь часовъ вечера. Наконецъ, бѣшеныя атаки турокъ противъ нашего праваго фланга прекратились, ослабѣлъ и ружейный ихъ огонь, только Амбразурная продолжала громить Столовую; но наконецъ и она затихла.

Спокойствіе воцарилось, наконецъ, на всей линіи. Позиціи Самеба и Столовой горы остались за нами.

День 12-го еще разъ доказалъ значеніе системы дѣйствій на подобнаго рода театрѣ войны; подготовка позиціи въ инженерномъ отношеніи оказала намъ огромную услугу: позиція, занятая на всѣхъ своихъ опорныхъ точкахъ и помѣщенными въ ложементахъ прикрытіями, была вдоль и поперекъ соединена сообщеніями, что дало возможность легко и удобно взаимно поддерживать другъ друга атакованнымъ частямъ; турки, перейдя въ наступленіе, наткнулись сами на укрѣпленія, хотя и ничтожной профили, но хорошо примѣненныя къ мѣстности и достаточныя для сохраненія насъ отъ излишнихъ потерь и для приданія всей оборонительной позиціи извѣстной устойчивости. Нечего и прибавлять о значеніи укрѣпленій: редута Самеба и Денибекова кургана.

Когда бой стихъ окончательно, и спустили передовыя цѣпи вновь впередъ, то убѣдились въ громадныхъ потеряхъ, понесенныхъ непріятелемъ: множество убитыхъ и раненыхъ турокъ покрывали собой склонъ отъ Самеба и Лѣсистаго кургана и лежали неубранные. Особенно много ихъ было противъ праваго фланга, но всѣ попытки съ нашей стороны убрать ихъ были тщетны, такъ какъ изъ траншей осыпали градомъ пуль смѣльчаковъ, пытавшихся вытаскивать раненыхъ. Выставляли бѣлый флагъ, но и это не помогало. Только ночью удалось вынести ближайшихъ раненыхъ, но и то подъ огнемъ турокъ, такъ что мы должны были бросить остальныхъ на произволъ судьбы, дабы не терять при исполненіи этого долга своихъ людей.

Мы забыли упомянуть, что, одновременно съ атаками регулярныхъ войскъ на центръ и лѣвый флангъ нашего расположенія, въ теченіе того же дня 12-го іюня, враждебные кобулетцы многократно и усиленно бросались на крайній лѣвый флангъ нашъ съ тыла, наступая внизъ по теченію р. Кинтриши, но мы приняли здѣсь свои мѣры: ущелье Кинтриши, заключенное между двумя возвышенными сомкнутыми укрѣпленіями на Самеба (редутъ Бараганскаго) и Денибековомъ курганѣ, было еще преграждено внизу заслономъ изъ Гурійской дружины и роты пятигорцевъ; и здѣсь кобулетцы были отбиты, поражаемые во флангъ артилеріею съ редута Самеба и съ Денибекова кургана.

12-е число для кобулетскаго отряда было сущимъ праздникомъ; всѣ поздравляли другъ друга.

Успѣхъ дѣла 12-го іюня принадлежалъ, главнымъ образомъ, руководителю операціи, предусмотрительно занявшему основа-

тельно послѣдній гребень до Цихисдзири и цѣлесообразно расположившему тамъ войска и укрѣпленія, а также стойкости артилеріи и пѣхоты. Успѣхъ наименѣе численнаго праваго крыла и полный порядокъ, тамъ соблюдавшійся, особенно бросается въ глаза. Приводимъ скромное донесеніе доблестнаго начальника праваго крыла.

По донесенію генерала Шелеметьева, «успѣшный исходъ дѣла 12-го іюня для праваго фланга», имъ предводительствуемаго, «слѣдуетъ приписать стойкости пѣхоты и артилеріи, а особенно неустрашимости, знанію своего дѣла и удивительному порядку, соблюдавшемуся въ ротахъ 2-го стрѣлковаго баталіона, которыя, будучи раскинуты на большомъ протяженіи, по болѣе важнымъ пунктамъ позиціи, дѣйствовали самостоятельно. 3-я и 4-я батареи, не смотря на то, что были положительно осыпаемы съ утра до пяти часовъ вечера гранатами съ батарей квирикской позиціи, оказали пѣхотѣ при отраженіи атаки непріятеля существенную помощь, дѣйствуя по штурмовымъ колоннамъ противника картечью» *).

Приводимъ текстъ донесенія командующаго войсками:

«Успѣхъ ввѣренныхъ мнѣ войскъ въ дѣлѣ 12-го іюня самый рѣшительный, и я считаю своей пріятной обязанностью доложить о ихъ мужествѣ, непоколебимой стойкости и способности переносить военные труды. Артилерія не дрогнула передъ наступавшимъ непріятелемъ и доводила его до ближней картечи. Пѣхота геройски отстаивала честь своего оружія и нѣсколько разъ ходила въ штыки. Успѣхомъ дѣла я обязанъ начальнику кобулетскаго отряда, генералъ-маіору Денибекову, и въ особенности хладнокровію и распорядительности командира 1-й бригады 41-й пѣхотной дивизіи, генералъ-маіора Шелеметьева, и командира 151-го пѣхотнаго Пятигорскаго полка, полковника Бучкіева; эти послѣдніе находились самолично въ опаснѣйшихъ пунктахъ и руководили ходомъ обороны».

Что касается нашихъ потерь, то, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній (общая потеря 12-го считалась въ 74 человѣка), а потому и не приводимъ ихъ здѣсь, за исключеніемъ потерь за оба дня, т. е. 11-го и 12-го, въ трехъ стрѣлковыхъ баталіонахъ и Грузинской пѣшей дружинѣ, которыя ниже и представляемъ:

---

*) Донесеніе генерала Шелеметьева о дѣлѣ 12-го іюня командующему войсками.

	Убитыхъ.		Раненыхъ		Контуженныхъ.		Общія потери.	
	Офицеровъ.	Нижнихъ чиновъ.	Офицеровъ.	Нижнихъ чиновъ.	Офицеровъ.	Нижнихъ чиновъ.	Офицеровъ.	Нижнихъ чиновъ.
Въ Грузинской дружинѣ	—	6	1	58	3	15	4	79
Въ 1-мъ стрѣлковомъ Его Высочества баталіонѣ. . . .	—	26	1	53	—	2	1	83
Во 2-мъ стрѣлковомъ баталіонѣ.	—	4	2	23	1	8	3	35
Въ 4-мъ стрѣлковомъ баталіонѣ. . . .	—	18	2	106	1	10	3	137

Потери 1-го и 4-го стрѣлковаго баталіоновъ относятся только ко дню 11-го іюня.

Итого въ трехъ стрѣлковыхъ баталіонахъ и дружинѣ 11 офицеровъ и 334 нижнихъ чина.

Насколько недѣйствителенъ былъ огонь турецкой артилеріи, доказываетъ, что 3-я батарея 41-й бригады, бывшая два дня подъ непрестаннымъ огнемъ по крайней мѣрѣ 14-ти орудій (считая и огонь броненосцевъ), потеряла всего 9 человѣкъ прислуги ранеными. Болѣе другихъ изъ батарей потеряла 2-я батарея 19-й артилерійской бригады. Офицеровъ отрядъ потерялъ достаточное количество, отмѣтимъ: командующаго тремя баталіонами Александропольскаго полка, флигель-адъютанта Его Величества подполковника Заала Шавліевича Теріева *), смертельно раненаго въ животъ; командира 4-го стрѣлковаго баталіона, маіора князя Меликова, раненаго въ руку **), и друг.

Потери непріятеля были весьма значительны.

На другой день, 13-го іюня, командою охотниковъ, посланныхъ

*) Заалъ Шавліевичъ Теріевъ, флигель-адъютантъ Его Величества, кавалеръ пяти георгіевскихъ крестовъ, одного офицерскаго и всѣхъ четырехъ степеней солдатскаго, бывшій командиръ 1-й роты 13-го лейбъ-Эриванскаго Его Величества полка, служившій потомъ въ лейбъ-гвардіи Егерскомъ полку и переведенный въ Александропольскій полкъ, раненъ былъ въ ту минуту, когда, приведя свои баталіоны, по приказанію генерала Шелеметьева, къ подошвѣ Малаго Лѣсистаго кургана въ періодъ направленныхъ на него турецкихъ атакъ, разговаривалъ съ генераломъ Шелеметьевымъ. Послѣ сильныхъ страданій скончался 13-го іюня.

**) Князь Меликовъ оправился вскорѣ отъ раны, вернулся командовать баталіономъ и въ ночь съ 5-го на 6-е ноября былъ смертельно раненъ подъ Карсомъ, командуя колонной, взявшей фортъ Сувари.

подъ начальствомъ подпоручика Виноградова для осмотра поля сраженія на болѣе отдаленномъ разстояніи отъ нашихъ батарей, были найдены въ кустахъ и вынесены 70 непріятельскихъ тѣлъ и 15 раненыхъ, изъ которыхъ 14 вскорѣ умерли, а одинъ отправленъ въ госпиталь. Другой же командой была найдена въ балкѣ, близъ р. Кинтыша, груда непріятельскихъ тѣлъ, вѣроятно снесенныхъ туда при отступленіи первыхъ отбитыхъ турецкихъ колоннъ; но предать ихъ землѣ не было возможности, такъ какъ турки, при началѣ работы, открыли изъ ложементовъ огонь залпами по нашимъ рабочимъ.

Судя по числу преданныхъ землѣ непріятельскихъ тѣлъ и по показаніямъ раненыхъ турокъ, потери непріятеля убитыми и ранеными были громадны и по меньшей мѣрѣ превышали 1,000 человѣкъ, въ числѣ которыхъ было много арнаутовъ, привезенныхъ Дервишемъ-пашой, командующимъ батумскимъ корпусомъ.

Приводимъ ниже свѣдѣнія о выпущенныхъ батареями 12-го іюня снарядахъ.

Б а т а р е и.	Число орудій.	Обыкновенныхъ гранатъ.	Шрапнелей.	Картечей.	Всего.
2-я батарея 19-й артилерійской бригады.	8	133	133	—	266
1-я » 41-й » »	4	51	41	—	92
2-я » 41-й » »	2	18	21	—	39
3-я » 41-й » »	8	132	143	—	275
4-я » 41-й » »	8	295	76	12	371
5-я » 41-й » » *)	2	10	15	—	25
6-я » 41-й » »	8	20	30	—	50
1-я » 38-й » »	8	60	50	—	110
3-я » 38-й » »	8	250	250	8	508

Ночью съ 12-го на 13-е іюня на боевыхъ линіяхъ были случаи тревоги, оказавшіеся фальшивыми; кое-гдѣ была поднимаема безпричинно ружейная трескотня. 13-го іюня въ войскахъ отряда еще не было извѣстно рѣшеніе, что мы предпримемъ дальше. По приказанію начальства, въ войскахъ былъ распространенъ слухъ, что предпринимаемъ обходъ и ждемъ только разрѣшенія. На боевыхъ позиціяхъ велѣно было соблюдать всѣ мѣры осторожности. Под-

*) Шесть орудій 5-й батареи 41-й бригады въ день 12-го находились у Денибекова кургана, а остальныя два были непродолжительно на Самеба и въ десятомъ часу утра присоединились къ батареѣ.

ступы къ Денибекову кургану и самъ курганъ съ восточной стороны и со стороны Кинтриши были обставлены засѣками. Отразивъ турокъ 12-го іюня, мы однако далеко еще не были увѣрены, что они не возобновятъ нападенія; на боевой линіи и на восточномъ фронтѣ повсюду были приняты мѣры осторожности; не была оставлена безъ вниманія ни правая сторона нижняго теченія р. Кинтриши, непрестанно освѣщавшаяся сильными разъѣздами, ни оба берега средней Кинтриши (восточный фронтъ), гдѣ заслонъ, обращенный въ сторону верховья, получилъ сильный резервъ въ колоннѣ полковника Гурчина, въ составъ которой входили 1-й и 4-й Кавказскіе стрѣлковые баталіоны. Колонна полковника Гурчина имѣла характеръ общаго резерва по отношенію къ боевой линіи, и частнаго—для сказаннаго заслона, въ сторону враждебныхъ кобулетцевъ. Кобулетцы, часть которыхъ (сел. Верхніе-Кобулеты) уже изъявила покорность, если и имѣли въ виду передаться намъ въ случаѣ успѣха подъ Цихисдзири, теперь, послѣ того, какъ мы были отбиты отъ укрѣпленнаго лагеря, естественно оставили свои намѣренія и, какъ бы предчувствуя, что мы ихъ покинемъ, только усилили свою игру въ руку турецкому правительству. Жители сел. Верхніе-Кобулеты, вслѣдствіе явно враждебныхъ отношеній жителей остальныхъ селеній, опасаясь ихъ мести и кары турецкаго правительства, переселились къ намъ въ лагерь и были размѣщены гдѣ-то въ раіонѣ Денибекова кургана. Цѣлый день въ сторонѣ ихъ селенія, изъ-за моря зелени поднимались къ небу столбы чернаго дыма: то предавались огню ихъ дома и имущество...

Въ числѣ передававшихся намъ жителей селенія былъ и мѣстный мула, который, еще 12-го іюня, съ серьезнымъ и мрачнымъ лицомъ смотрѣлъ съ высоты Денибекова кургана на кипѣвшій бой и, видимо, опасался торжества своихъ единовѣрцевъ. Былъ и одинъ офицеръ турецкихъ ирегулярныхъ войскъ.

Между тѣмъ на Денибековомъ курганѣ, по приказанію командующаго войсками, были собраны фургоны и полуфурки полковъ 41-й пѣхотной дивизіи для перевозки въ Озургеты женщинъ и дѣтей передавшагося намъ селенія и части захваченнаго ими имущества.

Командующій войсками ревниво охранялъ площадку кургана, гдѣ происходило ихъ усаживаніе, изъ желанія уважить восточный обычай мусульманъ, чтобы мужчина не видѣлъ лица женщины, для чего удалялъ съ площадки всѣхъ любопытныхъ, многимъ изъ офицеровъ удалось взглянуть на красивыхъ представительницъ прекраснаго пола Кобулетіи. Онѣ усаживались очень весело, многія

улыбались и, повидимому, не особенно горевали перемѣной своего положенія и мѣста пребыванія.

Тотъ же день 13-го іюня былъ наполненъ и чисто артилерійскими хлопотами по поводу большаго процента испорченныхъ орудій, т. е. такихъ, временному дѣйствію которыхъ мѣшалъ обнаружившійся прорывъ газовъ; мы говоримъ временному, такъ какъ перемѣна кольца, чистка и пришлифовка запирающихъ плоскостей была достаточна для приведенія ихъ въ полную годность. Къ сожалѣнію, не помню числа орудій, пришедшихъ къ сказанному состоянію послѣ двухдневнаго боя, помнится только, что явленіе это встрѣчалось почти во всѣхъ батареяхъ. Въ 3-й батареѣ 38-й бригады былъ случай удивительно изогнутаго и искалѣченнаго кольца: надъ нимъ въ раздумьи останавливался не одинъ артилеристъ. По поводу испорченныхъ орудій работала комисія, созванная начальникомъ артилеріи.

Трудно было навѣрное опредѣлить, что главнымъ образомъ способствовало столь часто повторявшемуся случаю порчи орудій (замѣчавшемуся и на другихъ театрахъ: въ Плевнѣ—въ артилеріи отряда генерала Скобелева 30-го августа, въ бою 20-го сентября въ дѣйствующемъ корпусѣ на кавказско-турецкой границѣ и друг.), какъ только обстоятельства боя требовали частой стрѣльбы: недостатокъ-ли воды въ баклагахъ, недостатокъ-ли количества сальныхъ тряпокъ для протирокъ запирающихъ плоскостей, скорое-ли приведеніе этихъ тряпокъ въ сухой видъ, вслѣдствіе частаго ихъ употребленія и большаго количества пороховаго нагара на запирающихъ плоскостяхъ, недостатокъ-ли тщательной пришлифовки сказанныхъ плоскостей, случай-ли попаданія въ каналъ орудія песчинокъ или другихъ постороннихъ веществъ, заносимыхъ въ него банникомъ при досылкѣ снаряда, если предварительно № 4-й держалъ банникъ не наноскѣ сапога, а на землѣ,—трудно опредѣлить.

На турецкихъ позиціяхъ весь день 13-го іюня хотя и было покойно, въ смыслѣ активныхъ противъ насъ предпріятій, но за то была замѣчена дѣятельность другаго рода: къ устью Кинтриши вдоль всего фронта тянулись вьюки, и тамъ происходила или отправка убитыхъ и раненыхъ моремъ въ Батумъ, или же, что вѣроятнѣе, посадка войскъ для отправки ихъ на другіе театры, какъ, напримѣръ, на Сухумъ, гдѣ уже турки высадились, и куда войска, отразивъ наше движеніе на Батумъ, могли быть переброшены менѣе чѣмъ черезъ 12 часовъ плаванія моремъ; намъ же перебросить войска на сухумскій театръ военныхъ дѣйствій требовалось не менѣе десяти дней.

Нѣтъ сомнѣнія, что, еслибы на Черномъ морѣ мы имѣли нѣсколько лишнихъ быстроходныхъ крейсеровъ, тогда такого рода транспортировка не могла бы производиться безнаказанно, стоило только судамъ этого типа крейсировать на путяхъ сообщенія Батума съ Сухумомъ.

Кромѣ того, турки усиливали укрѣпленія крайняго праваго фланга, откуда они спустились на впередилежащій гребень, на которомъ насыпали что-то въ родѣ люнета. По поводу возникновенія этого люнета пришли на Денибековъ курганъ жалобы на артилерію, почему она допускаетъ его возводить. Нечего и говорить о всей неосновательности этихъ жалобъ, съ чѣмъ согласится всякій сколько-нибудь знакомый съ «положеніемъ о службѣ, правахъ и дѣятельности начальника артилеріи корпуса или большаго отряда въ военное время»; уже изъ одной предшествовавшей боевой дѣятельности отряда вытекало, что батареи открывали огонь по приказаніямъ начальниковъ колоннъ, отряда и участковъ позиціи; отчего же тогда, 12-го іюня, артилерія стрѣляла картечью не по приказанію начальника артилеріи, а начальниковъ извѣстнаго участка позиціи; что же мѣшало теперь, если начальникъ позиціи усмотрѣлъ опасность въ возведеніи люнета, приказать открыть ему огонь изъ орудій, находившихся въ его раіонѣ. Еслибы такія орудія не были снабжены снарядами или не дѣйствовали, тогда можно было бы винить артилерійское начальство.

Занятый въ данную минуту своимъ настоящимъ дѣломъ, входившимъ въ кругъ его обязанностей по званію начальника артилеріи, полковникъ Филимоновъ, не вступая ни въ какія пренія, которыя отняли бы у него только время, приказалъ мнѣ немедленно поѣхать на лѣвый флангъ и приказать открыть огонь противъ строющагося люнета. Я поѣхалъ и поднялся къ редуту Самеба, гдѣ, кромѣ четырехъ орудій 1-й батареи 41-й бригады, былъ еще дивизіонъ горныхъ орудій.

Офицеры артилеріи редута, къ которому ближе другихъ спустились турки возведеніемъ люнета, сообщили, что укрѣпленіе это возводится турками ночью, что ночью стрѣлять намъ нельзя, а что днемъ никакихъ работъ не производится, срыть же насыпь съ разстоянія 1,200 саженей—задача не по силамъ орудіямъ полевой артилеріи. Всѣ эти данныя должны были быть извѣстны начальнику этого участка, тѣмъ не менѣе отъ него пришла жалоба: «что артилерія бездѣйствуетъ, когда у нея подъ носомъ (1,200 саж.) насыпается укрѣпленіе, а потому рѣшено было, для очистки совѣсти, обстрѣлять безмолвное укрѣпленіе. На крайнемъ турецкомъ пра-

вомъ крылѣ вообще было видно большее противъ прежняго оживленіе; даже большой шатеръ Османа-паши, командовавшаго правымъ флангомъ, былъ выдвинутъ впередъ изъ лѣса.

Въ строющееся безмолвное укрѣпленіе было брошено нѣсколько гранатъ, углубившихся въ насыпь. Турки отвѣтили съ Квирике, наши орудія перенесли огонь на непріятеля, приняли участіе и батареи центра, и въ концѣ концовъ завязалась артилерійская канонада, конечно безцѣльная, напрасно растревожившая отрядъ и очистившая передки отъ нѣсколькихъ снарядовъ.

Ночь съ 13-го на 14-е не прошла спокойно: были тревоги, оказавшіяся фальшивыми; во временамъ, среди глубокой ночи, поднималась ожесточенная стрѣльба и крики «ура!» перекатывались по всей позиціи:—явленіе это не было отрадно. Это только доказывало, что мы утратили иниціативу, и было естественнымъ послѣдствіемъ стоянки передъ непріятельскимъ укрѣпленнымъ лагеремъ, отъ котораго мы были отбиты. Войска были настроены дурно, въ силу сложившихся обстоятельствъ. Не надо забывать при этомъ, что въ составъ отряда входила главнымъ образомъ самая молодая изъ всѣхъ дивизій Имперіи—41-я пѣхотная.

Въ общемъ, въ войскахъ отряда произошло неизбѣжное нравственное перерожденіе: когда мы наступали, туркамъ мерещились и ночныя атаки и ночныя нападенія, и подкрадыванія; теперь мы отбиты, мы собираемся отступать, намъ мерещатся обходы, у насъ въ цѣпи стрѣляютъ по призракамъ. Это неизбѣжное перерожденіе усиливалось скрытою завѣсой лѣсовъ, природой чуждой и непривычной русскому человѣку, и враждебнымъ настроеніемъ хозяевъ этихъ горныхъ и лѣсистыхъ трущобъ *).

14-го іюня всѣ частные начальники узнали рѣшеніе командующаго войсками: отступить на Муха-Эстате.

Всюду—и на боевыхъ позиціяхъ, и на Денибековомъ курганѣ—дѣлались распоряженія и приготовленія къ отступленію, но, въ то же время, приняты были мѣры къ тому, чтобы это отступленіе ни-

---

*) Впослѣдствіи, по окончаніи кампаніи, я не разъ спрашивалъ нижнихъ чиновъ 1-го и 4-го стрѣлковыхъ баталіоновъ: «что, братцы, гдѣ было хуже, подъ Карсомъ или подъ Цихисдзири?» и всегда получалъ отвѣтъ, что подъ Карсомъ даже въ ночь его штурма было легче. «Подъ Карсомъ по крайности и своихъ видно было и его видать, и спишь и ѣшь спокойно, а подъ Цихисдзири ни днемъ, ни ночью нѣтъ покоя, а въ бою ни своихъ не видать, ни его, а бьютъ изъ лѣса и не видимъ откуда»; «подъ Карсомъ, если отдыхъ, такъ ужъ дѣйствительно отдыхъ, а бой, такъ бой—видимъ кого бьемъ и какъ бьемъ, а подъ Цихисдзири отдыхъ не отдыхъ, только измучаешься, а бой—не дай-то Господи, какой нехорошій».

коимъ образомъ не было замѣчено непріятелемъ. Между прочими мѣрами отмѣтимъ: запрещеніе снимать палатки до вечерной темноты во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, откуда онѣ были видны съ турецкихъ позицій, таковыми были, между прочимъ, палатки нашего артилерійскаго штаба. До отступленія цѣпи оставались на своихъ мѣстахъ, также и всѣ батареи; цѣпи высылались даже въ большемъ количествѣ, например, стрѣлки высылали ежесуточно до двухъ ротъ отъ баталіона въ сторожевую цѣпь. Первая бумажка, офиціально трактовавшая объ отступленіи и полученная утромъ 14-го іюня, была записка штаба войскъ кобулетскаго отряда слѣдующаго содержанія:

«1) Паркъ и ящики, находящіеся на Хуцу-Убани, а также всѣ испорченныя орудія отправить въ 4 часа дня, сего 14-го числа па Муха-Эстате. Въ этомъ пунктѣ паркъ долженъ остановиться на Очха-Мури и, взявъ съ собой остающійся на Муха-Эстате парковый обозъ вмѣстѣ съ испорченными орудіями, двигаться въ Озургеты. Ящики, принадлежащіе батареямъ, должны быть оставлены на Очха-Мури (тылъ Муха-Эстате у подошвы высотъ) и сданы полковнику Солтану (командиръ 164-го Закатальскаго полка, и начальникъ гарнизона муха-эстатскихъ укрѣпленій); 2) 2-е и 3-е зарядные ящики всѣхъ девятифунтовыхъ батарей должны быть собраны къ шести часамъ вечера сего же числа у праваго и средняго мостовъ и выступить: отъ праваго моста въ 6½ часовъ, отъ средняго—въ 7½ часовъ и двигаться прямо на Муха-Эстате, гдѣ присоединиться на р. Очха-Мури къ тѣмъ ящикамъ, кои отправляются съ парками. Артилерійскій обозъ долженъ быть отправленъ вмѣстѣ съ ящиками. 14-го іюня 1877 г. Полковникъ Казбекъ».

Дни 15-го и 16-го іюня провели тревожно, въ послѣднихъ хлопотахъ; по ночамъ то же тревожное ожиданіе, та же иногда стрѣльба и крики «ура!» по линіи расположенія войскъ. Отступленіе массы войскъ въ 21 баталіонъ, 38 пѣшихъ и 8 горныхъ орудій на правый берегъ р. Кинтриши, на гребень Хуцу-Убани, и съ присоединеніемъ на гребнѣ Хуцу-Убани остальной части отряда, а именно пяти баталіоновъ, 12-ти орудій и шести сотенъ кавалеріи, далѣе на Муха-Эстате, должно было быть произведено 16-го іюня съ наступленіемъ темноты. Все отступленіе должно было совершиться по тремъ путямъ. Справа движеніе прикрывалось болѣе позднимъ выступленіемъ правой колонны генерала Шелеметьева; слѣва, гдѣ находилось самое чувствительное мѣсто, были расположены вдоль всего пути, фронтомъ на востокъ, баталіоны ленкоранцевъ и закатальцевъ (числомъ отъ четырехъ до шести баталіоновъ). Войска, составлявшія гарнизонъ Денибекова кургана (не исключая и четырехъ орудій), не должны были трогаться раньше, чѣмъ лѣвый

мостъ не будетъ пройденъ и разобранъ. Первыя войска, переправившіяся черезъ лѣвый мостъ, уже составляли усиленіе Денибекова кургана. Вся тяжесть отступленія правой колонны, какъ и всѣ наиболѣе деликатныя операціи, легли на 2-й стрѣлковый баталіонъ. Для соблюденія порядка при переправѣ, у всѣхъ трехъ мостовъ должны были находиться спеціально назначенные офицеры; кромѣ того, для уничтоженія мостовъ послѣ переправы, тутъ находились саперные офицеры. Операція отступленія была не изъ легкихъ: нужно было спуститься съ высокихъ горъ неслышно, съ многочисленной артилеріей, по крутымъ дорогамъ, въ глубокое ложе р. Кинтриши, пройти мосты и потомъ взбираться снова на возвышенный гребень Хуцу-Убани, откуда опять спуститься къ р. Ачкуа и потомъ вновь подниматься къ Муха-Эстате. Но, во всякомъ случаѣ, разъ мы перебрались на Хуцу-Убани *), то могли уже легко вздохнуть; самая трудная часть дѣла была кончена,—мы занимали крѣпкую позицію; и рѣка своимъ свойствомъ преграды обращалась въ нашу пользу. Опасность оставалась только слѣва, со стороны восточнаго фронта; здѣсь на всемъ протяженіи между Денибековымъ курганомъ и Муха-Эстате оставалась одна опорная точка— высоты лѣваго берега р. Ачкуа. Еслибы жители сторожили насъ здѣсь зорко и, открывъ наше отступленіе раньше, чѣмъ мы перебрались черезъ Кинтриши, энергично бы насъ здѣсь атаковали,— они поставили бы насъ въ весьма затруднительное положеніе. Дорога отъ Ачкуа до Муха-Эстате шла лѣсомъ, которымъ жители легко могли овладѣть и, пользуясь имъ, какъ плацдармомъ для своихъ скопищъ, прекратить и движеніе. Ихъ могли бы тогда поддержать и регулярныя войска.

Ничего не могло быть хуже отступленія при сказанныхъ условіяхъ: темная ночь, кругомъ непроницаемый лѣсъ, страшно пересѣченная мѣстность и тяжелое нравственное чувство чиновъ отряда, оставлявшихъ мѣста, доставшіяся такимъ трудомъ и съ такими потерями.

Было еще свѣтло, когда я услышалъ голосъ начальника штаба отряда, полковника Казбека, просившаго начальника артилеріи передать меня въ его распоряженіе на все время совершенія пред-

*) Еслибы мы раздѣлили отступленіе на два пріема: сперва отступить только на Хуцу-Убани, потомъ черезъ нѣсколько дней или на другой день—на Муха-Эстате, то нечего и говорить, что непріятель при совершеніи втораго пріема легко бы насъ не выпустилъ, такъ какъ изъ перваго пріема убѣдился бы въ нашемъ намѣреніи отступить. Отступленіе сразу на Муха-Эстате дѣлаетъ честь рѣшимости начальства; кромѣ того, мы выигрывали такимъ образомъ во времени.

стоящаго отступленія. По приказанію полковника Филимонова я немедленно явился начальнику штаба, передавшему мнѣ на остатокъ дня 16-го и утро 17-го іюня рядъ слѣдующихъ приказаній: «Вы поѣдете, когда стемнѣетъ, на Муха-Эстате, и выберете мѣсто для расположенія артилеріи лѣвой колонны, а именно для батарей: 1-й и 5-й—41-й артилерійской бригады, 2-й—19-й бригады, 1-й и 3-й—38-й бригады; старайтесь держаться позицій, на которыхъ стояла артилерія до 29-го апрѣля, и, выбравъ и разсчитавъ расположеніе, ждите у дороги съ Денибекова кургана; здѣсь по мѣрѣ того, какъ батареи будутъ прибывать, указывайте имъ мѣста расположенія и настаивайте на исполненіи вашихъ указаній. Обратите вниманіе, чтобы за линіями орудій были удобныя мѣста для расположенія передковъ и зарядныхъ ящиковъ. Артилерія, сосредоточенная на Муха-Эстате, будучи прикрыта полкомъ полковника Букчіева, будетъ покровительствовать своимъ огнемъ отступленію пѣхоты вообще и особенно аріергардовъ. 3-я батарея 41-й бригады входитъ въ составъ правой колонны, а потому ея не ждите». Затѣмъ, пожелавъ мнѣ успѣха, начальникъ штаба отпустилъ меня покончить съ отправленіемъ нашего артилерійскаго штаба.

Было уже совершенно темно и отовсюду началось неслышное отступленіе нашихъ войскъ, когда я выѣхалъ на дорогу, ведущую изъ Денибекова кургана на Муха-Эстате. На дорогѣ нагналъ вьючный обозъ, вѣроятно 4-го стрѣлковяго баталіона, судя по прикрытію; далѣе тянулись вьюки и другихъ частей. Переѣхавъ въ бродъ р. Ачкуа, проѣхавъ бывшее мѣсто расположенія нашего штаба, я вступилъ въ лѣсъ, тотъ самый лѣсъ, занятіе котораго жителями могло намъ надѣлать много бѣдъ. Но въ лѣсу было все покойно; вправо отъ дороги, въ мракѣ, съ трудомъ можно было различить поддержки нашей цѣпи, углубившейся въ лѣсъ и его сторожившей: то были части ленкоранцевъ и закатальцевъ. Прошло полчаса ѣзды лѣсомъ, когда влѣво я увидѣлъ слабый огонекъ, на который свернулъ съ дороги; у огонька различилъ силуэты лошадей и державшаго ихъ казака.

Здѣсь же кто-то, лежавшій на разостланной на землѣ буркѣ, мгновенно вскочилъ при моемъ появленіи: то былъ начальникъ штаба, полковникъ Казбекъ, который, справедливо опасаясь за этотъ чувствительный промежутокъ дороги и собравъ для его заполненія все, что только было свободнаго, рѣшилъ самъ находиться здѣсь для немедленныхъ распоряженій. Получивъ еще разъ подтвержденіе данныхъ мнѣ ранѣе инструкцій, я поѣхалъ отъ огонька

на дорогу, еле видную въ темномъ лѣсу. По дорогѣ, попрежнему, смутно обрисовывались кучки и поддержки цѣпи, обращенной на востокъ. Кругомъ стояла та же тишина, также тихо было и на передовыхъ позиціяхъ: все это доказывало, что турки еще и не подозрѣваютъ нашего отступленія.

Наконецъ я добрался до Муха-Эстате, слѣзъ съ лошади и, не выпуская поводьевъ изъ рукъ и прибѣгая подчасъ къ свѣту зажженныхъ спичекъ, началъ разбираться и оріентироваться. Исходнымъ пунктомъ мнѣ послужилъ одинъ хорошо извѣстный дубъ, давшій мнѣ возможность сообразить направленіе линіи отъ нашихъ батарей въ эпоху стоянки нашей артилеріи на Муха-Эстате. Скоро отыскалъ я на половину засорившійся ровикъ для артилерійской прислуги, обозначившій расположеніе батарей до 29-го апрѣля. Всего найденнаго было достаточно для составленія окончательнаго плана постановки батарей.

Кончивъ разсчетъ, я усѣлся у сказаннаго дуба, завернувшись отъ ночной сырости въ бурку, и, не выпуская поводьевъ лошади, терпѣливо ожидалъ батарей, которыя должны были двигаться близко отъ дерева. Не мало времени просидѣлъ я такимъ образомъ, внимательно прислушиваясь ко всякому впереди звуку; наконецъ послышался гулъ движенія орудій и ящиковъ. Я поѣхалъ навстрѣчу и лицомъ къ лицу встрѣтился съ уноснымъ фейерверкеромъ 1-го орудія 1-й батареи 38-й бригады; за ней тянулись остальныя батареи, назначенныя стать на Муха-Эстате. Началась разстановка артилеріи.

Батареи 38-й бригады, еще не стоявшія на Муха-Эстате, подобно остальнымъ батареямъ отряда, а потому вовсе не знавшія мѣстности, только подъ утро могли убѣдиться, что занимаютъ прекрасную артилерійскую позицію.

Во время разстановки артилеріи подтягивались и располагалось прибывавшія части пѣхоты.

Полковникъ Бучкіевъ, обязанный прикрывать всю линію артилеріи, разставлялъ баталіоны своего полка, требуя болѣе тѣснаго размѣщенія орудій, что не согласовалось съ удобствами предстоящаго дѣйствія и расположенія артилеріи, почему артилерія и осталась на занятыхъ ею мѣстахъ, такъ какъ удобство ея расположенія, а не прикрытія, было дѣломъ первостепенной важности.

Начинало чуть свѣтать, и вотъ впереди, въ томъ самомъ лѣсу, котораго мы опасались, раздались первые выстрѣлы и неистовые крики, открывшихъ наше отступленіе, жителей.

Но теперь открытіе это не могло быть опаснымъ: отступили и

прошли лѣсъ обозы, артилерія и большая часть пѣхоты; четыре девятифунтовыя батареи уже заняли позиціи; оставалась одна 5-я батарея 41-й бригады, двигавшаяся въ составѣ аріергарда и отступавшая по дивизіонно.

Между тѣмъ отдѣльные выстрѣлы жителей и нашей цѣпи превратились въ универсальный ружейный огонь, и загорѣлся ожесточенный бой. Перебѣгая отъ дерева къ дереву съ неистовыми криками, кобулетцы стрѣляли по отступавшимъ съ самыхъ близкихъ разстояній.

Между тѣмъ свѣтало все больше и больше, и успѣхъ нашего отступленія становился очевиднѣе.

Ружейные выстрѣлы и крики теперь слышались уже и на Хуцу-Убани: то были опомнившіяся войска укрѣпленнаго цихисдзирскаго лагеря. Ружейный огонь трещалъ и въ правой колоннѣ, долженствовавшей отступить на свои старыя позиціи у р. Ачкуа, на такъ называемую «сакатмейскую позицію», выдвигавшуюся далеко впереди нашего расположенія на Муха-Эстате, что придавало правой колоннѣ характеръ боковаго правофланговаго сильнаго аріергарда. Начальникъ артилеріи послалъ меня къ 5-й батареѣ 41-й бригады, на которую насѣдали кобулетцы съ особой настойчивостью и которую необходимо было временно закрыть на столько, чтобы дать ей возможность взять на задки безъ бильшихъ потерь, а для этого было необходимо, чтобы какая нибудь пѣхотная часть бросилась временно впередъ на жителей, т. е. чтобы закрытіе было-бы активное.

Батарея имѣла свое небольшое прикрытіе, которое, въ виду близости насѣдавшихъ кобулетцевъ, держалось почти на линіи боевыхъ осей. Выручка должна была быть изъ свѣжей части. Оставалось просить какую-либо изъ сосѣднихъ частей выдвинуться впередъ, и я обратился къ старымъ знакомымъ, а именно къ князю Ивану Макаеву (бывшему адъютанту дружины, теперь командиру 4-й сотни гурійцевъ).

Князь Макаевъ уважилъ мою просьбу и повелъ своихъ гурійцевъ впередъ, а выведя ихъ за батарею, разсыпалъ и открылъ огонь, чѣмъ отвлекъ вниманіе кобулетневъ отъ батареи и далъ ей возможность благополучно отступить. Батарея заняла мѣсто на лѣвомъ флангѣ общаго расположенія артилеріи.

Между тѣмъ окончательно разсвѣло.

Отступленіе было кончено, и мы твердой ногой стояли на Муха-Эстате. Трудная операція, благодаря ея организаціи, принятымъ мѣрамъ и прекрасному исполненію, была исполнена блестящимъ образомъ.

Приводимъ ниже кое-какія подробности исполненія отступленія въ обѣихъ колоннахъ.

Послѣдней частью, переправившейся черезъ мостъ, была 4-я рота 1-го Кавказскаго стрѣлковаго баталіона; послѣ ея переправы мостъ былъ разобранъ.

Средній мостъ чуть-было не былъ разобранъ: когда еще одинъ запоздавшій баталіонъ оставался на томъ берегу, завѣдывавшіе переправой, услыша говоръ и шумъ движенія долго спустя послѣ назначеннаго для переправы послѣдней части времени, справедливо опасались движенія уже турокъ; разборка моста была пріостановлена не безъ опасенія, но русскій баталіонъ былъ узнанъ и запоздавшая часть переправилась.

Въ правой колоннѣ (правый мостъ) вся трудность отступленія и переправы легла опять на тотъ же самый 2-й Кавказскій стрѣлковый баталіонъ, который первымъ шелъ и первымъ переправился тутъ же во главѣ правой колонны въ эпоху наступленіи отряда.

Въ 10 часовъ вечера на Столовой горѣ оставался одинъ 2-й стрѣлковый баталіонъ, который долженъ былъ начать отступленіе въ 12 часовъ ночи, а до тѣхъ поръ, въ случаѣ, если противникъ замѣтитъ наше отступленіе и будетъ преслѣдовать, — стоять до послѣдней возможности, прикрывая отступавшія части правой колонны. Вотъ какъ изображены эти минуты въ описаніи боевой службы этого баталіона: «Тяжело было намъ въ эти два часа ожиданія, среди подавляющей тишины, окружавшей баталіонъ. Казалось, что вотъ, вотъ изъ-за этихъ темныхъ массъ деревьевъ сверкнетъ выстрѣлъ, за нимъ другой, и турки насядутъ на насъ. Думалось, что если этому суждено случиться, то поскорѣй бы, потому что невыносимо становилось среди этого гробоваго молчанія. Но, какъ видно, непріятель ничего не подозрѣвалъ, и баталіонъ, въ полночь, составляя аріергардъ правой колонны, отступилъ безъ шума со Столовой горы. Въ аріергардѣ баталіона шла 2-я рота; перейдя мостъ черезъ Кинтриши, она остановилась: 1-я полурота разсыпалась въ цѣпь по правому уже берегу, а 2-я полурота, составивъ ружья, помогала саперамъ разобрать мостъ. По уничтоженіи моста, 2-я рота двинулась за баталіономъ, который занялъ позицію на курганѣ (люнетъ № 6-го), гдѣ стоялъ до 24-го мая — до перехода на Столовую гору. У люнета № 6-го (который смѣло могъ быть названъ курганомъ Шелеметьева) баталіонъ остановился, выжидая, когда пройдетъ столпившаяся артилерія; отъ 2-й роты была выставлена цѣпь».

Только два часа спустя послѣ ухода артилеріи, 2-й стрѣлковый

баталіонъ съ аріергардомъ изъ роты и боковыми патрулями, съ трудомъ пролѣзавшими въ лѣсу, лежавшемъ по сторонамъ дороги, оставилъ курганъ-люнетъ № 6-го.

Въ это время въ лѣвой колоннѣ завязалась перестрѣлка съ кобулетцами. Только къ полудню баталіонъ спустился къ р. Ачкуа и присоединился къ колоннѣ, ставшей бивакомъ на правомъ берегу р. Ачкуа, гдѣ колонна стояла послѣ 29-го апрѣля.

Колонна только-что размѣстилась, какъ съ противоположнаго берега посыпались пули турокъ, поздно узнавшихъ объ отступленіи правой колонны.

Наша артилерія (3-я батарея 41-й бригады) и цѣпь слабо отвѣчали до вечера. Итакъ, въ концѣ концовъ, къ полудню 17-го іюня, и главныя силы, и отдѣльная колонна генерала Шелеметьева, прочно водворились на назначенныхъ имъ позиціяхъ. Весь день 17-го іюня и ночь тревожили одни жители, которые, впрочемъ, стали необычайно дерзки и подбирались очень близко къ сторожевой цѣпи.

Во время стоянки главныхъ силъ на Хуцу-Убани и далѣе на Самеба, гарнизонъ Муха-Эстате заключился въ редутъ, занимавшій центральную и наиболѣе возвышенную площадку всей муха-эстатской полиціи, а потому все остальное пространство, всѣ остальныя площадки были предоставлены паркамъ, войсковымъ обозамъ и вьючнымъ черводарскаго транспорта. Понятно, что всѣ эти площадки, щеголявшія когда-то чистотой, кое-гдѣ торчавшими домиками и дубовыми деревьями, теперь были совершенно обнажены и густо завалены навозомъ; не было также прежней чистоты воздуха. Въ общемъ Муха-Эстате представляло крайне непривлекательную стоянку: жара, кучи навоза, отсутствіе воздуха и какой-либо растительности и мухи. Штабъ командующаго войсками и начальника отряда размѣстились на старыхъ мѣстахъ такъ-же, какъ и нашъ артилерійскій штабъ. Невиданныя дотолѣ миріады мухъ, порожденныя навозомъ, разлагавшимся подъ палящими лучами жаркаго солнца, отравляли еще болѣе и безъ того крайне непривлекательную стоянку: невозможно было ни спокойно отдохнуть, ни закусить. Не замедлилъ появиться и самый опасный врагъ—лихорадки. Стоя на Хуцу-Убани, нездоровое время года для всей этой полосы еще не было ощутительно, но разъ мы водворились на Муха-Эстате—лихорадки были неизбѣжны. Все время движенія впередъ люди были здоровы и духомъ, и тѣломъ; теперь же, преисполненные тяжелымъ нравственнымъ чувствомъ неудачи въ главной цѣли, сознаніемъ невозможности дальнѣйшаго наступленія,

Нападеніе кобулетцевъ на посты Грузинской дружины на нашихъ сообщеніяхъ съ Озургетами.

находясь подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ ночнаго отступленія, выражающагося уже непремѣнно въ осторожномъ, какъ бы боязливомъ возвращеніи домой, въ защищенное, укрытое мѣсто, люди подчинились невольно инстинкту самосохраненія, который болѣе всего говоритъ при подобныхъ операціяхъ. Человѣкъ же, нравственно подавленный, больной духомъ, легче поддается эпидеміи.

Ободрившіеся кобулетцы теперь начинали вести съ нами положительно партизанскую войну: среди глубокой ночи они поднимали крики и стрѣльбу, то на лѣвомъ флангѣ, гдѣ они подбирались очень близко, то въ тылу, угрожая нашему сообщенію съ Озургетами.

Противодѣйствіе этимъ дерзкимъ угрозамъ мы скоро нашли въ формированіи охотничьихъ командъ отъ всѣхъ частей,—мѣра извѣстная на Кавказѣ, но которая вспоминалась и примѣнялась всегда нѣсколько позже.

18-го іюня была получена телеграма о переходѣ нашихъ войскъ черезъ Дунай, преисполнившая отрядъ чувствомъ глубокой радости. Въ войскахъ былъ отслуженъ молебенъ.

Во время молебна, турки, видя съ Денибековскаго кургана стройные ряды нашихъ войскъ, стоявшихъ на молебнѣ, открыли артилерійскій огонь изъ орудій, которыя они втащили на курганъ еще 17-го іюня.

Когда кончился молебенъ, начальникъ отряда, генералъ Денибековъ, поздравилъ войска съ успѣхомъ на Дунаѣ. При крикахъ «ура!» были сдѣланы артилеріею три залпа боевыми снарядами изъ всѣхъ орудій, стоявшихъ на позиціи, и Денибековъ курганъ исчезъ въ дыму разрывающихся снарядовъ и въ поднятой имъ пыли. Послѣ этихъ залповъ турки болѣе не стрѣляли изъ орудій. Турецкіе перебѣжчики, являвшіеся къ намъ въ этотъ и послѣдующіе дни, разсказывали, что наши неожиданные залпы нанесли большія потери туркамъ, столпившимся на курганѣ. У насъ было ранено нѣсколько артилерійскихъ лошадей.

Въ отрядѣ стало извѣстно, что изъ его состава выдѣляются въ главныя силы слѣдующія части: Пятигорскій полкъ, два баталіона севастопольцевъ, два кубанцевъ, 1-й и 4-й стрѣлковые баталіоны, 1-я и 3-я батареи 38-й бригады, Имеретинская дружина и 4-я батарея 41-й бригады, которыя должны были войти въ составъ ингурскаго отряда, назначеннаго для дѣйствія противъ Сухума.

По случаю перемѣны въ характерѣ операцій отряда и выдѣленія изъ его состава сказанныхъ частей, начальникъ отряда, гене-

ралъ Денибековъ, отдалъ слѣдующій приказъ, въ которомъ очерчена вся предыдущая дѣятельность отряда *).

«Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ со дня объявленія войны, вы, войска кобулетскаго отряда, понесли трудъ, достойный полнаго вниманія. Въ это время, не говоря о ежедневныхъ перестрѣлкахъ съ кобулетцами, вы соорудили болѣе 70-ти верстъ прекрасныхъ колесныхъ дорогъ, разработанныхъ заново въ чрезвычайно пересѣченной и лѣсистой мѣстности, построили четыре укрѣпленныхъ позиціи значительныхъ размѣровъ, совершили четыре блестящихъ горныхъ экспедиціи и имѣли три крупныхъ дѣла, въ числѣ которыхъ одно двухдневное сраженіе, гдѣ противъ васъ дѣйствовала большая часть батумскаго корпуса. Во всѣхъ этихъ дѣлахъ, не смотря на то, что мы не имѣли никакихъ крупныхъ трофеевъ, вы вели себя героями и оставались побѣдителями. Противникъ, значительно превосходившій васъ числомъ войскъ, только одинъ разъ рискнулъ атаковать нашу позицію и, потерявъ нѣсколько сотенъ лучшихъ своихъ войскъ, снова заперся въ своемъ укрѣпленномъ цихисдзирскомъ лагерѣ.

«Нынѣ, когда высшему начальству угодно, чтобы нѣсколько батальоновъ и батарей изъ состава кобулетскаго отряда поспѣшили на другіе театры военныхъ дѣйствій, вы должны покинуть позиціи, занятыя вашими геройскими усиліями, и отойти нѣсколько назадъ, чтобы исполнить съ прежнимъ геройствомъ новую задачу, предназначенную намъ начальствомъ. Прощаясь съ частями войскъ, исключаемыми изъ состава кобулетскаго отряда, я приношу какъ имъ, такъ и остающимся со мною генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ и нижнимъ чинамъ мое душевное спасибо за ихъ честную и геройскую службу въ составѣ кобулетскаго отряда».

Наступательныя операціи отряда прекратились надолго. Командующій войсками, находившійся всѣ эти дни временно въ Озургетахъ, долженъ былъ со своимъ штабомъ окончательно переѣхать въ Кутаисъ, занимавшій центральное положеніе по отношенію обороны прибрежья Чернаго моря отъ Муха-Эстате и Николаевска до Сухума. На Муха-Эстате сосредоточенъ былъ кобулетскій отрядъ, значительно (почти на половину) уменьшившійся въ своемъ составѣ. Начальникомъ отряда (теперь уже дѣйствительнымъ) оставался любимый войсками генералъ Денибековъ, начальникомъ его штаба—полковникъ Казбекъ.

Съ оставшимися частями отрядъ долженъ былъ крѣпко стоять на Муха-Эстате, прикрывая пути въ единовѣрную Гурію. Расположеніе на Муха-Эстате, кромѣ того, упрочивало обладаніе нами Николаевскомъ, положеніе котораго теперь не выходило выдающимся.

*) Приказъ по кобулетскому отряду отъ 12-го іюня, за № 18-мъ.

Насколько отрядъ при сказанной обстановкѣ честно, стойко и мужественно исполнилъ свою задачу, какіе труды выпали на его долю и что было поучительнаго для военнаго дѣла во время шестимѣсячной стоянки,—объ этомъ мы разскажемъ въ другой разъ, а пока попросимъ у читателей извиненія за нѣсколько субъективный характеръ нашего разсказа и за массу въ воспоминаніяхъ мелочей; но всякая мелочь, пережитая въ русской военной семьѣ при боевой обстановкѣ, кажется чѣмъ-то особенно дорогимъ и при воспоминаніяхъ съ ней трудно разстаться.

Движеніе по грязнымъ дорогамъ.

XIII.

Заключенія и выводы.

Описанныя событія—операціи кобулетскаго отряда, окончившіяся безрезультатно, кромѣ развѣ утвержденія на Муха-Эстате и прикрытія Гуріи—естественно вызываютъ вопросъ: какой же характеръ и какой способъ дѣйствій слѣдовало принять намъ въ при-Ріонскомъ краѣ, въ виду данной обстановки? Такихъ способовъ могло быть четыре: 1) рѣшительное наступленіе съ цѣлью занятія Батума, что необходимо вызывало и операціи противъ Цихисдзири; 2) рѣшительныя дѣйствія только противъ Цихисдзири, съ цѣлью захвата Кинтришской поляны, прикрытія путей изъ Батума въ Гурію и отрѣзанія враждебной Кобулетіи отъ моря;

3) активно-оборонительныя, которыя могли состоять въ захватѣ Муха-Эстате и лѣваго берега Чолока; 4) строго (пассивно) оборонительныя, которыя въ раіонѣ Гуріи заключались въ укрѣпленіи г. Озургетъ и горы Экадіо.

Опыты прошлаго и стратегическая оцѣнка совершенно ясно указываютъ и тотъ характеръ, и тотъ способъ дѣйствій, который былъ бы самымъ желательнымъ не только для успѣшныхъ дѣйствій на ріонскомъ же театрѣ—частномъ, второстепенномъ,—но и для достиженія рѣшающаго успѣха на главномъ театрѣ, въ турецкой Арменіи, противъ важнѣйшаго предмета дѣйствій—Эрзерума, съ обладаніемъ которымъ рѣшалась участь войны на всемъ мало-азіятскомъ театрѣ.

Съ потерей русскаго флота, затопленнаго въ 1855 году, черноморскій берегъ Европейской Россіи пересталъ быть цѣлью для ея враговъ, и Черное море, бывшее до предпослѣдней войны столь опаснымъ для турокъ, теперь даетъ турецкой арміи средство безопасно транспортировать всѣ свои вооруженныя силы къ любому пункту прибрежья Чернаго моря.

Батумъ имѣлъ, главнымъ образомъ, значеніе удобнаго пункта дебаркаціи и, какъ безопасная стоянка для судовъ, давалъ Портѣ возможность сосредоточить сюда значительныя военныя силы и запасы не только до войны, но и въ теченіе самой войны, на случай опасности, угрожающей Батуму, какъ это и было въ минувшую кампанію, 9-го, 10-го и 11-го іюня.

Итакъ Порта, пользуясь моремъ, на случай нашихъ наступательныхъ операцій располагала короткими, лучшими и вполнѣ безопасными линіями сообщеній и имѣла, такимъ образомъ, возможность дѣйствовать по внутреннимъ операціоннымъ линіямъ, особенно удобнымъ въ силу ихъ полной безопасности (значеніе морскихъ средствъ на водномъ пути).

Что касается до Батума, какъ предмета дѣйствія для нашихъ отрядовъ, то, по словамъ полковника Казбека *), занятіе Батума, какъ самостоятельная операція, никогда не составляла стратегической цѣли для русскихъ войскъ. Въ войну 1829 года, графъ Паскевичъ приказалъ генераламъ Гессе и Остенъ-Сакену двинуться въ Аджару, Кобулеты и Батумъ, сперва для отвлеченія вниманія мѣстнаго населенія отъ Ахалциха и Карса, а потомъ для наказанія аджарскаго бека за нежеланіе быть съ нами въ союзѣ.

---

*) Очеркъ Лазистанскаго санджака.

Наступленія эти кончились неудачей, и эти давнишніе опыты показали, съ какого рода трудностями придется бороться нашему солдату, если обстоятельства вновь приведутъ насъ къ необходимости вторгнуться въ турецкую Грузію; опытъ генерала Гессе въ 1829 году позволяетъ вывести слѣдующее: 1) со стороны Гуріи къ Батуму есть только одинъ доступъ—по берегу моря; 2) Кинтришская поляна и Цихисдзири составляютъ ключъ къ обладанію этимъ путемъ; 3) «по мѣстнымъ условіямъ и по воинственному характеру населенія, успѣхъ похода зависитъ болѣе отъ дружелюбныхъ отношеній къ жителямъ, чѣмъ отъ численности войскъ».

Война, тянувшаяся съ 1853 по 1856 годъ, только подтвердила опыты войны 1829 года. Правда, въ предпослѣднюю войну 1855—1856 годовъ, мы не мечтали занять Батума, но враги наши, пользуясь численнымъ превосходствомъ войскъ, наступали по той же дорогѣ, по которой они шли въ 1829 году. Турки въ 1853 и 1854 годахъ, также какъ и въ 1829 году, собрались на той же Кинтришской полянѣ; устроившись здѣсь, они рѣшились перейти въ наступленіе и послѣ Нигоитскаго дѣла отступали на эту же поляну, чтобы, устроившись, опять перейти въ наступленіе. Но въ 1854 году мы были счастливѣе, чѣмъ въ 1829 году: князь Андронниковъ на-голову разбилъ турокъ на лѣвомъ берегу Чолока, т. е, почти на томъ же мѣстѣ, гдѣ сражался Гессе въ началѣ 1829 года (когда его дѣйствія носили характеръ обороны), и если бы наступленіе на Батумъ входило въ наши соображенія, то войска наши неминуемо должны были бы идти по берегу моря и встрѣтить тѣ же затрудненія при Цихисдзири и, главное, тотъ же вооруженный народъ, который въ 1829 году составлялъ всю силу мѣстной обороны» *).

Далѣе, входя въ оцѣнку путей къ Батуму, полковникъ Казбекъ указываетъ, что Батумъ доступенъ для нашихъ войскъ какъ со стороны Озургетъ черезъ Нижніе-Кобулеты, такъ и со стороны Ахалциха, черезъ Аджару и Шависетъ.

О невозможности движенія къ Батуму береговой дорогой уже говорилось нами выше; что же касается до аджарскихъ дорогъ, то, по словамъ г. Казбека, онѣ всѣ болѣе или менѣе доступны для движенія только небольшихъ отрядовъ, примѣрно до четырехъ баталіоновъ, съ горной артилеріею и вьючнымъ обозомъ, а какъ опе-

*) «Военно-статистическій и стратегическій очеркъ Лазистанскаго санджака», полк. Казбекъ, стр. 58.

раціонный путь удобнѣе другихъ—средняя, т. е. та, по которой шелъ въ 1829 году баронъ Остенъ-Сакенъ во время первой экспедиціи въ Аджару.

Но, какую бы дорогу мы ни выбрали для движенія на Батумъ, для успѣха операціи, говоритъ полковникъ Казбекъ, «нужно принять за непремѣнное условіе, чтобы населеніе турецкой Грузіи или было бы вполнѣ за насъ, или же, по крайней мѣрѣ, оставалось нейтральнымъ». Къ этому убѣжденію легко придти какъ изъ военнаго описанія Лазистанскаго санджака, такъ и въ особенности изъ приведенныхъ краткихъ свѣдѣній о походахъ генераловъ Гессе и барона Остенъ-Сакена въ 1829 году. Предпослѣдняя восточная война подтвердила выводы, приведенные выше изъ примѣровъ 1829 года: едва только выяснилась неминуемость войны 1853 года, и турецкія войска стали собираться на Кинтришскую поляну, какъ кобулетцы уже вырѣзали гарнизонъ укрѣпленія св. Николая и принудили начальника гурійскаго отряда очистить Озургеты. Душою наступательныхъ дѣйствій былъ кобулетскій бекъ Хасанъ—бекъ Тавдгеридзе, убитый въ сраженіи при Нигоити.

На сколько было дѣйствительно вліяніе аджарцевъ и кобулетцевъ, или, вѣрнѣе сказать, ихъ бековъ на успѣхи турокъ въ 1853 и 1854 годахъ, видно изъ того, что, по мнѣнію турокъ, они потеряли Чолокское сраженіе, между прочимъ, потому, что мѣстные беки не симпатизировали Селиму-пашѣ, навлекшему неудовольствіе за свое корыстолюбіе. Другой эпизодъ 1854 года еще болѣе подтверждаетъ нашу мысль: часть гурійскаго отряда была двинута по легвской дорогѣ, чтобы привлечь вниманіе турокъ на эту сторону; русскій отрядъ безпрепятственно дошелъ до д. Легва, не встрѣтивъ ни одного регулярнаго солдата, но здѣсь начальникъ отряда узналъ, что кобулетцы отрѣзали ему путь отступленія, и, не рѣшаясь возвратиться по старому пути, онъ долженъ былъ просѣкать новую дорогу по лѣсу, ведущему къ Богильскому посту, на р. Чолокѣ.

Всѣ эти примѣры въ связи съ характеристикой населенія даютъ намъ поводъ думать, что безъ содѣйствія населенія Лазистанскаго санджака турецкая армія, дѣйствующая со стороны Батума, никогда не будетъ въ состояніи достигнуть серьезныхъ результатовъ; а если это населеніе будетъ за насъ, турецкая армія, быть можетъ, не посмѣетъ даже сдѣлать высадку въ Батумѣ.

Слѣдовательно, лучшимъ средствомъ для парализированія значенія Батума для турокъ и для облегченія его за-

нятія нашими войсками будетъ привлеченіе мѣстнаго населенія на нашу сторону. Исполнить эту важную мѣру во время войны, или непосредственно передъ ея началомъ, какъ показали опыты — немыслимо. За то въ мирное время, и именно послѣ 1856 года, когда вслѣдствіе разныхъ соціальныхъ и административныхъ причинъ въ Турецкой Гуріи жилъ духъ оппозиціи, мы могли легко подготовить почву для будущей войны.

Однако слѣдуетъ помнить, добавляетъ полковникъ Казбекъ, въ заключеніе своей мысли, «что взять Батумъ гораздо легче, чѣмъ удержать его за собой безъ помощи военнаго флота».

Обладаніе Батумомъ желательно только на столько, на сколько это необходимо для того, чтобы мѣшать высадкамъ, а главное господствовать надъ умами жителей, которымъ мы должны будемъ оказать помощь вооруженной рукой въ томъ случаѣ, если они выразятъ свое тяготѣніе къ Россіи.

«Если это тяготѣніе проявится, повторяемъ, — захватить Батумъ не трудно; если же главный факторъ въ нашемъ предположеніи, т. е. населеніе Лазистанскаго санджака, будетъ противъ насъ, мы никакимъ образомъ не должны пытаться занять Батумъ».

Такъ говорилъ въ своемъ военно-статистическомъ и стратегическомъ очеркѣ предстоявшаго театра военныхъ дѣйствій, задолго еще до войны, будущій начальникъ штаба кобулетскаго отряда, и событія кампаніи какъ нельзя болѣе оправдали правильный взглядъ полковника Казбека на систему предстоявшихъ военныхъ дѣйствій.

Опыты минувшей кампаніи, очерченной нами въ приведенныхъ воспоминаніяхъ операціи кобулетскаго отряда, доказали всю трудность наступленія при данныхъ условіяхъ; прежде всего, надо замѣтить, что дѣйствія кобулетскаго отряда носили совершенно отличный характеръ отъ таковыхъ дѣйствующаго корпуса на Кавказско-Турецкой границѣ: хотя отрядъ отъ родной границы отошелъ всего какихъ нибудь 30 верстъ самое большее, тѣмъ не менѣе на его долю выпало не малое количество кровопролитныхъ боевъ и сраженій, вслѣдствіе упорной мѣстной обороны воинственнаго населенія, а также громадныя лишенія и трудности, вслѣдствіе физическихъ свойствъ края; упорное сопротивленіе кобулетцевъ придавало здѣсь военнымъ дѣйствіямъ партизанскій характеръ. Мы двигались въ странѣ, густо населенной враждебнымъ намъ племенемъ, защищавшимъ свои семьи, родные очаги, свои поля и сады, племенемъ воинственнымъ отъ природы, выросшимъ въ

своихъ горныхъ и лѣсистыхъ трущобахъ, едва признававшимъ и турецкое владычество и, въ добавленіе всего, фанатическимъ, вооруженнымъ скорострѣльнымъ оружіемъ.

Наконецъ, самая страна представляла край, изобилующій всѣми данными для упорной обороны.

Причина лишеній и трудностей заключалась въ физическихъ свойствахъ края—глинистой и скважистой почвѣ, насыщенной водой, превращающейся въ неимовѣрную грязь, въ которой люди и лошади тонутъ; весной дождь идетъ иногда около двадцати дней безъ малѣйшаго перерыва, промачивая одежду до костей и пропитывая почву, пока она не обратится въ насыщенную губку; наконецъ, въ крайне пересѣченной мѣстности, заросшей тропическимъ лѣсомъ и въ убійственныхъ лихорадкахъ лѣта и осени.

Эти лихорадки составляютъ естественныя послѣдствія накопленія стоячей воды и разложенія органическихъ веществъ.

Самые лѣса отъ избытка влаги гнилы и мягки.

Отрядъ подвигался впередъ крайне медленно и осторожно, кровью и пóтомъ овладѣвая лѣсистыми трущобами, продѣлывая къ нимъ просѣки и дороги, съ трудомъ втаскивая на нихъ артилерію и обозъ. Всякому новому движенію впередъ, хотя бы на одну или двѣ версты, предшествуетъ прежде укрѣпленіе на старой позиціи, подготовка ея въ инженерномъ отношеніи и вообще основательное устройство своей промежуточной базы.

Разъ на этой позиціи все готово,—двигаемся впередъ, овладѣваемъ, при помощи артилеріи, дѣйствующей со старой позиціи, новымъ гребнемъ, и опять начинается проведеніе дорогъ и просѣки къ новой позиціи и устройство ея.

Все вышесказанное, въ соединеніи съ обиліемъ дождей, превращающихъ всѣ эти, съ трудомъ проведенныя, грунтовыя дороги въ невылазныя массы грязи, всѣ ложементы и траншеи въ ямы съ водой, можетъ хотя отчасти изобразить картину тѣхъ лишеній и трудностей, которыя выпали на долю отряда, и систему наступательной войны при этихъ условіяхъ.

Если эти физическія особенности тяжело ложились на пѣхоту и немногочисленную кавалерію отряда, то можно себѣ представить, въ какой степени ложились онѣ на артилерію.

Всадникъ, пѣхотинецъ и обозъ, состоявшій изъ вьючныхъ, преимущественно черводарскихъ транспортовъ,—все это могло, хотя и съ трудомъ, пробираться черезъ это море грязи, но девятифунтовымъ пушкамъ и четырехъ-колеснымъ заряднымъ ящикамъ это было подчасъ невыполнимой задачей. Тутъ не могло быть и рѣчи

о правильномъ и быстромъ выѣздѣ батарей на позицію, какъ это практиковалось на плоскостяхъ Арменіи. Лошади нужны были только для передвиженія и для заблаговременнаго доставленія орудій и ящиковъ съ одной позиціи на другую, и даже эти «переѣзды въ смыслѣ доставки» въ дождливые дни были минутами тяжелыхъ испытаній для чиновъ батарей и лошадей.

Интересно также привести сравненіе, кому было удобнѣе, легче и кто могъ быстрѣе доставлять средства для веденія войны— въ смыслѣ снабженія боевыми и продовольственными запасами: мы или турки?

Турки изъ своего большаго центра—Константинополя (основная — главная база) совершали переѣздъ въ Батумъ моремъ въ 68 часовъ, мы же изъ своего относительно малаго центра — Тифлиса, производили доставки сначала по поти-тифлисской желѣзной дорогѣ, въ 18 часовъ, до станціи Самтреди, затѣмъ, по дурному (въ дни распутицы) шосейному пути, до Озургетъ 70—80 верстъ, да отъ Озургетъ верстъ 25—30—35 по грунтовымъ (въ дни распутицы невозможнымъ), войсками проложеннымъ, дорогамъ.

Наступленіе кобулетскаго отряда съ цѣлью достиженія рѣшительныхъ дѣйствій противъ Цихисдзири и Батума требовало, въ виду не разъ высказанныхъ соображеній, значительныхъ силъ, сопряжено было, какъ мы видимъ, съ огромной затратой времени и, въ виду стратегическихъ соображеній, не было ручательствъ за успѣхъ, ибо въ средствахъ къ веденію войны турки имѣли явное преимущество.

Самый большой успѣхъ, какого только мы могли бы достигнуть при наибольшемъ напряженіи силъ и тратѣ времени, заключался бы въ овладѣніи Батумомъ и Цихисдзири, но утвержденіе наше на занятыхъ пунктахъ и по охраненію сообщеній съ ними потребовало бы также силъ, которыя едва-ли могла бы выставить кавказская армія, безъ нанесенія крайняго ущерба успѣху операціи противъ Карсъ-Эрзерума.

Наше движеніе отъ Чолока до Цихисдзирскаго лагеря на протяженіи 35-ти верстъ потребовало два мѣсяца времени, и если мы и атаковали эти верки 11-го іюня, а не позже, то только потому, что насъ торопили, ибо часть нашихъ силъ потребовалась настоятельно на главномъ театрѣ войны въ Малой Азіи; только къ 11-му іюня мы, усиливъ себя значительно подкрѣпленіями, и не безъ опасенія за свои сообщенія слѣва и справа, приступили къ атакѣ передовыхъ верковъ.

Предположимъ, что попытка наша увѣнчалась бы успѣхомъ, и мы сдѣлались бы обладателями высотъ Квирике, Дегва и Цихисдзири (что стоило бы намъ громадныхъ потерь), — то, для прочнаго утвержденія на занятыхъ позиціяхъ и для движенія на Батумъ, какія силы потребовались бы вновь? При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что море оставалось бы въ рукахъ турокъ и что, пользуясь имъ, они могли подвезти изъ Константинополя, Трапезунда, Варны и др. пунктовъ большія силы, сосредоточить ихъ у Батума и, занявъ любой гребень передъ Батумомъ и сдѣлавъ его недоступнымъ, поставить новое препятствіе, или же, высадивъ ихъ въ любомъ мѣстѣ отъ Батума до Поти, угрожать нашимъ сообщеніямъ съ базой—Озургетами и, при помощи жителей Кобулетіи, совершенно насъ отрѣзать отъ Гуріи.

Вотъ чѣмъ рисковали бы мы по взятіи Батума, притягивая къ нему превосходныя силы и обрекая ихъ на долгую бездѣятельность.

Слѣдовательно самый рѣшительный успѣхъ на театрѣ Кобулетіи не окупилъ бы жертвъ времени и боевой дѣятельности многочисленнаго отряда.

Если же Батумъ не могъ быть окончательной цѣлью операціи отряда, то дѣйствія противу одного только Цихисдзири, по нашему крайнему разумѣнію, казалось бы намъ, имѣли уже слишкомъ мало основанія, тѣмъ болѣе, что наше присутствіе на Цихисдзири, купленное цѣной дѣятельности опять-таки весьма числительнаго отряда, все же не лишало Батума значенія пункта дебаркаціи. И мимо Цихисдзири, нами занятаго, безпрепятственно совершалась бы транспортировка турецкихъ войскъ къ Сухуму и куда угодно, въ раіонѣ побережья Кавказа.

Изложивъ всѣ доводы въ пользу оборонительнаго характера дѣйствій, въ виду достиженія рѣшительнаго успѣха на главномъ театрѣ и успѣшныхъ дѣйствій на ріонскомъ же театрѣ, я позволю себѣ сказать два слова о томъ, какова должна была бы быть организація обороны края и въ чемъ заключались бы для насъ мѣры для достиженія возможности ограничиться при оборонѣ наименьшими силами и для ослабленія вліянія чуждой и непривычной для нашего солдата природы края.

Все это разрѣшалось однимъ путемъ, — путемъ организаціи многочисленной гурійской милиціи.

Если турки съумѣли всю силу мѣстной обороны построить на вооруженномъ населеніи грузинъ-магометанъ, эксплоатируя ихъ прекрасныя боевыя качества, то и мы, имѣя ту же природу и та-

кихъ же прекрасныхъ воиновъ въ гурійцахъ православныхъ (давнишнихъ и заклятыхъ противниковъ своихъ соплеменниковъ-мусульманъ), не уступавшихъ кобулетцамъ ни въ умѣньѣ драться, ни въ личномъ мужествѣ, могли построить и свою оборону на ихъ вооруженныхъ массахъ, подкрѣпивъ ихъ горными орудіями и самымъ ограниченнымъ числомъ регулярной пѣхоты.

Полковникъ Казбекъ, въ томъ же очеркѣ, говоритъ, что въ день взятія турками форта св. Николая (съ 15-го на 16-е октября 1853 года) мы едва успѣли стянуть въ Гурію 2½ баталіона съ 4-мя орудіями, имѣя противъ себя почти 15,000-ный корпусъ Селима-паши.

Впослѣдствіи составъ гурійскаго отряда значительно увеличился, но все-таки до половины 1854 года оборона страны всей тяжестью легла на мѣстную милицію, которая съ честью вышла изъ борьбы.

Мы не безъ умысла остановились на значеніи милиціи во время прошлыхъ войнъ, прибавляетъ Казбекъ; надо думать, что для насъ было бы выгодно воспользоваться ею въ широкихъ размѣрахъ и при будущей войнѣ въ Ріонскомъ краѣ.

Для рекрутовъ изъ внутреннихъ губерній Россіи здѣсь нѣтъ почвы: природа страны съ ея рѣзкими климатическими условіями и перемѣнами пагубна для нихъ.

Здѣсь нужно организовать оборону на вооруженномъ народѣ, преданность котораго Россіи испытана. Вопросъ о милиціяхъ изъ туземцевъ особенно умѣстенъ теперь, когда на очереди стоитъ вопросъ о воинской повинности Закавказья.

Генералъ-маіоръ Краевичъ *) въ своемъ «Военномъ обозрѣніи Ріонскаго края», изданномъ въ 1870 году, упоминая о средствахъ для веденія войны, какія встрѣчаются въ самихъ жителяхъ, указываетъ на способность населенія къ образованію милиціи и описываетъ характеръ его.

По его словамъ, «способность къ аванпостной службѣ и дѣйствіямъ малой войны, воинственный духъ, привычка и умѣнье обращаться съ оружіемъ, знаніе и привычка къ горной мѣстности—дѣлаютъ изъ милиціи превосходное войско для выполненія всѣхъ дѣйствій до рѣшительной встрѣчи съ непріятелемъ; но и при столкновеніяхъ въ открытомъ бою, по крайней мѣрѣ съ турками, милиція, не смотря на неправильность строя, отсутствіе военнаго образованія, малаго знакомства съ требованіями дисциплины и, вообще, не смотря на свой главный характеръ, какъ войска ире-

*) Бывшій начальникъ штаба войскъ при Ріонскаго края.

гулярнаго, одерживала блестящія побѣды; примѣромъ можетъ служить Нигоитское дѣло.

Нужно воспользоваться военными способностями населенія, которое еще не отвыкло отъ оружія и радостно откликается на военный призывъ. Главный недостатокъ туземной милиціи—дурное оружіе *).

При вооруженіи современными ружьями изъ милиціи легко можно было бы образовать въ короткій срокъ корпусъ стрѣлковъ, который съ большимъ успѣхомъ могъ бы быть употребленъ не только для одной малой войны и аванпостной службы, но и въ дѣйствительныхъ сраженіяхъ, наравнѣ со стрѣлками регулярныхъ войскъ.

Нельзя сомнѣваться въ огромной пользѣ, которую туземная милиція можетъ принести при дѣйствіяхъ на пересѣченной и лѣсистой мѣстности и въ особенности въ горной войнѣ.

Было бы очень жаль, если-бы, при будущихъ военныхъ дѣйствіяхъ въ Ріонскомъ краѣ (генералъ Краевичъ говорилъ за шесть лѣтъ до минувшей кампаніи 1877—1878 годовъ) мы не воспользовались бы вполнѣ этимъ важнымъ средствомъ, представляемымъ страною для веденія войны. Въ кампанію 1854—1856 годовъ милиція относительно вооруженія довольствовалась собственными средствами; правда, не смотря на то, милиція всегда блистательно выходила изъ дѣла, но она имѣла противъ себя только турокъ, не превосходившихъ ихъ достоинствами своего вооруженія.

Другой недостатокъ милиціи—отсутствіе дисциплины.

Для ознакомленія милиціонеровъ съ дѣйствіемъ ихъ нарѣзнаго оружія и обращенія съ нимъ, для пріученія ихъ къ правильности въ дѣйствіяхъ, введенія и поддержанія въ нихъ строгой дисциплины, необходимо предварительно поручить дѣло военнаго образованія ихъ опытнымъ, хорошо знакомымъ съ дѣломъ, строевымъ офицерамъ, которые впослѣдствіи заняли бы мѣста дружинныхъ и сотенныхъ командировъ.

Исправное и своевременное довольствіе всѣмъ опредѣляемымъ по положенію, составляющее важное условіе для сохраненія постоянно бодраго нравственнаго духа, даже въ войскахъ регулярныхъ, дѣлается предметомъ первостепенной важности въ милиціонерныхъ войскахъ.

---

*) Въ минувшую кампанію 1-я дружина была вооружена винтовками Карля, а остальныя дружины, формировавшіяся въ концѣ войны—кремневыми.

Типы Гурійскихъ милиціонеровъ.

Казенное содержаніе составляетъ важную причину поступленія въ милицію, по крайней мѣрѣ для большинства.

Какъ бы хорошо ни была милиція вооружена и обучена, она далеко не принесетъ всей той пользы, которую отъ нея можно ожидать, если въ ней не будетъ введено строжайшаго контроля за тѣмъ, чтобы все отпускаемое отъ казны доходило до милиціонеровъ сполна.

Неисправное полученіе содержанія, какъ ясно доказываетъ опытъ, будетъ имѣть прямое вліяніе на дисциплину и сдѣлаетъ милицію, при всѣхъ ея достоинствахъ, слабой тѣнью того, чѣмъ она могла бы быть при другихъ условіяхъ.

Всѣ причины деморализаціи вообще дѣйствуютъ въ милиціи сильнѣе, чѣмъ въ регулярныхъ войскахъ, и потому, тѣмъ болѣе, нужно озаботиться принятіемъ дѣятельныхъ мѣръ къ устраненію этихъ причинъ.

При формированіи милиціи необходимо различать два ея рода: постоянную милицію, правильно организованную, хорошо вооруженную, и, насколько то возможно, обученную правильнымъ дѣйствіямъ; она должна постоянно находиться въ составѣ арміи *); другую милицію — мѣстную, составленную изъ жителей тѣхъ мѣстностей, въ которыя вошелъ непріятель, или куда можно ожидать его вторженія, и формируемую, главнымъ образомъ, для защиты этихъ мѣстностей **). Снабженія этого рода милиціи отъ казны могутъ быть ограничены отпускомъ огнестрѣльныхъ припасовъ и отчасти оружія.

Польза употребленія хорошо устроенной милиціи дѣлается ощутительной съ первыхъ моментовъ войны.

Значительное протяженіе нашей внѣшней границы и необходимость обезпеченія страны отъ вторженія непріятельскихъ партій и малыхъ отрядовъ, съ цѣлью грабежа и увода плѣнныхъ, будутъ причиной растянутости нашего первоначальнаго расположенія.

Очевидно, что такое расположеніе въ болѣе или менѣе значительныхъ размѣрахъ милиціи, постоянной и мѣстной, будетъ вполнѣ сообразно съ обстоятельствами. Если эти милиціи будутъ правильно организованы, снабжены нарѣзнымъ оружіемъ и ввѣрены избраннымъ офицерамъ, то можно быть вполнѣ увѣреннымъ, что онѣ прекрасно выполнятъ свое назначеніе.

---

*) Чему отвѣчаютъ современныя дружины.

**) Ополченіе или просто «вооруженіе народа» для обороны своей страны.

Такимъ образомъ, на долю регулярныхъ войскъ выпадетъ занятіе лишь нѣкоторыхъ центральныхъ пунктовъ на главныхъ путяхъ, по которымъ съ большею или меньшею вѣроятностью можно ожидать наступленія непріятеля».

Тѣ изъ мѣстныхъ собственниковъ-землевладѣльцевъ, которые, по своему положенію, происхожденію и вліянію въ краѣ, назначались, въ силу обычая, начальниками дружинъ, далеко не были на высотѣ своего призванія и желательно было бы, чтобы въ головѣ дружинъ, хотя и становились грузины (въ обширномъ смыслѣ слова), но люди военные и по образованію, и по службѣ, а такихъ въ корпусѣ офицеровъ-грузинъ болѣе чѣмъ достаточно, и ничто не обязываетъ, чтобы во главѣ дружинъ были непремѣнно мѣстныя вліятельныя (гурійскія) лица. Конечно, если послѣднія обнаружатъ и военное образованіе, и знаніе службы, то дѣло можетъ еще болѣе выиграть; но если ничего этого не будетъ, то тогда традиціонное назначеніе таковыхъ лицъ будетъ просто то же старинное мѣстничество, и прекрасныя военныя качества гурійскихъ дружинъ окажутъ сравнительно ничтожную услугу.

Въ войнахъ 1829—1853—1855 годовъ, сравнительно съ минувшей кампаніей, организація милиціи являлась въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, такъ въ 1829 году въ отрядѣ генерала Гессе милиція составляла болѣе половины всего отряда *).

Въ минувшую войну мы имѣли до 12-го іюня одну 4-хъ-сотенную дружину, составлявшую $^1/_{30}$—$^1/_{35}$ часть всего отряда, вооруженную вдобавокъ ружьями Карля.

Послѣ 12-го іюня сформирована была 2-я дружина, оставшаяся при своихъ кремневыхъ ружьяхъ, и которая ни по эпохѣ своего сформированія, ни по степени готовности, ни по вооруженію никакой существенной пользы принести не могла.

Что же касается до характера самихъ оборонительныхъ дѣйствій, то въ томъ же «Военномъ обозрѣніи Ріонскаго края» генерала Краевича указаны и средства, и способы.

По словамъ автора, по незначительности нашихъ морскихъ средствъ, отсутствію укрѣпленныхъ пунктовъ на морскомъ берегу и возможности обстрѣливанія этого послѣдняго по всему его протяженію съ моря изъ орудій большаго калибра, мы не можемъ съ успѣхомъ противодѣйствовать высадкѣ непріятельскихъ войскъ.

---

*) При 1216 человѣкъ регулярной пѣхоты было 1315 человѣкъ милиціи; да такое же ея количество было разсыпано по границѣ.

Съ появленіемъ непріятельскаго флота на Черномъ морѣ, мы должны будемъ отказаться отъ обороны какой бы то ни было части морскаго берега *).

Наибольшее значеніе въ военномъ отношеніи имѣютъ для насъ тѣ пункты морскаго берега, къ которымъ выходятъ дороги извнутри страны, такъ какъ эти послѣднія немногочисленны и, пролегая по мокро лѣсистому, частью болотистому, пространству передней части большой равнины, представляютъ единственные пути для наступленія непріятеля.

Пути эти слѣдуютъ теченію рѣкъ и всѣ имѣютъ характеръ дефиле. Такіе пункты, начиная съ сѣвера: м. Анаклія, при устьѣ: Ингура, Редутъ-Кале, Хопи, Поти, Молтаквы, м. Григорети, при устьяхъ: Супсы, Сепы, Николаевскъ и Натанеби.

Такимъ образомъ, непріятель можетъ безпрепятственно занять любой пунктъ на Черноморскомъ прибрежьѣ, но дальнѣйшее движеніе его въ страну обставлено неблагопріятными обстоятельствами, такъ какъ оно должно производиться по немногимъ болотисто-лѣснымъ дефиле, представляющимъ весьма важныя выгоды для обороны.

Резюмируя все сказанное въ воспоминаніяхъ и приведенныхъ выводахъ и заключеніяхъ, мы позволимъ себѣ высказать слѣдующія положенія:

Лучшій способъ дѣйствій на ріонскомъ театрѣ, въ виду данныхъ условій, былъ бы чисто оборонительный, и оборона должна была бы быть построена на самозащитѣ вооруженнаго народа, которому надлежало придать только саперъ и горную артилерію и въ самомъ ограниченномъ числѣ регулярную пѣхоту. Милиціи должны были бы имѣть во главѣ своихъ дружинъ хорошихъ строевыхъ начальниковъ и поголовно вооружены ружьями Бердана. Также полезна была бы организація позиціонной полевой артилеріи на подобіе Озургетской мѣстной батареи, но только въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Значеніе милиціи изъ православныхъ христіанъ гурійцевъ имѣетъ особенное значеніе теперь, когда, съ присоединеніемъ Батумской области мы имѣемъ на порубежной границѣ нашихъ владѣній съ Турціей, на своей територіи, воинственное, полное воспоминаніями о прошлой независимости, мусульманское населеніе.

*) Это говорилось, когда мы не имѣли на Черномъ морѣ никакихъ вооруженныхъ силъ.

Для успѣха будущихъ нашихъ операцій на Черноморскомъ прибрежьѣ, необходимо: во-первыхъ, обладаніе моремъ; содѣйствіе флота упроститъ, удешевитъ и обезпечитъ успѣхъ операцій самымъ надежнымъ образомъ. Владѣющій моремъ пользуется кратчайшими, удобнѣйшими, безопасными и всегда исправными путями сообщеній (дѣйствуя какъ бы по внутреннимъ операціоннымъ линіямъ, кратчайшимъ иногда уже только въ смыслѣ времени и удобствъ); во-вторыхъ, устройство въ Батумѣ сильнаго опорнаго пункта—основанія дѣйствій (базы), путемъ сосредоточенія туда значительныхъ запасовъ; въ-третьихъ, стратегическая подготовка театра войны, устройство многочисленныхъ сообщеній, надежныхъ—шоссе и складочныхъ пунктовъ (магазиновъ) на узлахъ сообщеній, соображаясь съ богатствомъ сельскаго хозяйства того или другаго участка (въ Гуріи есть мѣста, гдѣ богато родится по преимуществу кукуруза; въ Кобулетіи—мѣста, гдѣ родится ячмень и сѣно, тоже и въ Аджаріи); въ четвертыхъ, организація отряда въ обширномъ значеніи слова и во всѣхъ ея отдѣлахъ должна строго соображаться съ природой края, мѣстными требованіями и характеромъ предстоящихъ военныхъ дѣйствій, а потому при организаціи отряда должны быть приложены слѣдующія положенія: а) отрядъ долженъ состоять, по преимуществу, изъ людей привычныхъ къ природѣ края, т. е. изъ туземцевъ Гуріи, Мингреліи и Имеретіи и черноморскихъ пластуновъ; б) въ составѣ отряда первенствующимъ элементомъ должна явиться пѣхота,—легкая, привычная къ мѣстности; в) организація артилеріи должна строго отвѣчать мѣстнымъ требованіямъ. Въ краѣ колесный обозъ нигдѣ не употребляется: транспортировка всякихъ тяжестей производится на вьюкахъ, не только вслѣдствіе отсутствія дорогъ, или преимущества горныхъ дорогъ (тропъ), а вслѣдствіе постоянной распутицы. Но это не исключаетъ колесный обозъ вовсе изъ употребленія: таковой можетъ двигаться по шоссе и по грунтовымъ дорогамъ, но только въ извѣстное время года. На основаніи всего вышесказаннаго, по нашему разумѣнію, артилерія должна быть двухъ типовъ: первый типъ артилеріи долженъ отвѣчать требованію, сопровождать нѣкоторыя колонны и команды всюду, по всякаго рода мѣстности и во всякое время года; такому требованію отвѣчаетъ вьючная, горная артилерія, которая должна явиться преобладающей (отъ четырехъ до пяти батарей въ бригадѣ); горная артилерія для всѣхъ операцій играетъ роль полевой. Обратимъ вниманіе, что ящики горной артилеріи могли бы возиться также на черводарскихъ лошадяхъ, вполнѣ приспособленныхъ и приноровленныхъ къ пере-

возкѣ всякихъ тяжестей, а сами черводары искусны ко всякаго рода вьючкѣ. Былъ бы весьма интересенъ опытъ комплектованія горной батареи изъ туземцевъ; среди гурійцевъ не рѣдкость люди съ замѣчательно острымъ зрѣніемъ—прекрасный элементъ наводчиковъ. Смѣтливость, природный умъ, способности, хорошее зрѣніе, умѣнье съ дѣтства обращаться съ вьюками дѣлала ли бы изъ гурійцевъ, да и вообще изъ грузинъ, прекрасныхъ горныхъ артилеристовъ. Офицеры-артилеристы изъ грузинъ имѣются въ кавказской арміи болѣе, чѣмъ въ достаточномъ количествѣ; второй типъ артилеріи назначается для мѣстной службы—усиленія важнѣйшихъ пунктовъ или подвижной (условимся такъ называть этотъ типъ), т. е. для сосредоточенія (по времени года и обстоятельствамъ) на пунктахъ, откуда потребуется дѣйствіе или по непріятельскому флоту, или по непріятельскому укрѣпленію. Пояснимъ это примѣромъ изъ прошлой кампаніи. Горная артилерія могла сопровождать колонны и 12-го, и 13-го апрѣля, и если-бы въ составѣ колоннъ была многочисленная горная артилерія, или вѣрнѣе, если-бы сопровождавшая ихъ артилерія была горная, то колонны утромъ 13-го овладѣли бы Муха-Эстате, а 14-го, поддерживаемыя многочисленными горными орудіями, могли бы двигаться и на Хуцу-Убани, но съ полевой (колесной) артилеріей такія быстрыя движенія немыслимы. 12-го апрѣля полевая артилерія отряда застряла у Богильской топи, весь день 13-го она только переправлялась и только 14-го состоялось трудное движеніе на Муха-Эстате, но втащить эту артилерію туда можно было по дорогамъ, которыя поспѣли только къ 16 апрѣля. Выходило, что мы возились съ полевой артилеріей, какъ обыкновенно возятся съ осадной. Сама горная природа края, въ своихъ требованіяхъ, раздѣлила нашу артилерію на двѣ группы: на горную, сопровождавшую войска, и полевую, постоянно и сильно отстававшую и нарушавшую въ конецъ порядокъ, быстроту и успѣхъ операцій. г) Организація снабженія войскъ боевыми припасами вообще и организація парковъ въ частности сводится къ самому широкому употребленію вьючнаго способа перевозки, т. е., что возка патроновъ въ войскахъ и патроновъ и снарядовъ въ паркѣ должна производиться на вьюкахъ, но скажемъ—не исключительно; еще лучше было бы, чтобы колесный паркъ заключалъ въ себѣ всѣ средства для превращенія въ вьючный, оставляя ящики на главной базѣ или одной изъ промежуточныхъ базъ, что сводилось бы къ дѣленію нормальнаго парка: на летучій (вьючный) и временно-подвижной; хотя при этихъ условіяхъ наличный составъ лошадей заберетъ съ

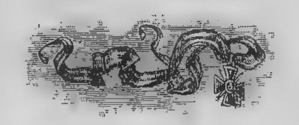
собой всего только извѣстную часть снарядовъ, которые онъ возитъ «на ходахъ», но можетъ за то дѣлать нѣсколько рейсовъ, а главное, что никакая распутица и никакая вьючная тропа не остановитъ тогда снабженія. Надо помнить, что при операціяхъ на подобнаго рода мѣстности бываютъ эпохи, когда колесныя сообщенія прекращаются надолго, и тогда лошади остаются на мѣстѣ безъ всякой пользы, въ ожиданіи или устройства дорогъ, или перемѣны погоды. Послѣднее обстоятельство особенно надо помнить также и при организаціи обозовъ. д) Организація обозовъ также должна быть примѣнительна къ вышесказаннымъ мѣстнымъ требованіямъ и способамъ, вѣками здѣсь практикующимся. Вьючный обозъ весьма легко и охотно поставляется населеніемъ и въ какомъ угодно количествѣ. Обширное примѣненіе черводарскихъ транспортовъ не исключаетъ однако употребленія и колеснаго обоза, такъ какъ въ извѣстное время года или при случайномъ сухомъ времени помощью колеснаго обоза можно разомъ подвезти съ базы большое количество запасовъ. Въ-пятыхъ, при организаціи войскъ, коимъ ввѣряется служба въ тылу, надо воспользоваться опять тѣмъ же единовѣрнымъ населеніемъ, формируя дружины изъ семейныхъ и старыхъ туземцевъ. Вообще широкое употребленіе милиціи дало бы возможность ввѣрить имъ охрану и тыла, и сообщеній, — послѣднихъ въ широкомъ значеніи слова. Въ-шестыхъ, снаряженіе войскъ слѣдовало строго подчинить мѣстнымъ условіямъ, имѣя образцы въ снаряженіи гурійскаго милиціонера по вѣковому опыту. О деталяхъ снаряженія мы неоднократно упоминали въ воспоминаніяхъ. Въ-седьмыхъ, отмѣтимъ, что въ устройствѣ биваковъ и лагерей надо ввести въ обычай строгій порядокъ и чистоту, особенно отхожихъ мѣстъ; наши биваки и лагери въ самое непродолжительное время превращаются въ мѣста съ воздухомъ, зараженнымъ зловоніемъ. Турки, и особенно кобулетцы, напротивъ, поддерживаютъ на своихъ стоянкахъ образцовую чистоту и порядокъ и нигдѣ даже въ сторонѣ отъ биваковъ ихъ не увидишь и слѣда нечистотъ, производимыхъ человѣкомъ; каждый снабженъ маленькой лопаткой, которой и зарываетъ изверженіе. Тотъ же обычай чистоты соблюдается и гурійцами.

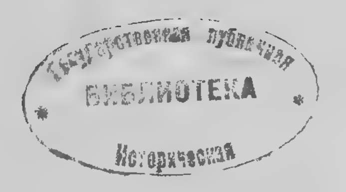
Для южнаго климата это обстоятельство имѣетъ первостепенное значеніе.

Отмѣтимъ также и необходимость формированія изъ частей охотничьихъ партизанскихъ командъ, парализующихъ вредное значеніе скрытой и пересѣченной мѣстности. Нечего и говорить, что охотничьи команды, расположенныя бродить въ лѣсу, сто-

рожить ночью и т. д., гораздо лучше исполнятъ свое дѣло, чѣмъ выдѣленныя для этого спеціально цѣлыя части, уже только потому, что первыя сами охотно вызываются на такую службу, а слѣдовательно въ этого рода дѣятельности приложатъ сердечное къ ней расположеніе.

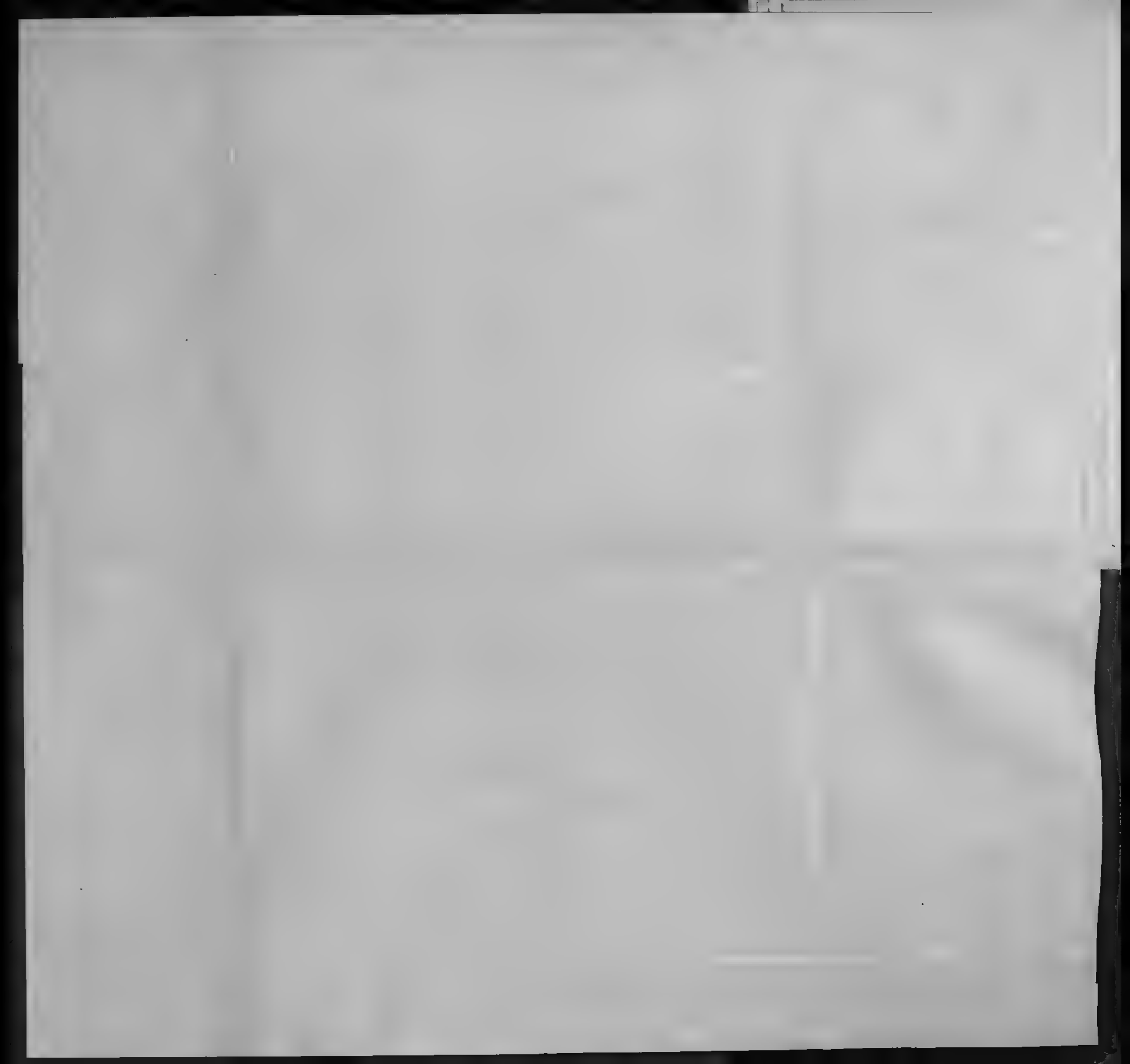
Замѣтимъ также изъ дѣятельности пластуновъ отряда, въ операціяхъ нецѣлесообразное ихъ употребленіе цѣлымъ баталіономъ.

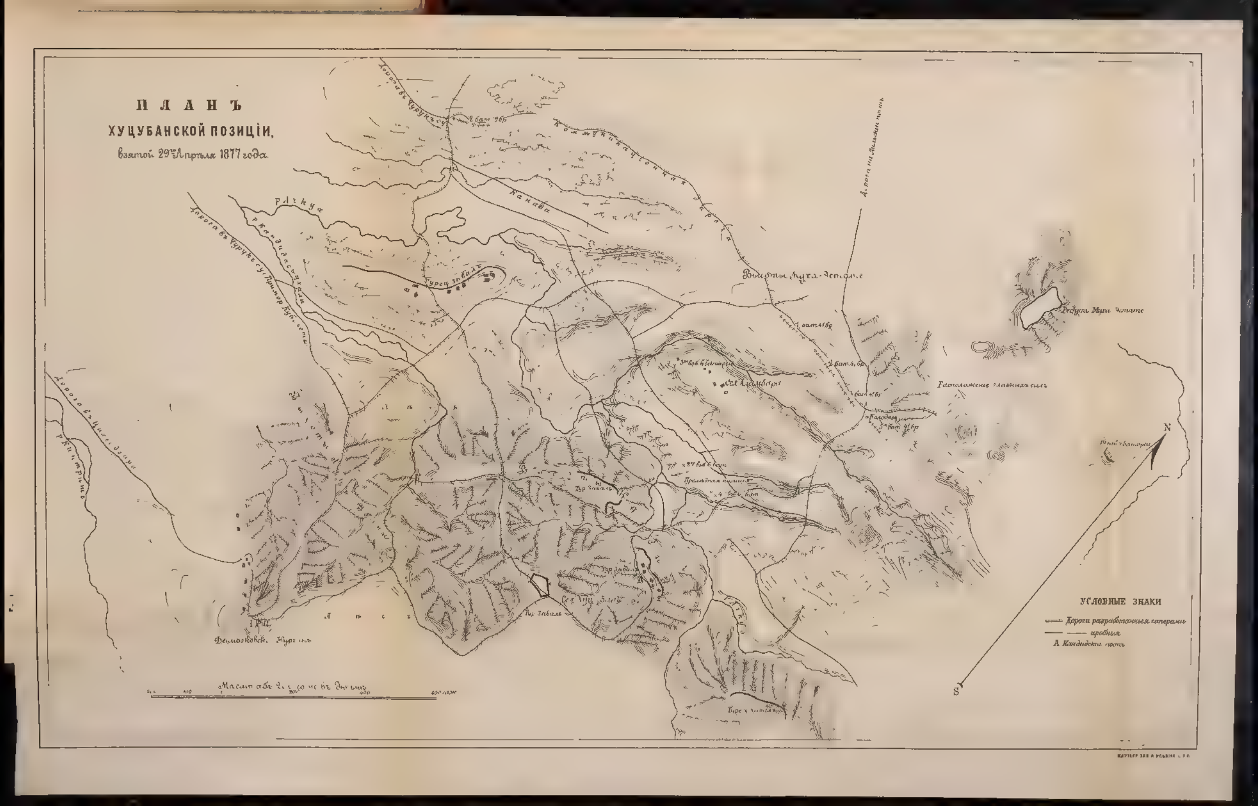

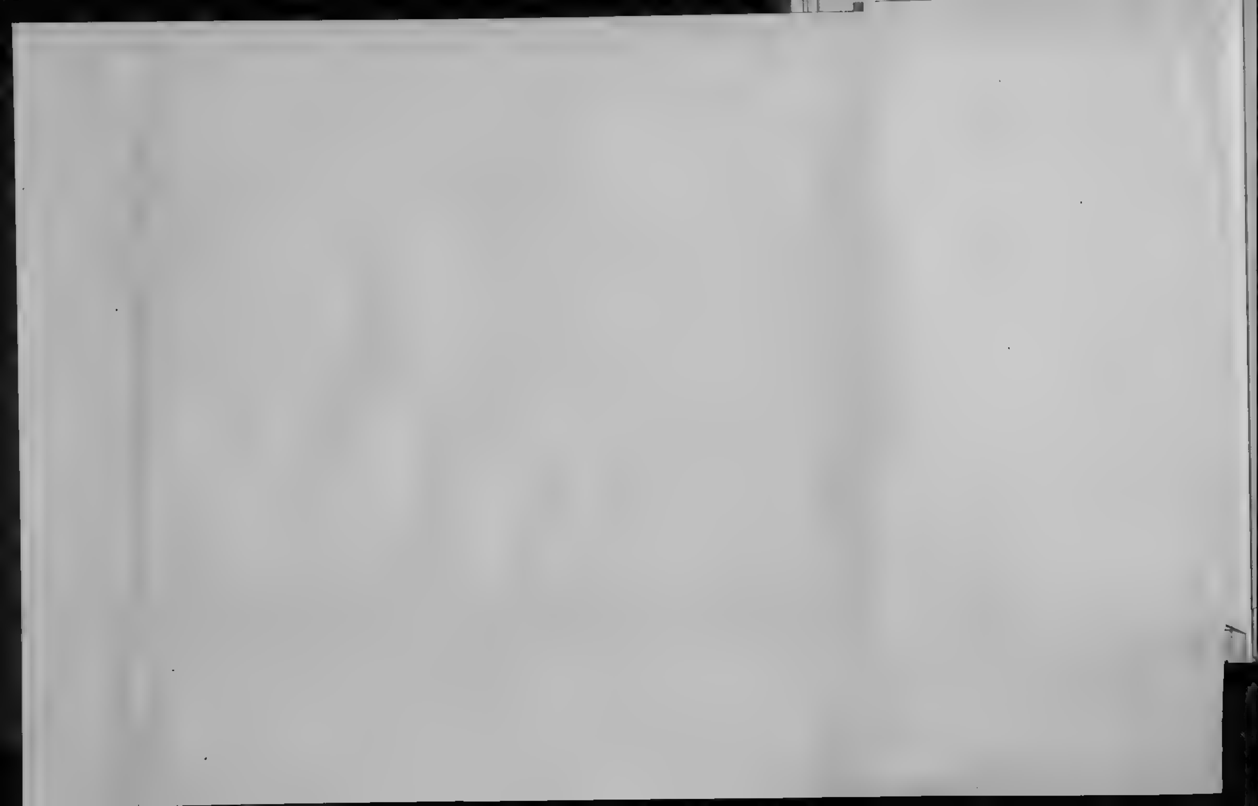

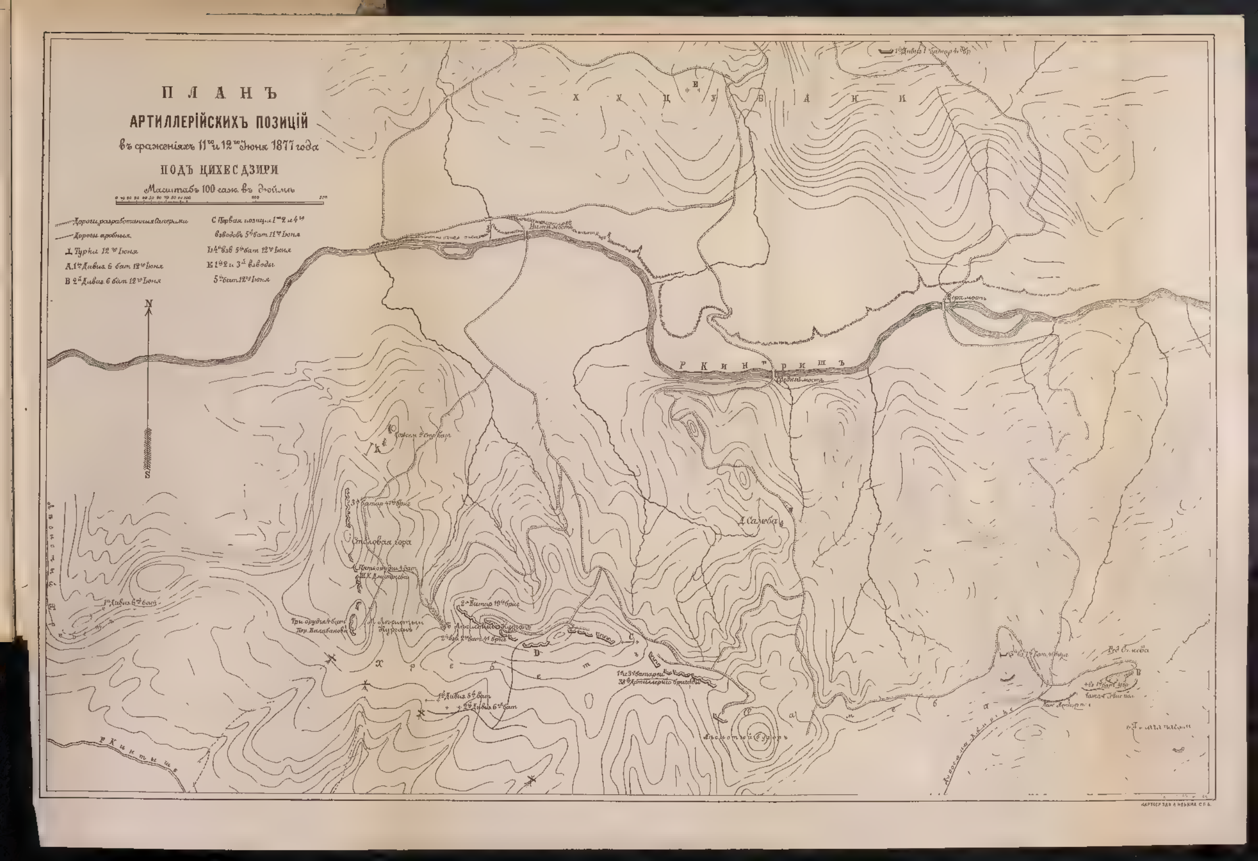

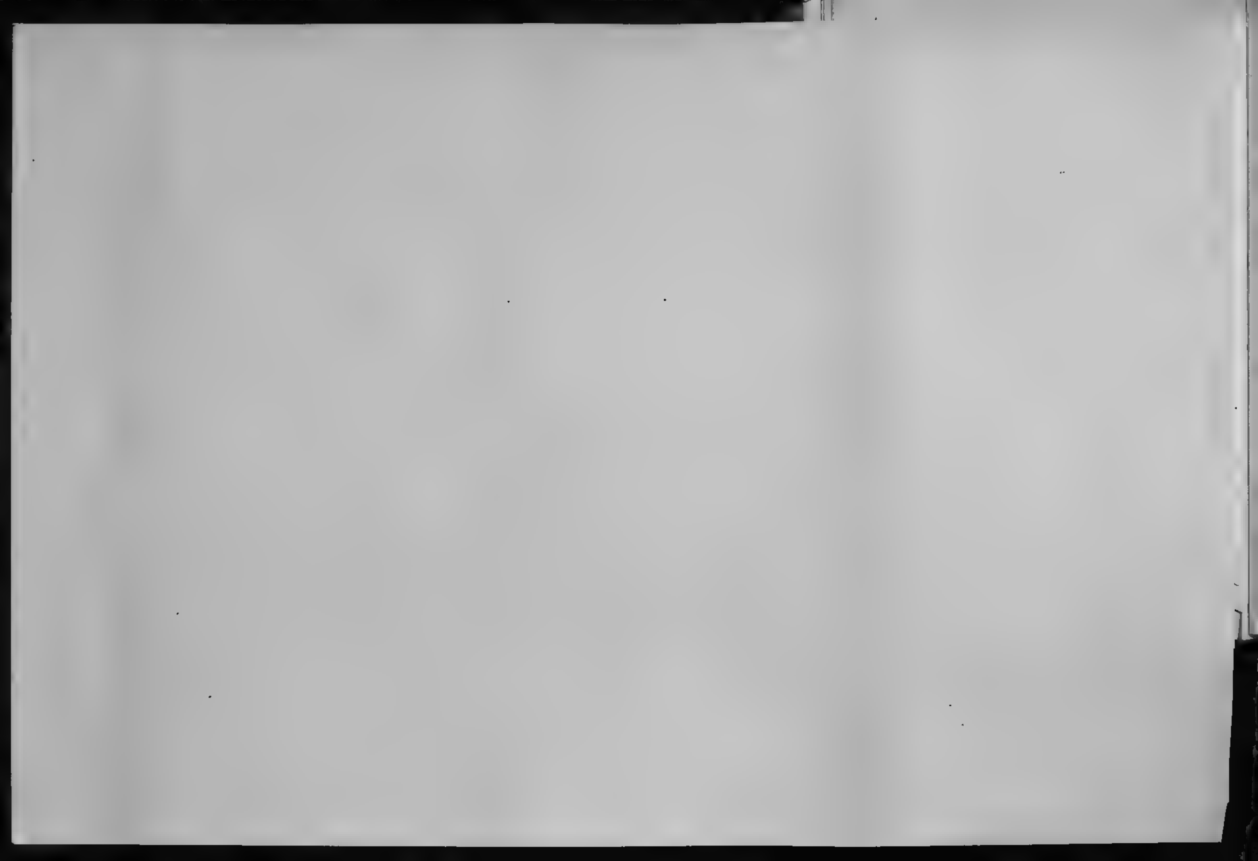
ПЛАНЪ
Кобулетскаго отряда.
Масштабъ въ дюймѣ 500 саженъ

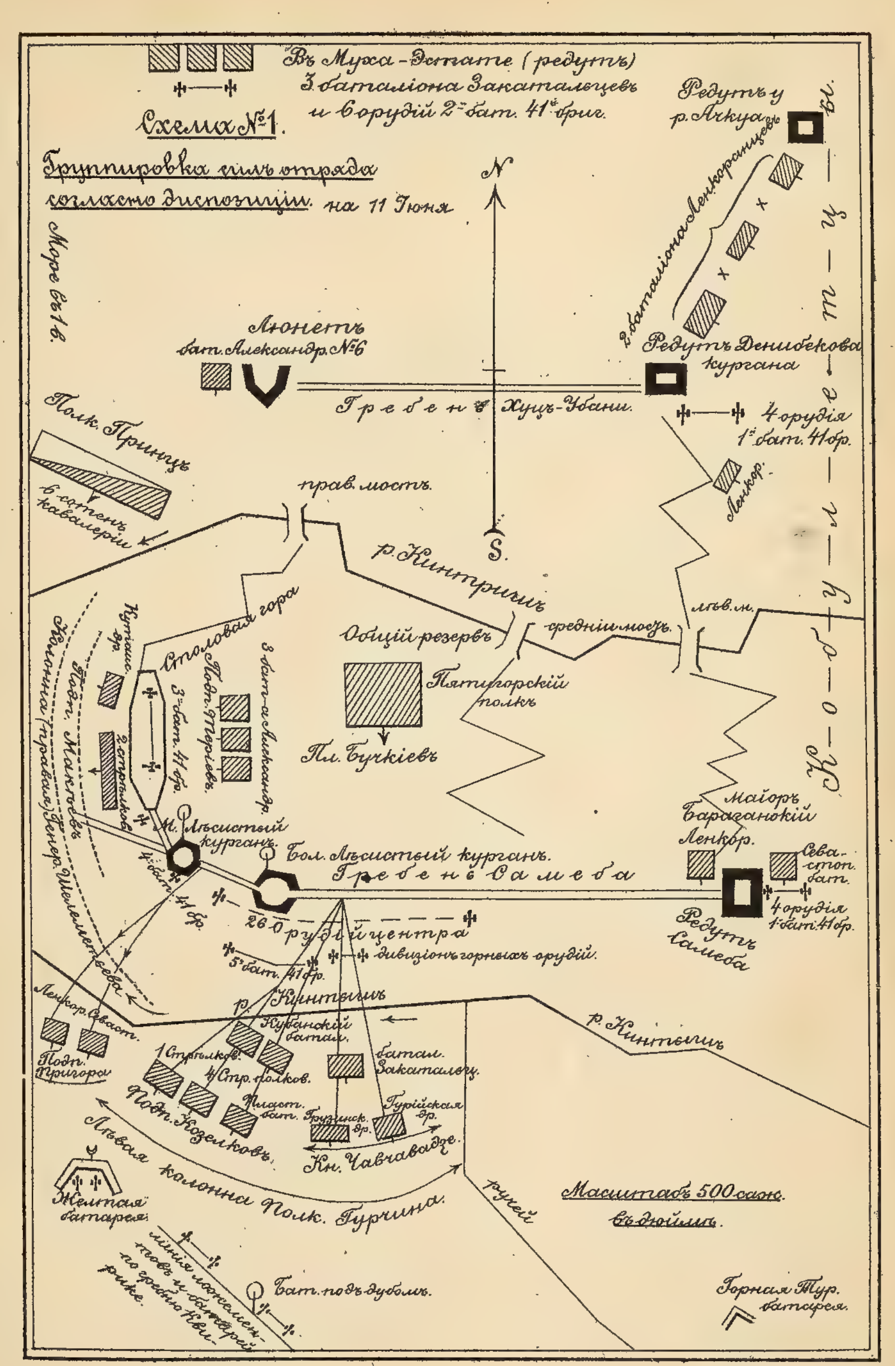

ПЛАНЪ
ХУЦУБАНСКОЙ ПОЗИЦІИ,
взятой 29го Апрѣля 1877 года.
Канава
Редутъ Муха-Эстате
Расположение главныхъ силъ
Тур. завалъ
УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ
Дороги разработанныя саперами
N
S

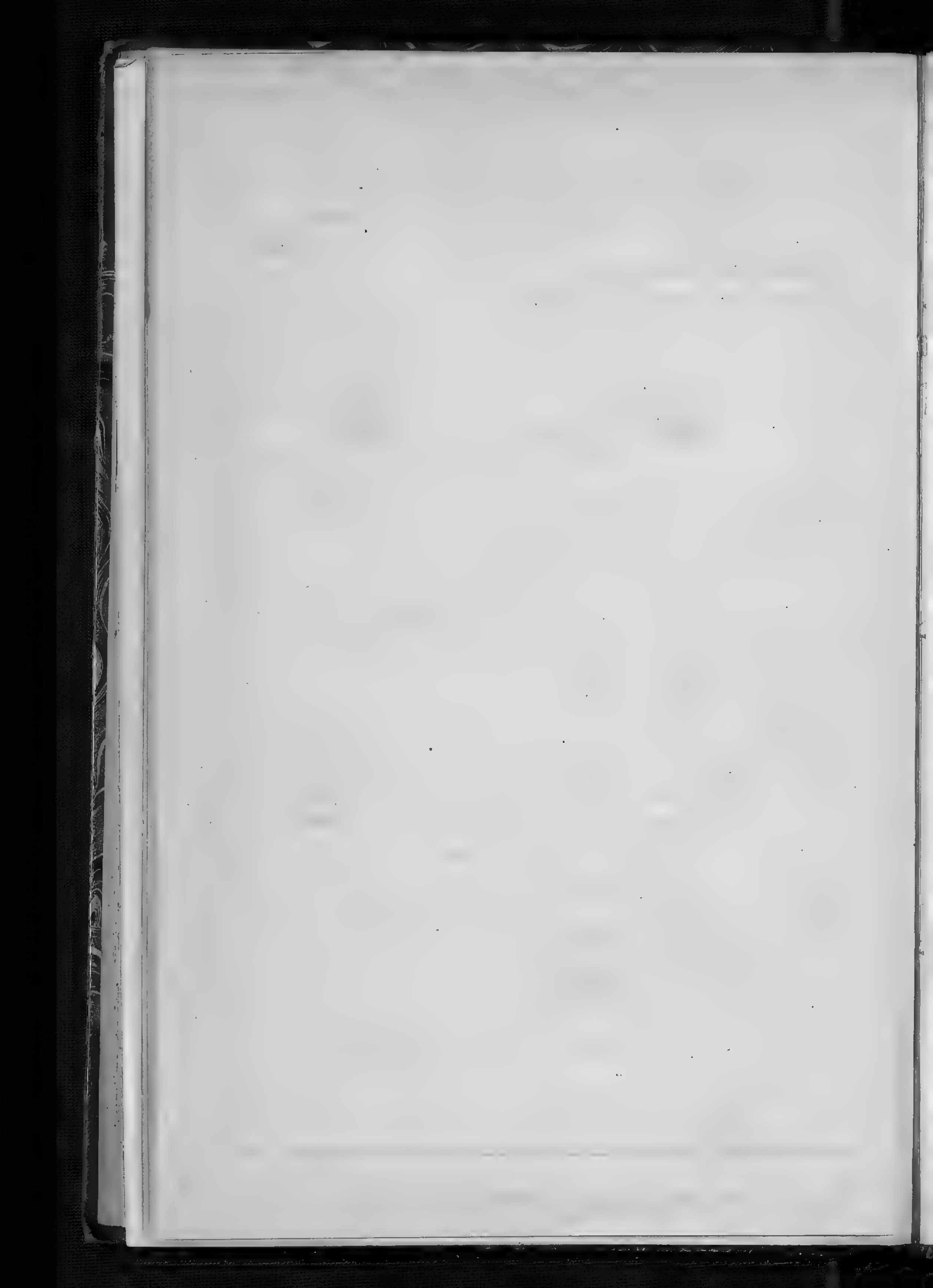

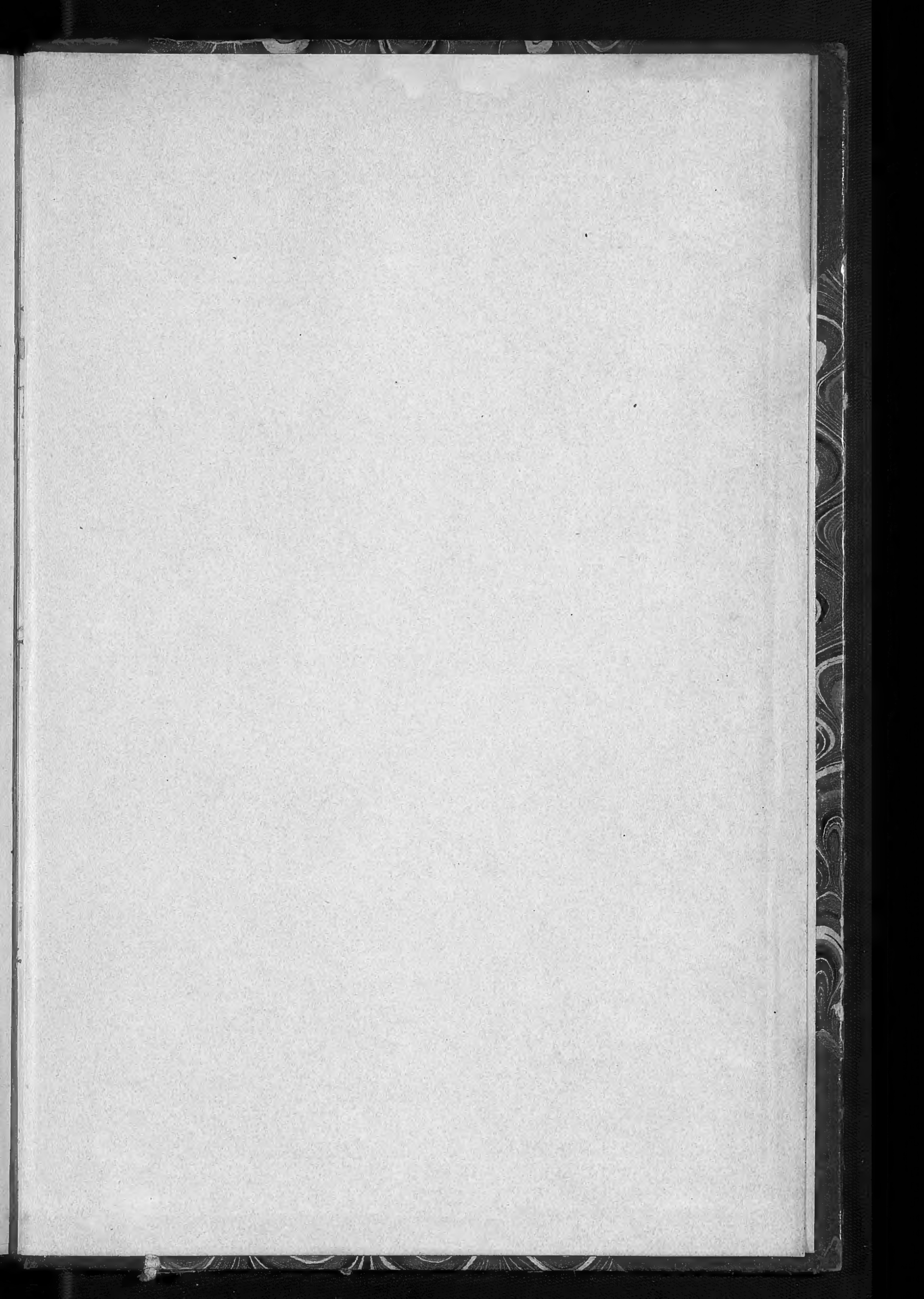

ПЛАНЪ
АРТИЛЛЕРІЙСКИХЪ ПОЗИЦІЙ
въ сраженіяхъ 11го и 12го Іюня 1877 года
ПОДЪ ЦИХЕС ДЗИРИ
Масштабъ 100 саж. въ дюймъ
Дороги, разработанныя саперами
Дороги вьючныя
С Первая позиція 1го 2 и 4го взводовъ 5й бат. 11го Іюня
А. 1й Дивиз. 6 бат. 12го Іюня
В 2й Дивиз. 6 бат. 12го Іюня
Е 1й 2 и 3й взводы 5й бат. 12го Іюня
N
S
Р. Кинтришъ
Средній мостъ
Нижній мостъ
Верх. мостъ
Д. Самеба
Столовая гора
Хрeбетъ
Р. Кинтрише

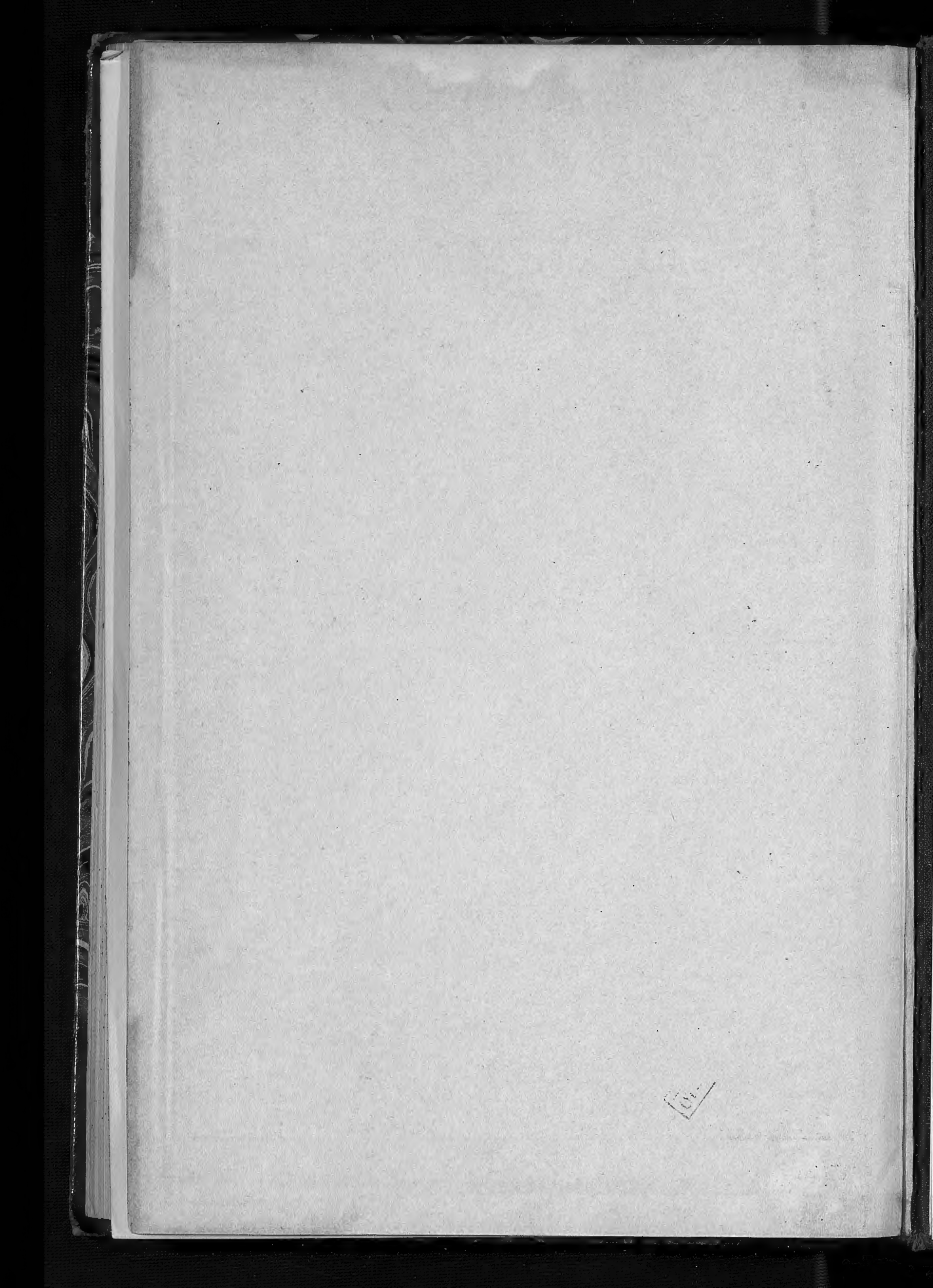

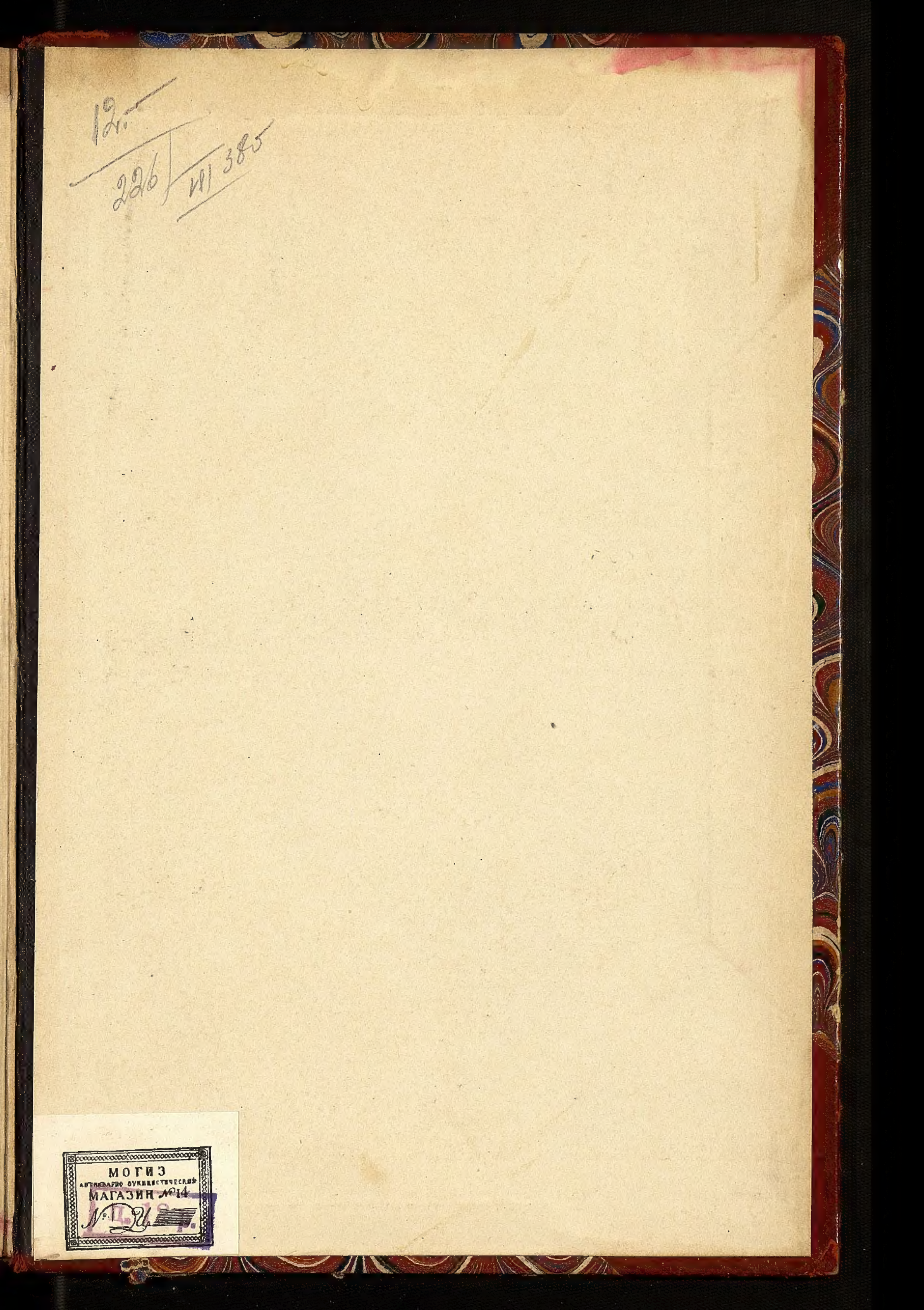

Въ Муха-Эстате (редутъ) 3 баталіона Закатальцевъ и 6 орудій 2-й бат. 41-й бриг.
Схема №1.
Группировка силъ отряда согласно диспозиціи на 11 Іюня
Море въ 1 в.
Редутъ у р. Ачкуа
2 баталіона Ленкоранцевъ
N
S
Люнетъ
бат. Александр. №6
Гребень Хуцъ-Убани.
Редутъ Денибекова кургана
4 орудія 1-й бат. 41 бр.
Полк. Принцъ
6 сотенъ кавалеріи
прав. мостъ.
Ленкор.
р. Кинтришъ
Столовая гора
средніи мостъ.
лѣв. м.
Общій резервъ
Пятигорскій полкъ
Пл. Бучкіевъ
3-я бат. 41 бр.
Подп. Теріевъ
3 бат-и Александр.
Подп. Маклѣевъ
Колонна (правая) Генер. Шелеметьева
2 стрѣлков.
М. Лѣсистый курганъ
Бол. Лѣсистый курганъ.
Гребень Самеба
маіоръ Бараганскій
Ленкор.
Севастоп. бат.
Редутъ Самеба
4 орудія 1 бат. 41 бр.
4 бат. 41 бр.
26 орудій центра
дивизіонъ горныхъ орудій.
5-я бат. 41 бр.
р. Кинтишъ
Ленкор. Севаст.
Подп. Пригора
Кубанскій батал.
1 Стрѣлков.
4 Стр. полков.
батал. Закатальцу.
Пласт. бат.
Грузинск. др.
Гурійская др.
Подп. Козелковъ
Кн. Чавчавадзе.
р. Кинтишъ
Лѣвая колонна Полк. Гурчина.
Желтая батарея
ручей
Масштабъ 500 саж. въ дюймѣ.
линія постовъ и батарей по гребню Квирике.
Бат. подъ дубомъ.
Горная Тур. батарея.
КАРТОГР. ЗАВ. А. ИЛЬИНА С.П.Б.

12
226 | И1 385
МОГИЗ
АНТИКВАРНО БУКИНИСТИЧЕСКИЙ
МАГАЗИН № 14

